

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ДЖОНЪ СТИУАРТЪ МИЛЛЬ.

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

съ
нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной
философіи.

ПЕРЕВОДЪ
Александра Миклашевскаго.

ИЗДАНИЕ К. Т. СОЯДАТЕНКОВА.

Цѣна 1 рубль.

ВЫПУСКЪ ІV.

МОСКВА.

Типо-Лит. О. Е. Дашковскій & К^о. Москва, Тверская, д. Салтыковского подлѣва.
1895.

Джонъ-Стюартъ Милль.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ.

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

Редакция: *М. Щепкинъ. — И. Вернеръ.*

Въключи:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Т. Р. Мальтусъ.

Печатаются:

Иеремія Бентамъ.

Д. Юмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ*).

	<i>Стр.</i>
Джонъ Стюартъ Милль, біографическій очеркъ, составленный А. Миклашевскимъ . . .	VII—LXXI
Предисловіе Д. С. Милля . . .	LXXII—LXXV
<i>Вступленіе.</i> Предметомъ политической эконо- міи служить богатство	1—39

КНИГА I.

Производство.

Глава I. — <i>Элементы производства.</i> Значеніе или функція труда въ производствѣ	40—46
Глава II. — <i>Трудъ, какъ дѣятель производ- ства</i>	47—50
Глава III. — <i>О трудѣ непродуцительномъ.</i> Трудъ не производитъ продуктовъ, но	

*) Въ этомъ оглавленіи указаны только параграфы, сохраненные почти вполнѣ, но въ отмѣчаемыхъ главахъ затронуты (въ сокращеніи) и другіе разбираемые Миллемъ вопросы. См. полное оглавленіе въ концѣ книги. Настоящее русское изданіе составлено и переведено нами съ послѣдняго англійскаго изданія „Основаній“ (1892), составляющаго точнѣйшую перепечатку 6-го изданія, начиная съ котораго авторъ уже не дѣлалъ болѣе никакихъ измѣненій. Французскія изданія Роке

полезности. Полезности бывают трех видовъ. Производителнымъ трудомъ называется такая дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ	58—61
Глава IV. —Капиталъ	62—64
Глава V. — <i>Основные теоремы относительно капитала.</i> Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Возрастаніе капитала даетъ для труда увеличеніе занятій, не имѣющее границъ. Капиталъ—результатъ сбереженія. Всякій капиталъ потребляется. Капиталъ поддерживается не черезъ сохраненіе, а черезъ постоянное воспроизводство. Отчего страны быстро оправляются послѣ опустошеній? Спросъ на товары не есть спросъ на трудъ	65—101
Глава VI — <i>О капиталѣ основномъ и оборотномъ.</i> Что такое основной капиталъ? Возрастаніе основного капитала за счетъ оборотнаго можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ. Вредное вліяніе усовершенствованій, хотя и встрѣчается, но весьма рѣдко	102—118

мы почти не пользовались и внесли въ наше изданіе тѣ части трактата Д. С. Милля, которыя казались намъ наиболее важными. Недостатокъ отведеннаго намъ мѣста побуждалъ многое опустить, многое дать только въ сжатомъ изложеніи, пользуясь при этомъ, однако, почти исключительно подлинной фразеологіей самаго Д. С. Милля. Признательный переводъ А. М.

КНИГА II.

Распределение.

- Глава I.— *Собственность*. Критика коммунизма. Критика Сень-Симонизма и Фурьеризма. Продолжение о томъ же предметъ. Наслѣдованіе. Завѣщаніе. Еще нѣкоторыя соображенія . . . . . 119—171
- Глава III.— *Классы, между которыми раздѣляется продуктъ*. Иногда продуктъ раздѣляется между тремя классами. Иногда продуктъ достается одному классу, а иногда и двумъ . . . . . 172—177
- Глава IV.— *Соперничество и обычай*. Соперничество не является единственнымъ регуляторомъ раздѣла продукта. Вліяніе обычая на ренту и на наемъ земли. Вліяніе обычая на дѣны . . . . . 178—187
- Глава XI.— *О заработной платѣ*. Заработныя платы зависятъ отъ предложенія труда и спроса на него или отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Разборъ нѣкоторыхъ распространенныхъ мнѣній относительно заработной платы. Надлежащая задержка въ размноженіи населенія является единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе рабочихъ классовъ . . . . . 188—201
- Глава XV.— *О прибыляхъ*. Прибыль распадается на три части. Прибыль стремится къ равенству. Прибыль не зависитъ отъ цѣны и не составляетъ результата покупокъ и продажъ. Затраты

капиталиста заключаются въ платежѣ заработныхъ платъ. Норма прибыли за- виситъ отъ стоимости труда	202—225
Глава XVI. — <i>О рентѣ.</i> Рента — результатъ естественной монополіи. Какая земля дастъ ренту? Рента не входитъ въ сто- имость производства земледѣльческаго продукта	226—235

КНИГА III.

Обиѣнъ.

Глава I. — <i>О цѣнности.</i> Предварительныя за- мѣчанія	236—239
Глава VI. — <i>Краткій обзоръ теоріи цѣнностей.</i> Какъ измѣняется теорія цѣнности, когда работники занимаются производ- ствомъ лишь для собственнаго сущест- вованія	240—249
Главы XVII и XVIII. — <i>Международная тор- говля и международная цѣнность.</i> Стои- мость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнно- стей. Цѣнность товаровъ междуна- роднаго рынка зависитъ отъ условій урав- ненія международного запроса	250—256
Глава XXI. — <i>Распредѣленіе золота и серебра по торговому свѣту . . . . .</i>	257—268

КНИГА IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе .

Глава I. — *Характерныя черты общества, ко-*

	<i>Стр.</i>
<i>торое обобщается. Предварительныя замѣчанія . . . . .</i>	264—271
Глава IV. — <i>Тенденція прибыли къ минимуму. Отчего зависитъ минимумъ прибыли . . . . .</i>	272—277
Глава IV. — <i>Неподвижное состояніе . . . . .</i>	278—283
Глава VII. — <i>Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ. Теорія зависимости и покровительства не приложима къ современному состоянію общества. Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ умственного развитія. Вѣроятныя послѣдствія умственного развитія. Въ современныхъ обществахъ обнаруживается стремленіе къ устраненію отношеній, которыя заключаются въ наймѣ съ одной стороны и въ выполненіи работы въ качествѣ наемника съ другой. Соперничество не вредно, но полезно и необходимо . . . . .</i>	283—307

КНИГА У.

О вліяніи правительства.

Глава I. — <i>О функціяхъ правительства вообще. Характеръ необходимыхъ функцій правительства весьма разнообразенъ. Раздѣленіе предмета . . . . .</i>	308—313
Главы VIII и IX. — <i>Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны экономической ихъ вліянія. Послѣдствія недостаточной обеспеченности личности и собственности . . . . .</i>	314—316

Глава X.— О вмешательствѣ правительства, основанномъ на ложныхъ теоріяхъ . . .	317—318
Глава XI.— <i>Основанія и границы принципа laissez faire или невмѣшательства.</i> Правительственное вмешательство можно раздѣлить на два вида: повелительное и неповелительное. Главнѣйшіе случаи, гдѣ правительственное вмешательство не можетъ быть допущено. Общее правило laissez faire — подлежить однако широкимъ ограниченіемъ. Правительственное вмешательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности, гдѣ эта послѣдняя могла бы быть болѣе полезною	319—330
Полное оглавленіе „Основаній“	331—342

Джонъ Стюартъ Милль.

Извѣстный авторъ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Генри Томасъ Бокль въ одной изъ своихъ статей справедливо сказалъ, что Д. С. Милль былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые наиболѣе всего содѣйствовали усвѣхамъ знанія въ 19 вѣкѣ. Сила Д. С. Милля заключалась, впрочемъ, не столько въ творческой оригинальности, сколько въ умѣніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ запасомъ знаній, привести ихъ въ систему, переработать, дополнить, освѣтить и представить въ живой и ясной формѣ. При изученіи всѣхъ вопросовъ, которыми занимается Д. С. Милль, онъ приводитъ свои взгляды въ связь съ учениями предшественниковъ, обнаруживая при этомъ, по замѣтку замѣчанію Д. Э. Керса, если не оригинальность, то не менѣе рѣдкія и цѣнныя для мыслителя качества: скромность, широту ума и глубокую начитанность. Всякому, кто занимался хоть сколько нибудь общественными науками, приходилось замѣчать, что нѣтъ почти ни одного трактата, въ которомъ прямо или косвенно не упоминалось - бы имя Д. С. Милля. По всѣмъ почти отдѣламъ общественныхъ наукъ онъ

успѣлъ сказать свое вѣское и продуманное слово и несомнѣнно имѣлъ громадный успѣхъ. Книги его выдержали громадное количество изданій и можно смѣло сказать, что онъ долгое время господствовалъ подъ умами. „Для того, чтобы господствовать надъ умами, говорить Н. Х. Бунге*) въ своей статьѣ о Д. С. Миллѣ, надо имѣть много таланта, но и этого мало: надо обладать способностью удовлетворять потребностямъ мыслящаго общества, проникнуться его заветными стремленіями и надо умѣть поставить себя такъ, чтобы быть для всѣхъ своимъ“. Именно этимъ искусствомъ въ высокой степени обладалъ Д. С. Милль. Изъ всего нижеслѣдующаго читатель увидитъ, какъ отзывчиво относился Милль ко всѣмъ вопросамъ, которые волновали его современниковъ. Живя въ переходную эпоху, онъ измѣнялся съ ея преобразованиемъ, всегда стараясь оставаться справедливымъ чело- вѣкомъ и истиннымъ ученымъ. Вліяніе его было сильно не только, какъ мыслителя, но и какъ чело- вѣка своеобразныхъ, не всегда опредѣленно выраженныхъ, но стойкихъ политическихъ и фило- софскихъ убѣждений. Можно безъ ошибки сказать, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и симпатич- нѣйшихъ представителей англійскаго философскаго и политическаго радикализма, вліяніе котораго еще далеко не исчезло и въ наше время. Его жизнь и труды надолго еще сохранять неумирающій ин- тересъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ намѣ- реніе коснуться лишь главнѣйшихъ сторонъ жизни

*) См. Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы. Сиб. 1895, стр. 313, ст. Д. С. Милль, какъ экономистъ.

и ученой дѣятельности этого человѣка, котораго В. Э. Гладстонъ справедливо назвалъ „святымъ рационализма“.

Въ своей автобіографіи *) Д. С. Милль просто и искренно рассказалъ намъ исторію своей жизни, которая, по его собственнымъ словамъ, не блещетъ особыми событиями. Нельзя сказать, чтобы, выражаясь такимъ образомъ, Милль былъ особенно справедливъ къ самому себѣ. Жизнь его прошла не только въ постоянномъ общеніи съ лучшими людьми и общественными теченіями его времени, но и въ почти безпримѣрной, напряженной научной работѣ и практической дѣятельности. Жизнь такого человѣка нельзя называть жизнью „безъ событий“, когда всякій трудъ и всякое слово его что-нибудь вносили въ сокровищницу человѣческаго знанія. Д. С. Милль можетъ служить прекраснымъ примѣромъ писателя-экономиста, который всю свою жизнь проповѣдывалъ, что народное благосостояніе создается только умственнымъ и физическимъ трудомъ и свято проводилъ это начало въ своей дѣятельности, стараясь собственнымъ, въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрнымъ, трудомъ принести посильную пользу не только своему народу, но и всему человѣчеству. Исторія его жизни — исторія цѣлаго поколѣнія, которое вступило въ жизнь съ строго определенными и выраженными воззрѣніями, но которому пришлось въ концѣ концовъ сильно измѣнить свои взгляды подъ давленіемъ новыхъ фактовъ и необыкновеннаго роста знанія, которое такъ характерно для первой половины 19 вѣка. Нѣсколько

*) Autobiography London, 3 изд. 1874 г.

человѣческой жизни; мысли другихъ поглощены тѣмъ, что непосредственно полезно и осуществимо въ ближайшее-же время". Д. С. Милль причисляетъ себя къ людямъ второй категоріи. Какъ въ наукѣ, такъ и въ своихъ практическихъ предложеніяхъ онъ не былъ человѣкомъ рѣзкихъ мнѣній, но крайней мѣрѣ съ нашей современной точки зрѣнія. Не умиравшее въ немъ благородное стремленіе къ истинѣ дѣлало изъ него смѣлаго критика, который не удовлетворялся и боролся съ господствующими мнѣніями, но прирожденная объективность и укоренившееся нѣсколько странное убѣжденіе, что истина лежитъ по срединѣ между двумя крайними мнѣніями, неизбѣжно приводило къ своеобразнымъ послѣдствіямъ. Въ своихъ научныхъ построеніяхъ онъ допускалъ массу оговорокъ, часто даже непоследовательностей, и въ практическихъ предложеніяхъ ограничивался полумѣрами. Такая душевная раздвоенность была, впрочемъ, отчасти также результатомъ его воспитанія, построеннаго на крайне одностороннихъ началахъ. Заглянемъ же ближе въ исторію этой прекрасной жизни. Въ ней, какъ въ зеркалѣ отражается, какъ вся эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Д. С. Милль, такъ и его благородная и справедливая душа.

Д. С. Милль родился въ Лондонѣ 20 мая 1806 г. и былъ сыномъ извѣстнаго экономиста и философа Джемса Милля (род. 1773, ум. 1836 года). Послѣдній происходилъ изъ бѣдной шотландской семьи. Отецъ Джемса Милля былъ сапожникомъ, мать — дочерью фермера. Благодаря покровительству сэра Джона Стюарта Феттеркэна онъ былъ

неопредѣленное положеніе, которое занималъ Д. С. Миль, какъ въ практической жизни, такъ и въ наукѣ, а также нѣкоторая непоследовательность во взглядахъ, всецѣло объясняется переходнымъ характеромъ эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Онъ ясно видѣлъ, что возвратъ къ старому во многихъ отношеніяхъ дѣло невозможное, но можно ли его упрекнуть въ томъ, что онъ не могъ точно или ясно указать то направленіе, къ которому стремится наше общественное развитіе, если и для насъ самихъ оно все еще остается неяснымъ: ни новыя научныя открытія, ни преобразованія въ общественной жизни и нравственности не совершаются внезапно.

Въ научной карьерѣ и личной судьбѣ этого человѣка, который по его собственнымъ словамъ, „всегда стремился впередъ, одинаково готовый учиться, такъ и разучиваться въ тѣхъ идеяхъ, которыя принадлежатъ ему лично или были заимствованы имъ отъ другихъ“ *)—есть что-то чарующее. Всю жизнь свою онъ стремился къ истинѣ и справедливости, полагая, что религія долга, которой онъ, также какъ и его отецъ, придерживались, требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ неустанно работалъ надъ великимъ дѣломъ усовершенствованія знанія и общественной жизни. „Мысли тѣхъ, кто не удовлетворяется современной жизнью, говоритъ онъ въ той-же автобіографіи**), кто стремится къ радикальному ея преобразованію, обыкновенно сосредоточиваются на двухъ областяхъ. Мысли однихъ всецѣло заняты конечными стремленіями, тѣмъ, что составляетъ высшую основу идеала, который можетъ быть осуществленъ въ

*) I. c. Autob., стр. 2. **) I. c. 189.

зачисленъ стипендіатомъ въ Единбургскій Университетъ для приготовленія къ духовному званію. По окончаніи университета планы его измѣнились и онъ рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности, приди къ окончательному убѣжденію, которое всецѣло потомъ передалъ и старшему сыну Джону, что человѣкъ не можетъ знать ничего опредѣленнаго о происхожденіи міра. Джемсъ Милль рано женился, имѣлъ большую семью и потому ему пришлось вести довольно суровую борьбу за существованіе. Съ 1802 по 1819 г. ему пришлось почти исключительно жить перомъ. Только съ 1819 г., когда первоначальное воспитаніе старшаго сына Джона было почти закончено, онъ получилъ мѣсто въ компаніи Восточныхъ Индій, которое обезпечило благосостояніе его семьи, а впоследствии и сына Джона.

Джемсъ Милль *) во всѣхъ отношеніяхъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ и его друзья не даромъ отзывались о немъ, говоря: это былъ характеръ! Онъ былъ настоящимъ продуктомъ философіи 18 вѣка, человѣкомъ, соединившемъ въ себѣ стойкость и опредѣленность разъ навсегда сложившихся, хотя и крайне одностороннихъ убѣжденій, съ неумолимой логикою и суровостью характера. Онъ былъ главою кружка радикаловъ-индивиду-

*) Джемсъ Милль былъ авторомъ значительнаго количества научныхъ работъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣд.: 1) многотомная *Исторія Индіи* (напеч. 1817 г.); 2) *Элементы политической экономіи* (1821 г.); 3) *Анализъ человѣческаго ума* (1829 г.). Последняя его статья, напечатанная незадолго до смерти (1836) посвящена доказательству практической полезности политической экономіи. Д. С. Милль особенно цѣнилъ „Анализъ“ отца и въ 1869 году выпустилъ его въ свѣтъ новымъ изданіемъ.

листовъ и лучший другъ такихъ людей, какъ Г. Бентамъ, лордъ Брумъ, Д. Рикардо, Иосифъ Юмъ и Франсисъ Плезъ. Всякій, даже поверхностно знакомый съ новѣйшей исторіей Англій, знаетъ, что въ значительной мѣрѣ только благодаря дѣятельности этихъ лицъ въ названной странѣ осуществился цѣлый рядъ демократическихъ реформъ, начавшихся съ устранения всякихъ стѣснительныхъ законовъ противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ (1825 г.) и достигшихъ уже крупнаго значенія осуществленіемъ парламентарной реформы 1832 г., которая сломала господство землевладѣльческой аристократіи и доставила, при дружномъ содѣйствіи рабочихъ классовъ, доступъ къ власти коммерческимъ классамъ.

Философія этого кружка лицъ была проста и опредѣлена. Мы должны сказать о ней нѣсколько словъ, ибо отецъ Джона Милля, ревностный ея поклонникъ, положилъ ея въ основу воспитанія своего сына и она оказала на него крупнѣйшее вліяніе.

Джемсъ Милль, какъ и всѣ его друзья, былъ индивидуалистомъ, демократомъ и человѣкомъ, глубоко и исключительно вѣровавшимъ въ разумъ и свободу. Все знаніе имѣетъ опытное происхожденіе, вся совокупность сложнѣйшихъ явленій человѣческой дѣятельности разъясняется простымъ ея сведеніемъ къ первоначальному и основному мотиву, который выражается въ стремленіи къ счастью. Человѣкъ стоитъ подъ господствомъ двухъ силъ: наслажденія и страданія, они указываютъ ему путь. Качество наслажденій не имѣетъ для человѣка значенія; наибольшее количество счастья со-

стоитъ въ наибольшемъ количествѣ наслажденій и въ наименьшемъ—страданій. Все въ жизни—здоровье, деньги и даже самая добродѣтель существуютъ лишь для этой верховной цѣли. Задача разума заключается въ томъ, чтобы надлежащимъ образомъ употребить все наличныя силы и средства для приобрѣтенія наибольшаго счастья. Цѣль всякой общественной организаціи такая-же—„наибольшее счастье—для наибольшаго количества человѣческихъ существъ“, которыя все имѣютъ совершенно одинаковыя права на жизнь и счастье. Только тѣ поступки и дѣйствія человѣческихъ существъ заслуживаютъ одобренія и нравственны, каковы бы мотивы или побужденія ихъ ни были, отъ которыхъ сумма общаго счастья увеличивается. Въ основу психологій и мыслительныхъ процессовъ Джемсъ Милль и его друзья полагали принципъ ассоціаціи представленій, въ основу нравственности—полезность или принципъ величайшаго счастья. Никто не дѣйствуетъ въ противность своему разумно понимаемому интересу, все равно стремятся къ наибольшей массѣ наслажденія—вотъ ихъ основное положеніе: отсюда они настаивали на наибольшемъ просторѣ для индивидуальной дѣятельности, на свободѣ мысли въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; а въ дѣлѣ управленія прежде всего требовали, чтобы все основныя цѣли его достигались самимъ народомъ, при посредствѣ правильной организаціи представительства, основанной на всеобщемъ голосованіи. Все должно быть достигнуто личностью собственными силами, а въ дѣлѣ управленія, полагали они, интересы народа будутъ лишь тогда соблюдены, если онъ самъ станетъ ихъ хо-

заинномъ. Построеніе правильной теоріи общественной жизни, казалось имъ дѣломъ легкимъ. Они построили ее совершенно абстрактнымъ путемъ, исходя, подобно Руссо и другимъ, изъ „естественныхъ правъ“ человѣка и не озабочиваясь много различіемъ въ національныхъ, историческихъ и культурныхъ особенностяхъ народовъ.

Джемсъ Милль, какъ мы уже сказали, былъ ревностнымъ сторонникомъ этой философіи и вся система его воспитанія сводилась къ тому, чтобы заставить сына проникнуться этими идеями. Философія эта удивительно, какъ совпадала съ самымъ характеромъ Джемса Милля. Онъ былъ строгимъ, серьезнымъ и рѣзкимъ человѣкомъ. Онъ любилъ своихъ дѣтей, но не умѣлъ ласкать ихъ и радоваться ими. Дѣти всегда боялись отца. Типичный доктринеръ и необыкновенно талантливая мыслящая машина, если можно такъ выразиться, человѣкъ, который не вѣрилъ въ высокія побужденія, не находилъ никакого наслажденія въ музыкѣ, поэзіи и искусствѣ, страсть считалъ одной изъ формъ помѣшательства, а всѣ чувства называлъ „сантиментальностью“. Проповѣдникъ философіи счастья, онъ самъ не вѣрилъ въ наслажденіе. Онъ походилъ на тѣхъ людей, которые, постигнувъ жизнь, въ ея грубой наготѣ, безъ всего, что скрашиваетъ ее, дѣлаютъ пріятной и даже прекрасной, находятъ удовольствіе только въ абстрактномъ анализѣ и стараются, по выраженію Кавелина, топить жизнь въ упорномъ трудѣ. Такіе люди всегда бываютъ отличными логиками и умѣютъ передавать свои мысли, производя сильно впечатлѣніе на слушателей. „Я никогда не встрѣчалъ человѣка, говорить

Д. С. Милль объ отцѣ*), который лучше его умѣлъ въ разговорѣ проводить свои мысли. Его полное само обладаніе, точность и выразительность мысли, строгая серьезность и сила аргументаціи дѣлали изъ него одного изъ самыхъ неотразимыхъ діалектиковъ своего времени. Его сила заключалась не только въ умѣніи чисто логическимъ путемъ убѣждать слушателей: онъ обладалъ искусствомъ воодушевлять своихъ собесѣдниковъ тѣмъ же горячимъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливости, которымъ онъ былъ проникнутъ самъ². Естественно, что такой отецъ цѣлью воспитанія примѣнительно къ своему сыну поставилъ желаніе—сдѣлать изъ него: логика и реформатора.

Воспитаніе, построенное на такихъ началахъ, какъ увидимъ ниже, имѣло одновременно успѣхъ и неудачу. Оно сдѣлало изъ Д. С. Милля крупнаго

---

*) Прекрасную характеристику отца Д. С. Милль даетъ на стр. 46 и слѣд. своей автобіографіи. „Мой отецъ, говорилъ онъ, былъ одновременно стоикомъ, эпикурейцемъ и циникомъ, но, конечно, не въ новѣйшемъ, а древнемъ значеніи этихъ словъ. Въ его личнымъ свойствахъ преобладалъ стоицизмъ. По своей нравственности онъ былъ эпикурейцемъ, ибо онъ былъ утилитаристомъ и единственнымъ основаніемъ для сужденія о добрѣ и злѣ считалъ стремленіе поступковъ приносить пользу или вредъ. На циниковъ онъ походилъ потому, что не викалъ въ наслажденіе. Онъ не былъ нечувствителенъ къ удовольствіямъ, но полагалъ, что на крайней мѣрѣ при современномъ состояніи общества они не стоятъ той цѣны, которую ихъ приходится оплачивать. Жизненные неудачи, по его мнѣнію, по большей части зависятъ отъ чрезвычайнаго значенія, придаваемого удовольствіямъ. Соответственно съ этимъ умѣренность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ ее понимали греческіе философы, была для него основнымъ правиломъ воспитанія... Онъ иногда говорилъ, впрочемъ, что жизнь могла бы имѣть цѣну, если бы она была сдѣлана тѣмъ, чѣмъ должна быть—вліяніемъ хорошаго правительства и надлежащаго воспитанія“.

мыслителя и неутомимаго работника, но изломало его натуру, лишило его дѣтскихъ увлеченій и не дало многого, чѣмъ красна человѣческая жизнь, а прежде всего оно внесло въ его душу тотъ червь рефлексіи и анализа, который точеть въ корнѣ свѣжести и силу чувства. Изъ такихъ людей рѣдко выходятъ реформаторы; душою послѣднихъ обыкновенно владѣетъ не знаніе съ его «объективностью», оговорками, а единое чувство, которое можетъ всецѣло поглотить человѣка.

Съ ранняго дѣтскаго возраста Джонъ привыкъ сидѣть за письменномъ столомъ отца и за чтеніемъ книгъ, отрываясь отъ нихъ лишь для бесѣды съ отцомъ. На третьемъ году своей жизни онъ уже былъ обученъ отцемъ читать по гречески. Съ этихъ поръ онъ каждое утро приходилъ въ кабинетъ отца и сидя за однимъ съ нимъ столомъ переводилъ съ греческаго, за каждымъ неизвѣстнымъ словомъ обращаясь къ отцу, который въ это время писалъ свою исторію Индіи. Вечеромъ отецъ давалъ сыну уроки ариметики. Но даже и внѣ дома Джонъ не зналъ отдыха. Во время прогулокъ съ отцомъ онъ рассказывалъ, что успѣлъ прочесть и выслушивалъ по этому предмету поясненія отца, а съ 9 лѣтняго возраста отецъ поручаетъ ему къ тому же еще и обученіи младшихъ сестеръ и братьевъ. Къ 9 годамъ онъ уже успѣлъ прочесть въ подлинникъ басни Эзопа, Анабазисъ, Воспоминанія Сократѣ и Киропедию Ксенофонта, пять діалоговъ Платона и многое другое. По англійски онъ прочелъ, въ числѣ прочихъ, Робертсона, Юма, Гиббона, Ватсона и Миллара (объ англійской конституціи). Отецъ тщательно слѣдилъ за чтеніемъ сына, стараясь уже въ

эту эпоху сдѣлать его сторонникомъ демократіи и предохраняя его отъ чтенія „ненужныхъ“ произведеній легкой литературы. Бѣдный Джонъ случайно нашелъ Робинзона Крузо и много разъ перечитывалъ его безъ вѣдома отца. Арабскія ночи, Донъ-Кихотъ, рассказы миссъ Еджуортъ и романъ Брука „Достойный Сумасшедшій“ — вотъ все, что въ это время прочелъ Д. С. Милль изъ области легкой литературы. Ребенку приходилось удовлетворять своему чувству, только читая у разныхъ историковъ описанія подвиговъ выдающихся людей. Съ 1814 г. и по 1818 г. т. е. съ 8 и до 12 лѣтняго возраста онъ изучаетъ латинскій языкъ, продолжаетъ свои занятія по гречески и математикѣ. Въ это время онъ съ большей или меньшей полнотой прочелъ по латынски: *Виргилія*, *Горация*, *Саллюстія*, *Овидія*, *Цицерона*, *Лукреція*, *Теренція*, *Федра*; по гречески: — *Гомера*, *Софокла*, *Еврипида*, *Ксенофонта*, *Демосфена*, *Фукидида*, *Платона*, *Аристотеля* и друг. Ему пришлось по требованію отца даже составить синоптическія таблицы для риторики *Аристотеля*. По математикѣ онъ прошелъ высшую алгебру и собственными усиліями изучилъ дифференціальное исчисленіе. Кромѣ того было прочитано множество серьезныхъ произведеній по естествознанію. На 12 году онъ уже пробуетъ самъ написать исторію Рима и является здѣсь сторонникомъ римской демократіи. Въ 12 лѣтъ отецъ сталъ заниматься съ нимъ логикой, обращая особое вниманіе на теорію силлогизма. 13 лѣтъ Джонъ уже изучаетъ политическую экономію. *Джемсъ Милль*, бесѣдуя съ сыномъ излагалъ ему политическую экономію; послѣдній тщательно записывалъ эти бесѣды и изъ записокъ

впослѣдствіи составилъ трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ „Элементы П. Э.“ Въ это же время вышло сочиненіе Д. Рикардо о „Началахъ П. Э.“, отецъ передалъ его для прочтенія сыну, давъ и „Богатство народовъ“ А. Смита и указавъ на слабыя стороны послѣдняго сравнительно съ первымъ. По наступленіи 14 лѣтняго возраста отецъ пришелъ къ убѣжденію, что воспитаніе сына окончено и съ этого момента предоставилъ его собственнымъ силамъ.

Таково было это воспитаніе. Впослѣдствіи Д. С. Милль говорилъ, что только благодаря той работѣ, которую заставилъ продѣлать его отецъ, онъ получалъ громадное преимущество въ знаніяхъ предъ сверстниками. Но и самъ онъ отлично понималъ недостатки этого воспитанія. Оно сводилось лишь къ развитію логическихъ способностей и сопровождалось чрезмѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ. За массой прочитаннаго Джонъ не успѣвалъ запомнить и продумать многого, свѣдѣнія по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ были отрывочны и односторонни. На воспитаніе чувствъ и вкуса къ изящному не было обращено никакого вниманія. Милль росъ одиноко, въ классной комнатѣ и за книгами, не зная родительской ласки. Съ этого времени у него выработалась привычка довѣрять только своему разуму, но онъ былъ склоненъ пріобрѣтать свои знанія не изъ наблюденія, а изъ книгъ и размышленія по поводу прочитаннаго. Онъ охотно вступалъ въ споры по самымъ сложнымъ вопросамъ, рѣзко отстаивая свое мнѣніе. Сверстники считали его самонадѣяннымъ и высокоумнымъ. Въ обыденной жизни мальчикъ былъ вялъ, разсѣянъ, не имѣлъ склонности

къ физическимъ движеніямъ, неэнергиченъ и непрактиченъ. Въ своей автобіографіи Д. С. Милль искренно говоритъ, что все воспитаніе отца сводилось какъ бы къ стремленію сдѣлать изъ него человѣка, который „знаетъ, но не умѣетъ дѣйствовать“ . *)

Въ 1820 году (15 Мая), когда Д. С. Миллю было 14 лѣтъ, ему удалось въ первый разъ покинуть родительскій домъ и онъ отправился гостить къ генералу Бентаму, брату юриста, который жилъ съ семьей на югѣ Франціи. По дорогѣ туда онъ побывалъ въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ экономистомъ Ж. Б. Сэ, С. Симономъ и ихъ друзьями. У Бентамовъ онъ пробылъ до іюля 1821 г. Семья встрѣтила его очень радушно и г-жа Бентамъ пыталась было сдѣлать изъ него болѣе свѣтскаго и подвижнаго человѣка, но безуспѣшно. Какъ видно изъ оставленнаго Миллемъ дневника, онъ проводилъ наибольшее количество времени за чтеніемъ книгъ. Пребываніе во Франціи не прошло, однако безслѣдно. Южная природа произвела на него свое дѣйствіе и суровый книжникъ въ одномъ изъ мѣстъ своего дневника восклицаетъ. „*mais jamais je n'oublierai pas la vue du côté meridionale.*“ За это же время онъ успѣлъ сильно пополнить свое образованіе и ознакомился впервые съ исторіей французской революціи, о которой ему не пришлось даже слышать отъ своего отца. „Пребываніе во Франціи, пишетъ онъ **), было для меня особенно полезно потому, что доставило возможность провести цѣлый годъ въ свободной и радостной атмосферѣ континен-

*) I. c. Autob., стр. 37 (to knew, but not to do).

***) I. c. Autob., стр. 61.

тальной жизни. Изъ своего знакомства съ французскимъ обществомъ я вынесъ глубокой и постоянный интересъ къ континентальному либерализму, за усилками котораго я также усердно слѣдилъ, какъ и за Англійской политикой. Это, въ свою очередь, оказало самое лучшее вліяніе на мое умственное развитіе, избавило меня отъ всегда господствующей въ Англіи привычки, отъ которой не могъ освободиться и мой отецъ, судить обо всѣмъ по англійской мѣркѣ*.

По возвращеніи изъ Франціи Д. С. Милль сразу сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ. Жизнь его до 1826 года текла по руслу, которое приготовилъ для него отецъ. 21 Мая 1823 г. онъ также получилъ мѣсто въ компаніи Восточныхъ Индій, которое обезпечило его дальнѣйшую жизнь*). Молодой Милль совершенно поглощенъ идеями І. Бентама. Онъ сотрудничаетъ и пишетъ рѣзкія статьи въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“ (1824 г.), увлекается чтеніемъ философіи Бентама въ изложеніи Дюнона и является виднымъ членомъ „Утилитарнаго кружка“, который поставилъ своей цѣлью проповѣдь идей Бентама и незамѣтнымъ руководителемъ котораго былъ Джемсъ Милль. Благодаря существованію этого кружка, Д. С. Милль сблизился съ Ости-

*) Онъ вступилъ сюда сначала клеркомъ съ жалованіемъ въ 300 руб., впоследствии оно постепенно возмывалось; послѣ смерти отца въ 1836 г. онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ директоровъ съ жалованіемъ въ 20,000 рублей. Послѣ закрытія компаніи до конца жизни онъ получалъ пенсію 15,000 р. Въ защиту этой компаніи, въ въ которой служилъ и онъ, и его отецъ, Д. С. Милль написалъ петицію парламенту, которая отличалась нечеловѣчующею силою аргументовъ, но, написанная не въ пользу праваго дѣла, она ничего не прибавила къ славѣ Д. С. Милля, какъ справедливо говоритъ Кэнинггемъ.

номъ, Маколеемъ и многими изъ молодыхъ людей, которые потомъ играли видную роль въ исторіи Англии. Въ 1825 г. онъ готовитъ къ печати сочиненіе Бентама о „судебныхъ доказательствахъ“ и работаетъ усиленно въ кружкѣ, который поставилъ своей цѣлью изученіе экономіи и логики, и смѣнилъ собой закрывшееся въ 1826 г. утилитарное общество. Усиѣхъ послѣдняго побудилъ Милля преобразовать это общество — въ „общество публичныхъ преній“, которое существовало около 4-хъ лѣтъ и пользовалось большимъ сочувствіемъ публики, собиравшейся слушать споры молодыхъ консерваторовъ съ молодыми радикалами. Участіе во всѣхъ этихъ кружкахъ произвело очень сильное вліяніе на Д. С. Милля. Оно не только болѣе подготовило его къ общественной дѣятельности, но и перевернуло его убѣжденія. Милль всегда легко поддавался чужому вліянію. Встрѣча со Стерлингомъ, Морисомъ и другими послѣдователями Кольриджа, стоявшими на почвѣ метафизическаго радикализма и старавшимися примирить религію съ наукой, оказалась роковой для Милля. Впечатлѣнія этого періода привели Д. С. Милля къ тому душевному кризису въ 1826 г., который такъ краснорѣчиво имъ описанъ и затѣмъ отразился на всей его жизни.

Авторъ прекрасной біографіи Д. С. Милля и извѣстный психологъ Александръ Бэнь, хорошо познакомившійся впоследствии съ Д. С. Миллемъ, объясняетъ этотъ пережитый молодымъ писателемъ душевный кризисъ простымъ переутомленіемъ силъ послѣ долгой и напряженной работы. Но едва-ли здѣсь дѣйствовала только эта причина. Напряжение силъ связывалось съ глубокимъ и искреннимъ ра-

зочарованіемъ въ прежнихъ убѣжденіяхъ. Чувство взяло верхъ надъ разумомъ и стойкость воспитанныхъ убѣжденій показала односторонностью. Въ этотъ періодъ Миллю пришлось впервые и по личному опыту убѣдиться, что одна наука, одно знаніе и дѣятельность, хотя бы и на пользу ближнихъ, не создаютъ еще личнаго счастья. Вотъ какъ Д. С. Милль самъ описываетъ свое состояніе.

«Съ того момента, какъ я въ первый разъ прочелъ Бентама (зимою 1821 г.), у меня была цѣль въ жизни: я хотѣлъ быть реформаторомъ. Представленіе о личномъ счастьи вполне отождествлялось съ этою цѣлію. Я искалъ дружбы и сочувствія у тѣхъ, на кого смотрѣлъ, какъ на соратниковъ въ томъ же дѣлѣ... и я поздравлялъ себя съ тѣмъ, что въ борьбѣ за осуществленіемъ этого идеала мнѣ предстоитъ найти счастливую, интересную и полную одушевленія жизнь. Но настало время, когда я очнулся отъ этого, какъ отъ сна. Это случилось осенью 1826 г. Я былъ въ мрачномъ настроеніи духа, которое знакомо по временамъ каждому; ничто не доставляло мнѣ удовольствія и наслажденія; вообще я находился въ такомъ настроеніи, когда все, къ чему раньше относился съ удовольствіемъ, становится отвратительнымъ или не производитъ впечатлѣнія. Въ подобномъ состояніи, вѣроятно, находятся методисты отъ сознанія своей грѣховности. Тогда я задалъ себѣ вопросъ: предположимъ, что все мои желанія въ жизни осуществляются, что все измѣненія въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, къ которымъ я стремлюсь, дѣйствительно произойдутъ въ ближайшее же время — будетъ ли это для меня величайшимъ счастьемъ

и радостью? и неумолимый голос совѣсти явственно отвѣтилъ мнѣ; нѣтъ! Сердце мое упало. Все основаніе жизни моей рухнуло; все мое счастье заключалось въ преслѣдованіи одной цѣли. Цѣль эта перестала меня привлекать; какой же интересъ могли представлять для меня средства къ ея достиженію? Мнѣ казалось, что у меня ничего не осталось въ жизни и что я не проживу такъ даже въ теченіи одного года“.

Привычка къ труду, однако, не покидала его. Съ постоянной мыслью о самоубійствѣ, вяло, безъ энергіи, безъ надежды на плодотворность своего труда,—онъ все же работалъ. Только чрезъ полгода онъ сталъ мало по малу оправляться и только чрезъ два года окончательно освободился отъ овладѣвшаго имъ кошмара. Случайно прочтенныя мемуары Мармонтеля, гдѣ описываются чувства одного молодого человѣка, который, послѣ смерти отца, сдѣлался опорой несчастной семьи, положили начало выздоровленію. Милль былъ растроганъ до слезъ. Онъ понялъ, что и онъ можетъ быть кому нибудь нуженъ. У него обнаружился неожиданный и сильный интересъ къ прекрасному въ жизни, къ музыкѣ, поэзіи и искусству. Уордсвортъ, Карлейль, Гете, Кольриджъ, Шелли сосредоточили на себѣ его вниманіе и прекрасное, хотя выборъ его, какъ у человѣка съ неразвитымъ къ нему чувствомъ и не былъ всегда удаченъ, сдѣлало свое дѣло. Часто впослѣдствіи онъ говорилъ друзьямъ: „такіе поэты, какъ Уордсвортъ вамъ не нужны во время борьбы, но когда побѣда будетъ одержана, люди болѣе, чѣмъ когда либо будутъ нуждаться въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя поддерживаются и питаются

чтениемъ поэтовъ“. Суровый логикъ съ этого времени сталъ любить природу, любилъ собирать полевые цвѣты, говорить о жизни насѣкомыхъ, птицъ. Пусть читатель проглядитъ главу „о неподвижномъ состояніи“ въ настоящемъ изданіи. На ней ярко отразилось преобразование въ душѣ абстрактнаго писателя и индивидуалиста.

Душевный кризисъ сдѣлать свое дѣло. Д. С. Милль временно даже отсталъ отъ общенія съ прежними друзьями, а появившіяся въ это время статьи о Бентамѣ, Токвилѣ, мысли о поэзіи и друг. побудили его друзей смотрѣть на него, какъ на ренегата. Стройность его прежняго міровоззрѣнія поколебалась; въ его трудахъ съ этого времени мы замѣчаемъ болѣе чувства, но и болѣе душевной раздвоенности. Съ особой ясностью сказалось это преобразование на статьяхъ о Бентамѣ и о трудѣ Токвиля „Демократія въ Америкѣ“. Рѣзкій утилитаристъ и демократъ — смѣняется въ нихъ человекомъ среднихъ мнѣній съ сильными склонностями къ тому, что называется прекраснымъ. Бѣдный Милль! Съ этого момента судьба его рѣшена: онъ не могъ быть болѣе реформаторомъ. Такихъ людей, какимъ Милль сталъ съ этихъ поръ, любить, уважать и безъ нихъ некрасна была бы наша жизнь. Они являются лучшимъ примѣромъ справедливости, объективнаго знанія, но не реформаторами. Для послѣднихъ нужна душевная сила, отсутствіе всякой раздвоенности и колебаній, а иногда, къ сожалѣнію, въ часы борьбы имъ нѣтъ времени и думать о справедливости!

Всякій, кто прочтетъ статьи о Бентамѣ и о трудѣ Токвиля, легко пойметъ, почему они вы-

звали такое негодование и разочарование среди друзей. Бывшій страстный поклонник Бентама пишетъ: „Бентамъ былъ однимъ изъ самыхъ сухихъ и ограниченныхъ людей Англїи..., онъ видѣлъ въ человѣкѣ не болѣе того, что можетъ подмѣтить самое обыденное око, не признавалъ никакого разнообразія въ характерахъ личностей и народовъ... Въроятно, никто изъ тѣхъ, кто въ наше образованное время пытался найти правила для поведения людей, не имѣлъ столь ограниченного пониманія относительно мотивовъ, которыми *руководится* и *долженъ* руководиться человѣкъ“. Милль признаетъ за Бентамомъ, однако, крупныя заслуги, какъ за мыслителемъ, который обладалъ критическимъ талантомъ разрушенія установившихся заблужденій, который былъ основателемъ опытнаго метода, но рѣзко и опредѣленно отмѣчаетъ въ немъ полное отсутствіе чувствъ: симпатїи и воображенія. Немудрено, поэтому, полагаетъ Милль, что въ основу жизни онъ полагалъ только грубыя побужденія эгоизма и наслажденія и не признавалъ значенія за высшими мотивами и безкорыстными стремленіями къ общему благу; онъ не могъ видѣть что эстетическія и эмоціональныя инстинкты также служатъ основаніемъ нравственности. Недостаточное знакомство съ психологіей и исторіей народовъ произвело также то, что теорія управления Бентама оказалась негодной. Разумное правительство онъ обосновывалъ лишь на организациі подсчета большинства голосовъ, но развѣ нѣтъ предѣловъ для власти большинства надъ правами меньшинства? Въ своемъ опытѣ о книгѣ Токвиля онъ выражается еще опредѣленнѣе. Бывшій демократъ говорить

о тиранин большинства, признаетъ необходимость ученаго класса, а также и того, который пользуется досугомъ и избавленъ отъ матеріальнаго труда. „Несомнѣнное и ничѣмъ незамедляемое нынѣ поглощеніе того класса, который былъ когда то во главѣ общей массой народа, побѣда силы простого числа надъ всѣми другими силами—вотъ что возбуждаетъ опасенія, говорить онъ, даже среди тѣхъ, для которыхъ сама по себѣ демократія не представляетъ собою ничего устрашающаго. Ужасно — не возникновеніе безграничнаго народо-властія, а упроченіе всякой крупной новой силы. Нѣтъ ни одной силы въ обществѣ, вліяніе которой не становилось бы вредной, если она царствуетъ безконтрольно. Чтобы возникновеніе этой силы было безопасно, необходимо, чтобы вліяніе ея было обставлено разными коррективами и противовѣсами, которые обладаютъ свойствами противостоять характернымъ недостаткамъ этой силы^{*)}. Отцемъ онъ былъ приученъ видѣть все въ политическомъ устройствѣ и социальныхъ учрежденіяхъ. Теперь онъ сталъ утверждать, что преобразование самаго человека, которое онъ въ высокой степени считалъ возможнымъ, должно составлять первѣйшую основу всѣхъ общественныхъ реформъ^{*)}). Бенгаметы и

*) См. Autobiog., I. e., стр. 232—3. „Мы стали ясно видѣть, говорить онъ, что для осуществленія любого изъ возможныхъ и желательныхъ общественныхъ преобразованій необходима прежде всего соответствующая переѣна въ характерѣ, какъ того необразованнаго стада, изъ котораго состоитъ теперь рабочій классъ, такъ и въ характерѣ громаднаго большинства ихъ предпринимателей. Оба эти класса должны сначала привыкнуть самой практикой жизни къ совѣстной работѣ для благородныхъ, и во всякомъ случаѣ общественныхъ и социальныхъ цѣлей, а не

радикалы его времени утверждали, что преобразование человека должно придти отъ учреждений, извне (from without, какъ говорятъ англичане), христіанскіе социаллисты его времени настаивали на томъ, что преобразование учреждений можетъ совершиться лишь съ видоизмѣненіемъ человека (from within). Д. С. Миль пошелъ средней дорогой, полагая, что оно одно временно должно идти «и from without, и from within». Другими словами, выражаясь терминомъ нѣмецкой исторической школы, онъ съ этого времени сталъ смотрѣть на всѣ явленія съ относительной точки зрѣнія и не побоялся даже довести свои взгляды до парадокса, утверждая, что истина лежитъ *inter-medio* между двумя крайними мнѣніями. Ниже мы еще увидимъ, какъ это отразилось на всѣхъ его послѣдующихъ трудахъ, но теперь будетъ уместно, забывая нѣсколько впередъ, показать, какъ измѣнились его политическія взгляды. Въ этомъ отношеніи полезно заглянуть въ его трудъ „Разсужденія о представительномъ правленіи“, напечатанный въ 1861 г. *). Онъ по прежнему думаетъ, что идеально лучший образъ правленія будетъ такой, въ которомъ верховная власть или право государственнаго контроля принадлежитъ всему обществу.

для тѣхъ только, которые порождаются личными интересами. Но способность къ такой работѣ всегда существовала въ человѣчествѣ и ужь, конечно, нѣтъ основаній ожидать, чтобы она заглохла теперь... Интересъ къ общему благу такъ слабъ въ настоящее время въ чувствахъ общей массы людей не потому, что иначе и не можетъ быть, но потому, что ужь привыкъ дѣйствовать и дѣйствуетъ съ утра и до ночи надъ предметами, цѣль которыхъ заключается исключительно въ личныхъ выгодахъ*.

*) См. русскій переводъ, изданіе Яковлева, Спб. 1863 г., стр. 45, 1, 60, 61, также главы VI, VII, X и друг. Очень жаль, что эта прекрасная книга до сихъ поръ не переиздана.

Но въ то же время, полагаетъ онъ, найти лучшую форму правленія, увѣрить другихъ, что она действительно лучшая и побудить ихъ къ ея осуществленію дѣло невозможное. Правительства не могутъ быть построены по предвзятому плану; они не „дѣлаются, а растутъ“. Представительная форма, какъ и всякая другая, должна почитаться неудовлетворительною во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя ожидать отъ нея прочнаго существованія. Это бываетъ, когда нѣтъ трехъ условій; а именно: 1) когда народъ несогласенъ ея принять, 2) когда народъ не имѣетъ желанія и способности совершить все необходимое для ея сохраненія; 3) когда онъ не имѣетъ желанія и способности выполнять обязательства и отправлять обязанности, какія она на него налагаетъ. Даже тамъ, гдѣ эта демократическая форма установилась, онъ считаетъ нужнымъ ввести для предотвращенія ея опасностей представительство меньшинства по системѣ Гэра, высказывается противъ наследственной палаты, но наряду съ представительствомъ ставить немногочисленную законодательную комиссію изъ лучшихъ политически-образованныхъ умовъ націи, высказывается противъ тайной подачи голосовъ и проч.

Успокоенный нравственно и окончательно сложившійся уметвенно Д. С. Миль послѣ этого кризиса совершилъ все то, что прославило его имя. Прежде чѣмъ перейти къ общему обзору его трудовъ, и къ тому какъ протекала и закончилась его послѣдующая жизнь, скажемъ нѣсколько словъ объ эпизодѣ въ его жизни, который не мало содѣйствовалъ тому, что онъ сталъ считать себя человѣкомъ, узнавшимъ лучшія стороны человѣческаго счастья. Мы хотимъ

сказать нѣсколько словъ объ его отношеніяхъ къ г-жѣ Тэйлоръ.

Въ 1831 г., Д. С. Милль, еще недавно оправившійся отъ пережитаго душевнаго кризиса, встрѣтился съ мистрисъ Тэйлоръ, которую сразу горячо полюбилъ и которая, какъ онъ увѣриетъ въ своей автобіографіи, согрѣла и вдохновила всю послѣдующую его жизнь. Вплоть до смерти ея мужа онъ находился въ тѣсномъ, дружескомъ общеніи съ нею. Ей онъ повѣрялъ все свои мысли и чувства. Послѣ смерти г. Тэйлора она сдѣлалась въ 1849 г. его женой, но счастливая супружеская жизнь была прервана смертью г-жи Милль очень скоро. 1851 г. она была погребена въ Авиньонѣ. Личныя отношенія человѣческихъ существъ составляютъ ихъ тайну и въ нихъ лучше всего не заглядывать. Мы знаемъ, что и самъ Д. С. Милль не любилъ, когда касались его отношеній къ г-жѣ Тэйлоръ. Ради нея онъ разошелся съ матерью и многими близкими друзьями, которыя осмѣлились прикоснуться къ этимъ отношеніямъ. Отношенія ихъ, несомнѣнно, были не изъ обыкновенныхъ: здѣсь была чистая и высокая любовь, а что же какъ не это чувство намъ скрашиваетъ жизнь! Послѣ смерти жены Д. С. Милль писалъ къ одному изъ друзей: „не думаю, чтобы я былъ теперь въ состояніи дѣйствовать на какомъ-нибудь поприщѣ. Жизнь моя подточена въ самомъ корнѣ, но я всѣми силами буду стремиться выполнить ея всегдашнее желаніе и ради ея памяти буду продолжать работать на пользу людей“. И дѣйствительно Милль далъ еще не мало прекрасныхъ трудовъ. Повторяемъ, мы не намѣрены касаться этихъ отношеній,

но не может не сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое жена оказывала на труды мужа. Во многихъ мѣстахъ своей автобіографіи Милль говоритъ, что всё его труды принадлежать столько-же ему, какъ и женѣ. Въ этомъ послѣднемъ позволительно усомниться, да и самъ Д. С. Милль въ другихъ же мѣстахъ своей автобіографіи неоднократно замѣчаетъ, что „абстрактная, теоретическая часть всѣхъ его трудовъ принадлежала ему. Г-жа Тэйлоръ обращала вниманіе лишь на стиль; ей же принадлежалъ „гуманный элементъ“. Несомнѣнно, что г-жа Милль была радикальнѣе мужа; быть можетъ подъ ея вліяніемъ онъ сталъ болѣе симпатизировать Сенъ-Симонистамъ и Фурьеристамъ, но произведенія этихъ писателей произвели на него уже давно глубочайшее впечатлѣніе, а кровавыя событія 1830 и 1848 г. на континентѣ и въ Англіи должны были оказать на справедливую душу Милля больше вліянія, чѣмъ добросердечіе умной женщины и подруги. Судя по отзывамъ брата Милля, Бэна, г-жи Фоксъ и другихъ, г-жа Милль все не была тѣмъ идеальнымъ совершенствомъ, какимъ ее изображаетъ Милль. Да развѣ любовь сильнаго человѣка необходимо должна встрѣтиться съ противоположной стороны такую-же силу? Не ищемъ-же мы часто въ женщинѣ того, чего у насъ не достаетъ? Повидимому, г-жа Тэйлоръ дала Миллю то, чего у него не доставало: нервность, впечатлительность, способность глубоко чувствовать, любить прекрасное и понимать его.

Многіе считали ее аффектированной и высокомерной; Карлейль, осыпая ее комплиментами, однако-же говоритъ о ней: „она была женщиной

живой и раздражительной, блѣдной, способной волноваться", „a living romance heroine of the royalest volition and questionable destiny". Последнюю фразу трудно перевести, ее можно только понять. Повидимому она обладала всеми чарами женщины. Только при составленіи двухъ трудовъ Милля она принимала несомнѣнное участіе. Съ нею вместе были написаны труды о „Свободѣ" и о „Подчиненности женщины", но и высказанныя здѣсь взгляды Милля остаются тѣмъ-же результатомъ индивидуалистической и демократической философіи, которую онъ усвоилъ отъ отца. Скорѣе всего идеализация Милля объясняется чисто психологическими причинами. Милль жилъ одиноко, подъ суровой наружностью у него скрывалась чуткая и любвеобильная душа, ему нуженъ былъ другъ и, встрѣтившись съ г-жею Тэйлоръ, съ нимъ произошло то, что часто бываетъ съ чисто „абстрактными людьми", если можно такъ выразиться, и называется „эмоціональной лихорадкой". Въ біографіи Д. С. Милля В. Л. Куртисъ даетъ прекрасное объясненіе отношеніямъ этихъ двухъ взаимно-любящихъ и взаимно дополняющихъ другъ друга существъ. „Исторія, говоритъ онъ, даетъ намъ хорошіе примѣры слабостей философовъ. О. Кантъ имѣлъ свою Клотильду, Декартъ — принцессу Елизавету и хотя эти примѣры не вполне аналогичны съ примѣромъ въ исторіи жизни Милля, но они могутъ служить обыкновеннымъ обращикомъ подобныхъ отношеній. Для человѣка, мысли котораго обыкновенно вращаются въ чисто абстрактной и логической области — есть что-то странно чарующее въ способности живо представлять конкретное и практическое. Отсут-

ствіе послѣдней способности такъ часто отмѣчаютъ у него, что онъ начинаетъ придавать ей чрезмѣрную важность. Ему представляется, какъ нѣкоторое откровеніе изъ другого міра, когда женщина, остроумная и одаренная воображеніемъ, способна придавать тѣмъ абстрактнымъ скелетамъ, которыми постоянно заняты его мысли, жизнь и осязаемую плоть... Когда человѣкъ приходитъ въ столкнове- ніе съ умной женщиной, часто возникаетъ своего рода самообманъ. Когда такая женщина выражаетъ мнѣнія, которыя у мужчины представляютъ продуктъ суроваго процесса мышленія, то послѣднему пред- ставляется, что и она пришла къ нимъ чрезъ по- добный же процессъ мысли. Мужчина обыкновенно неспособенъ подмѣчать быстроту женскаго пони- манія и ея умѣніе проникнуться и заинтересоваться тѣми проблемами, которыми онъ занимается. Можно считать, по крайней мѣрѣ, фактомъ, что женскій умъ удивительно быстро воспринимаетъ и способенъ воспроизводить мысли и идеи отъ существа, кото- рое передаетъ ихъ съ симпатіей. Мужчина начи- наетъ поклоняться такой женщинѣ въ полномъ со- отвѣтствіи съ силой собственной логики совершенно независимо отъ ея природныхъ силъ*.

Вліяніе г-жи Тэйлоръ на умственное развитіе Милля врядъ-ли слѣдуетъ считать сколько-нибудь значительнымъ. Скорѣе всего исторія его отноше- ній съ женой подтверждаетъ то, что онъ самъ пи- салъ: „для мыслителя ничто не можетъ быть по- лезнѣе, какъ совершать *свой* трудъ въ обществѣ и подъ критическимъ надзоромъ умной и любящей женщины“*):

*) Autobiography, стр. 190, 242, 245, 247, 252, также W. L. Cour- tney Life of D. S. Mill, стр. 110 — 126, Bain. Life of D. S. Mill, стр. 163 и слѣд., Dr. Garnett, Life of Carlill, стр. 76.

II.

Какъ мы уже сказали, въ періодъ съ 1830 по 1848 г. Д. С. Милль, успокоенный нравственно, окончательно умственно сложившійся и согрѣтый дружбой и чувствомъ г-жи Тэйлоръ написалъ то, что наиболее прославило его имя. Въ 1843 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ „Систему логики“ и въ 1848 г. „Основанія Политической экономіи“. Громадное напряженіе, потребовавшееся въ это время, сказалось на здоровьи и умственной энергій Милля и послѣ женитьбы въ 1849 г. почти на семь лѣтъ наступаетъ затишье въ его литературной дѣятельности. Все время Милль проводилъ съ женою и даже съ друзьями видѣлся очень рѣдко. Только послѣ смерти жены онъ снова принимается за кипучую литературную дѣятельность и въ это время напечатаны всѣ остальные главнѣйшіе его труды: о „Свободѣ“ (1859 г.), о „Представительномъ правленіи“ (1860), Утилитаризмъ (1861), о „Философій сэра Гамильтона“ (1865), „Огюсть Контъ и позитивная философія“ (1864), о „Подчиненности женщинъ“ (1869). Уже послѣ его смерти были напечатаны: „Автобіографія“, которая написана была частью въ 1860, частью послѣ 1870 г., и „О природѣ, полезности религій и тензѣ“. Онъ собирался еще написать книгу о социализмѣ, но изъ нея ему удалось написать только нѣсколько главъ, которыя были напечатаны въ 1879 г., уже послѣ его смерти, въ „Fortnightly Review“ подъ заглавіемъ „Chapters on socialism“ *). О нѣкоторыхъ заключительныхъ

*) Всѣ сочиненія Д. С. Милля за исключеніемъ двухъ послѣднихъ были переведены и на русскій языкъ. Логика—Резенеромъ, Основанія—Чернышевскимъ, о Свободѣ и Утилитаризмѣ—Невѣдомскимъ; Предста-

моментахъ жизни Д. С. Милля мы еще скажемъ ниже. Теперь же намъ предстоитъ нелегкая задача въ краткихъ чертахъ представить основныя учения Д. С. Милля по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное соприкосновеніе съ политической экономіей. Мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности вдаваться въ подробный обзоръ всѣхъ его произведеній, логическихъ, теологическихъ и метафизическихъ его возрѣній; коснемся лишь насколько, насколько это необходимо, чтобы у читателя составилось болѣе определенное представленіе о Д. С. Миллѣ, какъ мыслитель-экономистѣ.

Главной задачей своихъ трудовъ—Милль ставилъ построеніе соціальной науки. Вліяніе раннихъ занятій съ отцемъ сказалось и на томъ, съ чего онъ началъ эту многотрудную работу. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него логика и онъ посвятилъ свое первое и крупнѣйшее произведеніе изученію логическихъ процессовъ, наукъ о доказательствѣ или очевидности. Въ этомъ трактатѣ онъ въ частности далъ лучшую теорію методовъ научнаго изслѣдованія въ общественныхъ наукахъ. 3-я книга, въ которой Милль даетъ анализъ приѣмовъ индуктивнаго изслѣдованія, и послѣдняя, названная „логикой нравственныхъ наукъ“, составляютъ необходимый предметъ изученія для всѣхъ, кто приступаетъ къ ознакомленію съ общественными науками. Философская система, положенная Д. С. Миллемъ въ основу общественныхъ наукъ, какъ и все у Милля,

господствующее правленіе—издано Яколевичемъ, Огюсть Контъ и Гамильтонъ—Тибленомъ. Автобиографія была переведена лишь въ извлеченіи. Почти всѣ эти переводы уже вышли изъ продажи. Пр. А. М.

переходнаго характера и составилаь подъ значительнымъ вліаніемъ Огюста Конта. Онъ позитивистъ и эмпирикъ, но своеобразно сочетавшій элементы того и другого. Онъ остановился на полдорогѣ между Юмомъ и Спенсеромъ въ однихъ отношеніяхъ, въ другихъ онъ старается быть посредникомъ между школой Декарта и Локка. Согласно Юму—всѣ наши истины зависятъ отъ индивидуальнаго опыта, ибо всѣ наши оцѣненія, испытываемыя подъ вліаніемъ различныхъ причинъ, и образуютъ то, что мы называемъ фактами. Въ сущность вещей мы никогда не проникнемъ и всѣ подобнаго рода попытки тщетны. По Спенсеру нѣкоторыя истины принадлежать индивидуумахъ à priori, а à posteriori—расѣ. Для Милля все наше знаніе также имѣетъ только опытное происхожденіе, врожденныхъ идей онъ не признаетъ (à priori). Отсюда онъ старается доказать, что даже геометрическія аксіомы имѣютъ опытное происхожденіе; послѣдніе, какъ извѣстно, имѣютъ дѣло съ идеально прямыми линіями и кругами, каковыхъ, безъ сомнѣнія, опытъ намъ обнаружить не можетъ. Милль долженъ согласиться съ идеалистами, что воспроизведеніе геометрическихъ фигуръ въ воображеніи совершенно замѣняетъ геометрическій опытъ. Онъ старается согласить это кажущееся противорѣчіе простотой и несложностью нашихъ пространственныхъ воспріятій и тѣмъ, что постоянно испытываемыя впечатлѣнія такого рода лучше воспроизводятся нами въ воображеніи, но это конечно не разрѣшаетъ вопроса. Столь же двойственно у него обсужденіе вопроса о связи между причиной и слѣдствіемъ. Идеалистическая школа, начиная съ

Декарта, исходя из безусловного и неизменного характера этой связи, настаивала, что связь эта априорна, абстрактна, существует лишь в мысли и не вытекает из опыта. Милль, ученик Юма и Локка, полагает, что отношение между причиной и следствием нами устанавливается из опыта. Эта связь определяется нами из целого ряда опытов и мы считаем, что она может и должна быть только неизменной и безусловной. Но как из опыта возойти к установлению необходимости и неизменности? Очевидно, мы ищем здесь лишь с вероятностью, приближающейся к полной достоверности. Сознавая все это, Д. С. Милль допускает, что в других частях нашей солнечной системы, куда наш опыт не проникает, может быть, совершаются безпричинные явления. Уступка сделана напрасно; для нас вполне достаточно вероятность, которая приближается к достоверности. До последнего времени экономисты мало обращали внимание на философскую сторону учений обоснователей этой науки, а между тем не скрывается ли разъяснение того, что первые экономисты были индивидуалистами отчасти и в том, что они стояли в тесной связи с эмпириками, которые все знание сводили к индивидуальному опыту, требовали безграничного простора для личной инициативы, все богатство считали результатом индивидуальных усилий и т. д., забывая об опыте, требованиях и накоплениях расы, нации, общества отдельных семейств...

Положение об опытном происхождении знания — краеугольный камень всей философии — Милля и разъяснение этой истины его величайшая заслуга.

Въ основу изученія природы и общественныхъ явленій онъ полагаетъ *единообразие* природы; это положеніе составляетъ основу индукціи и отличается отъ другихъ наблюденій только громаднымъ количествомъ самихъ подтверждающихъ наблюденій. Два основныхъ метода познанія находятся въ нашемъ распоряженіи. Восходя отъ частныхъ случаевъ къ общему положенію, совершая обообщеніе частныхъ случаевъ, мы изслѣдуемъ явленія при помощи индукціи *) Восходя изъ общаго положенія для объясненія частныхъ случаевъ—мы изслѣдуемъ явленія при помощи *дедукціи*. Въ связи съ индуктивными методами—дедуктивный методъ долженъ считаться главной опорой изслѣдованій въ общественныхъ наукахъ. Всѣ общественныя явленія и факты тѣсны связаны между собою. Сложность ихъ такъ велика, что ихъ нельзя объяснить во всей совокупности; а такъ какъ разные роды

*) Такихъ приемовъ познанія или индукціи Милль насчитываетъ четыре: 1) *методъ согласія*, основное правило котораго заключается въ слѣдующемъ: «если двумъ или большому числу случаевъ изслѣдуемаго явленія природы обще одно лишь обстоятельство, то обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласуются, есть причина, производящая данное явленіе»; 2) *методъ различія*—его правило: «если случаи, въ которыхъ изслѣдуемое явленіе природы имѣютъ хѣста, и случаи, въ которыхъ оно не имѣетъ хѣста, представляють всѣ условія общія, за исключеніемъ лишь одного, и это одно условіе встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то условіе, въ которомъ оба случая различаются другъ отъ друга, есть дѣйтель и причина, или необходимая составная часть причинъ»; 3) *методъ остатковъ*—его правило: «если мы выдѣлимъ изъ даннаго явленія природы ту часть его, которая, какъ мы убѣдились изъ прежнихъ наведеній, есть слѣдствіе известныхъ предшествовавшихъ причинъ, то оставшаяся часть, остатокъ явленія природы, будетъ слѣдствіемъ остальныхъ причинъ»; 4) *методъ совокупности или измѣненій*—его правило: «Бези измѣненія въ другъ какихъ нибудь явленіяхъ ве-

явлений и фактовъ зависятъ непосредственно отъ разныхъ родовъ причинъ, то дедуктивный методъ въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ заключается въ томъ, что составные элементы общественныхъ явленій изучаются порознь. Каждая отдѣльная, дѣйствующая въ общественныхъ явленіяхъ причина изучается особо; выяснивъ дѣйствія всѣхъ причинъ въ отдѣльности, затѣмъ при помощи вывода или дедукціи стараются открыть, какъ онѣ будутъ дѣйствовать въ совокупности. Если результаты дедукціи соотвѣтствуютъ наблюдаемымъ фактамъ, значитъ выводъ сдѣланъ вѣрно и мы открыли причину явленій. Такимъ образомъ дедуктивный методъ, который съ такимъ талантомъ изложилъ и употреблялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Д. С. Милль, состоитъ изъ трехъ частей: индуктивнаго изслѣдованія, вывода или умозаключенія и повѣрки. Заслуга Милля заключается еще, однако, и въ томъ, что, слѣдуя О. Конту, онъ указалъ на необходимость созданія на ряду съ отдѣльными общественными науками еще общей социальной науки, или, какъ говорилъ Контъ, социологии, которая ставитъ своей задачей открытіе законовъ социального развитія. Последніе не мо-

гутъ взаимно сосуществовать другъ другу, то одно изъ нихъ составляетъ причину, а другое слѣдствіе и оба они стоятъ въ какой нибудь причинной связи"; методъ остатковъ уже въ сущности является дедуктивнымъ методомъ. Слѣдуетъ помнить, что *причиной* Милль называетъ всякое неизменно предшествовавшее явленіе, *слѣдствіемъ* неизменно послѣдующее. Причина — есть сумма всѣхъ условий, положительныхъ и отрицательныхъ, шатахъ и жѣстѣ, наступленіе которыхъ неизменно и безусловно сопровождается слѣдствіемъ. Приложение этихъ методовъ въ общественныхъ наукахъ очень хорошо изложено въ логикѣ А. Вана, см. его Логика общественныхъ наукъ, Москва, 1882 г., стр. 27 и слѣд-

гуть быть открыты при помощи простой дедукции. Человѣческій умъ не можетъ прослѣдить всю совокупность общественныхъ явленій на протяжении тысячелѣтій, поэтому приходится измѣнить простой дедуктивный методъ и въ этомъ преобразованномъ видѣ Д. С. Милль называетъ его—обратно-дедуктивнымъ или историческимъ. Прежде всего изслѣдователь долженъ найти единообразіе или правильность въ послѣдовательности историческихъ явленій. Другими словами, факты и явленія действительности, которые при простой дедукции служили лишь для повѣрки, становятся исходнымъ пунктомъ изслѣдованія и только обобщивъ, такимъ образомъ наблюденныя явленія, мы при помощи вывода или умозаключенія должны показать, что сдѣланныя историческія обобщенія согласуются съ законами челоѣческой природы. Замѣтновать построеніе этого метода отъ Конта, Милль, однако, сильно разошелся съ нимъ. Соціологію Контъ построилъ на біологіи, стараясь восходить отъ фізіологическаго организма къ соціальному. На мѣсто психологіи Контъ въ основу общественныхъ наукъ полагалъ церебральную фізіологію т. е. фізіологію мозга. Милль также признавалъ, что отъ психологическихъ основъ челоѣческой души нельзя сразу перейти къ законамъ, управляющимъ челоѣческими обществами. Посредствующимъ звеномъ между тѣми и другими, по его мнѣнію, должна служить *этнологія* или наука о характерахъ, занимающаяся подборомъ качествъ, проявляющихся въ національномъ характерѣ, и изученіемъ законовъ, управляющихъ ихъ дѣйствіемъ.

Какъ ни бился, однако, Милль, но основать

такую науку ему не удалось. Разочаровавшись въ возможности построить такую науку, Д. С. Милль и написалъ свой трактатъ „объ основаніяхъ политическихъ экономій“, часть котораго въ извлеченіи и составляетъ настоящую книгу. Первой и основной заслугой этого трактата и является то, что въ немъ Милль, оставаясь вполнѣ сторонникомъ дедуктивнаго психологическаго метода, попытался внести въ экономическую науку необходимыя поправки и рассмотреть всѣ экономическія явленія не только такъ, какъ они есть, но въ процессѣ ихъ развитія и въ связи съ философіей его времени. Слѣдуя Конту, онъ изучаетъ порядокъ и прогрессъ, статику и динамику экономическихъ явленій, старается обсуждать многія явленія не съ узко-экономической, а съ болѣе широкой соціальной точки зрѣнія. До какихъ бы то ни было обобщеній, дающихъ законы экономического развитія, онъ не дошелъ, но громадная его заслуга, сравнительно съ Мальтусомъ и Рикардо напр., заключается въ томъ, что онъ сталъ смотрѣть, по крайней мѣрѣ, хотя на нѣкоторыя экономическія явленія, какъ на нѣчто подлежащее измѣненію. Ему не удалось, конечно, быть новымъ Ад. Смитомъ. Для этого у него не хватало строгаго единства въ его философской системѣ.

Объ этомъ трактатѣ мы теперь и должны поговорить болѣе подробно, чтобы затѣмъ коснуться еще вкратцѣ политической и этической философій Д. С. Милля, ибо трудно понимать хорошо трактатъ Милля объ основаніяхъ политической экономіи, не ознакомившись съ этой стороной его философій, какъ она изложена въ изслѣдованіяхъ о „Свободѣ“ и

„Утилитаріанизмъ“. Д. С. Милля часто называютъ простымъ продолжателемъ Мальтуса и Рикардо, но такое утвержденіе не будетъ вполнѣ вѣрно, даже въ томъ случаѣ, если мы ограничимся лишь изученіемъ однихъ „Основаній“. Сопоставивъ „Основанія“ съ сочиненіями о „Свободѣ“ и „Утилитаріанизмѣ“, мы еще болѣе убѣдимся, что количество внесенныхъ ими поправокъ было значительно больше, чѣмъ думаютъ, и онъ по праву могъ называть школу Рикардо „старой“, отличая тѣмъ себя отъ нея, какъ человѣка новаго направленія. Только въ своихъ пяти опытахъ о нѣкоторыхъ неразрѣшенныхъ вопросахъ П. Экономіи, написанныхъ въ 1830—31 г. и опубликованныхъ въ 1844 г., онъ еще остается прямолинейнымъ ученикомъ Рикардо.

Безъ сомнѣнія методъ и всѣ основныя положенія Милля, таковы же какъ и у Рикардо. Уже въ пятомъ изъ своихъ опытовъ, а впоследствии съ большой полнотой въ Логикѣ нравственныхъ наукъ, Милль точно и ясно формулировалъ своеобразную точку зрѣнія, съ которой была построена и должна быть построена абстрактная политическая экономія, желающая изучать экономическія явленія въ условіяхъ свободного соперничества. Основная экономическая предпосылка, общая ему, также какъ и Рикардо, и всей классической школѣ П. Э., можетъ быть формулирована такъ: „такъ какъ природа одарила человѣка многообразными духовными и матеріальными потребностями, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ перерабатывать и присваивать себѣ матерію и силы природы, такъ какъ въ то-же время она дала ему краткую жизнь и мало силъ, то, чтобы обезпечить себѣ наилуч-

шимъ образомъ удовлетвореніе потребностей, чело-
вѣкъ въ своей дѣятельности долженъ всегда
имѣть въ виду балансъ выгодъ и пожертвованій
при своемъ трудѣ; или иначе: люди всегда стре-
мятся и должны стремиться получить богатство съ
наименьшей затратой труда“. Подобно Рикардо, онъ
построяетъ, исходя изъ этого психологическаго пред-
положенія, всю политическую экономію, приходитъ во
многихъ отношеніяхъ къ тѣмъ же выводамъ, но
обнаруживаетъ гораздо большую широту взгляда и
осторожность. По справедливому замѣчанію Д. Э.
Кериса, Рикардо доставить Миллю скелетъ науки—
онъ снабдилъ её связками, кровью и мускулами;
безъ сомнѣнія, трактатъ Д. С. Милля и доселѣ еще
остается лучшимъ руководствомъ для занимающихся
изученіемъ экономической науки. Мы увидимъ еще,
какія широкія видоизмѣненія въ этой общей психо-
логической предпосылкѣ сдѣлалъ Милль, какъ въ
своихъ „Основаніяхъ“, такъ и въ другихъ трудахъ.

Изъ приложеннаго къ настоящему изданію пол-
наго оглавленія трактата Д. С. Милля читатель
легко усмотритъ планъ всего сочиненія и ту гро-
мадную массу вопросовъ, которые оно затрогиваетъ.
Первая книга трактуетъ о производствѣ, вторая
о распредѣленіи, третья—объ обмѣнѣ, четвертая—
о вліяніи прогресса общества на производство и рас-
предѣленіе и, наконецъ, пятая—о вліяніи прави-
тельства на экономическую жизнь. Критика уже
давно показала недостатки и достоинства этого
трактата и мы коснемся и тѣхъ и другихъ только
въ самыхъ общихъ чертахъ.

Уже во введеніи, а въ особенности въ третьей
книгѣ, ясно видно стремленіе Д. С. Милля при-

дать П. Э. болѣе исторической и менѣе абстрактный характеръ. Мы знаемъ теперь гораздо болѣе о томъ, какъ слагались экономическія явленія въ историческомъ процессѣ, но для своего времени—вступленіе и главы о рабствѣ, крестьянахъ-собственникахъ, половникахъ, коттерахъ были одной изъ первыхъ попытокъ внести въ теоретическую экономію историческій элементъ и соединить теорію съ политикой. Главы о формахъ землевладѣнія были внесены подъ непосредственнымъ вліяніемъ трудовъ Джонса, на котораго теперь смотрять, какъ на одного изъ родоначальниковъ историческаго направленія. Въ этихъ главахъ Д. С. Милль является горячимъ защитникомъ мелкой крестьянской собственности, не считая ее, однако, конечной формой человѣческаго развитія. Въ числѣ аргументовъ въ пользу ея, онъ выдвигаетъ два главнѣйшихъ: необыкновенное трудолюбіе, бережливость и трезвость крестьянъ-собственниковъ (дайте чело-вѣчку въ прочное владѣніе голую скалу и онъ превратитъ её въ садъ, говоритъ онъ, дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, и онъ обратитъ его въ пустыню) и развитіе среди этого класса благоразумія, самообладанія и воздержанности отъ чрезмѣрнаго размноженія. Въ послѣднемъ аргументѣ съ особой силой сказывается старая закваска Рикардіанства и Мальтузіанства. Все существенное въ ученіи о заработной платѣ, прибыли, рентѣ построено въ полномъ соответствіи съ ученіями этихъ писателей. Милль является горячимъ сторонникомъ заработнаго фонда *) и Мальтусовой

*) Слѣдуетъ отбѣдять, что въ одной изъ статей, написанныхъ по повелю сочиненія Торнтона, о „Урудѣ и его проказѣ“ Д. С. Милль от-

теоріи населенія. Здѣсь онъ мало оригиналенъ; въ отличіе отъ Рикардо онъ настаиваетъ, впрочемъ, съ большей силой, но и только, на томъ, что минимумъ заработной платы опредѣляется не только физическими, но и нравственными причинами; въ отличіе отъ Мальтуса, настаиваетъ на нравственномъ воздержаніи сочетавшихся бракомъ существъ. Главнѣйшее достоинство абстрактной части его трактата сравнительно съ Рикардо заключается въ необыкновенной ясности изложенія и гораздо большей систематичности и широтѣ построенія. Самой характерной чертой всего трактата является, однако, двойственное подраздѣленіе законовъ экономіи.

Подъ вліяніемъ О. Конта Д. С. Милль пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучать статику и динамику экономическихъ вліяній; быть можетъ подъ вліяніемъ жены, а главнымъ образомъ С. Симона и Фурье, онъ въ то-же время раздѣлилъ законы П. Э. на неизмѣнные и измѣняемые и сообразно съ этимъ на ряду съ абстрактной теоріей далъ цѣлый рядъ практическихъ указаній. Въ настоящемъ изданіи мы сохранили почти всецѣло относящееся къ этой сторонѣ взгляды Милля и отсылаемъ читателя непосредственно къ нимъ. Въ нихъ много, очень много спорнаго, но они представляютъ прекрасный

касался отъ теоріи заработнаго фонда. Мы сохранили въ настоящемъ изданіи эту сторону его ученій въ первоначальномъ видѣ, ибо въ связи съ его ученіями о формулахъ капитала — она представляетъ лучший образецъ силы и слабости дедуктивнаго метода, лучшую школу экономического мышленія. Книга Торитона переведена на русскій языкъ и въ приложеніи къ ней напечатана и указываемая статья Д. С. Милля. А. М.

материаль для размышлений. Коснемся только раздѣленія законовъ политической экономіи на два вида. Законы производства, говоритъ Милль*), неизмѣнны, законы распределенія—дѣло чисто человеческого учрежденія. Это раздѣленіе законовъ—въ свое время оказало на экономистовъ большое вліяніе, но позволительно сомнѣваться, чтобы оно было цѣлесообразно съ научной точки зрѣнія. Да и самъ Д. С. Милль не въ состояніи былъ послѣдовательно провести это раздѣленіе, которое не согласуется съ фактами дѣйствительной жизни. Собственныя его главы о производствѣ полны указаній, что законы производства находятся въ такой же тѣсной зависимости отъ исторической обстановки, какъ и законы распределенія. Абстрактныя законы производства, говоряція намъ о выгодности или невыгодности того или иного технического приѣма производства, совершенно парализуются исторической обстановкой существующихъ экономическихъ отношеній. Въ свое время извѣстный нашъ критикъ Н. Г. Чернышевскій указалъ уже, что Милль незамѣтно для себя принужденъ принимать во вниманіе эту историческую обстановку. Такъ въ главѣ 2-й первой книги***) онъ включаетъ въ разрядъ косвенно-производительнаго труда—трудъ, затраченный на производство пищи для работниковъ, и говоритъ, что существующая историческая обстановка требуетъ включенія въ издержки производства—особаго вознагражденія за эту пищу. Въ главѣ о капиталѣ онъ утверждалъ, что та-же исто-

*) Ср. стр. 119 и слѣд. настоящаго изданія.

**) Ср. стр. 48 и 53 изст. изд.

рическая обстановка требует затрачивать на производство больше капитала, чѣмъ сколько требуется самой сущностью дѣла. Въ отдѣлѣ же о производствѣ онъ говоритъ о неизмѣнномъ законѣ населенія, наставляя на его измѣняемость во всѣхъ послѣдующихъ главахъ. Такихъ примѣровъ можно было-бы набрать не мало. Говоря объ измѣняемости законовъ распределенія онъ въ то-же время говоритъ: „хотя правительство и нація имѣютъ власть опредѣлять, какія учрежденія должны существовать, но они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи эти учрежденія будутъ дѣйствовать“*). Безъ всякаго сомнѣнія вліяніе чловѣка на распределеніе шире и въ указаніи этого огромная заслуга Д. С. Милля. Главы его о вліяніи обычая, учреждений, собственности и наслѣдованія и друг. факторовъ на распределеніе полны интереса, но онъ и самъ видитъ, что разъ дана извѣстная историческая обстановка—результаты ея сказываются *sponte acta* — сами собой. Родбертусъ правильно взглянулъ на дѣло, справедливо утверждая, что законы производства и распределенія взаимно зависятъ другъ отъ друга и что тѣ и другіе равно не могутъ быть неизмѣнными, а представляются лишь нѣкоторыми „историческими категоріями“. Условія баланса выгодъ и пожертвованій,—это исходная предпосылка П. Э., а слѣдовательно и законы производства и распределенія, никогда не остаются одинаковыми и зависятъ не только отъ всей совокупности условій виѣшней природы (климатъ, почва, извѣстныя ору-

*) Ср. стр. 39 наст. изд.

дѣя производства и проч.), но и отъ исторической обстановки человѣческой среды*).

Ни на чемъ, быть можетъ, эта неправильность въ разъясненіи законовъ не сказалось съ такой силой, какъ въ книгѣ объ обмѣнѣ, которая составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе ученія о распределеніи. Рикардо училъ, что цѣнность товаровъ зависитъ отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство въ наилучшихъ условіяхъ.

Предположимъ, что продуктъ А производится въ 300 дней при рабочей платѣ 2 и прибыли на затраченный 5%; продуктъ В производится въ 500 дней при той же заработной платѣ и прибыли; тогда стоимость продукта А равна: $300 \times 2 + 5\%$.

на 300×2 или $\frac{300 \times 2}{20}$; стоимость продукта В равна потому же: $500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}$. Отношеніе цѣнностей А и В будетъ таково: $A : B = (300 \times 2 + \frac{300 \times 2}{20}) : (500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20})$ или $A : B = 300(2 + \frac{2}{20}) : 500(2 + \frac{2}{20})$ или $A : B = 300 : 500$.

Всѣ стремленія Рикардо и направлены къ тому, чтобы доказать, что въ обществѣ, гдѣ соперничество постоянно стремится уравнивать прибыли и заработныя платы при сравненіи стоимостей продуктовъ, они, такъ сказать, взаимно сокращаются и могутъ быть приняты за единицу; отсюда слѣдуетъ, что въ такомъ обществѣ цѣнности продуктовъ от-

* См. по этому поводу первую главу нашего труда „Деньги“ Москва, (1895)—„Политическая экономія и естественныя науки“.

посылаются другъ къ другу, какъ количество затраченнаго на нихъ труда. Неравенства въ прибыляхъ, обусловливаемые неравнымъ размѣромъ затраченнаго капитала, Рикардо считалъ возможнымъ игнорировать. De minimis non curat praetor, т. е. о малозначительномъ вліяніи не стоитъ говорить.

Д. С. Милль не могъ согласиться съ этимъ. Какъ видно изъ 8 пункта его обзора цѣнности на мѣсто общей формулы Рикардо, онъ ставитъ формулу издержекъ производства, утверждая, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ цѣнность опредѣляется суммою заработныхъ платъ и прибылей, какъ всеобщихъ элементовъ издержекъ производства. Необходимость получать прибыль соотвѣтственно затраченному капиталу вызываетъ по Д. С. Миллю три послѣдствія въ законѣ цѣнности *).

Во-первыхъ. Предположимъ, что товаръ А. произведенъ трудомъ стоимостью въ 1,000 рублей, товаръ В. произведенъ непосредственнымъ трудомъ въ 500 рублей и изнашивающейся отъ употребленія въ одинъ годъ машиною той же стоимости. Прибыль на капиталъ равна 20%. Очевидно продукты этихъ различныхъ производствъ по роду затратъ не могутъ обмѣниваться одинъ на другой. Машина сдѣлана трудомъ стоимостью въ 500 рублей и потому при прибыли въ 20% естественная ея стоимость 600 р.; такимъ образомъ фабрикантъ товара В. сдѣлать на 100 рублей болѣе затратъ, чѣмъ фабрикантъ товара А. Отсюда стоимость товара А=1000 р. (заработная плата) +200 (прибыль на эту затрату); стоимость товара В потому же

*) См. Основанія, книга III, §. 4, 5 и 6-й.

равна: 600 (стоимость машины) + 120 (прибыль на эту затрату) + 500 (зар. пл.) или что тоже А — стоит 1200 руб., В — 1320. Ясно замѣчаетъ Д. С. Милль, что товары *обмѣниваются не по простой соразмерности количествъ требующихся на ихъ производства труда, если въ этомъ процессѣ участвуетъ неравное количество капитала въ разныхъ его формахъ.*

Во-вторыхъ. Второе послѣдствіе по Миллю еще оригинальнѣе и выражается въ положеніи, что *отъ общаго повышенія или пониженія прибылей цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи разныхъ видовъ капитала, измѣняются неизбежно.* Если два товара, производимые равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность по той причинѣ, что одинъ долженъ давать прибыль за больший промежутокъ времени, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при повышеніи прибылей и уменьшится при ихъ пониженіи. Такъ наши товары А и В продавались: первый за 1,200 руб., второй за 1,320 руб.; предположимъ, что прежняя норма прибыли понизилась до половины т. е. пала до 10⁰/₀: тогда первый товаръ А. будетъ продаваться за 1,100 р., товаръ В — за 1,115 руб. Такъ какъ прибыль, по предположенію Рикардо, къ которому примыкаетъ и Д. С. Милль, измѣняется только отъ повышенія или пониженія заработной платы, то это положеніе онъ выражаетъ въ другой формѣ такъ: *отъ повышенія заработной платы поднимается цѣнность товаровъ, производимыхъ трудомъ, относительно товаровъ, производимыхъ машинами.*

Въ-третьихъ, наконецъ третье послѣдствіе выражается въ томъ, что капиталисты въ современ-

номъ хозяйствѣ могутъ получать прибыль внѣ всякой зависимости отъ затраченнаго труда. Два капиталиста, напр., произвели вино; одинъ изъ нихъ немедленно продать его за 120 рублей, другой выдержалъ такое-же вино пять лѣтъ въ погребахъ. Очевидно, онъ продастъ его за 120 р. плюсъ прибыль за пять лѣтъ.

Теорія Д. С. Милля произвела большее впечатлѣніе, но уже непосредственный ученикъ его Д. Э. Кернсъ развилъ ее далѣе, постарался исправить, но потерпѣлъ неудачу. Съ современной точки зрѣнія представляется несомнѣнно, какъ ибѣ что совершенно правильное, что заработная плата составляетъ всеобщій элементъ цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, какое ибѣ дѣло до количества затрачиваемаго труда, если я просто знаю, что товаръ А. стоитъ 1000 рублей въ видѣ выплаченной заработной платы. Цѣнность его, очевидно, должна совпадать съ количествомъ денегъ, выданныхъ въ видѣ заработныхъ платъ и истраченныхъ на покупку матеріаловъ. На этотъ именно пунктъ, прежде всего, и обратилъ вниманіе Д. Э. Кернсъ. По его мнѣнію, положеніе, согласно которому заработная плата составляетъ часть издержекъ производства, выработано съ исключительной точки зрѣнія капиталиста-предпринимателя. Для послѣдняго заработная плата, дѣйствительно, составляетъ часть издержекъ. Но съ общей точки зрѣнія плата рабочихъ является вознагражденіемъ за ихъ трудъ и колеблется совершенно независимо отъ цѣнности предметовъ; такъ, съ возрастаніемъ производительности труда цѣнности понижаются, а заработныя платы могутъ повыситься, рабочіе будутъ получать большее ко-

личество продуктовъ въ оплату своего труда. Выраженіе это сдѣлано вполнѣ послѣдовательно съ Рикардіанской точки зрѣнія *). Но онъ не остается столь послѣдовательнымъ въ вопросѣ о прибыли **). Ему приходилось объяснить ничѣмъ не доказанное утверженіе Д. С. Милля, что прибыль *неизбѣжно* входитъ въ цѣнность продукта. Онъ разсуждаетъ такъ: издержки производства состоятъ въ *пожертвованіяхъ* (sacrifice), которыя выражаются въ затратахъ труда и капитала; первыя измѣряются числомъ дней, часовъ и т. д. труда; пожертвованіе капиталиста заключается въ воздержаніи (abstinence) и прибыль является вознагражденіемъ за таковое. Капиталь необходимъ для производства, а между тѣмъ только прибыль т. е. извѣстный вычетъ изъ цѣны продукта въ пользу капиталиста, побуждаетъ людей къ сбереженіямъ для употребленія сохраненнаго въ качествѣ капитала. Нельзя предполагать, думаетъ Керись, что процессъ сбереженія пріятенъ самъ по себѣ; быть можетъ для капиталистовъ высшаго полета самоограниченіе (selfdenial) въ видѣ сбереженія и невелико, но по общему правилу это образующее капиталы самоограниченіе бываетъ серьезнымъ и суровымъ пожертвованіемъ. Значеніе этого самоограниченія и потребное вознагражденіе за него опредѣляется по среднему размѣру пожертвованій (average sacrifice) при воздержаніи (abstinence). Отсюда Керись, а за нимъ и безконечный рядъ экономистовъ, слагаютъ издержки производ-

*) Ср. ученіе Рикардо въ изданіи той же экономической библіотеки, пер. Н. Фабриканта. **) См. Some Leading Principles of Political Economy newly expanded L. 1874. Теорія воздержанія впервые была обоснована Небелюсомъ, затѣмъ Сажуромъ и его продолжителями Д. Э. Керисомъ.

ства: изъ рабочихъ дней + воздержаніе. Но основательность этого пріема подлежитъ возраженіямъ. Прежде, всего то же, что сказала Д. Э. Кернъ о платѣ можно сказать и о прибыли. Кромѣ того никто изъ сторонниковъ этой теоріи не пояснилъ, какъ можетъ въ дѣйствительности происходить это странное сложеніе въ издержкахъ производства труда съ абстрактнымъ понятіемъ—воздержаніемъ; къ тому же и опредѣлить среднее значеніе этого воздержанія положительно невозможно. Объясненіе прибыли, даваемое Д. С. Миллемъ сообразно точкѣ зрѣнія Рикардо, гораздо правдоподобнѣе. Включать прибыль въ издержки производства мы не имѣемъ никакого права. Она не влагается, а получается по окончаніи производства. Она составляетъ просто доходъ капиталиста, реализуемый послѣ того, какъ продуктъ изготовленъ. Въ этомъ отношеніи еще Р. Мальтусъ даетъ ясное и точное опредѣленіе того, что мы должны понимать подъ прибылью. „Прибыль, говоритъ онъ, состоитъ въ разницѣ между цѣнностью затратъ, которыя необходимы для производства товаровъ, и цѣнностью готоваго продукта; норма прибыли состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи между цѣнностью затратъ и цѣнностью готоваго продукта“. Очевидно, внесенная Д. С. Миллемъ поправка не улучшила теоріи цѣнности Рикардо. Историческая обстановка, въ которой протекаютъ нынѣ экономическія явленія, а именно раздѣленіе продуктовъ между тремя классами, не даетъ намъ права слагать издержки производства изъ доходовъ. Здѣсь съ особой силой сказывается то обстоятельство, что при данныхъ условіяхъ распредѣленія все же существуетъ нѣкто-

рый общий и неизменный законъ, отъ котораго зависитъ это распредѣленіе. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіи вопроса, насколько правильна теорія Рикардо. Намъ пришлось-бы коснуться тогда всего зданія абстрактной экономіи *). Выставленные этой школой положенія служатъ фундаментомъ всей теоретической экономіи и вокругъ нихъ будутъ постоянно вращаться все споры. Слѣдуетъ благодарить Д. С. Милля, что онъ въ своемъ трактатѣ постарался указать рядъ отступленій, которые вполнѣ согласуются съ общей правильностью абстрактной теоріи, но въ тоже время нельзя признать правильности той „реальной теоріи“ издержекъ производства, которую онъ хотѣлъ поставить на мѣсто абстрактнаго закона Рикардо.

Четвертая и пятая книги затѣмъ представляютъ наибольшій интересъ. Въ нихъ Д. С. Милль является горячимъ защитникомъ индивидуализма и самостоятельности рабочихъ классовъ. Для послѣднихъ онъ особенно рекомендуетъ организацію производительныхъ и потребительныхъ товариществъ, но очеркъ исторіи этихъ товариществъ не отличается полнотою и для настоящаго времени уже устарѣлъ. Исходя изъ формулы „общаго блага“, онъ отводитъ правительственному вмѣшательству уже гораздо болѣе обширное мѣсто, настаивая, однако, на томъ, что теорія *laisse faire* должна быть общимъ правиломъ. Все данныя современности, однако, убѣждаютъ его, что развитіе сотрудничества будетъ продолжаться. Въ дополненіе къ со-

*) Ср. нашъ трудъ „Деньги“, опытъ изученія основныя положеній экономической теоріи классической школы (Москва 1895).

храненному въ текстѣ мы должны теперь еще коснуться нѣсколько подробнѣе его воззрѣній, какъ индивидуалиста и этика—утилитариста.

Сочиненіе о „Свободѣ“ *) является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ о вліяніи правительства. Въ немъ заключается блестящая защита индивидуализма. По красотѣ и силѣ языка, по глубинѣ чувства, по краснорѣчію въ немъ положительно есть что то Цицероновское. Извѣстный христіанскій социалистъ и романистъ Кингсей рассказываетъ, что тотчасъ по выходѣ книги о „Свободѣ“ онъ зашелъ въ книжную лавку; ему подали эту книгу и онъ тутъ же сѣлъ и прочелъ ее, не отрываясь. И дѣйствительно, такую книгу стоитъ прочесть не отрываясь. Никто послѣ Милля не написалъ еще такой книги и какимъ пигмеемъ сравнительно съ нимъ представляется Спенсеръ въ своей защитѣ личности противъ государства. Подобно тому какъ въ своихъ „Основаніяхъ“ Д. С. Милль является самымъ справедливымъ защитникомъ частной собственности, такъ и въ трактатѣ о „Свободѣ“ онъ даетъ самую лучшую защиту индивидуализма. По духу трактатъ о „Свободѣ“ скорѣе долженъ быть отнесенъ къ началу 19 вѣка, чѣмъ къ концу, но мысли, высказанныя, въ немъ имѣютъ глубочайшее значеніе и для нашего времени. По собственнымъ словамъ Д. С. Милля цѣль его изслѣдованія о „Свободѣ“, состоитъ въ томъ, чтобы установить тотъ принципъ, на основаніи котораго должны быть опредѣлены какъ тѣ принудительныя и контролирующія

*) Книга эта имѣется на русскомъ языкѣ въ прекрасномъ переводѣ А. Н. Петловскаго.

дѣйствія общества по отношенію къ личности, которыя совершаются при помощи физической силы въ формѣ легальнаго преслѣдованія, такъ и тѣ дѣйствія, которыя заключаются въ нравственною насиліи надъ личностью чрезъ общественное мнѣніе. Принципъ этотъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что люди, индивидуальнo или коллективно, могутъ вмѣшиваться въ дѣйствія личности только ради самосохраненія. Каждый членъ цивилизованнаго общества только въ томъ случаѣ можетъ быть справедливо подвергнутъ какому нибудь принужденію, если это нужно для того, чтобы предупредить съ его стороны такія дѣйствія, которыя вредны для другихъ людей,—личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляетъ достаточнаго основанія для какого бы то ни было вмѣшательства. Въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя касаются лично его самаго, индивидуумъ долженъ быть абсолютно независимъ надъ самимъ собой,—надъ своимъ духомъ и тѣломъ онъ неограниченный господинъ. Личное его благо можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, усовѣщать, убѣждать, но ни какъ не для того, чтобы принуждать или дѣлать какое нибудь возмездіе за то, что онъ поступилъ не такъ, какъ желали...

По существу книга состоитъ изъ трехъ главнѣйшихъ частей; въ первой Милль является горячимъ сторонникомъ свободы обсужденія, во второй онъ доказываетъ, какъ важно для общества развитіе разнообразія въ характерахъ, въ третьей попытается опредѣлить предѣлы власти общества надъ личностью.

Наибольшей силой аргументации отличается первая часть; вкратцѣ аргументации Д. С. Милля въ пользу свободы мысли сводятся къ слѣдующимъ четыремъ положеніемъ: 1) мнѣніе, которое заставляютъ молчать, можетъ быть истиной. Отрицать возможность этого, значитъ признавать себя непогрѣшимымъ; 2) хотя мнѣніе, лишенное возможности высказываться, и есть заблужденіе, но оно можетъ заключать въ себѣ часть истины, какъ это по большей части и бываетъ; — и такъ какъ общепринятое или господствующее мнѣніе рѣдко или почти никогда не заключаетъ въ себѣ всей истины, то только при столкновеніи между собой различныхъ мнѣній остальная непризнанная часть истины и можетъ достигнуть признанія; 3) если даже общепринятое мнѣніе, не только истинно, а заключаетъ въ себѣ всю истину, но если при этомъ оно не дозволяетъ себя оспаривать и на самомъ дѣлѣ не подвергается серьезному и искреннему оспариванію, то оно въ сознаніи или чувствѣ большей части людей утрачиваетъ свою разумность и превращается въ предразсудокъ; 4) мало того, дѣлая себя недоступной критикѣ, доктрина подвергаетъ себя опасности утратить самый свой смыслъ, ослабить свое вліяніе на характеръ и поступки людей и даже совершенно лишиться этого вліянія; догма превращается въ пустую, совершенно безплодную формальность, которая препятствуетъ зарожденію дѣйствительныхъ искреннихъ убѣжденій, исходящихъ изъ разума или изъ личнаго опыта⁴.

Не всѣ эти аргументы обладаютъ равной силой и примѣры, которыми Милль старается ихъ подтвердить, не всегда удачно подобраны. Наибольшей силой

отличается первый аргументъ, наибольшей слабостью второй и третій. Есть что-то парадоксальное въ утвержденіи, что истина лежитъ гдѣ то между двумя противоположными мнѣніями и будто общепризнанная истина нуждается въ опроверженіи. Законъ тяготѣнія составляетъ несомнѣнную истину, которая будетъ господствовать надъ умами и не нуждается въ томъ, чтобы какое нибудь противоборствующее утвержденіе оживляло эту истину въ умахъ людей. Даже въ этическихъ и политическихъ истинахъ не можетъ быть такой двойственности, при которой невозможно бы была ни стройность, ни стойкость убѣжденій. Наконецъ, истины часто теряютъ смыслъ не потому, что нѣтъ оппонентовъ, а потому, что собранный запасъ данныхъ и разумъ отказываются признать ихъ состоятельность. Вильгельмъ Гумбольдтъ, къ которому безусловно примыкаетъ и Д. С. Мильль, безъ сомнѣнія, правъ, что два условія существенно необходимы для развитія человѣка, ибо только при существованіи этихъ условій только и возможно, чтобы люди не походили другъ на друга, а именно: свобода и разнообразіе положеній. Онъ останавливается съ ужасомъ предъ повсемѣстно замѣчаемымъ стремленіемъ подвести людей подъ одинъ типъ. Если все живое, говоритъ онъ, будетъ подведено подъ одинъ типъ, тогда уже поздно будетъ сопротивляться, тогда отступленіе отъ общаго типа сдѣлается чудовищностью, безнравственностью, противоестественностью. Если люди не будутъ имѣть разнообразія предъ глазами, то они потеряютъ скоро способность къ разнообразію. Разсуждая далѣе Мильль отождествляетъ энергію съ оригинальностью и ге-

ниальностью, гений съ эксцентричностью. Все это очень вѣрно, безусловно необходимо, но бѣда въ томъ, что самый основной принципъ, на которомъ поконится все построеніе, почти невозможно установить точно и опредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, какія дѣйствія индивидуума вредны только для него одного, какія пагубны для общества? Гдѣ та грань, которая отдѣляетъ первыя дѣйствія отъ вторыхъ? Индивидуалисты всегда полагаютъ, что личность логически предшествуетъ обществу, но такъ ли это? Кто сильнѣе личность или общество, кто обладаетъ большимъ количествомъ правъ? Что полезно для общества, гдѣ должно остановиться вмѣшательство, если общее благо, это неопредѣленнѣйшее начало, служить указателемъ границъ этого вмѣшательства? Врядъ ли возможно разрѣшить этотъ вопросъ теоретически, но существуетъ несомнѣнный фактъ, что общество, какъ цѣлое, было всегда творцемъ всякаго права и права личности предъ нимъ уступали и терпѣли нарушеніе. И только *борьба* личностей, какъ членовъ общегитія, а не абстрактныя ихъ абсолютныя права опредѣляли эту грань. Теперь мы защищаемъ тѣ-же положенія, исходя не изъ естественныхъ правъ, а изъ соображеній общественной цѣлесообразности, всегда сознавая, однако, что общество и его организація сильнѣе насъ, какъ личностей и до извѣстной степени во всякое данное время владѣютъ нами.

Уже въ собственномъ трактатѣ объ „Утилитаризмѣ“, а еще болѣе въ послѣдующихъ сочиненіяхъ*), Милль обнаружилъ слабость своей фи-

*) См. Chapters on Socialism въ „Fortnightly Review“, 1879.

лософій утилитарнаго индивидуализма и естественныхъ правъ личности. Бентамъ былъ дѣйствительно послѣдователенъ. Человѣкъ, по его мнѣнію, всегда остается эгоистомъ и только потому предпочитаетъ добродѣтель пороку, что она доставляетъ ему большее количество удовольствій, большую сумму наслажденій. Въ трактатѣ Д. С. Милля объ „Утилитаризмѣ“ замѣчается вся та-же обычная раздвоенность мысли, характерная для индивидуалиста и утилитариста, познавшаго значеніе общественныхъ силъ и идеальныхъ побужденій. Благодаря этому, получается большая неясность въ самыхъ существенныхъ опредѣленіяхъ, что такое счастье и въ томъ, дѣйствительно ли человѣкъ существо исключительно эгоистическое. По справедливому замѣчанію А. Бэна на этотъ небольшой трудъ можно возражать множествомъ томовъ и будучи попыткой примирить утилитаристовъ и идеалистовъ, онъ не удовлетворилъ ни тѣхъ, ни другихъ. Иногда подъ счастьемъ, въ полномъ согласіи съ Бентамомъ, Милль разумѣетъ удовольствіе и отсутствіе страданія *). Въ другихъ мѣстахъ книги **) онъ прямо говоритъ, что не слѣдуетъ отождествлять счастье съ довольствомъ. Натуры низшаго характера могутъ достигнуть болѣе полного удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. получить болѣе наслажденій. Человѣкъ, высоко одаренный, не желаетъ быть довольной свиньей и несовершенства его вѣншей жизни замѣняются сознаніемъ „собственного достоинства“. Кромѣ того, по его мнѣнію, утилитаріанскій принципъ ставить цѣлью человѣка не

*) Пер. стр. 18 р. вер.; **) стр. 23, 27, 33 и passim.

личное величайшее счастье, а величайшую сумму общего счастья всѣхъ. Затѣмъ указывается, что счастье имѣеть свои составныя элементы, что оно немыслимо безъ умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Но что важнѣе всего — это то, что Милль проводитъ крупное различіе между *качествами* наслажденій. Бентамисты послѣдовательно говорили только о *количествѣ* наслажденій и если предпочитали умственныя наслажденія предъ чувственными, то только потому, что первыя прочнѣе, надежнѣе, дешевле и т. п. Д. С. Милль утверждаетъ, что подобно тому, какъ при оцѣнкѣ всякаго предмета, такъ и при оцѣнкѣ наслажденій мы должны принимать во вниманіе количество и качество. Общее чувство и общее мнѣніе, говоритъ онъ, но, скажемъ, не доказываетъ, утверждаютъ намъ, что удовольствія, удовлетворяющія нашимъ высшимъ потребностямъ, для насъ наиболѣе цѣнны. Такимъ образомъ мало по малу представленіе о счастья, какъ о наслажденіи, замѣняется представленіемъ о такой жизни, къ которой мы относимся съ наибольшимъ предпочтеніемъ, а „величайшее счастье“ — обращается въ сознательное осуществленіе въ жизни идеала, высокаго и требующаго отъ человѣка напряженія всѣхъ силъ. Утилитаріанская нравственность, говоритъ онъ, признаетъ въ человѣкѣ способность жертвовать величайшимъ своимъ счастьемъ для блага другихъ; она отрицаетъ только, чтобы эта жертва могла сама по себѣ служить цѣлью; она утверждаетъ, что безплодна та жертва, которая не увеличиваетъ или не стремится увеличить общую сумму счастья. Но противорѣчія здѣсь еще не оканчиваются. Ис-

ходя изъ указаннаго положенія, онъ послѣдовательно полагаетъ, что *мотивы* дѣйствія имѣютъ значеніе для нравственной оцѣнки дѣйствующаго лица, но не имѣютъ никакого значенія для оцѣнки самаго дѣйствія. Большая часть хорошихъ поступковъ совершается, по его мнѣнію, вовсе не изъ стремленія къ міровой пользѣ, а просто изъ стремленія къ индивидуальнымъ пользамъ, изъ которыхъ и слагается міровое благо. Во главѣ третьей „о верховной санкціи принципа пользы“ и четвертой „о связи между справедливостью и пользой“ мы, однако, встрѣчаемся и съ другой точкой зрѣнія. Милль смѣло ставитъ вопросъ, можно ли считать человѣка существомъ исключительно эгоистическимъ и отвѣчаетъ: и да, и нѣтъ. Внутреннюю санкцію нравственной обязанности *) составляетъ наше собственное чувство, то мученіе, болѣе или менѣе сильное, которое мы чувствуемъ при неисполненіи нами долга и которое въ *нормально* развитыхъ натурахъ доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до такой силы, что нарушеніе долга дѣлается для нихъ совершенной невозможностью. Это чувство совершенно *бескорыстное*, истекающее изъ чистой идеи долга безъ всякой примѣси постороннихъ элементовъ, и есть то, что называется *совѣстью*. Правда, согласно Д. С. Миллю, чувство совѣсти не есть что нибудь врожденное, какъ полагаютъ идеалисты, но, по его мнѣнію, въ человѣческой природѣ существуетъ могущественное *естественное* чув-

*) См. стр. 63 р. пер., курсивъ нашъ.

ство общительности. Отсюда неизбежно вытекает дѣйствіе сообща и тутъ цѣли человѣка отождествляются съ цѣлями другихъ и основаніемъ поступковъ человѣка служитъ уже не индивидуальный, а коллективный интересъ. Самые незначительные зародыши этого чувства могутъ окрѣпнуть, подъ влияніемъ симпатіи и воспитанія, а могущественное средство внѣшнихъ санкцій (порицаніе и наказаніе со стороны другихъ) можетъ оплестъ ихъ цѣлью сѣтью условій, способствующихъ ихъ развитію. Такимъ образомъ и здѣсь Милль стремится согласить трудно связующіяся ученія. Происхожденіе нравственныхъ чувствъ изъ эгоизма замѣщается гораздо болѣе правильнымъ объясненіемъ ихъ изъ социальныхъ чувствъ человѣчества.

Такимъ образомъ, вся политическая, философская и экономическая система Д. С. Милля представляетъ собою что-то переходное, непрочное и лучший приговоръ о себѣ онъ даетъ въ собственной автобіографіи:

„Главная польза, говоритъ онъ *) извлеченная мною изъ того склада мыслей, который возбудили во мнѣ Сенъ-Симонисты и О. Контъ, заключалась въ болѣе ясномъ - сознаніи всѣхъ особенностей переходной эпохи, вслѣдствіи чего я пересталъ ошибочно принимать характеристическія умственные и нравственныя черты подобной эпохи за нормальные атрибуты человѣчества. Я смотрѣлъ впередъ, не останавливаясь на настоящемъ вѣкъ громкихъ споровъ, но слабыхъ убѣжденій и устремляя взоры въ будущее, которое соединитъ лучшія свой-

*) См. Autobiogr. I. с. стр. 165 и слѣд.

ства критическаго и органическаго періодовъ, полную свободу мысли и индивидуальной дѣятельности, насколько послѣднія не приносятъ вреда другимъ, — съ правильными убѣжденіями въ томъ, что касается добра и зла, полезнаго и вреднаго, которыя воспитаніе столь глубоко вкоренить въ сознаніе, въ потребностяхъ жизни и въ общемъ строеѣ чувствъ, что ихъ не придется періодически бросать и замѣнять другими². Во всѣхъ отношеніяхъ Д. С. Милль былъ писателемъ переходной эпохи. Онъ стоитъ на границѣ между старой экономической школой и новой, той, которая именуется историко-этической, обладаетъ большимъ запасомъ историческихъ знаній и болѣе правильной философской и этической теоріей.

III.

Намъ остается теперь сказать немного о личной жизни Д. С. Милля вплоть до его кончины. Что поражаетъ насъ въ этой жизни, это колоссальная масса совершеннаго труда и необыкновенная скромность, справедливость и благородство характера. Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Д. С. Милль написалъ еще громадное количество статей политическаго и полемическаго характера³). Какъ критикъ, онъ обладалъ рѣдкими способностями. Онъ умѣлъ правильно понять и истолковать мысли разбираемаго писателя и почти никогда не руководился личнымъ пристрастіемъ и раздраженіемъ.

²) Главнѣйшія изъ этихъ статей собраны и изданы въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ „Dissertations and Discussions“ (L. 1859—75). Вѣкоторыя изъ этихъ статей переведены на русскій языкъ и изданы въ 2-хъ томахъ В. Ковалевскимъ.

Онъ искалъ во всякомъ новомъ писателѣ таланта и лучшимъ его желаніемъ было всегда стремленіе помочь начинающему писателю, выдвинуть его и рекомендовать вниманію общества. Только благодаря его энергіи и поддержкѣ были напр., напечатаны первыя труды Сиенсера и Бэна. Онъ обратилъ вниманіе читающей публики, какъ въ Англіи, такъ и другихъ странахъ на произведенія О. Конта и Карлейля. Первый былъ обязанъ Д. С. Миллю не только той популярностію, которою пользовались его доктрины, но и возможностью работать въ теченіи нѣкотораго времени. Послѣ того, какъ О. Контъ лишился мѣста, друзья Милля въ теченіи нѣкотораго времени выдавали ему субсидію. Всякій, кто знакомъ съ біографіей О. Конта, съ его высокоуміемъ, неразборчивостію въ средствахъ, будетъ пораженъ той благородностію характера, которую всегда обнаруживалъ Милль. Всегда просто одѣтый въ черный сюртукъ и съ чернымъ шелковымъ галстукомъ, съ глубокими темносиними глазами, смотрящими даже въ старческіе годы бодро и весело, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ, съ громаднымъ высокимъ и вышуклымъ лбомъ—онъ производилъ одновременно впечатлѣніе крупнаго мыслителя съ неустанной внутренней работой и ребенка, для котораго чужды всякіе своекорыстные мотивы.

Д. С. Милль былъ въ періодъ всей своей жизни популярнѣйшимъ человекомъ Англіи. По поводу всѣхъ общественныхъ и политическихъ событій онъ находилъ время высказать свое мнѣніе. Въ 1865 г., наконецъ, ему было предложено сдѣлаться членомъ парламента. Своимъ избирателямъ онъ прямо заявилъ, что не станетъ отвѣчать предъ ними на

вопросы о своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ, не будетъ защищать мѣстныхъ интересовъ и не приметъ на себя никакихъ издержекъ по избирательной агитации. Другой при такихъ условіяхъ несомнѣнно не былъ-бы выбранъ, но избиратели Вестминстера наградили его своимъ довѣріемъ. Въ своей кратковременной парламентской дѣятельности онъ обнаружилъ тѣже высокія достоинства. По природѣ онъ не былъ ораторомъ и не могъ быть хорошимъ парламентскимъ бойцемъ и вождемъ партіи, но къ его рѣчамъ, которыя по словамъ В. Гладстона скорѣе походили на проповѣди, прислушивались всѣ. Въ нихъ было глубокое знаніе и искренняя вѣра въ правоту защищаемаго дѣла. Онъ смѣло боролся уже въ эту эпоху за необходимость коренныхъ преобразованій ирландскихъ земельныхъ отношеній, настаивая на законодательномъ регулированіи отношеній фермеровъ къ землевладѣльцамъ. Въ 1866 г. онъ произнесъ въ парламентѣ блестящую рѣчь, требуя преданія суду губернатора Эйра съ необыкновенной и неоправдываемой обстоятельствомъ жестокостью, расправившагося съ повстанцами на Ямайкѣ. Парламентъ не согласился предать Эйра суду и Д. С. Милль съ друзьями въ теченіи двухъ лѣтъ велъ агитацию противъ Эйра, которая хотя и не привела къ желанному результату, но заставила колониальныя власти осторожнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ. Во время волненій по случаю отверженія парламентомъ билля объ избирательной реформѣ 1867, только рѣчь Милля предъ собравшимися въ Гайдъ-Паркѣ рабочими, быть можетъ, предупредила кровопролитіе. Въ 1868 г. онъ былъ избранъ ректоромъ уни-

верситета с. Андрея въ Шотландіи, но его актовая рѣчь, по словамъ А. Бэна, была неудачна. Въ 1868 г. были назначены выборы, въ которыхъ Д. С. Милль потерпѣлъ поражение. Религіозные избиратели Вестминстера не могли ему простить участіе въ подпискѣ для покрытія избирательныхъ издержекъ извѣстнаго атеиста г. Брадло.

Послѣдніе годы жизни Д. С. Милль прожилъ вмѣстѣ съ дочерью своей покойной жены въ Авиньонѣ. Къ трудамъ этого періода его жизни относится, въ числѣ прочихъ, и опубликованіе труда о „Подчиненности женщины“, который написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ его жены и съ непосредственной помощью ея дочери и является горячимъ воззваніемъ въ пользу равноправности половъ.

Жизнь Милля въ Авиньонѣ протекала спокойно. По прежнему онъ много читалъ, ходилъ гулять, собирать цвѣты и съ особымъ увлеченіемъ занимался ботаникой. За три дня до смерти онъ еще пространствовалъ около 15 миль, совершая ботаническую экскурсію. Заболѣлъ онъ внезапно какой-то заразной болѣзнію и 8 Мая 1873 г. тихо отошелъ въ вѣчность. Когда ему сообщили, что на выздоровленіе нѣтъ надеждъ, онъ съ полнымъ правомъ сказалъ: „мое дѣло сдѣлано“. Похороненъ онъ въ Авиньонѣ рядомъ съ женою; еще и теперь посѣщающіе эту могилу нерѣдко осыпаютъ ее цвѣтами *).

Москва,
1 іюня 1895 г.

А. Миклашевскій.

*) Громадная масса труда, совершеннаго Д. С. Миллемъ, дѣйствительно поразительна, въ особенности, если принять во вниманіе, что до 1855 г. онъ около 6 часовъ въ сутки былъ занятъ въ бюро Компаніи

ПРИМЪЧАНІЕ.

Почти всѣ сочиненія Д. С. Милля переведены на главнѣйшія Европейскіе языки; лучший нѣмецкій переводъ „Основаній П. Э.“ принадлежитъ Адольфу Зетберу (4 изд. Leipzig, 1885), лучший французскій— Курсель—Сенелю и Дюссару;—русскій—Н. Г. Чернышевскому, выдержавшій два изданія (последнее, 2-е 1874 г.) принадлежитъ А. Н. Шанину и издаю съ предисловіемъ Ю. Ж. Желязничихъ ознакомится съ биографіей Д. С. Милля слѣдуетъ отослать къ слѣд. трудамъ: 1) *Autobiography*, London, 3 изд., 1873 (русское, сокращенное изданіе вышло изъ продажи); 2) *A View J. S. Mill, a criticism*, 1882 г., 3) *W. Courtney Life of J. S. Mill*. L. 1889. 3) М. Н. Туганъ-Вараиовскій. Д. С. Милль, его жизнь и ученно-литературная дѣятельность. Спб. 1894 г. Изъ русскихъ писателей, занимавшихъ экономической системой Д. С. Милля, слѣдуетъ прежде всего указать на перваго русскаго его переводчика и автора значительнаго количества примѣчаній и статей, помѣщенныхъ въ *Современникѣ* 2) Н. Рождественскаго—„О значеніи Д. С. Милля въ ряду современныхъ экономистовъ“ Спб. 1867 3) Н. Х. Вунге. Д. С. Милль какъ экономистъ—статья написанная въ 1868 (и перепечатанная (имѣетъ въ „Очеркахъ политико-экономической литературы (Спб. 1895) Б. Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ (1885) 6) А. Н. Чупрова—дающаго въ своемъ курсѣ лекцій П. Эк. (Москва, 1892) полное изложеніе его методологическихъ приемовъ, также Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ (Яросл. 1890 г.). 7) Н. И. Янжула *Англійская свободная торговля*, т. II. Почти всѣ русскіе экономисты, такъ или иначе касались ученій Д. С. Милля, а въ учебникахъ П. Э. система раздѣленія материала въ большинствѣ случаевъ заимствована у него. Много очень полезныхъ указаній можно поэтому найти въ курсахъ проф. Л. Хадескаго, Н. Иванюкова, А. Исаева „На-

Восточной Индіи. Кромя того здорье его было вообще слабо. Постоянное умственное переутомленіе сказывалось вѣднѣйшимъ образомъ въ судорожномъ подергиваніи лица. Когда переутомленіе достигало высшаго предѣла Д. С. Милль обыкновенно отправлялся путешествовать. Такъ онъ объѣздилъ почти всю Европу. Братья Милля умерли раньше его отъ чахотки. Изъ дѣтей Джемса Милля никто кромя Джона не игралъ выдающейся роли ни въ наукѣ, ни въ обществѣ.

чала политической экономии (Спб. 1895) и других, у В. В. „Очерки теоретической экономии“ (Спб. 1894). Во всех историях Политической Экономии также всегда оценивается система Д. С. Милля, а отдельные затронутые им вопросы обсуждаются в цѣломъ рядѣ специальныхъ сочиненій. Позволимъ собѣ также указать нашъ трудъ: „Донгемъ“, опытъ изученія основныя положенія экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса (Москва, 1895 г.). Изъ иностранныхъ писателей, касавшихся экономической системы Д. С. Милля и методологическихъ приемовъ его въ этой области отиѣтитъ въ особенности 1) L. Reybaud, J. S. Mill et l' Economie politique en Angleterre *Revue des deux Mondes* (1855), его же *Economistes Modernes* (1862) 2) F. A. Lange Mill's „Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaften durch Carey (1865). 3) Труды непосредственнаго ученика Д. С. Милля Джона Элиота Кориса: а) *Charactor and Logical Method of P. E.* (2 изд. 1875) и *Some Leading Principles of P. E.* (L. 1874). 4) Лучшія или новѣйшія сочиненія по методології. II. Э.: J. Keynes. *Scope and Method of P. E.* (L. 1891) и Карла Менгера, Исследования о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономии въ особенности Спб. 1894 г., пер. подъ ред. Гурьева. 5) James Vossler, *Philosophy and Political Economy* (1893), статья о Д. С. Миллѣ.

The first of these is the fact that the
 government has been unable to raise
 sufficient funds to meet its obligations.
 This is due to a number of causes,
 the most important of which are
 the falling price of cotton and
 the increasing cost of living.
 The government has also been
 unable to raise funds from the
 sale of public lands, and this
 is due to the fact that the
 price of these lands has been
 falling for some time past.
 The government has also been
 unable to raise funds from the
 sale of bonds, and this is due
 to the fact that the price of
 these bonds has been falling
 for some time past.

The second of these is the fact
 that the government has been
 unable to raise funds from the
 sale of public lands, and this
 is due to the fact that the
 price of these lands has been
 falling for some time past.
 The government has also been
 unable to raise funds from the
 sale of bonds, and this is due
 to the fact that the price of
 these bonds has been falling
 for some time past.

Предисловіе Д. С. Милля.

Появленіе трактата, подобнаго настоящему, и по предмету, относительно котораго написано много заслуживающихъ вниманія книгъ, можетъ быть, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Пожалуй можно сказать, что ни одно изъ существующихъ изслѣдованій по политической экономіи не содержитъ въ себѣ тѣхъ послѣднихъ усовершенствованій, которыя сдѣланы въ теоріи этого предмета. Много новыхъ идей, новое ихъ приложеніе порождено спорами за послѣднія немного лѣтъ. Въ особенноти это можно сказать относительно вопросовъ о деньгахъ, о международной торговлѣ и о всѣхъ важныхъ предметахъ, связанныхъ болѣе или менѣе съ колонизаціей. Кажется, есть основанія для того, чтобы вновь пересмотрѣть во всемъ его цѣломъ все поле политико-экономическихъ изслѣдованій, хотя бы только для одного того, чтобы свести къ одному всѣ ихъ результаты и привести въ согласіе съ началами, которыя уже прежде обоснованы лучшими мыслителями по этому предмету.

Однако, пополненіе недостатковъ предшествовавшихъ изслѣдованій, имѣющихъ аналогичное заглавіе, не являлося единственной, ни даже главною цѣлью, которую авторъ имѣлъ въ виду. По задачѣ книга

отличается ото всѣхъ изслѣдованій, которыя появились въ Англии послѣ труда Адама Смита.

Самымъ характернымъ свойствомъ настоящаго труда и именно тѣмъ, которымъ онъ наиболѣе всего отличается отъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдованій, равныхъ или даже превосходящихъ его въ простомъ изложеніи общихъ началъ предмета, служитъ то, что въ немъ авторъ неизмѣнно связуетъ общія начала съ ихъ приложениями. Само собой, что благодаря этому въ политическую экономію ему приходится включать гораздо болѣе обширный кругъ идей и вопросовъ, чѣмъ это дѣлала политическая экономія, рассматриваемая какъ одна изъ отраслей абстрактнаго мышленія. Въ практическихъ своихъ приложенияхъ политическая экономія неразрывно переплетается съ другими отраслями общественной философіи. За исключеніемъ чисто детальныхъ сторонъ политич. экон., едва ли можно указать хоть одинъ практическій вопросъ, даже изъ тѣхъ, которые по своему характеру ближе всего относятся къ чисто экономическимъ предметамъ, который могъ-бы быть разрѣшенъ, исходя только изъ экономическихъ основаній. Только потому, что Адамъ Смитъ никогда не упускаетъ этой истины изъ виду, а, прилагая положенія политической экономіи къ жизни, постоянно прибѣгаетъ къ другимъ, гораздо болѣе широкимъ соображеніямъ, чѣмъ чисто экономическія—только потому книга его создаетъ прочное умѣніе прилагать начала науки къ практикѣ. Благодаря этой особенноти „Богатство Народовъ“—единственная книга изъ всѣхъ трактатовъ по политической экономіи, которая охотно читалась не только обыкновенными читателями, но произвела

прочное впечатлѣніе на умы практическихъ людей и законодателей.

Автору представляется, что политическая экономія именно и нуждается въ настоящее время въ такомъ трудѣ, который по предмету и общимъ началамъ близокъ къ труду Смита, но въ тоже время болѣе соответствуетъ расширившимся знаніямъ и болѣе цѣлесообразнымъ представленіямъ настоящаго вѣка. „Богатство Народовъ“ во многихъ своихъ частяхъ устарѣло и, во всѣхъ отношеніяхъ, неудовлетворительно. Политическая экономія, въ собственномъ смыслѣ, бывшая при А. Смитѣ въ періодѣ дѣтства, теперь возмужала; а общественная философія, отъ которой практически этотъ выдающійся мыслитель никогда не отдѣлялъ изученіе своей специальной задачи, хотя и теперь еще находится въ весьма раннемъ періодѣ своего развитія, но все же подвинулась на много шаговъ впередъ сравнительно со временемъ А. Смита. Однако, еще не было произведено попытки связать его практическій методъ изученія предмета съ возросшимъ знаніемъ, добытымъ по теоріи предмета или представить экономическія явленія общества въ томъ отношеніи, въ которомъ они стоятъ къ лучшимъ социальнымъ идеямъ нашего времени, т. е. сдѣлать тоже, что онъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ выполнилъ относительно философіи своего вѣка.

Такова задача, которую себѣ ставилъ авторъ этого труда. Возможность осуществить ее, хотя даже отчасти, была бы уже достаточнымъ побужденіемъ для автора, чтобы подвергнуться добровольно всѣмъ шансамъ неуспѣха. Слѣдуетъ, впрочемъ, приба-

вить, что, хотя желаніе автора было написать книгу практическую и, насколько это согласуется съ самою природою предмета, — общедоступную, но онъ не пытался покупать эти выгодныя стороны изслѣдованія, жертвуя для этого точностью научнаго разсужденія. Хотя авторъ и желаетъ, чтобы его изслѣдованіе было чѣмъ нибудь болѣе, кромѣ изложенія абстрактныхъ положеній политической экономіи, онъ, однако, хочетъ и того, чтобы подобное изложеніе было также найдено въ его книгѣ.

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ОСНОВАНИИ

ПОЛИТАЕСКОУ ЭКОНОМИИ

Основанія политической экономіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Во всѣхъ сферахъ человеческой дѣятельности практическое знаніе предшествовало научному. Систематическое изученіе способовъ дѣйствія силъ природы—является позднимъ продуктомъ длиннаго ряда усилій, которыя были произведены для того, чтобы воспользоваться этими силами въ практическихъ цѣляхъ. Въ виду этого самое представленіе о политической экономіи, какъ объ отрасли научнаго знанія, явленіе въ высшей степени новое, а между тѣмъ предметъ, съ которымъ связаны ея изысканія, неизбежно составлялъ во всѣ вѣка важнѣйшій практической интересъ для человѣчества, который по временамъ, приобреталъ даже несоотвѣтствующее своему значенію вліяніе.

Предметомъ политической экономіи служитъ богатство.

Экономисты ставятъ своей задачей—давать знаніе или изслѣдованіе о природѣ богатства и о законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, они включаютъ въ свою задачу изслѣдованіе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ

хорошее или дурное положеніе человѣчества или любого союза человѣческихъ существъ относительно предмета общаго желанія людей — богатства. Ни одинъ трактатъ по политической экономіи не можетъ, конечно, ни разобрать подробно, ни даже перечислить всѣхъ этихъ причинъ, но онъ долженъ дать попытку начертать все, что намъ извѣстно относительно законовъ и принциповъ, согласно которымъ они дѣйствуютъ.

Почти всякій имѣетъ нѣкоторое представленіе, достаточно правильное для обыденныхъ цѣлей, что слѣдуетъ понимать подъ богатствомъ. Исслѣдованія, имѣющія своимъ предметомъ богатство, врядъ ли кто смѣшаетъ съ изслѣдованіями, касающимися какого либо другого интереса человѣчества. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ — дѣло одного рода, быть просвѣщеннымъ, мужественнымъ или гуманнымъ, — дѣло другого рода, что вопросы о томъ, отчего страны становятся богатыми, составляютъ предметъ совершенно разныхъ изслѣдованій сравнительно съ тѣми, задача которыхъ сводится къ изученію того, отчего страна становится свободной, добродѣтельной, славной въ литературѣ, въ изицныхъ искусствахъ, пріобрѣтаетъ знаменитость своимъ оружіемъ или политическими учрежденіями. Несомнѣнно, что всѣ эти изслѣдованія косвенно связаны и оказываютъ другъ на друга взаимное вліяніе. Страна пріобрѣтала иногда свободу отъ того, что прежде разбогатѣла, иногда она пріобрѣтала богатство потому, что прежде сдѣлалась свободной. Вѣра и законы народа оказываютъ могущественное вліяніе на его экономическое положеніе; последнее, въ свою очередь, благодаря своему

воздѣйствию на умственное развитіе и общественныя отношенія народа, оказываетъ вліяніе на его вѣру и законы. При всей своей связи эти предметы, однако, совершенно различны и никто не сомнѣвался въ противномъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи я не имѣю намѣренія заботиться о метафизической точности опредѣленій, ибо здѣсь представленія, порождаемыя терминами, имѣютъ ту ясность, которая необходима для практическихъ цѣлей. Казалось бы трудно ожидать, что возможно существовашіе вредной неясности представленій относительно столь простаго предмета, каковымъ является богатство. Исторія показываетъ, однако, противное. Такая неясность существовала; мыслители и практическіе дѣятель однаково страдали ею. Было время, когда всё страдали ею поголовно и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній это обстоятельство придавало совершенно ложное направленіе экономической политикѣ Европы. Я имѣю здѣсь въ виду ту совокупность ученій, которая, со времени Адама Смита, получила наименованіе меркантильной системы.

Въ періодъ господства этой системы, явно или скрыто, но надъ всей экономической политикой народовъ господствовало предположеніе, будто богатство заключается единственно въ деньгахъ или въ благородныхъ металлахъ, которые во всякое данное время можно по желанію превратить въ деньги.

По господствовавшимъ тогда взглядамъ — все, что благоприятствовало накопленію денегъ или вообще запасовъ въ благородномъ металлѣ, способствовало увеличенію богатства; наоборотъ всякій вывозъ металла разсматривался, какъ явленіе, ве-

дущее къ обѣдѣнію. При отсутствіи собственныхъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, по этимъ представленіямъ, всякая такая страна могла обогащаться только отъ одной отрасли промышленности—внѣшней торговли, которая при такихъ условіяхъ только и могла вносить въ нее деньги. Всякая отрасль промышленности, относительно которой существовало предположеніе, будто она унесетъ болѣе денегъ, чѣмъ вноситъ въ страну, разсматривалась, какъ дѣло убыточное, какъ бы велики и цѣнны ни были результаты ея производства въ другой формѣ. Вывозъ товаровъ находилъ поддержку и поощреніе (даже при помощи средствъ весьма обременительныхъ для вѣрныхъ источниковъ богатства страны) и по той причинѣ, что тогда ожидали, будто уплата за вывозные товары, цѣнное въ которыхъ определена въ денежныхъ знакахъ, дѣйствительно будетъ произведена золотомъ или серебромъ. Ввозъ чего то бы ни было, кромѣ драгоценныхъ металловъ, разсматривался, какъ національная потеря и на всю сумму цѣнъ, ввезенныхъ товаровъ: выгоднымъ, какъ исключеніе, считался ввозъ товаровъ, которые могли быть впоследствии снова вывезены обратно съ прибылью, а также ввозъ матеріаловъ и инструментовъ, необходимыхъ для какой бы то ни было существующей въ странѣ промышленности, если онъ даетъ возможность производить продукты для вывоза съ меньшими издержками и тѣмъ увеличивать самый вывозъ. Международная торговля представлялась, какъ борьба народовъ, стремящихся захватить въ свою пользу наибольшую долю наличнаго мірового запаса въ золотѣ и серебрѣ; казалось, что въ этомъ со-

стязаніи изъ за благороднаго металла любой народъ можетъ выиграть, только въ равной мѣрѣ нарушая интересы другого или, по крайней мѣрѣ, не давая ему возможности приобрести свою долю выгоды.

Часто случается, что всеобщее убѣжденіе одного вѣка, — убѣжденіе, отъ котораго никто не *былъ* и даже не *могъ* быть свободенъ въ свое время безъ чрезвычайныхъ усилій гения и мужества, впоследствии становится столь осозательною нелѣпностью, что трудно и представить себѣ, какъ подобная вещь могла заслуживать довѣрія. Тоже произошло и съ ученіемъ, согласно которому деньги и богатство — одно и то же. Теперь нельзя смотрѣть на подобную несообразность, какъ на серьезное мнѣніе. Оно кажется похожимъ на элементарную фантазію дѣтства, мгновенно разрушаемую однимъ словомъ взрослого человѣка. Но пусть никто не утверждаетъ, что онъ избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ въ то время, когда оно было господствующимъ. Всѣ представленія, порождаемыя совместно жизнью и обычнымъ ходомъ дѣлъ каждаго, благопріятствовали господству этого заблужденія. Пока эти представленія были единственнымъ основаніемъ, съ точки зрѣнія котораго смотрѣли на предметъ, казалось безспорной истиной то, что является теперь грубѣйшею нелѣпностью. Правда, какъ только задумались надъ этимъ заблужденіемъ, стали провѣрять его, оно исчезло, но никому и въ голову не могло проникнуть желаніе подвергать его анализу, пока умъ не свыкся съ нѣкоторыми приѣмами изслѣдованія экономическихъ явленій, которые сдѣлались достояніемъ мыслящихъ людей

только благодаря влиянію Адама Смита и его толкователей.

На обыденномъ языкѣ богатство всегда оцѣнивается на деньги. На вопросъ, какъ богатъ такой то, намъ отвѣтить: у него столько-то тысячъ фунтовъ. Всѣ доходы и расходы, выгоды и потери, всѣ измѣненія въ сторону богатства или бѣдности считаются приобрѣтеніемъ или утратой извѣстнаго количества денежныхъ знаковъ. Въ счетъ имущества каждаго человѣка вносятъ, конечно, не только деньги, которыя онъ имѣетъ въ наличности или долженъ получить, но и всѣ другіе предметы, обладающіе цѣнностью; послѣдніе считаются, однако, не сами по себѣ, но по тому количеству денегъ, за которое ихъ можно продать; еслибы эти вещи стали продаваться дешевле, ихъ владѣлецъ считался бы менѣе богатымъ, хотя по своему составу онѣ и остались бы безъ измѣненія. Безъ сомнѣнія вѣрно также, что люди богатыютъ не тѣмъ, что держатъ деньги безъ употребленія; ихъ нужно расходовать для приобрѣтенія прибыли. Тѣ, которые обогащаются торговлей, приобрѣтаютъ богатство тѣмъ, что, отдавая товары за деньги, передаютъ также и деньги за товары; первая сторона въ этомъ процессѣ столь же необходима, какъ и послѣдняя. Всякое лицо, покунающее товары для приобрѣтенія прибыли, снова продаетъ ихъ на деньги въ ожиданіи получить болѣе денегъ, чѣмъ сколько оно истратило на ихъ покупку. Поэтому полученіе денегъ даже и ему самому кажется цѣлью всего процесса. Часто случается, что онъ получаетъ платежъ не деньгами, а чѣмънибудь другимъ. Онъ купилъ нѣкоторое количество товаровъ

известной цѣнности; равнымъ образомъ они опредѣляютъ и цѣнность товаровъ, которыми ему совершить платежъ; но они принимаютъ ихъ въ уплату по денежной оцѣнкѣ и въ увѣренности, что они принесутъ ему больше денегъ, чѣмъ за сколько они переданы ему. Торговецъ, который имѣеть обширные дѣла и капиталъ котораго быстро обращивается, во всякое данное время держитъ въ наличной монетѣ только незначительную часть своего капитала. Но онъ цѣнитъ свой капиталъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ обратить его въ деньги; всякую свою торговую операцію онъ считаетъ законченной только тогда, когда полный размѣръ ея стоимости оплаченъ деньгами или записанъ, какъ долгъ на комъ-нибудь, также изчисленный въ деньгахъ. Заключая свои дѣла, онъ обращаетъ весь свой капиталъ въ деньги и ему представляется, что, только совершивъ подобную реализацію, онъ окончательно получаетъ свой барышъ: кажется, будто деньги, дѣйствительно, являются единственнымъ богатствомъ и будто деньги цѣнны, только какъ орудіе пріобрѣтенія денегъ же. Поборщикъ меркантильной системы отнюдь не будетъ поставленъ въ затрудненіе, если ему будетъ предложено вопросъ въ такой формѣ: не составляютъ-ли деньги всю цѣль желаній только потому, что служатъ средствомъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей или другихъ людей. Онъ допуститъ, что назначеніе богатства—служить именно этимъ цѣлямъ и отнесется къ нимъ съ одобреніемъ, ибо во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на полную сумму тою, что вы расходуете, вы обогащаете другихъ своихъ согражданъ. Расходуйте ваше богатство, если это

вамъ правится, на удовлетвореніе любыхъ своихъ прихотей, но ваше богатство не состоитъ въ этомъ удовлетвореніи; оно заключается въ той суммѣ денегъ или въ томъ годовомъ денежномъ доходѣ, при посредствѣ которыхъ вы приобретаете это удовлетвореніе.

Хотя имѣется вообще множество данныхъ, располагающихъ допускать утвержденіе, которое служить основаніемъ меркантильной системы, но среди нихъ, кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить одно слабое и въ высшей степени недостаточное логическое основаніе для проведенія различія между деньгами и товарами, на которомъ съ такимъ рвеніемъ настаиваютъ сторонники этой системы. Мы на самомъ дѣлѣ и по справедливости считаемъ человѣкомъ, наиболѣе пользующимся выгодами богатства, не того, кто въ какой-нибудь степени и въ данный моментъ пользуется полезными и пріятными вещами, которыми обладаетъ, но того, который имѣетъ наибольшую возможность распоряжаться по произволу этими полезными и пріятными вещами изъ обиднаго наличнаго ихъ запаса; богатство человѣка измѣряется размѣромъ имѣющейся у него возможности удовлетворять всякой своей надобности и желанію. Деньги создаютъ эту возможность; онѣ обладаютъ этой силой непосредственно, тогда какъ все другіе предметы въ цивилизованномъ обществѣ даютъ ее только въ слѣдствіе присущаго имъ свойства или способности быть обмѣненными на деньги. Владѣть какимъ-нибудь цѣннымъ предметомъ — значитъ владѣть только имъ и ничѣмъ болѣе; если вы желаете имѣеть него другой предметъ, вы должны сначала продать его или подвергаться неудоб-

ству и промедленію (а можетъ быть и самой невозможности) его продать, отыскивая челоуѣка, который обладалъ бы вещью вамъ нужною и хотѣлъ бы промѣнять ее на вашъ предметъ. Владѣть деньгами—это значить обладать прямою возможностью приобрѣтать все предметы, изъ которыхъ состоитъ богатство, не имѣя необходимости предварительно промѣнивать какой нибудь предметъ на деньги или на безконечное множество предметовъ, обладаніе которыми необходимо для удовлетворенія потребностей или желаній челоуѣка, считающагося богатымъ. Наибольшее значеніе, которое имѣетъ богатство, за исключеніемъ развѣ небольшой его части, заключается не въ томъ удовлетвореніи потребностей, которое оно доставляетъ, а въ возможности, которую сохраняетъ владѣлецъ богатства, пользоваться имъ для своихъ цѣлей по желанію. Ни одинъ изъ другихъ видовъ богатства не доставляетъ этой возможности столь непосредственно и столь вѣрно, какъ деньги. Деньги—единственная форма его, годная не для одной какой нибудь надобности. Онѣ во всякое время могутъ быть употреблены въ любыхъ цѣляхъ. Весьма вѣроятно, что именно это различіе произвело впечатлѣніе на правительства разныхъ странъ, ибо оно имѣетъ для нихъ наиболѣе важное значеніе. Цивилизованное правительство можетъ пользоваться удобно налогами только тогда, если оно собираетъ ихъ въ деньгахъ; и едва-ли можно какими нибудь другими предметами, кромѣ денегъ, производить крупныя и внезапныя платежи, въ особенности если ихъ надо совершать за-границей, на военные расходы или на субсидіи, для завоевательныхъ цѣлей или для

предотвращенія себя отъ порабощенія (а эти двѣ цѣли до послѣдняго времени были предметомъ главной заботы національной политики).

Вся совокупность этихъ причинъ располагала, какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства, при оцѣнкѣ своихъ средствъ придавать исключительное значеніе наличнымъ деньгамъ или даже только предстоящимъ къ полученію, а всѣ другіе предметы съ точки зрѣнія этого расчета средствъ, цѣнить лишь какъ орудіе, которое въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ дастъ возможность приобрести то, что, какъ деньги, имѣетъ всеобщую и въ тоже время непосредственную силу покупать все, что угодно, и потому ближе всего соотвѣтствуетъ понятію богатства.

Нелѣпность остается однако нелѣпностью, хотя бы мы и объяснили тѣ основанія, которыя ей придали характеръ вѣроятности. Истинный характеръ меркантильной теоріи былъ подмѣченъ тотчасъ-же, когда люди начали изслѣдовать, первоначально даже весьма несовершеннымъ образомъ, сущность вещей и искать для нихъ объясненія изъ основныхъ фактовъ, а не изъ формъ и выраженій обыкновенной рѣчи. Какъ только люди спросили себя, что такое деньги на самомъ дѣлѣ, въ чемъ ихъ существенный характеръ, въ чемъ заключается истинная природа тѣхъ функций, которыя онѣ выполняютъ, они тотчасъ же поняли, что деньги, подобно другимъ вещамъ, нужны намъ только потому, что годятся для какого нибудь употребленія; имъ стало ясно, что деньги пригодны не для всякаго употребленія, а напротивъ имѣютъ очень определенное и ограниченное назначеніе, а именно: онѣ

должны содѣйствовать распредѣленію продукта промышленности соотвѣтственно желаніямъ тѣхъ, которые являются владѣльцами продуктовъ. Дальнѣйшее разсмотрѣніе предмета показало, что полезное значеніе денегъ вовсе не возрастаетъ отъ увеличенія количества денегъ, наличнаго и обращающагося въ странѣ; велико или мало общее количество денегъ, оно одинаково выполняетъ свое назначеніе. Два милліона кварталовъ хлѣба не прокормятъ столько людей, какъ четыре милліона, но съ двумя милліонами фунтовъ стерлинговъ можно совершить столько же торговыхъ оборотовъ, купить и продать столько же товаровъ, какъ и съ четырьмя милліонами, только по болѣе низкимъ номинальнымъ цѣнамъ. Деньги, какъ таковыя, не удовлетворяютъ никакой потребности; онѣ имѣютъ цѣнность для всякаго человѣка потому, что онѣ удобная форма для полученія всяческихъ доходовъ, которые онъ впоследствии, когда ему потребуется, обращаетъ въ тѣ формы, въ которыхъ онѣ могутъ быть ему полезны. Страна, обладающая монетой, отличается отъ страны, вовсе не имѣющей ея, только тѣмъ, что обороты въ ней совершаются съ большимъ удобствомъ, что сберегается время и уменьшаются хлопоты. Здѣсь получается такое же сбереженіе времени и труда, какъ и при замѣнѣ ручной мельницы водяною. Прибѣгнувъ къ примѣру, взятому Адтмомъ Смитомъ, можно сказать, что деньги столь же полезны, какъ и пути сообщенія; считать деньги за богатство, это значить совершать такую же ошибку, какъ принимать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до вашего дома или помѣстья, за самый вашъ домъ или помѣстье.

Деньги, составляя важное орудіе для удовлетворенія надобностей государства и частныхъ лицъ, справедливо считаются богатствомъ; но въ составъ богатства слѣдуетъ включать также и все другія вещи, удовлетворяющія любымъ человѣческимъ потребностямъ и не доставляемыя природою безвозмездно, задаромъ. Быть богатымъ—значить обладать большимъ количествомъ полезныхъ вещей или имѣть средства пріобрѣтать ихъ, а потому составною частью богатства служить всякая вещь, которая даетъ возможность пріобрѣтать чтобы-то ни было, въ обменъ за которую дадутъ что-нибудь полезное или пріятное. Вещи, за которыя ничего не дадутъ въ обменъ, при всей своей полезности или необходимости, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ этотъ терминъ или понятіе въ политической экономіи. Воздухъ, напр. при всей своей полнѣйшей необходимости для человѣка, не имѣетъ ни какой цѣны на рынкѣ и потому, что получается даромъ; отъ собиранія его изъ запасъ никто не получитъ прибыли или выгоды; законы его производства и распределения не составляютъ предмета политической экономіи. Это дѣло совсемъ другой науки. Но хотя воздухъ и не можетъ быть включенъ въ составъ богатства, послѣднее значительно увеличивается тѣмъ, что люди получаютъ воздухъ даромъ, ибо время и трудъ, которые пришлось бы посвятить на удовлетвореніе этой настоятельнѣйшей изъ нашихъ надобностей, могутъ быть благодаря этому употреблены для какихъ нибудь другихъ цѣлей. Возможно представить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ воздухъ будетъ составною частью

богатства. Если-бы возникъ обычай жить въ такихъ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ естественнымъ образомъ, напр: въ подводныхъ колоколахъ, опущенныхъ въ море, то доставленіе туда искусственнымъ путемъ воздуха, подобно доставленію воды въ дома, имѣло-бы цѣну. Если-бы подь влияніемъ какого нибудь переворота въ природѣ, атмосферическаго воздуха стало недостаточно для потребленія, или если-бы воздухъ могъ сдѣлаться предметомъ монополіи, онъ могъ-бы приобрести очень высокую рыночную цѣнность. При подобномъ положеніи вещей, обладаніе воздухомъ въ размѣрѣ, превышающемъ личныя потребности, было-бы богатствомъ для его собственника; и на первый взглядъ могло-бы казаться, что общее богатство человѣчества возрасло отъ много видоизмѣненія обстоятельствъ, которое было-бы столь великимъ несчастіемъ для людей. Ошибка произошла - бы отъ того, что не было принято въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: какъ-бы ни разбогатѣлъ владѣлецъ воздуха за счетъ остального общества, всѣ другіе люди стали-бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую они принуждены были платить за то, что прежде получали безплатно.

Последнее замѣчаніе заставляетъ насъ отмѣтить важное различіе, которое имѣется въ словѣ богатство, если мы употребляемъ его примѣнительно къ имуществу частнаго лица, или къ имуществу націи и человѣчества. Въ составъ богатства человѣчества включаютъ только вещи, которыя имѣютъ какую нибудь полезность или доставляютъ удовольствіе. Для отдѣльнаго человѣка богатствомъ бываетъ все, что, хотя и бесполезно само по себѣ,

но даетъ ему возможность требовать отъ другихъ какую нибудь часть изъ ихъ запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей. Подходящимъ примѣромъ можетъ служить долговая записъ въ тысячу фунтовъ, данныхъ подъ залогъ имѣнія. Записъ эта составляетъ богатство для лица, которому оно приноситъ доходъ и которое быть можетъ, продастъ ее на рынкѣ за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и, еслибы это обязательство уничтожилось, страна не стала-бы отъ того ни бѣднѣе, ни богаче. Кредиторъ потерялъ-бы тысячу фунтовъ, собственникъ имѣнія выигралъ-бы ихъ. Если мы будемъ говорить съ національной точки зрѣнія, то долговая записъ не была богатствомъ; она только давала *A* право на часть богатства *B*. Она была богатствомъ для *A*, которое онъ могъ передать любому третьему лицу; но при этомъ онъ, собственно говоря, передавалъ-бы право своего участія въ размѣрѣ 1.000 фунтовъ въ собственности, номинальнымъ владѣльцамъ которой былъ одинъ *B*. Таково-же положеніе лицъ, являющихся собственниками обязательствъ государственнаго долга. Они кредиторы за счетъ общаго богатства страны. Уничтоженіе долга не было-бы разрушеніемъ богатства, а только передачей его въ другія руки: незаконнымъ отнятіемъ богатства у однихъ членовъ общества въ пользу правительства или плательщиковъ податей. Поэтому собственность, состоящая въ государственныхъ долговыхъ обязательствахъ не можетъ считаться частью богатства страны. Это не всегда помнятъ составители статистическихъ выкладокъ. Напримѣръ, при исчисле-

ни валового дохода, опредѣляемаго по суммѣ подоходнаго налога, не всегда вычитаютъ изъ счета доходовъ то, что получается по платежамъ за государственныя обязательства; а между тѣмъ налогу этому подлежитъ весь номинальный доходъ плательщиковъ податей безъ вычета той его части, которая взимается съ нихъ разными налогами для образованія дохода владѣльцевъ государственныхъ обязательствъ (или такъ называемыхъ фондовъ). Такимъ образомъ, въ этомъ вычисленіи одна часть общаго дохода страны считается дважды, и вся сумма дохода націи выходитъ, напримѣръ, въ Англіи для 1843 года на 30 милліоновъ больше. Но націи въ правѣ причислить къ своему богатству всѣ капиталы, которые имѣютъ ея граждане въ фондахъ иностранныхъ государствъ, равно и всѣ другіе долги, которые они считаютъ на иностранныхъ; впрочемъ и это богатство только потому составляетъ реальное явленіе, что часть сего богатства, принадлежащаго другимъ націямъ. Оно не составляетъ части въ общемъ богатствѣ человѣческаго рода; это элементъ распределенія, но не вносящій никакой составной части въ общую массу богатства.

И такъ, можно дать слѣдующее опредѣленіе понятію богатства. Можно сказать, что въ составъ его входятъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, которыя обладаютъ мѣншею цѣнностью; или другими словами, въ его составъ входятъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть получены въ любомъ потребномъ количествѣ (*in the quantity desired*), безъ труда и безъ пожертвованій. Единственное возраженіе противъ

этого определения заключается, как кажется, в томъ, что оно не содержитъ въ себѣ отчетливаго отвѣта на вопросъ, который вызывалъ много споровъ: должны ли считаться богатствомъ такъ называемые невестественные продукты? Слѣдуетъ-ли, напримѣръ, называть ловкость работника или вообще природныя силы тѣла и ума—богатствомъ? Вопросъ этотъ, однако, не особенно важенъ и его удобнѣе отложить и рассмотреть, на сколько онъ заслуживаетъ обсуждения, въ другой части настоящаго труда*).

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о богатствѣ, мы должны немедленно обратить вниманіе на необыкновенное различіе по богатству между разными странами и въ разныя эпохи міровой исторіи. Это различіе замѣчается какъ по количеству богатства, такъ и по его характеру и по способу его распредѣленія между членами общества.

Едва-ли найдется теперь какой нибудь народъ или община, которые существуютъ исключительно за счетъ продуктовъ растительности, вырастающихъ сами собою, но имѣется еще много такихъ племенъ, которыя живутъ исключительно или почти исключительно, питаются дикими животными, продуктами охоты и рыбной ловлей. Одежда ихъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ; жилищами служатъ грубые шалаша, создаваемые изъ корней и вѣтвей деревьевъ. Они строятъ эти жилища въ нѣсколько часовъ и покидаютъ ихъ при первой же надобности. Пища, которую они употребляютъ, не можетъ быть сохранена надолго, они не имѣютъ запасовъ ея

* См. книга I, глава 3.

и часто подвергаются большим лишениямъ. Богатство подобнаго племени состоитъ исключительно въ шкурахъ, въ которыя оно одѣвается, въ незначительномъ количествѣ украшеній, вкусъ къ которымъ замѣчается у многихъ дикихъ народовъ, въ небольшомъ количествѣ грубыхъ орудій. Въ составѣ его богатства можно отмѣтить еще: оружіе для охоты и для борьбы съ враждебными соперниками по приобрѣтенію средствъ существованія, челноки для переѣзда рѣкъ и озеръ или для рыбной ловли на морѣ и еще, быть можетъ, мѣха и другія продукты дикой страны, собранныя для промѣна съ цивилизованными народами на разные бездѣлушки, на водку и табакъ, часть которыхъ также можетъ храниться непотребленной, въ запасъ. Къ этому скудному счету матеріальнаго богатства дикарей слѣдуетъ добавить еще ихъ землю; землей, какъ орудіемъ производства, они мало пользуются сравнительно съ болѣе установившимися обществами, но она всетаки служитъ источникомъ ихъ существованія и даже имѣетъ рыночную цѣнность, если имѣется по сосѣдству земледѣльческое общество, которому потребно большее количество земли сравнительно съ наличнымъ у него.

Подобные народы находятся въ положеніи самой крайней бѣдности, въ какой только существовали извѣстные намъ цѣлые союзы человѣческихъ существъ, но имѣются и общества гораздо болѣе богатая, въ которыхъ нѣкоторыя части населенія находятся по отношенію къ обладанію средствами существованія и житейскими удобствами въ положеніи столь же мало завидномъ, какъ и дикари.

Первый великій шагъ впередъ изъ этого состоянія выражается въ томъ, что наиболѣе полезныя животныя дѣлаются домашними; такъ возникаетъ пастушеское или кочевое состояніе, въ періодъ котораго люди уже не живутъ продуктомъ охоты, а молокомъ, продуктами изъ него изготовляемыми и годичнымъ прирощеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе не только представляетъ само по себѣ цѣлѣ болѣе желательное, но и болѣе способствуетъ дальнѣйшему усовершенствованію общественной жизни. При немъ накопляется болѣе значительный запасъ богатствъ. Пока обширныя природныя пастбища еще не настолько заняты, чтобы даваемый ими продуктъ потреблялся быстрѣе, нежели онъ воспроизводится естественнымъ процессомъ произростанія, до тѣхъ поръ можно собирать, постоянно сохранять и увеличивать запасъ средствъ къ существованію съ ничтожнымъ количествомъ труда, который приходится затрачивать лишь для охраненія скота отъ нападенія дикихъ животныхъ и отъ насилія и предательской хитрости грабителей. Такимъ образомъ въ это время частныя лица пріобрѣтаютъ большія стада собственною дѣятельностію и бережливостію, а главы семействъ и племень дѣятельностію и трудомъ тѣхъ, кто находится отъ нихъ въ зависимости. Отсюда ясно, что въ пастушескомъ состояніи возникаетъ неравенство имуществъ—явленіе, почти не существующее среди дикарей, гдѣ никто не имѣетъ болѣе того, что безусловно необходимо для жизни и гдѣ въ случаѣ недостатка приходится даже необходимымъ дѣлиться со своимъ племенемъ. Въ пастушескомъ состояніи у нѣкоторыхъ скопляется въ рукахъ такъ много

скота, что они могут прокормить множество народа, у других—не достало умѣнія присвоить и удержать за собою сколько нибудь лишнее количество скота сверхъ ихъ потребностей или даже они остались и совѣтъ безъ всякаго скота. Но средства къ существованію перестали быть дѣломъ невѣрнымъ, ибо людямъ трудящимся усѣбно, нечего дѣлать съ своимъ избыткомъ, кромѣ того какъ кормить имъ менѣе счастливыхъ, знавъ, что всякое увеличеніе въ числѣ лицъ, связанныхъ съ ними, служить приращеніемъ ихъ собственной безопасности и могущества. Такимъ образомъ они получаютъ возможность сложить съ себя всякій трудъ, кромѣ труда управленія и надзора, и приобретаютъ подвластныхъ, сражающихся за нихъ во время войны и служащихъ имъ въ мирное время. Одной изъ характерныхъ чертъ этого состоянія общества является то обстоятельство, что часть и въ нѣкоторой степени даже все общество обладаетъ досугомъ. Только нѣкоторая доля времени потребна для приобретенія пищи, а остальное время не омрачается тревожными заботами о завтрашнемъ днѣ или необходимостью отдыха для возобновленія силъ. Такая жизнь весьма благоприятствуетъ возникновенію новыхъ потребностей и открываетъ возможность для для ихъ удовлетворенія. Возникаетъ желаніе имѣть лучшую одежду, посуду и орудія сравнительно съ тѣми, которыми человекъ удовлетворяется въ дикомъ состояніи; избытокъ пищи даетъ возможность посвятить часть племени для удовлетворенія подобныхъ цѣлей. У всѣхъ или у большинства кочующихъ обществъ мы находимъ домашнюю выдѣлку фабрикатовъ грубаго, а у нѣкоторыхъ и высокаго

качества. Имѣется достаточное количество свидѣтельствъ, что уже въ то время, когда страны, бывшія колыбелью новой цивилизаціи, еще находились въ пастушескомъ состояніи, у нихъ достигли значительной степени искусства въ пряденіи, тканьи и окраскѣ шерстяной матеріи, въ выдѣлкѣ кожъ и даже въ обработкѣ металловъ, которая, кажется, была изобрѣтеніемъ болѣе труднымъ; даже отвлеченная наука возникла въ это время подъ вліяніемъ наличности досуга, который характеренъ для этой стадіи общественнаго развитія. Первые астрономическія наблюденія по сохранившимся преданіямъ, которымъ слѣдуетъ придавать много вѣроятія, приписываются Халдейскимъ пастухамъ.

Переходъ изъ этого состоянія общества къ земледѣльческому, безъ сомнѣнія, не легокъ. Всякая перемѣна въ привычкахъ человѣчества—дѣло трудное и по общему правилу бываетъ или тягостна, или весьма медленна. Но переходъ къ земледѣльческому состоянію происходитъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ естественнаго развитія явленій. Возрастающее количество скота и людей начинаетъ въ это время оказывать вліяніе на землю: продуктъ, который она доставляла доселѣ, какъ естественное пастбище, становится все болѣе недостаточнымъ. Эта причина, безъ сомнѣнія вызвала первоначальное воздѣлываніе земли, точно также, какъ въ послѣдующій періодъ таже причина заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, нападать на племена, которыя уже сдѣлались земледѣльческими; но это могло продолжаться только до той поры, пока земледѣльческіе народы не стали достаточно сильны для отраженія граби-

тельскихъ вторженій кочевниковъ; принявшись этой возможности, вторгающіяся племена также вынуждены были обратиться въ земледѣльческія общества.

Но послѣ того какъ былъ совершенъ этотъ великій шагъ, послѣдующій процессъ развитія чело-вѣчества не шелъ такъ быстро, какъ можно было бы, пожалуй, предполагать. Количество человѣческой пищи, которое можетъ давать земля даже при самой плохой системѣ земледѣлія, значительно превосходитъ размѣръ пищи, получаемой въ чисто пастушескомъ состояніи; неизбѣжнымъ результа-томъ этого является значительное возрастаніе на-селенія. Но это добавочное количество пищи по-лучается только крупнымъ прибавленіемъ въ ко-личествѣ затрачиваемаго труда; благодаря этому земледѣльческое населеніе не только имѣетъ менѣ досуга сравнительно съ пастушескимъ, но при не-совершенствѣ орудій и при неумѣлой обработкѣ (огъ которыхъ не отстали еще и теперь на боль-шей части земли) оно не въ состояніи, за исклю-ченіемъ развѣ случаевъ необычныхъ удобствъ отно-сительно почвы и климата, производить сверхъ своего личнаго потребленія столь значительный избытокъ пищи, чтобы за его счетъ могъ содер-жаться обширный классъ работниковъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Но какъ бы великъ или незначителенъ этотъ избытокъ ни былъ, онъ обыкновенно захватывается у произво-дителей или правительствомъ, которому они под-властны, или частными лицами, которые, опира-ясь на большую свою силу или пользуясь рели-гіозными и унаследованными чувствами, внушаю-щими согражданамъ подчиненіе имъ, упрочили свое положеніе, сдѣлавши себя владѣльцами земли.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, совершаемый правительствомъ, характеренъ для тѣхъ обширныхъ монархій, которыя съ незапамятныхъ для исторіи временъ занимали равнины Азіи. Въ этихъ странахъ правительство, свойства котораго мѣняются по случайнымъ особенностямъ личнаго характера управителей, рѣдко тѣмъ не менѣе оставляетъ земледѣльцамъ что нибудь сверхъ безусловно необходимаго; часто оно отнимаетъ у нихъ и это необходимое: иногда такое правительство, взявъ у своихъ подданныхъ все, что они имѣли, принуждено бываетъ давать имъ взаимъ часть взятаго, которая необходима на посѣвъ и для прокормленія населенія до слѣдующей жатвы. При такомъ порядкѣ главная масса населенія плохо снабжена всѣмъ необходимымъ; но правительство, взимая свои сборы малыми долями съ большаго количества людей, получаетъ возможность при сколько нибудь сносомъ управленіи блистать богатствами, совершенно не согласующимися съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Вотъ источникъ закоренѣлаго впечатлѣнія, отъ котораго европейцы отдѣлились только въ послѣднее время— о будто бы великомъ благосостояніи восточныхъ странъ. Въ раздѣлѣ этого богатства, за исключеніемъ той его доли, которая припадаетъ къ рукамъ, занимающимся собираніемъ его, принимаетъ участіе множество лицъ даже кромѣ тѣхъ, которыя непосредственно состоятъ въ придворномъ штатѣ государя. Значительная доля его распределяется между сановниками государства и между лицами, которыя служатъ предметомъ ласки и забавы для монарха. Иногда нѣкоторая часть этого богатства

употребляется на общепользные сооружения: резервуары, колодези и каналы для орошенія, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ странахъ земледѣліе было-бы едва-ли возможно; набережныя, ограждающія отъ разлива рѣкъ, базары для торговцевъ, караванъ-сарай для путешественниковъ, — всё эти сооружения, о созданіи которыхъ своими собственными скудными средствами не могли-бы и думать пользующіеся ими, всё эти сооружения обязаны своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному своекорыстію лучшихъ изъ восточныхъ государей, а иногда и благотворительности и тщеславію богатыхъ людей, состояніе которыхъ при внимательномъ изслѣдованіи, всегда оказывается произшедшимъ, прямо или косвенно, изъ государственнаго дохода, чаще всего черезъ прямой подарокъ доли этого дохода отъ государя.

Правитель подобнаго общества, хорошо снабдивъ себя и всѣхъ, къ кому чувствуетъ интересъ, всѣмъ необходимымъ и истративъ долю своихъ средствъ на содержаніе столькихъ солдатъ, сколько кажется ему необходимымъ для упроченія собственной безопасности и государства, имѣетъ остатокъ, которымъ онъ можетъ располагать, и съ удовольствіемъ это дѣлаетъ, обмѣнивая его на предметы роскоши соотвѣтственно съ своимъ вкусомъ; такой же остатокъ имѣютъ и люди, обогащенные его благосклонностію или нажившіеся въ качествѣ сборщиковъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ возникаетъ спросъ на изысканныя и дорого стоящія продукты фабрикаціи, требованіе на ограниченный, но въ то-же время богатый рынокъ. Этотъ спросъ часто удовлетворяется почти исклю-

чительно торговцами изъ болѣе развитыхъ обществъ, но часто также порождаетъ и въ самой странѣ возникновеніе сословія мастеровъ, усилями которыхъ нѣкоторые фабрикаты достигаютъ до столь высокой степени совершенства, какая только можетъ производиться терпѣніемъ, ловкостію, сообразительностію и наблюдательностію, а также искусствомъ рукъ безъ значительныхъ знаній о свойствахъ предметовъ: таковы напр. хлопчато-бумажныя фабрикаты въ Индіи. Эти мастера содержатся на счетъ той излишней пищи, которая взята правительствомъ и его агентами, какъ принадлежащая имъ доля продукта. Это описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: въ нѣкоторыхъ странахъ работники не беретъ работы на домъ и не получаетъ платы послѣ ея окончанія, а, напротивъ, прямо отправляется въ домъ своего заказчика и получаетъ содержаніе отъ послѣдняго вплоть до той поры, пока не окончатъ работы.

Необезпеченность всякаго имущества при подобномъ положеніи общества располагаетъ, однако, даже самыхъ богатыхъ покушниковъ отдавать предпочтеніе такимъ предметамъ, которые, не подвергаясь по самой своей природѣ порчѣ и содержа въ себѣ при маломъ объемѣ значительную цѣнность, могутъ быть, поэтому, удобно спрятаны или унесены съ собою. Въ силу этого золото и драгоценныя камни составляютъ значительную часть богатства этихъ націй и многіе изъ богатыхъ азіатцевъ посвять почти все свое состояніе на собственной особѣ или на женщинахъ своего гарема. Никто, кромѣ монарха, не думаетъ въ этихъ странахъ обращать свое богатство въ такой видъ, въ которомъ его

целью унести. Государь, если чувствует себя прочным на престолѣ и надѣется передать его своимъ потомкамъ, обнаруживаетъ, правда, по временамъ вкусъ къ долговѣчнымъ зданіямъ и сооружаетъ Пирамиды, Тадж-Мегаль или Секундрскій мавзолей.

Грубые продукты фабрикаціи, назначаемые для земледѣльцевъ, выдѣлывающіяся сельскими мастерскими, которые вознаграждаются землею, отдаваемою имъ въ пользованіе безъ платежа арендной платы, или съ платежемъ натурою изъ той доли жатвы, которая оставлена земледѣльцу правительствомъ. Но и при подобномъ состояніи, общество не лишено, однако, торговаго класса; послѣдній состоитъ изъ двухъ разрядовъ купцовъ: одинъ торгуетъ хлѣбомъ, другой — деньгами. Хлѣбные торговцы обыкновенно покупаютъ хлѣбъ не отъ производителей его, но отъ агентовъ правительства, которые, собирая доходъ натурою, съ удовольствіемъ перелагаютъ на другихъ заботу доставлять его въ тѣ мѣста, гдѣ проживаютъ государь, главные его гражданскіе и военные сановники, главная масса его войскъ и мастерские, удовлетворяющіе потребностямъ этихъ разнообразныхъ лицъ. Торговцы деньгами даютъ ихъ взаймы для поддержанія жизни и для продолженія обработки тѣмъ несчастнымъ земледѣльцамъ, которые разорены неурожаемъ или казенными поборами; послѣ новой жатвы они получаютъ уплату съ громадными процентами; тѣ же торговцы еще въ болѣе широкомъ размѣрѣ ссужаютъ деньги правительству или лицамъ, которымъ оно уступило часть своего дохода; вознагражденіе они получаютъ платежами отъ чиновниковъ, собирающихъ доходы,

или получениемъ въ свое завѣдываніе нѣкоторыхъ округовъ, доходами съ которыхъ они могутъ погашать сами себѣ свой долгъ; для этого имъ обыкновенно одновременно передается значительная доля правительственной власти, которою они и пользуются до тѣхъ поръ, пока отданные имъ округа не будутъ выкуплены или пока доходами съ нихъ не погашенъ совершенный заемъ. Такимъ образомъ торговля операций этихъ двухъ классовъ имѣютъ отношеніе къ той долѣ продуктовъ страны, которая составляетъ доходъ правительства. Изъ этого дохода ихъ капиталъ періодически возстанавливается съ прибылью; онъ же былъ источникомъ, изъ котораго почти всегда возникалъ ихъ первоначальный оборотный фондъ или капиталъ.

Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе наибольшаго количества азіатскихъ странъ, въ которыхъ они пребывали еще въ періоды, предшествовавшіе началу достовѣрной исторіи и которое и дониндѣ существуетъ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ оно не поколеблено вліаніемъ иностранцевъ.

Въ земледѣльческихъ обществахъ древней Европы, раннее положеніе которыхъ намъ лучше извѣстно, ходъ явленій совершался иначе. Последніе по общему правилу при своемъ возникновеніи были маленькими городскими общинами; при основаніи ихъ въ незанятой еще странѣ или въ такой, изъ которой были изгнаны прежніе обитатели, захваченная земля раздѣлялась равными или почти равными участками между семействами, составлявшими общину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь выросталъ не одинъ городъ, а союзъ нѣсколькихъ городовъ, населенныхъ людьми, которые считали себя принадлежа-

ними къ одной расѣ и которые, какъ предполагалось, поселились въ странѣ почти въ одно и то же время. Каждая семья производила сама свою пищу и материалы для своей одежды, которые обрабатывались въ предѣлахъ самой же семьи и обращались обыкновенно женщинами въ грубые издѣлія, которыми удовлетворился этотъ вѣкъ. Налоговъ не было никакихъ, потому-что или не существовало чиновниковъ, получавшихъ жалованье, или вознагражденіе этихъ чиновниковъ производилось съ особой предназначенной для этого доли земли, которая обрабатывалась рабами для потребностей государства; войско состояло изъ всего общества согражданъ. Полный продуктъ земли принадлежалъ, поэтому, безъ всякаго вычета семьѣ, которая обрабатывала землю.

Пока ходъ событій допускалъ возможность сохраненія такого положенія собственности, состояніе общества для большинства свободныхъ земледѣльцевъ не было, по всей вѣроятности, чѣмъ нибудь нежелательнымъ; въ этотъ счастливый періодъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхъ челоуѣчества въ умственномъ развитіи былъ необыкновенно быстръ и блистателенъ. Это въ особенности происходило тамъ, гдѣ при выгодныхъ качествахъ племени и климата и при наличности разныхъ благопріятныхъ случайностей, всякій слѣдъ которыхъ потерянъ, имѣлось еще къ тому-же выгодное положеніе у береговъ большого внутренняго моря, другія побережья котораго были уже заняты болѣе развитыми обществами.

При такомъ положеніи знакомство съ иностранными произведеніями, легкій доступъ иноземныхъ

идей и изобрѣтеній ослабляли въ этихъ обществахъ ту цѣль рутины, которая вообще такъ крѣпко сковываетъ необразованные народы. Даже обращая вниманіе только на ихъ промышленное развитіе, можно замѣтить, что благодаря прибрѣтенному разнообразію потребностей и желаній, они стремились извлекать изъ своей земли все, что умѣли взять изъ нея; если земли ихъ была безплодна или если они достигали высшаго изъ возможныхъ полученій отъ нея, то они становились часто торговцами, покупали продукты чужихъ земель для продажи съ прибылью въ собственной странѣ.

Такое состояніе общества съ самаго начала и по своему существу было непрочно. Эти маленькія общины жили въ состояніи почти непрерывной войны. Поводовъ къ войнамъ было достаточно. Въ болѣе грубыхъ и чисто земледѣльческихъ обществахъ частою причиною войнъ былъ недостатокъ земли для возрастающаго въ размѣрахъ населенія, который увеличивался еще болѣе неурожаями, при грубомъ состояніи ихъ земледѣлія и при зависимости ихъ въ своемъ продовольствіи отъ одной и при томъ небольшой земельной площади. При такомъ положеніи вещей, община часто переселялась всею своею массою или высылала толпу молодежи съ оружіемъ въ рукахъ искать менѣе воинственнаго народа, чтобы изгнать его изъ его земли или удержать на ней въ качествѣ рабовъ для обработки ея въ пользу побѣдителей. То, что менѣе развитыя общества дѣлали отъ нужды, болѣе счастливыя племена совершали по честолюбію или воинственности; въ результатъ всѣ эти горюдкія общины стали завоевателями или завое-

ванными. Иногда завоевавшее государство удовлетворялось наложеніемъ дани на побѣжденныхъ, которые, неся это бремя и потому освобождаясь отъ хлопотъ и издержекъ по защитѣ себя морскими и сухопутными силами, могли пользоваться и подъ своимъ гномъ значительной долей экономическаго благосостоянія, а побѣдившее общество получало избытокъ богатства, который могло употребить на дѣла общественной роскоши и великолѣнія. Изъ такихъ избытковъ были построены Пароенонъ и Пронилей, дана плата за статуи Фидія и производились торжества, для которыхъ писали свои драмы Эсхиль, Софокль, Эврипидъ и Аристофанъ.

Но подобное положеніе политическихъ отношеній, бывшее, пока оно продолжалось весьма полезнымъ для развитія и высшихъ интересовъ человѣчества, не содержало въ себѣ элементовъ долговѣчности. Небольшое завоевательное общество, которое не соединяетъ въ одно цѣлое свои завоеванія, всегда оканчивается тѣмъ, что само подвергается завоеванію. Такимъ образомъ всеобщее владычество досталось тому народу, который, какъ римляне, умѣлъ создавать свое единство съ побѣжденными. Каковы-бы ни были мотивы войны, которыя вели римляне, они всегда начинали или оканчивали ихъ тѣмъ, что захватывали наибольшую часть земель для обогащенія своихъ именитѣйшихъ гражданъ и принимали въ составъ своего правящаго сословія главныхъ владѣльцевъ побѣжденной и захваченной земли.

Нѣтъ надобности останавливаться на печальной по характеру экономической исторіи римской импе-

рин. Неравенство богатствъ, разъ возникнувъ въ обществѣ, въ которомъ несправедливости удачи не поправляются обычнымъ ходомъ промышленныхъ дѣлъ, всегда достигаетъ громадныхъ размѣровъ: крупныя богатства поглощаютъ мелкія. Римская имперія въ концѣ концовъ обратилась въ страну съ громадными поземельными владѣніями небольшого количества семей, для роскошныхъ удовольствій, а еще болѣе для удовлетворенія тщеславія которыхъ выдѣлялись самыя дорогіе продукты, тогда какъ обрабатывающіе землю были рабами или мелкими фермерами, находившимися въ состояніи, близкомъ къ рабскому. Съ этого времени богатства имперіи постепенно падаютъ. Первое время общественные доходы и богатства частныхъ лицъ служили еще достаточнымъ источникомъ, изъ котораго можно было покрывать Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но мало-по-малу подъ изнуряющемъ вліаніемъ дурного управленія, доставляемые этими источниками средства, изыскли на столько, что остатки ихъ оказывались недостаточными для поддержанія зданій отъ разрушенія. У цивилизованнаго міра тогдашняго времени перестало хватать силы и богатства для предохраненія себя отъ наплыва кочующихъ племенъ, бродившихъ вокругъ сѣверной границы имперіи; племена эти вторглись въ имперію и наступить иной порядокъ вещей.

Въ томъ новомъ видѣ, который съ этого времени приняло европейское общество, составъ населенія каждой страны можно разсматривать, какъ раздѣленный на двѣ неравныя доли соответственно различнымъ національностямъ или расамъ: на завое-

вателей и завоеванныхъ. Завоеватели сдѣлались собственниками земли, завоеванные—ея воздѣльвателями. Последнимъ дозволялось владѣть землею на условіяхъ, которыя, какъ продуктъ насилія, хотя и были всегда обременительны, но рѣдко достигали размѣровъ полнаго рабства. Уже въ послѣднія времена римской имперіи значительное число приписанныхъ къ землѣ рабовъ перешло на положеніе, подобное крѣпостному состоянію; римскіе „колонны“ были скорѣе крѣпостными, чѣмъ настоящими рабами; варварамъ, завоевавшимъ имперію, при ихъ неспособности и при отсутствіи у нихъ охоты къ личному управленію промышленными дѣлами, оставался единственный исходъ, такъ и на такихъ условіяхъ передать воздѣльвателямъ землю, чтобы они находили нѣкоторое поощреніе своему труду и дѣйствительно интересовались обработкой земли. Такъ, если они работали три дня въ недѣлю въ пользу того, чью землю они обрабатывали, продуктъ труда остальныхъ дней все же доставался имъ. Они доставляли въ замокъ разные продукты, потребные здѣсь для потребленія; часто эти реквизиціи бывали чрезмѣрны, но всегда, по исполненіи требуемыхъ поставокъ, имъ позволялось располагать всѣмъ продуктомъ, какой они могли собрать, кромѣ переданнаго владѣльцамъ земли. При такой системѣ крѣпостные люди въ средніе вѣка не были лишены возможности приобрѣтать собственность; въ такомъ же положеніи находились крѣпостные въ новой Россіи, гдѣ, до недавняго освобожденія крестьянъ, господствовала система по существу сходная съ средневѣковою; и дѣйствительно, накопленные крѣпостными сбереженія составляютъ

первоначальный источник богатства новой Европы.

Въ эти вѣка насилій и безпорядка первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной изъ своего маленькаго сбереженнаго запаса, состояло въ томъ, что онъ покупалъ себѣ свободу и переселялся въ какой нибудь городъ или укрѣпленную деревню, которыя остались неразрушенными со времени римской имперіи; часто онъ старался укрыться сюда и не выкупивъ своей свободы. Въ этомъ убѣжищѣ, окруженный людьми своего класса, онъ пытался жить, защищаясь собственными усиліями и помощію своихъ согражданъ отъ притѣсненій и вымогательствъ военной касты. Эти освободившіеся крѣпостные въ большинствѣ случаевъ становились ремесленниками и жили избыткомъ продукта своего промысла на избытокъ нищѣ и матеріаловъ, которые земля доставляла феодалнымъ собственникамъ. Такимъ образомъ въ Европѣ возникло гнѣздо подобное экономическому положенію азіатскихъ странъ, но съ тою разницей, что, вмѣсто одного монарха съ его постоянно измѣняющейся толпою фаворитовъ и чиновниковъ, здѣсь созданъ многочисленный и въ значительной мѣрѣ устойчивый по составу классъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти землевладѣльцы, располагая каждый гораздо меньшимъ избыткомъ продукта, обнаруживали менѣе блеска и долгое время издерживали наибольшую часть своихъ средствъ на содержаніе тѣлохранителей, которые были необходимы для охраненія ихъ личности при господствовавшихъ тогда волшебственныхъ обычаяхъ общества и при недостаточности охраны со стороны правительства. Большая устойчивость и прочность личнаго положенія, существовавшая при та-

кой организаціи общества сравнительно съ азіатской системой, которой экономически эта организація вполнѣ соответствовала, была также одною изъ главныхъ причинъ того, что эта послѣдняя оказалась болѣе благоприятной для дальнѣйшаго развитія. Съ этого времени экономическое развитіе общества болѣе не прерывалось. Безопасность личности и собственности, хотя и медленно, но постоянно возрастала; полезныя искусства постоянно развивались; грабежь пересталъ быть главнымъ источникомъ накопленія богатствъ, и феодальная Европа мало-по-малу обратилась въ торговую и мануфактурную. Въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ города Италіи и Фландріи, вольные города Германіи, а также нѣкоторые города Франціи и Англій имѣли въ своемъ составѣ обширное и энергическое населеніе ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, составившихъ себѣ состояніе или мануфактурной промышленностью, или торговлей продуктами ея. Общины Англій, третье сословіе во Франціи и буржуазія или капиталистическій классъ континента вообще составились изъ потомковъ этого класса. Этотъ классъ умѣлъ сберечь, наоборотъ потомки феодальной аристократіи отличались расточительностію и потому буржуазія мало по малу замѣстила аристократію и сдѣлалась собственницею земель, принадлежавшихъ послѣднимъ. Это естественное стремленіе къ переходу земель въ ея руки въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялось законами, составленными съ цѣлью удерживать землю за фамиліями владѣльцевъ ея, въ другихъ ускорялось политическими переворотами. Постепенно, хотя и съ меньшей быстротою, непосред-

ственные воздѣлыватели земли вышли во всѣхъ болѣе культурныхъ странахъ изъ рабскаго или полурабскаго состоянія; ихъ юридическое и экономическое положеніе отличалось значительнымъ разнообразіемъ у различныхъ націй Европы и въ тѣхъ великихъ обществахъ, которыя были основаны потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

Теперь въ мірѣ существуетъ много разныхъ обширныхъ странъ, обладающихъ разнообразными предметами богатства въ такой степени изобилія, о которой прежніе вѣка не могли даже и вообразить. Безъ наличности труда, основаннаго на принужденіи, ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, за счетъ которой содержится, кромѣ непосредственныхъ производителей ея, равное, а иногда и большее количество работниковъ, занятыхъ производствомъ разнообразныхъ предметовъ надобностей и роскоши или перевозкою ихъ изъ одного мѣста въ другое. За счетъ той же пищи содержится множество лицъ, управляющихъ этими работами и надзирающихъ за правильнымъ ихъ выполненіемъ, а сверхъ того еще одинъ классъ, болѣе многочисленный, чѣмъ въ древнихъ обществахъ съ самою большою роскошью, занятія котораго не могутъ быть названы прямо производительными и значительное число лицъ котораго не имѣетъ даже и совѣтъъ занятій. Пища, производимая теперь, кормитъ гораздо болѣе многочисленное населеніе съ одного и того же пространства (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же странахъ). Кромѣ того при современныхъ условіяхъ производства этой пищи исчезли періодически повторявшіеся случаи голодовокъ, столь частые въ преж-

ней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкіе въ восточныхъ странахъ. Но не только обнаружилось крупное возрастаніе пшени; она значительно улучшилась по качеству и разнообразію; предметы удобства и роскоши уже не служатъ достоинствомъ небольшого и богатаго класса, а проникаютъ въ большому изобилію въ обширныя и постепенно расширяющіеся слои менѣе богатыхъ классовъ. Вся совокупность средствъ каждаго изъ этихъ обществъ, когда оно желаетъ обратить его на какія нибудь неожиданныя цѣли, наличная у нихъ возможность содержать флоты и арміи, производить общественныя работы для пользы или украшенія, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа вестъ-индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію—другими словами выполнять все, что требуетъ издержекъ и при томъ, не жертвуя предметами необходимости или удобства своего населенія—все это обнаруживаетъ размѣръ небывалый для прежняго времени.

Но при всѣхъ этихъ свойствахъ, характерныхъ для современнаго промышленнаго развитія, эти общества крупнѣйшимъ образомъ отличаются одно отъ другого. Изобилуя бѣльшимъ богатствомъ сравнительно съ прежними вѣками, они, однако, сильно различаются по степенямъ этого изобилія. Нѣкоторыя изъ тѣхъ странъ, которыя по справедливости считаются богачѣйшими, съ большею полнотою воспользовались своими производительными средствами и получили сравнительно съ территоріей, занимаемой ими, большую долю продукта, чѣмъ другія. Страны различаются не только по

количеству богатства, но и по быстротѣ его возрастанія. Различій въ распредѣленіе его еще больше, нежели въ производствѣ. Въ положеніи бѣднѣйшаго класса различныхъ странъ замѣтно крупное разнообразіе; богатства и пропорціональній составъ классовъ, стоящихъ по положенію выше этого бѣднѣйшаго класса, столь же разнообразны. Даже въ характерѣ и положеніи классовъ, между которыми раздѣляется продуктъ земли, замѣчается по разнымъ мѣстамъ не мало отличій.

Въ нѣкоторыхъ странахъ земледѣльцы составляютъ классъ почти вполне обособленный отъ классовъ, занятыхъ промышленностью, въ другихъ собственникомъ земли является почти всегда ея воздѣльватель, владѣющій плугомъ и часто непосредственно работающій имъ. Тамъ, гдѣ собственникъ не воздѣлываетъ землю лично, иногда между нимъ и непосредственнымъ работникомъ становится посредствующее звено въ видѣ фермера, который дѣлаетъ предварительныя затраты по содержанию работниковъ, снабжаетъ ихъ орудіями труда и, уплативъ ренту земледѣльцу, становится собственникомъ оставшагося за этими вычетами продукта. Въ другихъ мѣстахъ продуктъ раздѣляется между собственниками, ихъ наемными агентами и работниками.

Въ мануфактурной промышленности замѣтны тѣ же различія; иногда ея продукты производятся отдѣльными лицами, которые сами владѣютъ инструментами и орудіями или занимаютъ ихъ у другихъ, и почти не употребляютъ на работу большее количество труда, чѣмъ воплощающееся въ силахъ ихъ семьи. Въ другихъ случаяхъ производство

ведется значительнымъ числомъ работниковъ, трудящихся совместно въ одномъ зданіи и при помощи сложныхъ и дорого стоящихъ машинъ, принадлежащихъ богатымъ мануфактуристамъ.

Подобное-же различіе существуетъ и въ торговомъ дѣлѣ. Оптовые операціи повсемѣстно, безъ сомнѣнія, ведутся крупными капиталами, если таковые имѣются въ наличности; но розничная торговля, занимающая по общей своей массѣ весьма значительную сумму капитала, часто совершается въ мелкихъ лавкахъ и главнымъ образомъ личною дѣятельностію торговца, его семьи, а иногда одного или двухъ подручныхъ. Иногда, напротивъ, торговля ведется въ обширныхъ заведеніяхъ, на капиталъ, доставленный какимъ нибудь богатымъ лицомъ или компаніей и при помощи наемныхъ приказчиковъ и приказницъ.

Кромѣ этихъ различій въ экономическомъ складѣ различныхъ частей того, что называется цивилизованнымъ міромъ, въ тѣхъ или другихъ областяхъ міра вплоть до нашего времени продолжалось также существованіе и тѣхъ первичныхъ стадій развитія, краткій обзоръ которыхъ мы дали въ предшествовавшемъ. Охотническія общества еще и теперь существуютъ въ Америкѣ, кочевья— въ Аравіи и степяхъ Сѣверной Азии. Восточное общество остается по существу тѣмъ-же, какимъ оно было и прежде. Обширная Русская Имперія и теперь еще остается лишь немного видоизмѣненнымъ подобіемъ Феодалной Европы. Все великіе типы человѣческаго общества продолжаютъ существовать въ видѣ высшихъ его формъ и вплоть до Ескимосовъ и Патагонцевъ.

Всѣ эти замѣчательныя различія въ положеніи отдельныхъ частей человѣческой расы по отношенію къ производству и распредѣленію богатства должны, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ, зависѣть отъ причинъ. Объяснить ихъ исключительно, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, различіемъ въ степеняхъ знанія о законахъ природы и физическихъ искусствахъ жизни, значило бы давать объясненіе слишкомъ недостаточное. Много причинъ здѣсь дѣйствуетъ совместно; и даже самое развитіе и неравное распредѣленіе знаній являются отчасти причинами, отчасти слѣдствіемъ того, какъ производится и распредѣляется богатство.

На сколько экономическое положеніе націи зависитъ отъ состоянія физическихъ знаній, оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и искусствъ, основанныхъ на нихъ. Но на сколько оно зависитъ отъ нравственныхъ или психологическихъ причинъ, протекающихъ изъ учреждений, общественныхъ отношеній или особыхъ началъ человѣческой природы, — на столько изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не естественной, а нравственной или социальной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политической экономіей.

Производство богатства, извлеченіе средствъ для человѣческаго существованія и для полученія наслажденій изъ матеріаловъ, доставляемыхъ земнымъ шаромъ, очевидно, не можетъ быть дѣломъ, зависящимъ отъ одного произвола. Оно совершается въ нѣкоторыхъ необходимыхъ условіяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя принадлежать міру физическому, зависятъ отъ качествъ матеріи и отъ размѣра знаній даннаго времени и мѣста о

ея свойствахъ. Этихъ условій политическая экономія не изслѣдуетъ, но принимаетъ какъ нѣчто данное, отсылая интересующихся за объясненіями къ естественной наукѣ и къ свидѣтельству опыта каждаго. Соединяя съ этими фактами внѣшней природы другія истины относительно человѣческой природы, она старается найти вторичные или производные законы, отъ которыхъ зависитъ производство богатства, различіе въ богатствахъ и бѣдности прошлаго и настоящаго времени и въ которыхъ лежитъ основаніе для того приращенія богатствъ, которое возможно для будущаго.

Въ отличіе отъ законовъ производства, законы распределенія богатства зависятъ отчасти отъ человѣческихъ учреждений. Способы распределенія богатства въ каждомъ данномъ обществѣ зависятъ отъ державшихся въ немъ законоположеній и обычаевъ. Хотя правительства и націи имѣютъ власть опредѣлять, какія учрежденія должны существовать, но они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи эти учрежденія будутъ дѣйствовать. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть, принадлежащая имъ надъ распределеніемъ богатствъ, а также тотъ характеръ, подъ вліяніемъ котораго находится распределеніе въ зависимости отъ различныхъ родовъ дѣятельности, устанавливающихся въ обществѣ, составляютъ такой же предметъ научнаго изслѣдованія, какъ и изученіе естественныхъ законовъ природы.

Законы производства и распределенія, а также нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій, составляютъ предметъ настоящаго трактата.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы производства *).

Для производства необходимы два элемента: труд и соответственные естественные дары природы.

Трудъ бываетъ двухъ родовъ: физическій и умственный, или, точнѣе выражая эту разницу — мускульный и нервный. Въ понятіе труда слѣдуетъ включать не только самую дѣятельность, но и всѣ неприятыя ощущенія, всякое физическое утомленіе или умственное обремененіе, связанныя съ употребленіемъ мыслей и мускуловъ или того и другого вмѣстѣ на какую нибудь работу.

Что касается до другого элемента производства — соответственныхъ естественныхъ даровъ природы, то слѣдуетъ замѣтить, что сама природа даетъ намъ предметы, которые существуютъ, произрастаютъ естественно и при томъ въ формѣ, непосредственно пригодной для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Такъ имѣются напр. пещеры и дупла, могущія служить кровомъ; плоды, корни, дикій

*) т. е. объ условіяхъ, при которыхъ совершается производство.

медь и другіе естественные продукты, при посредствѣ которыхъ человѣкъ можетъ существовать; но даже здѣсь нужно по общему правилу значительное количество труда, конечно, не для созданія или производства этихъ даровъ природы, но для того, чтобы найти и присвоить ихъ. Почти всегда, за исключеніемъ этихъ немногихъ и неважныхъ случаевъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе развѣ при самомъ началѣ человѣческаго общества, предметы, даваемые природой, становятся пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, лишь испытавъ преобразование при помощи человѣческаго труда. Дикія животныя и рыбы, служащія источникомъ существованія охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ, достаются человѣку при посредствѣ труда, который главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что требуется произвести рядъ усилій для овладѣнія ими; но кромѣ того, прежде чѣмъ обратить ихъ въ пищу, ихъ нужно убить, разрѣзать на куски, почти въ большинствѣ случаевъ подвергнуть какимъ нибудь кулинарнымъ процессамъ; т. е. совершить рядъ дѣйствій, требующихъ нѣкотораго труда.

Преобразование предметовъ при посредствѣ человѣческаго труда имѣетъ самыя многообразныя формы. Иногда предметъ, приспособленный трудомъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, мало чѣмъ разнится отъ своей первоначальной формы, иногда это преобразование такъ велико, что не остается никакого слѣда отъ первоначальной формы и структуры предмета. Кусокъ руды, находимый въ землѣ, мало походитъ на плугъ, топоръ или шлу. Фарфоръ не имѣетъ ничего общаго съ вывѣтрившемся гранитомъ, изъ котораго онъ сдѣ-

ланъ, стекло не походить на смѣсь песка съ по-
ташемъ, изъ которой оно готовится. Разница
между овечьимъ руномъ и горстью хлопчато-бумаж-
ныхъ зеренъ еще больше сравнительно съ сукномъ
и коленкоромъ; сама овца, само хлопчато-бумаж-
ное зерно не выростають только при участіи есте-
ственныхъ силъ природы; нѣтъ, для этого требуется
предварительная затрата человѣческаго труда и за-
ботливости. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ слу-
чаяхъ окончательный продуктъ настолько различенъ
отъ вещества, доставляемаго природою, что въ
обычной рѣчи природа считается только поставщицей
матеріала для труда.

Но природа доставляетъ труду болѣе, чѣмъ одинъ
матеріалъ, она даетъ ему еще и силы. Матерія,
составляющая земной шаръ, не является пассив-
нымъ воспринимателемъ формъ и свойствъ, прида-
ваемыхъ ей человѣческимъ трудомъ. Она обладаетъ
сама дѣятельными силами, которыя совместно ра-
ботаютъ съ трудомъ и могутъ быть даже употребле-
лемы на замѣну послѣдняго... Всѣ знаютъ, что
во многихъ случаяхъ вѣтеръ, тяжесть воды и другіе
естественные дѣятели выполняютъ ту часть труда,
которая раньше выполнялось непосредственнымъ
человѣческимъ трудомъ (напр. вѣтряныя и водяныя
мельницы).

Значеніе или функція труда въ производствѣ.

Подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ осво-
бодился отъ некоторой доли труда, замѣнивъ его
дѣйствіемъ какой нибудь естественной силы при-
роды, могутъ вызвать ложное представленіе о

сравнительномъ значеніи труда и силъ природы въ производительной дѣятельности; можно полагать, что содѣйствіе этихъ силъ человеческой промышленности, ограничивается лишь случаями, гдѣ онѣ употреблены на выполненіе того, что иначе производилось бы трудомъ и будто бы въ предметахъ, сдѣланныхъ (какъ любятъ выражаться) руками человѣка, природа доставляетъ только пассивный матеріалъ. Это не болѣе, какъ самообманъ. Силы природы столь же дѣятельно работаютъ въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на отдѣльныя волокна и сплетаетъ ихъ своими пальцами при посредствѣ простаго орудія, называемаго веретенкомъ; надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ слагаетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ подобныя же нитки и при томъ такъ, чтобы каждая поперечная шла подъ прямымъ угломъ и поочередно сверху одной и снизу другой продольной; эта часть его труда облегчается орудіемъ, именуемымъ челнокомъ; такимъ образомъ, онъ производитъ льняную или пеньковую ткань, смотря по матеріалу, надъ которымъ работаетъ. Говорить, что онъ сдѣлалъ ее руками и что никакая сила природы будто бы не работала совместно съ нимъ. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый последовательный шагъ этихъ операций и послѣ выдѣлки ткани сдерживала ее въ цѣлости? Все это зависѣло отъ крѣпости волоконъ или отъ силы сцепленія ихъ частицъ, т. е. отъ одной изъ силъ природы, и мы можемъ съ точностью измѣрять ея значеніе сравнительно съ другими механическими силами, опредѣлять, какое количество каждой изъ

нихъ достаточно для нейтрализованія или уравновѣшиванія этой силы сцѣпленія.

Силы природы, или другими словами, качества матеріи исполняютъ все дѣло, разъ только предметы приведены въ нужное положеніе. Человѣкъ только придвигаетъ одну вещь къ другой, или раздѣляетъ ихъ. Онъ вкладываетъ зерно въ землю, а естественныя растительныя силы производятъ постепенно корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ направляетъ удары топора по стволу дерева и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ образомъ заставляетъ двигаться свою пилу поперекъ срубленнаго дерева и оно раздѣляется на доски по физическому закону, подъ дѣйствіемъ котораго болѣе мягкая вещь вытѣняется отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, сбиваетъ ихъ гвоздями или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ такимъ образомъ столъ или домъ.

И такъ въ матеріальномъ мірѣ, трудъ всегда и исключительно употребляется на приведеніе предметовъ въ движеніе. Все остальное дѣлается матеріей и законами природы. Искусство и изобрѣтательность человѣка главнымъ образомъ направлены на открытіе цѣлесообразныхъ по ихъ силамъ движеній, которыя пригодны для полученія желаемыхъ результатовъ. Но если движеніе и составляетъ единственное дѣйствіе, которое можетъ непосредственно и прямо производиться человѣческими мускулами, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣкъ непосредственно долженъ совершать ими все движенія, которыя ему нужны. Первою и са-

мою простою замѣною дѣйствія его мускуловъ служить работа мускуловъ животныхъ; затѣмъ постепенно человекъ сталъ пользоваться для той же цѣли неодушевленными силами природы: вѣтромъ и водою, силами, находящимися въ движеніи, стараясь сообщить часть присущаго имъ движенія колесамъ, которыя до этого изобрѣтенія обращались силою мускуловъ.

Эта услуга вынуждается у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, состоящихъ, подобно выше указанному, также въ томъ, что человекъ ставитъ предметы въ извѣстное положеніе, въ которыхъ они составляютъ то, что называется машиною; но дѣйствіе мускуловъ, необходимое для этого, не возобновляется постоянно, а совершается разъ и навсегда и въ результатъ получается большое сбереженіе труда.

Участіе природы въ любой человѣческой работѣ неопредѣлимо и несоизмѣримо. Невозможно рѣшить, что въ одномъ дѣлѣ природа работаетъ больше, нежели въ другомъ; нельзя этого даже сказать и о трудѣ. Для даннаго дѣла, быть можетъ, потребуется большее количество труда; но если требуемое количество безусловно необходимо, то произведенный продуктъ—столь же результатъ природы, какъ и труда. Если два условія равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что столько-то произведено однимъ и столько-то другимъ; это все равно, что пытаться опредѣлить, которая изъ двухъ половинокъ попки наиболее важна для разрѣзыванія, или какой изъ двухъ множителей, 5 или 6, болѣе способствуетъ полученію произведенія въ цифрѣ 30.

Количество однихъ силъ природы неограничено, другихъ—ограничено. Подъ неограниченнымъ количествомъ понимается практическая неограниченность, т. е. то, что наличное количество больше того, какое мы можемъ употребить для нашихъ цѣлей когда нибудь, или по крайней мѣрѣ при настоящихъ обстоятельствахъ.

Мы покажемъ впоследствии, какъ сильно зависитъ общественная экономія отъ того обстоятельства, что многіе важнѣйшія естественныя силы природы существуютъ въ ограниченномъ количествѣ; въ особенности это обстоятельство имѣетъ значеніе примѣнительно къ землѣ. Теперь я замѣчу только, что пока количество естественныхъ силъ природы практически неограничено, онѣ не могутъ сдѣлаться предметомъ искусственной монополіи и потому имѣть рыночную цѣнность, ибо никто не дастъ чего нибудь за вещь, которую можетъ получить даромъ. Но съ того момента, когда ограниченіе становится практически возможнымъ, и когда любая вещь не находится въ томъ количествѣ, въ какомъ хотѣли бы обладать или пользоваться ею при желаніи, обладаніе или пользованіе этой естественной силой приобретаетъ мѣновую цѣнность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Трудъ, какъ дѣятель производства.

Трудъ, оканчивающійся производствомъ предмета, необходимаго для нуждъ человека, употребляется прямо на производство его или на приготовительные процессы. Напримеръ, при изготовленіи хлѣба—трудомъ, непосредственно обращеннымъ на его изготовленіе, служить трудъ пекаря; но трудъ мельника, хотя и обращенный прямо лишь на производство муки, также составляетъ часть общей массы труда, при помощи котораго готовится хлѣбъ; тоже можно сказать о трудѣ сѣяшаго хлѣбъ и о работѣ жнеца. Кузнецъ, дѣлавшій плугъ, участвовалъ въ результатѣ еще болѣе отдаленнымъ образомъ. Такимъ образомъ вычислить трудъ, результатомъ котораго является извѣстный продуктъ, дѣло далеко не простое. Цифры, входящія въ расчетъ, очень многочисленны: ибо, если частью труда, употребленнаго на производство хлѣба, мы должны считать работу кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, то почему не считать также труда, потраченнаго на выдѣлку инструмента кузнеца и орудій, употребленныхъ на выдѣлку этихъ инструментовъ и т. д. до возникновенія всѣхъ вещей... Въ результатѣ нечисленій можетъ получиться, что на

выдѣлку инструментовъ истрачена одна тысяча — двухсотая или что нибудь въ этомъ родѣ изъ общей массы труда, пошедшей на одну жатву одной фермы, а когда эту дробь придется распределять по различнымъ мѣшкамъ пшеницы и по фунтамъ хлѣба, сразу станетъ понятно, что такихъ количествъ не стоитъ брать въ расчетъ при оцѣнкѣ предмета на практикѣ.

Изъ различныхъ видовъ непрямого или косвенно-производительнаго труда слѣдуетъ назвать:

1) Трудъ, употребляемый на производство пищи, необходимой для содержанія работниковъ. Всѣ люди получаютъ вознагражденіе за свой трудъ окончательнымъ образомъ изъ продукта, изготовленнаго ими. Требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищей, нужной работникамъ, имѣетъ другой характеръ; вознагражденіе дается не за трудъ, а за воздержаніе. Если кто либо отдастъ наличную у него пищу производительнымъ работникамъ на содержаніе ихъ во время дѣла, онъ не будетъ доволенъ простымъ возвращеніемъ въ уплату за таго. Онъ будетъ ожидать, что его предварительная затрата въ пищу вернется къ нему обратно съ нѣкоторымъ увеличеніемъ, которое на обычномъ коммерческомъ языкѣ называется прибылью, и только это послѣднее будетъ служить для него побудительной причиной, склоняющей накоплять запасъ пищи, экономничая или обнаруживая воздержаніе въ собственномъ потребленіи.

2) Трудъ, употребляемый на производство материаловъ, которые должны быть предметомъ дачнѣйшей обработки.

3) Трудъ, необходимый на выдѣлку инструментовъ, необходимыхъ для производства.

4) Трудъ, употребляемый на охраненіе производства, который необходимъ для того, чтобы ходъ производства не нарушался, чтобы продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы и не подвергались дѣйствию человѣческаго насилія и хищничества.

5) Трудъ, затрачиваемый на перевозку или на доставленіе продукта потребителямъ.

6) Трудъ на воспитаніе и обученіе работниковъ. Отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходамъ, вызываемымъ ими по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ полученіемъ въ будущемъ выгоды, и политическая экономія часто не причисляетъ этого расхода къ издержкамъ производства. Но техническое и промышленное воспитаніе, трудъ употребляемый на обученіе и изученіе въ производительныхъ искусствахъ — совершается обыкновенно для того, чтобы черезъ него достигъ большаго или болѣе цѣннаго производства. Поэтому трудъ, придающій большую производительную силу рукамъ или уму человѣка, долженъ считаться частью труда, которымъ общество выполняетъ свои производительныя операціи, другими словами частью стоимости продукта для общества.

7) Умственный и физическій трудъ открывателей и изобрѣтателей. Съ національной или всеобщей точки зрѣнія, трудъ ученаго или отвлеченнаго мыслителя составляетъ часть производства въ томъ же тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ и трудъ человѣка, дѣлающаго практическія изобрѣтенія, ибо послѣднія были прямымъ послѣдствіемъ теоретическихъ открытій и каждое расширеніе знаній относительно силъ природы находило полезное примѣ-

неніе въ житейскихъ дѣлахъ. Во всякомъ чисто-умственномъ трудѣ, если онъ вызываетъ какой нибудь внѣшній результатъ, напр. писаніе, говореніе и т. д. имѣется и физическій элементъ.

§ 8. Трудъ земледѣльческій и мануфактурный.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О трудѣ непроизводительномъ.

Трудъ не производитъ продуктовъ, но только полезности.

Трудъ необходимъ для производства, но послѣднее не всегда бываетъ его результатомъ. Имѣется много видовъ труда и при томъ высокой степени полезности, предметомъ котораго не является производство. Соответственно этому трудъ былъ подраздѣленъ на два вида: производительный и непроизводительный, экономисты не мало спорили о томъ, какіе виды труда слѣдуетъ именовать непроизводительными, не всегда замѣчая, что по существу у нихъ не имѣется фактическихъ основаній для разногласія.

Многіе писатели неохотно относили въ разрядъ производительнаго труда всякую работу, если она не воплощалась въ какомъ нибудь матеріальномъ предметѣ, удобно передаваемомъ отъ одного лица къ другому. Другіе, въ ихъ числѣ Маккуллохъ и Ж. Б. Са, считающіе слово „непроизводительный“ наименованіемъ унижительнымъ, возстаютъ противъ приложенія его ко всякому роду труда, который разсматривается, какъ полезный и прино-

сящій пользу или удовольствіе, равное его расходу. Трудъ чиновниковъ, военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ войскъ, врачей, адвокатовъ, профессоровъ, музыкантовъ, танцовщицъ, актеровъ и т. п., когда эти лица выполняютъ то дѣло, за которое получаютъ вознагражденіе, по словамъ этихъ писателей не долженъ именоваться позорнымъ именемъ „непроизводительнаго“; слово—непроизводительный—имѣ представляется равнозначущимъ словамъ: бесполезный и неимѣющій цѣны. Такое утвержденіе происходитъ, какъ кажется, изъ неправильнаго пониманія того, о чемъ по существу идетъ споръ.

Производство не является единственною цѣлью человѣческаго существованія; слово, „непроизводительный“ не заключаетъ въ себѣ необходимо чего нибудь позорящаго. Здѣсь все сводится къ вопросу о формѣ выраженія или классификаціи, которая, однако, не лишена значенія, если даже она и не основывается на различіи мнѣній; потому мы нѣсколько займемся разными значеніями, которыя можно придавать словамъ: „производительный“ и „непроизводительный“, разсуждая о трудѣ.

Прежде всего, слѣдуетъ напомнить, что даже въ такъ называемомъ производствѣ матеріальныхъ предметовъ, создается вовсе не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всѣхъ человѣческихъ существъ не въ состояніи создать ни одной частицы матеріи. Соткать сукно—это значитъ только расположить извѣстнымъ образомъ частицы шерсти; растить хлѣбъ—это значитъ помѣстить частицу матеріи, называемую зерномъ, въ такое положеніе, въ которомъ это зерно могло бы стягивать раз-

ныя частицы матеріи изъ земли и воздуха для составленія новой комбинаціи, именуемой растеніемъ.

Хотя мы и не въ состояніи создавать матеріи, но мы можемъ придавать ей такія свойства, въ которыхъ изъ бесполезной для насъ, она станетъ полезной. То, что мы производимъ, или желаемъ произвести, пользуясь справедливымъ выраженіемъ Сэ, заключается лишь въ изготовленіи полезностей. Трудъ не создаетъ предметовъ, онъ создаетъ лишь *полезности*. Точно также мы не потребляемъ и не разрушаемъ самого существа предметовъ; матерія, изъ которой они состояли, сохраняется, болѣе или менѣе измѣнившись лишь по формѣ; потребляются въ дѣйствительности только свойства, благодаря наличности которыхъ они предназначались къ извѣстнымъ цѣлямъ. Поэтому Сэ и нѣкоторые другіе писатели послѣдовательно спрашиваютъ: если мы не производимъ продуктовъ, а только полезности, то почему не считать всякій трудъ производительнымъ, если онъ производитъ полезности? Ради чего мы станемъ отвергать производительное значеніе за трудомъ хирурга, вправляющаго руку, за трудомъ законодателя или судьи, вносящаго безопасность въ общество, и придавать это значеніе труду ювелира, гранящему и шлифующему алмазь. Какъ отказывать въ этомъ наименованіи труду учителя, обучающаго меня мастерству, которое будетъ меня кормить, и давать его кондитеру, дѣлающему конфеты для минутнаго удовольствія чувства вкуса.

Совершенно справедливо, что всѣ виды труда производить полезности; вопросъ, занимающій насъ, не существовалъ бы совершенно, если бы пред-

ставленіе о производствѣ полезностей было бы достаточно для характеристики того, что люди понимаютъ подъ производительнымъ трудомъ. Производительный трудъ—это значить: трудъ, создающій богатство. Такимъ образомъ мы должны снова вернуться къ вопросу и спросить себя: *что такое богатство?*

Полезности бываютъ трехъ видовъ.

Полезности, производимыя трудомъ, бываютъ трехъ видовъ.

Во первыхъ, полезности, содержащіяся и воплощенныя во вѣншихъ предметахъ; онѣ создаются трудомъ, придающимъ вѣншимъ матеріальнымъ вещамъ свойства, благодаря которымъ онѣ становятся пригодными для человѣческихъ существъ. Это обыкновенный случай и онъ не требуетъ объясненій.

Во вторыхъ, полезности, выраженные и воплощенные въ человѣческихъ существахъ; трудъ въ этомъ случаѣ употребляется на выработку въ людяхъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ полезными существами, какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ занятыхъ воспитаніемъ; не только учителей, гувернеровъ, профессоровъ, но и правительствъ, если они обнаруживаютъ плодотворныя заботы объ усовершенствованіи своего народа; трудъ моралистовъ и духовенства, на сколько онъ приноситъ пользу; трудъ докторовъ, если содѣйствуютъ сохраненію жизни, физическихъ и умственныхъ силъ, трудъ учителей гимнастики, различныхъ промыс-

ловъ, наукъ и искусствъ вмѣстѣ съ трудомъ учениковъ, обучающихся всему этому; вообще всякій трудъ, потраченный въ жизни человѣкомъ на улучшение знанія и развитіе физическихъ и умственныхъ способностей, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ.

Въ третьихъ и, наконецъ, полезности, не содержащіяся и не воплощенныя во внѣшнихъ предметахъ, а состоящія только въ какой нибудь совершенной услугѣ: въ доставленномъ удовольствіи, въ отвращенномъ на извѣстное время неудобствѣ или страданіи. Эти полезности не оставляютъ какого нибудь постоянного слѣда и не выражаются въ улучшеніи качествъ лица или вещи. Трудъ здѣсь употребляется непосредственно на производство полезностей, а не на приспособленіе какого нибудь предмета къ производству полезности, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ. Таковы, напримѣръ, трудъ музыканта, актера, декламатора или чтеца и всякаго человѣка, дающаго представленіе передъ публикой. Безъ сомнѣнія, подобная дѣятельность можетъ имѣть полезное вліяніе на чувства, расположеніе духа и на общее счастливое настроеніе зрителей и не только въ моментъ своего обнаруженія, но и долгое время спустя; иногда, напротивъ, таже дѣятельность вмѣсто добра приноситъ вредъ; но ни то, ни другое не служитъ цѣлью сама, выставляющаго предметы напоказъ и зрителя, который ему платитъ. Ихъ цѣль сводится къ непосредственному полученію наслажденія. Трудъ арміи и флота имѣетъ подобный же характеръ; лучшее, что они могутъ сдѣлать, это предохранить страну отъ покоренія, отъ обидъ и отъ оскорб-

лений. Такова ихъ услуга, но она оставляетъ страпу безъ всякой перемѣны къ лучшему или худшему.

Производительныи трудомъ называется такая дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ материальныхъ предметахъ.

Теперь намъ предстоитъ рассмотретьъ, какой изъ этихъ трехъ разрядовъ труда можно считать производимымъ богатство. Въ предшествовавшемъ, мы уже отмѣтили, что слово „производительный“, употребляемое само по себѣ, можетъ въ политической экономіи имѣть значеніе лишь въ смыслѣ — производимый богатство.

Только сознательно выражаясь метафорически, мы можемъ назвать богатствомъ полезности третьяго разряда, которыя состоятъ въ удовольствіяхъ и услугахъ, существующихъ лишь въ моментъ вкушаемаго наслажденія и выполняемаго дѣйствія. Существенной стороной нашего представленія о богатствѣ является его накопленіе; вещи, которыя послѣ окончательнаго ихъ производства не могутъ быть хранимы сколько нибудь времени до момента ихъ потребленія, никогда, какъ мнѣ кажется, не считаются богатствомъ, ибо сколько бы ихъ произведено и потреблено ни было, всякое лицо, воспользовавшееся ими, не стало отъ этого богаче и ни сколько не улучшило своего положенія. Но нарушеніе обычнаго словоупотребленія относительно понятія „богатство“ не происходитъ такъ явно и положительно, когда богатствомъ считаютъ всякій предметъ одновременно и полезный, и годный для

накопленія. Ловкость, энергія и настойчивость работниковъ считаются такимъ же богатствомъ страны, какъ и орудія, и машины *). Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, мы должны считать производительнымъ тотъ трудъ, который употребляется на созданіе прочихъ полезностей, воплощенныхъ въ человѣческихъ существахъ и любыхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметахъ.

Когда слово богатство примѣняется къ промышленнымъ способностямъ людей, всегда, однако, подразумевается, что рѣчь идетъ о созданіи материальныхъ продуктовъ. Искусство ремесленника называется богатствомъ только потому, что служитъ средствомъ для приобрѣтенія его въ матеріальномъ

*) Некоторые писатели считаютъ существеннымъ элементомъ нашего представленія о богатствѣ то обстоятельство, что оно должно быть пригодно не только для накопленія, но и допускать возможность передачи, а такъ какъ личныя свойства и производительныя способности человѣческаго существа не могутъ быть отдѣлены отъ него и переданы другому, то, основываясь на этихъ соображеніяхъ, они отказываются включать въ составъ богатства эти свойства и способности и называютъ трудъ, потраченный на ихъ приобрѣтеніе, производительнымъ. Мнѣ кажется, однако, что искусство ремесленника, напримеръ, служитъ желательнымъ предметомъ обладанія и составляетъ, кромѣ того, явленіе, существующее съ нѣкоторой устойчивостью. Отвергать за нимъ право на причисленіе къ богатству, основываясь на томъ, что свойства эти связаны съ человѣкомъ, столь же не убѣдительно, какъ отрицать то же по отношенію каменнотопильной печи или фабрики, вѣтому что онѣ привязаны къ извѣстному мѣсту. Кромѣ того, если нельзя передать покупщику самое искусство, то можно передать употребленіе его, если его нельзя продать, можно отдать въ наемъ; оно можетъ быть отчуждено и дѣйствительно совсѣмъ пропается въ странахъ, гдѣ законъ разрѣшаетъ продажу человѣка вмѣстѣ со всѣми его свойствами. Если эта возможность передачи не находитъ осуществленія, то это зависитъ

видѣ; свойства, не ведущія явнымъ образомъ къ этой цѣли, едва ли будутъ разсматриваться съ этой точки зрѣнія. Какъ бы драгоценны для страны ни были наличие у ней гени, добродѣтели, или совершенства ея обитателей, но врядъ ли кто ее назоветъ въ нашемъ смыслѣ богатой, если только не будетъ выражаться метафорически, или тогда, если будетъ смотрѣть на эти свойства, какъ на продажные предметы, которыми можно извлекать материальное богатство изъ другихъ странъ, какъ это дѣлали древніе Греки и нѣкоторые народы новаго времени. Если бы я вырабатывалъ новый техническій языкъ, я предпочелъ бы взять, какъ основаніе для подраздѣленія, способность сохраняться, а не материальный характеръ продуктовъ. Но, при употребленіи терминовъ, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ, не мѣшаетъ пользоваться ими въ томъ смыслѣ, который менѣе всего противорѣчитъ привычному значенію. Улучшеніе терминологіи, получаемое извращеніемъ принятаго смысла разговорныхъ фразъ, вообще покупается слишкомъ дорого, потому что изъ смѣшенія новыхъ понятій со старыми возникаетъ темнота.

Поэтому, когда я въ настоящемъ трактатѣ буду говорить о богатствѣ, подъ этимъ словомъ я стану

не отъ естественныхъ препятствій, а отъ юридическихъ и нравственныхъ. Самое человеческое существо, какъ выше замѣчено, и по отношенію къ составу богатства, оно составляетъ цѣль, для которой существуетъ богатство, но его пріобрѣтательна способность, существующія только какъ средства и вызванныя къ битію—трудомъ, вполне подходятъ, какъ мнѣ представляется, въ составъ того, что обозначается наименованіемъ—богатство. Прим. автора.

разумѣть только то, что называется матеріальнымъ богатствомъ, а подѣ производительнымъ трудомъ только такого рода дѣятельность, которая создаетъ полезности, воплотившіяся въ матеріальныхъ предметахъ; но ограничить смыслъ терминовъ этимъ значеніемъ, я буду пользоваться имъ въ полномъ размѣрѣ этого тѣснаго значенія и не откажу въ названіи производительнаго такому труду, который, хотя и не имѣетъ непосредственнымъ своимъ результатомъ матеріальнаго продукта, но какъ конечное послѣдствіе котораго получается возрастаніе матеріальнаго продукта. Такимъ образомъ, я считаю производительнымъ трудъ, употребленный на приобрѣтеніе фабричнаго искусства, давая ему это названіе не за самое искусство, а за производимые при его посредствѣ матеріальные предметы, для созданія которыхъ, равно полезень и трудъ обученія этому дѣлу. Трудъ чиновниковъ правительства, доставляющихъ охрану, которая въ той или другой формѣ, но необходима для усибшаго хода промышленности, долженъ быть также сочтенъ производящимъ матеріальное богатство, ибо безъ него оно не могло бы существовать въ томъ изобиліи, въ какомъ оно имѣется въ настоящее время. Такой трудъ можно называть *не прямо или косвенно производительнымъ* въ противоположность труду землепашца или хлопчатобумажнаго ткача, которые являются непосредственно производительными работниками. Сходство между ними въ томъ, что они одинаково способствуютъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны, они увеличиваютъ или стремятся увеличить ея матеріальное богатство. Непроизводительнымъ трудомъ на языкѣ поли-

тической экономии называется, напротивъ, такой трудъ, который оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивая накопленнаго запаса средствъ къ его удовлетворенію. Непроизводительный трудъ можетъ быть столь же полезенъ, какъ и производительный. Но ни отъ одного изъ непроизводительныхъ занятій, которыя вкратцѣ указаны выше, общее богатство человѣчества не увеличилось. Услуги непроизводительныхъ работниковъ, если были полезны, то получались за счетъ матеріальнаго богатства, принадлежащаго міру; при бесполезности ихъ дѣятельности, потребление этихъ работниковъ было простымъ расточеніемъ богатства.

Было бы большою ошибкой сожалѣть о томъ, что значительная доля годичнаго продукта идетъ въ богатой странѣ на непроизводительное потребленіе, т. е. на такое, которое не содѣйствуетъ поддержанію или увеличенію производительныхъ средствъ страны и вполнѣ соотвѣтствуетъ по значенію непроизводительному труду, который ни прямо, ни косвенно не содѣйствуетъ производству, а служитъ лишь источникомъ для полученія предметовъ потребленія.

Это значило бы печаловаться о томъ, что общество имѣетъ значительный излишекъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей для употребленія на удовольствія и на высшія цѣли. Эта доля продукта служитъ фономъ, изъ котораго удовлетворяются все другія потребности общества, кромѣ тѣхъ, которыя порождаются необходимостью простого поддержанія жизни, эта доля служитъ мѣрою средствъ и силъ, которыми обладаетъ общество для полученія наслажденій и для совершенія всехъ

дѣль, не имѣющихъ отношенія къ производству. Слѣдуетъ только радоваться, что общество располагаетъ избыткомъ для подобныхъ цѣлей. Предметомъ сожалѣнія, допускающимъ, однако, возможность исправленія, слѣдуетъ считать ту поражающую неравномѣрность, съ которой этотъ избытокъ распредѣляется, тѣ ничтожныя цѣли, на которыя идетъ наибольшая его часть, а также и то, что значительная его доля достается людямъ, которые не оказываютъ за нее въ обмѣнъ равноцѣнныхъ услугъ обществу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Капиталь.

По мнѣнію людей, совершенно не привыкшихъ къ размышленію по вопросамъ политической экономіи, капиталъ отождествляется съ деньгами. Разоблачать это заблужденіе, это значило-бы повторять то, что уже сказано во введеніи. Деньги, по своему значенію, не составляютъ явленія, совпадающаго какъ съ капиталомъ, такъ и съ богатствомъ. Сами по себѣ деньги не могутъ выполнить ни одной изъ функций капитала, ибо онѣ не могутъ содѣйствовать производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть промѣнены на другія вещи и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, въ равной же мѣрѣ содѣйствуетъ производству. Работа капитала въ производствѣ выражается въ томъ, что онъ даетъ удобное помѣщеніе, охрану, орудіе и матеріалы, нужныя для выполненія работы, даетъ пищу и другія средства къ жизни работникамъ въ періодъ труда. Въ этомъ заключаются услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Все, что предназначено къ такому употребленію, все,

что снабжать производительный труд различными предварительными условиями, называется капиталомъ.

Другими словами, всё продукты страны, вся сумма цѣнностей, назначаемая на производство, составляетъ капиталъ страны и, говоря на-оборотъ, весь капиталъ страны употребляется на производство.

Это второе положеніе, однако, должно быть принято не безъ ограниченій и объясненій. *Первый случай.* Извѣстная сумма цѣнностей можетъ искать производительнаго употребленія, но не находить его; сумма эта будетъ представлять капиталъ, но ненаходящій употребленія. *Второй случай.* Товары, непригодные для производительныхъ цѣлей, пока они не распроданы потребителямъ, составляютъ такой же капиталъ безъ употребленія. *Третій случай.* Искусственные и случайныя обстоятельства часто заставляютъ употреблять предварительно и предъ началомъ производства большую долю капитала сравнительно съ той, которая требуется самой сущностью дѣль. Такъ, плата за землю не принадлежитъ, какъ увидимъ къ издержкамъ производства и необходимость предварительно выплачивать ее изъ капитала приводитъ къ тому, что требуется имѣть больший капиталъ, больший предварительный запасъ прежняго труда сравнительно съ размѣромъ, требуемымъ естественною необходимостью. Этотъ избыточный капиталъ, хотя и назначается его владѣльцами на производство, но въ сущности употребляется непроизводительно и ежегодно воспроизводится не изъ результатовъ собственнаго производства, а изъ продуктовъ труда,

добываемыхъ остальной частью капитала фермера. Вотъ еще другой примѣръ. Значительная доля производительнаго капитала, употребляемаго на выдачу заработанныхъ платъ, очевидно, не является чѣмъ-нибудь строго и безусловно необходимымъ для производства. Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ размѣръ ея, необходимый для жизни и здоровья, расходуется не на содержаніе его, а на вознагражденіе. Обычай уплачивать впередъ вознагражденіе за трудъ въ размѣръ, превышающемъ тотъ, который необходимъ для жизни, могъ возникнуть только тогда, когда накопился значительный капиталъ, ибо такой излишекъ платы тратится въ сущности не на производство, а на непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ. Крупный капиталистъ содержится за счетъ средствъ, запасенныхъ заранѣе. Если онъ самъ управляетъ своими дѣлами, то та доля его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ справедливаго вознагражденія за подобный трудъ, должна считаться такой же частью затрачиваемаго на производство капитала, какъ и всѣ другія. И та часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ насущныхъ для его жизни вещей, составляетъ производительное употребленіе.

Такимъ образомъ, капиталъ есть богатство, употребляемое для воспроизводительныхъ операций, но въ нашихъ обществахъ часто посвящается производству большая доля капитала сравнительно съ той, которая требуется самою природою вещей.*)

*) Глава эта сильно сокращена.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основные теоремы относительно капитала.

Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала.

Первая изъ основныхъ теоремъ относительно капитала можетъ быть сформулирована слѣдующимъ образомъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина столь очевидна, что она принимается, какъ таковая, во многихъ случаяхъ обыденныхъ разговоровъ; но видѣть истину случайно, различать ее по общему правилу и не допускать положеній, съ нею несогласныхъ, — все это различныя вещи. Эта истина до послѣдняго времени почти повсемѣстно не обращала на себя вниманія законодателей и публицистовъ, а ученія, несогласующіяся съ нею еще и до настоящаго времени находятъ пропагандистовъ и слишкомъ ревностныхъ защитниковъ.

Вотъ обыденныя фразы, въ которыхъ выражается признаніе этой истины. Употребленіе промышленныхъ силъ на какое-нибудь дѣло выражается

фразой: приложить капиталъ. Употреблять капиталъ на обработку земли—это значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Тѣ же выраженія мы употребляемъ, говоря и объ обрабатывающей промышленности. Всѣ они предполагаютъ, что промышленность не можетъ принять размѣра, не соответствующаго суммѣ затраченнаго капитала. Въ самомъ дѣлѣ, разъ это положеніе отчетливо понято, оно должно быть принято. Выраженіе „прилагать капиталъ“, конечно, слѣдуетъ лишь понимать въ метафорическомъ смыслѣ: въ сущности прилагается трудъ, а капиталъ лишь служитъ необходимымъ условіемъ для этого приложенія. Въ томъ-же смыслѣ мы часто говоримъ „о производительныхъ силахъ“ капитала. Это выраженіе не вполне правильно. Единственными производительными силами являются трудъ и силы природы; если, расширяя смыслъ этого выраженія, мы станемъ говорить, что какая нибудь доля капитала имѣетъ присущую ей производительную силу, то сказать это будетъ возможно только относительно орудій и машинъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, такъ сказать, совмѣстно работаютъ съ трудомъ. Пшца работниковъ и матеріалы не имѣютъ производительной силы, но трудъ не можетъ проявлять своихъ производительныхъ силъ, пока не снабженъ ими. Для выполненія всякой работы требуются матеріалы и пшца, и промышленность не можетъ имѣть размѣра, не соответствующаго запасу ихъ. Какъ оно не очевидно, но часто упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что люди въ странѣ содержатся и удовлетворяютъ своимъ потребностямъ не изъ продукта настоящаго, а

прошедшаго труда. Потребляют то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще работаютъ. Далѣе изъ того, что произведено, только нѣкоторая доля употребляется на содержаніе производительнаго труда, и количество употребленнаго труда не можетъ быть болѣе того, чѣмъ сколько на эту долю, которая составляетъ капиталъ страны, можно прокормить и снабдить работниковъ потребными матеріалами и орудіями производства.

Однако, несмотря на всю очевидность факта, склонны были долгое время вѣрить, что законы и правительства могутъ, не создавая капитала, содѣйствовать появленію промышленности и при томъ совѣмъ иными способами, а не тѣми, которые заключаются въ стараніи сдѣлать народъ трудолюбивымъ и повысить усѣбность его труда. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи правительства могутъ до известной степени оказывать нѣкоторое косвенное вліяніе. Полагали, что правительство въ состояніи, не создавая капиталовъ, все таки создать большее количество промышленныхъ дѣлъ. Все это могло произойти, по предположенію, безъ увеличенія искусства или энергій работниковъ и безъ привлеченія къ работѣ тѣхъ, кто раньше проживалъ въ праздности. Предполагалось, что правительство можетъ запретить ввозъ какого нибудь товара; заставивъ этимъ производить товаръ дома, оно могло-бы ставить себѣ въ заслугу, что обогатило страну новой отраслью промышленности и, ссылаясь на составленные напоказъ статистическія таблицы относительно размѣровъ выработаннаго продукта и занятаго труда, могло выставить

все это, какъ выгоды, которыя доставлены ей черезъ запретительный законъ. Этотъ родъ политической арифметики въ Англіи уже нѣсколько потерять кредитъ, но у націй континентальной Европы онъ еще и теперь процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ наличнымъ капиталомъ, они замѣтили бы, что вся масса капитала страны ни сколько не увеличилась; и всякая доля капитала, которая подъ влияніемъ ихъ законовъ была употреблена на вновь вызванную къ жизни промышленность, была отнята отъ какой нибудь прежней промышленности, которая давала занятія почти такому же количеству труда, какъ и это новое дѣло *).

*) Слѣдуетъ признать, что здѣсь возможно исключеніе, если промышленность, создаваемая и поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ, домашнихъ или кустарныхъ промысловъ. Эти промыслы совершаются людьми, уже имѣющими продовольствіе отъ другого дѣла, семьями, работающими въ промежутки отъ другихъ занятій, поэтому здѣсь часто не приходится заботиться о перенесеніи изъ другихъ отраслей промышленности капитала кромѣ того, который заключается въ стоимости матеріаловъ и орудій и общая цѣнность котораго часто весьма незначительна.

Желая придать разсмотрѣнному положенію характеръ полной непогрѣшимости, мы должны были сдѣлать это частное исключеніе, но оно не имѣетъ никакого практическаго отношенія къ ученію о свободной торговлѣ. Кустарные промыслы, по самой сущности вещей, не могутъ нуждаться въ покровительственныхъ пошлинахъ, ибо благодаря тому, что нища работниковъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ, получается изъ другихъ источниковъ, поэтому какъ бы ни понижалась цѣна продукта, она почти вся составляетъ чистую выгоду. Если поэтому кустари начинаютъ уступать въ соперничествѣ съ другими проиводителями, то это никогда не совершается по необходимости, но потому, что продуктъ не стоитъ употребляемаго на

Возрастаніе капитала даетъ для труда, увеличеніе занятій, неизмѣющее границы.

Если размѣръ промышленности ограниченъ капиталомъ, то отсюда слѣдуетъ, что всякое его увеличеніе дастъ или можетъ давать добавочное дѣло промышленности и притомъ, не имѣющее предѣла. Я не думаю отрицать, что капиталъ или часть его, заключающаяся въ машинахъ, постройкахъ, въ земледѣльческихъ улучшенияхъ и т. п., затрачивается такъ, что онъ не въ состояніи содержать работниковъ. При всякомъ увеличеніи капитала, значительная доля его и употребляется подобнымъ образомъ и только работаетъ совместно съ работниками, но не содержитъ ихъ. Я желаю утверждать только, что доля капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ при неизмѣнности условій, увеличиваться безгранично, не создавая невозможности находить для нихъ занятіе; другими словами, если имѣются на лицо человѣческія существа, способныя къ работѣ, и пищи для нихъ прокормленія, то они могутъ быть всегда употреблены на производство чего нибудь.

На этой теоремѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми весьма легко соглашаются, когда она вы-

---

него труда, по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, т. е. тѣхъ, кто производятъ продуктъ и тѣхъ, кто имъ пользуется. Они предпочитаютъ скорѣе совершить затрату на покупку платья, чѣмъ производить его. Они не станутъ продолжать работу, если общество не будетъ платить имъ болѣе того, чѣмъ сколько по ихъ собственному мнѣнію продуктъ стоитъ. Прим. автора.

сказывается въ общихъ словахъ, но относительно которой часто бываетъ трудно разобратъ въ неясной массѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни. Теорема эта, кромѣ того, сильно противорѣчитъ общепринятымъ доктринамъ. Врядъ ли найдется болѣе распространенное среди человечества мнѣніе сравнительно съ тѣмъ, согласно которому непроизводительные расходы богатыхъ необходимы для того, чтобы давать работу бѣднымъ. До Адама Смита такой взглядъ едва ли вызывалъ сомнѣніе; и даже послѣ него нѣкоторые писатели съ крупнымъ именемъ и большими заслугами¹⁾ утверждали, что если бы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ болѣе чѣмъ обычную сумму ихъ дохода, не обращая на непроизводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ известномъ отношеніи къ капиталу страны, то этотъ избытокъ сбереженія былъ бы простой потерей для общества, ибо не существовало-бы рынка для товаровъ, произведенныхъ такимъ капиталомъ. Я считаю подобное мнѣніе за одну изъ многихъ ошибокъ, которыя, происходятъ въ политической экономіи благодаря тому, что, не начиная изслѣдованія съ простѣйшихъ случаевъ, мы сразу бросаемся въ сложный комплексъ реальныхъ явленій.

Всякій можетъ видѣть, что если-бы добросердечное правительство обладало всею нищею, всеми орудіями и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всякаго способнаго къ ней, кому оно разрѣшаетъ пользоваться долей нищи. Такое правительство не могло-

---

¹⁾ Напр. Р. Мальтусъ, докторъ Чомерсъ, С. Сисмонди и друг.

бы находить затрудненія въ томъ, чтобы найти поприще для употребленія этого производительнаго труда, пока оставалась-бы хоть одна потребность любого лица, могущая быть удовлетворенною материальными предметами, но неудовлетворенная; до тѣхъ поръ, общественный трудъ можно было-бы обращать на производство того, что пригодно для удовлетворенія этой потребности. Ясно, что частные владѣльцы капитала, увеличивая его свѣжими сбереженіями, дѣлаютъ безусловно тоже самое, что по нашему предположенію совершалось-бы и добросердечнымъ правительствомъ. Пользуясь правомъ дѣлать гипотезы, представимъ себѣ два крайнихъ возможныхъ случая. Предложимъ, каждый капиталистъ пришелъ къ убѣжденію, что, не имѣя никакихъ особыхъ заслугъ предъ работникомъ, онъ не долженъ жить лучше послѣдняго и, соотвѣтственно такому внушенію совѣсти, сталъ сберегать весь излишекъ своей прибыли; или предложимъ, подобное воздержаніе вызвано не собственнымъ ихъ желаніемъ, а возложено на всѣхъ капиталистовъ, и земледѣльцевъ закономъ или общественнымъ мнѣніемъ. Непроизводительное потребленіе, при такихъ условіяхъ, доведено до послѣдняго своего предѣла; теперь спрашивается: какимъ образомъ возросшій капиталъ найдетъ себѣ употребленіе? Кто станетъ покупать продукты, которые этотъ капиталъ произведетъ? Нѣтъ болѣе теперь покушниковъ на товары, которые производились прежде, а, слѣдовательно, скажутъ, товары останутся непроданными; они будутъ погибать въ кладовыхъ до тѣхъ поръ, пока капиталъ не уменьшится до своего прежняго размѣра или вѣрнѣе

не станеть даже меньше, потому что спросъ потребителей понизился. Но разсуждая такъ, мы замѣчаемъ только одну сторону дѣла. Въ предположенномъ случаѣ у капиталистовъ и землевладѣльцевъ не замѣчалось бѣльшаго спроса на предметы роскоши. Но когда эти классы обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они тѣмъ самымъ не уничтожаютъ своихъ потребительныхъ способностей, они переносятъ ихъ только въ руки работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно послѣднихъ можно сдѣлать два предположенія; а именно происходить или не происходить увеличеніе числа работниковъ, соотвѣтствующее возростанію капитала. Если—да, случай не представляетъ затрудненій. Производство предметовъ необходимости для новаго населенія замѣнить собою производство предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставить буквально такое-же количества занятія, какое было у рачено. Предположимъ, далѣе, что возростанія населенія не произошло. Все, что прежде истрачивалось на роскошь капиталистами и землевладѣльцами, станеть распредѣляться между различнымъ количествомъ работниковъ въ формѣ добавочныхъ заработанныхъ платъ. Предположимъ, что эти работники уже ранѣе имѣли все необходимое средства къ существованію. Что-же произойдетъ? Работники стануть потребителями предметовъ роскоши; капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ быть затраченъ на то же дѣло: разница будетъ только въ томъ, что въ потребленіи предметовъ роскоши будетъ участвовать все общество, тогда какъ прежде ими пользовались только немно-

гіе. Возросшее накопленіе и увеличившееся производство могло-бы, строго-говоря, продолжаться до тѣхъ поръ, пока всякій работникъ не достигъ-бы обладанія всеми удобствами богатства, которыя совместимы съ продолженіемъ труда и согласуются съ предположеніемъ, что сила труда этихъ работниковъ фактически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для общаго числа работниковъ; такимъ образомъ, ограничивающимъ предѣломъ для богатства никогда не служитъ недостатокъ потребителей, а только производителей и производительныхъ средствъ. Всякое приращеніе въ капиталъ даетъ труду или добавочное занятіе, или увеличившееся вознагражденіе, т. е. обогащаетъ или страну, или работниковъ. При наличности новыхъ рукъ, способныхъ къ труду, возросшій капиталъ умножаетъ общій размѣръ производства; при отсутствіи такихъ рукъ онъ даетъ прежнимъ большую долю продукта и, быть можетъ, даже и въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ возрастанію производства, побуждая работниковъ къ проявленію большей энергіи.

Капиталъ—результатъ сбереженія.

Источникъ, изъ котораго капиталъ произтекаетъ, даетъ основаніе для установленія второй теоремы относительно капитала, которая гласитъ, что онъ составляетъ результатъ сбереженія. Все, что уже было сказано выше, служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости этого положенія, но оно нуждается въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Если-бы все люди расходовали на личные удобства все, что производить сами, и весь тот доход, который получают от других, капитал не мог-бы возрастать. Весь капитал, (за ничтожными исключениями), был первоначально результатом сбережения. Я говорю за ничтожными исключениями, ибо лицо, которое работает за свой собственный счет, может расходовать на себя полную сумму произведенного продукта, не становясь от этого в бедственное положение; запас средств, за счет котораго он существует, пока он во второй раз соберет свою жатву, или вновь продаст свое изделие, хотя и служить для него в действительности капиталомъ, но о последнемъ нельзя сказать, что онъ (т. е. этот капитал или запас), былъ чѣмъ-то сбереженнымъ, ибо онъ всецѣло употребляется на надобности такого человека и потребляется, быть можетъ, съ такою-же быстротою, съ какою онъ расходовался-бы въ праздности. Мы можемъ представить себѣ нѣкоторое количество лицъ или семей, живущихъ каждое на собственномъ участкѣ земли, продуктами своего личного труда и потребляющихъ все, что произведено. Но даже и они должны сберегать (т. е. сохранять отъ личного потребления) такую долю продукта, какая необходима на посѣвъ. Такимъ образомъ, даже и въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній должны были существовать кое-какія сбереженія: эти люди должны были произвести болѣе, чѣмъ сколько потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Ихъ сбереженія должны быть еще больше, если они хотятъ нанять другихъ работниковъ

или увеличить свое производство до размѣра, который не можетъ совершаться трудомъ ихъ собственныхъ рукъ. Все, что употребляется человекомъ на содержаніе и организацию чьего нибудь труда, кромѣ собственного, должно было первоначально составиться изъ сбереженій. Кто нибудь долженъ былъ произвести этотъ запасъ продуктовъ и отказаться отъ его потребленія. Не дѣлая, существенной неточности, мы можемъ сказать, слѣдовательно, что всякій капиталъ, и въ особенности, всякое пророченіе его составляетъ результатъ сбереженій.

Въ грубомъ и необезпеченномъ состояніи общества постоянно случается, что лицо, владеющее капиталомъ, не совпадаетъ съ тѣмъ лицомъ, результатомъ сбереженій котораго явился этотъ капиталъ. Часто онъ попадаетъ въ руки болѣе сильнаго, или принадлежащаго къ болѣе могущественному обществу или достается ему путемъ грабежа. Даже при такомъ положеніи вещей, когда собственность получила обезпеченіе, возрастаніе капитала обыкновенно и долгое время происходило изъ лишеній, которымъ подвергали себя люди и которыя, хотя и равнозначущи по характеру съ сбереженіями, но не называются этимъ именемъ потому, что не совершаются добровольно. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силой, и потреблять не болѣе того, что оставляла имъ расчетливость и сомнительная сострадательность ихъ владѣльцевъ. Это принудительное сбереженіе не вызвало-бы однако возрастанія капитала, если-бы часть сбереженнаго ими не

была вновь добровольно сохранена ихъ владѣльцемъ. Если-бы все, что производятъ и оставляютъ неиспользованнымъ его рабы, употреблялось имъ на личныя удобства, онъ не увеличилъ-бы своего капитала и не приобрѣлъ-бы возможности содержать большаго количества рабовъ. Чтобы приобрести возможность содержать какое-бы то ни было количество рабовъ, приходилось предварительно сберегать, заготовлять впередъ, хотя по крайней мѣрѣ нѣкоторый запасъ пищи. Это сбереженіе, само собой, могло вовсе, не быть результатомъ лишеній, добровольно возмозженныхъ на себя хозяиномъ; вѣроятно, что оно было сдѣлано работниками, когда они были еще свободны, а потомъ грабежъ и война, лишившая ихъ личной свободы, перенесла ихъ сбереженія въ руки побѣдителя.

Въ другихъ случаяхъ терминъ „сбереженіе“, — вызывая обычную для него ассоціацію идей, не прилагается съ точностью къ процессу, при помощи котораго увеличивается капиталъ. Если-бы, напримеръ, кто-нибудь сказалъ, что единственное средство ускорить возрастаніе капитала заключается въ увеличеніи сбереженій, то, вѣроятно, возникло-бы представленіе объ этомъ процессѣ, какъ о большемъ воздержаніи и умножившихся лишеніяхъ. Но очевидно, что все, что способствуетъ увеличенію производительной силы труда, создаетъ добавочный фондъ для совершенія сбереженій и даетъ возможность увеличивать капиталъ не только безъ умножившихся лишеній, но съ соответственнымъ расширеніемъ личного потребления. Тѣмъ не мѣнѣе съ научной точки зрѣнія, мы и въ этомъ случаѣ можемъ говорить объ увеличеніи сбереженій:

хотя здесь болѣе потреблено, за-то и болѣе со-хранено. Здѣсь имѣется болѣе избытокъ произ-водства надъ потребленіемъ, и потому съ полнымъ основаніемъ мы можемъ говорить о большихъ сбе-реженіяхъ. Хотя терминъ „сбереженіе“ можетъ быть употребляемъ не безъ возраженій, но его нельзя замѣнить болѣе подходящимъ. Сберегать— это значить потреблять менѣе, чѣмъ производить, и только при помощи этого процесса капиталъ возрастаетъ, а отнюдь не необходимо отъ абсолютно уменьшеннаго потребленія. Не слѣдуетъ до того быть работъ словъ обыденнаго языка, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ указанномъ выше смыслѣ, забывать о томъ, что для увеличенія ка-питала имѣется еще другой путь, кромя сокраще-нія потребленія, а именно: увеличеніе самого про-изводства.

‘Всякій капиталъ потребляется.

Третья основная теорема относительно капитала, стоящая въ непосредственной связи съ той, о ко-торой мы только что говорили, можетъ быть фор-мулирована такъ: *хотя капиталъ сберегается и со-ставляетъ результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе вся-кій капиталъ потребляется.* Слово сбереженіе не употребляется въ томъ смыслѣ, что все сбереженное не потребляется. Оно не означаетъ даже того, что потребленіе отсрочено. Оно говоритъ только, что, если оно потребляется немедленно, то это совер-шается не тѣмъ лицомъ, которое сберегаетъ. О продуктѣ, потребленіе котораго отложено до бу-дущаго времени, говорятъ, что онъ спританъ и,

пока спрятанъ, онъ, конечно, не потребляется со-
вѣмъ. Продуктъ, употребляемый какъ капиталъ,
потребляется совершенно, но не капиталистомъ. Часть
его обмѣнивается на орудія и машины, изнашиваю-
щіяся отъ употребленія; часть идетъ на сѣмена и
матеріалы, которые уничтожаются, какъ таковые,
посѣвомъ или переработкой и окончательно исче-
заютъ въ процессѣ потребленія ихъ въ видѣ оконча-
тельнаго продукта. Остатокъ выдается въ видѣ за-
работанныхъ платъ производительнымъ работникамъ,
которые употребляютъ его для удовлетворенія своихъ
обыденныхъ нуждъ; если же работники въ свою
очередь сберегутъ часть своихъ платъ, то она, го-
воря вообще, не будетъ спрятана, но черезъ посред-
ство сберегательныхъ кассъ, дружескихъ обществъ
и т. п. учреждений снова поступитъ на рынокъ въ
видѣ капитала, который будетъ вновь потребленъ.

Теорема, нами изложенная, служитъ сильнымъ
указаніемъ необходимости относиться со вниманіемъ
къ самымъ элементарнымъ истинамъ нашей науки;
несмотря на всю банальность этой простѣйшей
истины, она обыкновенно неизвѣстна лицамъ, мало
думавшимъ по вопросамъ политической экономіи,
и многіе даже при первомъ знакомствѣ съ нею не
желаютъ признавать ея истинности. Для обыкно-
веннаго смертнаго вовсе не очевидно, что все сбе-
реженное потребляется. Для него всякое сберегающее
лицо представляется въ видѣ человѣка, который
что нибудь прячетъ; онъ можетъ допускать или
даже относиться съ одобреніемъ къ такому поведе-
нію, если цѣль его заключается въ обезпеченіи
семейства или въ чемъ нибудь подобномъ. Но онъ
не имѣетъ и представленія о томъ, что, поступая

такимъ образомъ, сберегающій человекъ приноситъ пользу и другимъ людямъ: сберегать—это значить для него—сохранять вещь для собственной пользы, тратить—это значить—распредѣлять свои продукты между другими. Лицо, расточающее свое имущество на непроизводительное потребление, представляется такимъ профанамъ въ видѣ благодѣтели для всѣхъ окружающихъ; такой расточитель часто пользуется такимъ расположеніемъ общества, что нѣкоторой долей его популярности пользуются даже такіе люди, которые расточаютъ то, что имъ не принадлежитъ, кто не только уничтожаетъ свой, иногда едва-ли и существовавшій капиталъ, но подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ возврата становится владѣльцемъ капитала, принадлежащаго другимъ, и также уничтожаетъ его.

Это обыкновенная ошибка происходитъ по той причинѣ, что обращается вниманіе только на одну ничтожную сторону тѣхъ послѣдствій, которыя являются результатомъ сбереженія или траты. Послѣдствія, не бросающіяся непосредственно въ глаза не воспринимаются мыслью. Глазъ слѣдуетъ за тѣмъ, что сбережено въ воображаемый крѣпкій сундукъ, куда оно кладется, и затѣмъ теряетъ его изъ виду; за тѣмъ, что тратится глазъ слѣдуетъ до той поры, пока оно попадаетъ въ руки торговцевъ и причастныхъ къ нимъ; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ не въ состояніи услѣдить, въ чемъ заключается конечное употребленіе сбереженнаго и истраченнаго продукта. Сбереженіе (на производительное употребленіе) и трата весьма близко подходятъ другъ къ другу въ первой стадіи своего употребленія. Послѣдствія того и другого начинаютъ

обнаруживаться съ момента потребления или разрушенія нѣкоторой доли богатства; разница здѣсь только въ использованныхъ вещахъ и употребляющихъ людяхъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ обнаруживается потребление орудій, разрушеніе матеріаловъ, потребление пищи и одежды, доставленныхъ работникамъ; въ другомъ случаѣ уничтоженію подвергаются вина, экшажи, предметы домашнихъ удобствъ. Первоначально, такимъ образомъ, обнаруживается совершенно однохарактерное послѣдствіе для національнаго богатства: одинаковая доля богатства подверглась уничтоженію въ обоихъ этихъ случаяхъ. Но при тратѣ или расточеніи первая стадія процесса служить одновременно и конечной: нѣкоторая доля продукта труда исчезла, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ; совершенно наоборотъ при сбереженіи—сберегающее лицо во все время, пока продолжается процессъ разрушенія, держало на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты; въ конечномъ результатѣ все потребленное было возстановлено и не только въ равной мѣрѣ, но еще и съ нѣкоторымъ избыткомъ. Подобный процессъ можетъ повторяться безконечное число разъ, не вызывая необходимости въ новыхъ сбереженіяхъ; разъ совершенное сбереженіе становится фондомъ, изъ котораго содержится соответствующее количество работниковъ въ теченіи безконечнаго времени: эти работники ежегодно воспроизводятъ стоимость собственнаго содержанія съ нѣкоторою прибылью.

Только участіе денегъ нѣсколько замѣняетъ для ума, непривыкшаго разбираться въ этихъ сложныхъ явленіяхъ, истинный характеръ сдѣлки. Почти все

расходы совершаются при посредствѣ денегъ и потому представляется, что онѣ составляютъ главное въ этой сдѣлкѣ; а такъ какъ деньги не подвергаются уничтоженію, а только переходятъ изъ рукъ въ руки, то люди склонны забывать о томъ разрушеніи, которое имѣетъ мѣсто при всякомъ непроеводительномъ расходѣ. Замѣчая, что деньги только передаются, они думаютъ, что богатство только перешло отъ расточителя въ другія руки. Разсуждать такъ, это значить просто совершать обычное смѣшеніе денегъ съ богатствомъ. Богатство, которое подверглось уничтоженію, заключалось не въ деньгахъ, а въ винахъ, экипажахъ и мебелировкѣ, которые было куплены на эти деньги. Эти вещи разрушены безвозвратно и общество, во всемъ его цѣломъ стало бѣднѣе на полную сумму ихъ стоимости.

Можно сказать, что вина, экипажи и мебелировка—не представляютъ собою орудій и матеріаловъ и потому во всякомъ случаѣ не могли пойти на содержаніе труда, что подобныя продукты пригодны только для непроеводительнаго потребленія и что ущербъ богатству общества былъ нанесенъ уже въ моментъ ихъ производства, а отнюдь не тогда, когда они поступили въ потребленіе. Я допускаю возможность подобной аргументаціи, но это замѣчаніе имѣло-бы значеніе лишь тогда, если-бы дорогіе предметы роскоши брались изъ наличнаго запаса, который никогда не восполняется. Но такъ какъ, совершенно наоборотъ, они будутъ постоянно воспроизводиться, пока будутъ находиться для нихъ потребители и будутъ даже производиться въ большемъ количествѣ при всякомъ увеличеніи спроса

на нихъ, то отсюда слѣдуетъ, что, если потребитель рѣшится употребить 5,000 фунтовъ на предметы роскоши, онъ тѣмъ самымъ будетъ содержать изъ года въ годъ соответственное количество работниковъ, занятыхъ въ производствѣ вещей, которыя не будутъ имѣть значенія для дальнѣйшаго производства. Трудъ, совершенный ими, потеряетъ значеніе какъ средство умноженія національнаго богатства, а орудія матеріалы и пища, которыя они станутъ ежегодно потреблять, будутъ взяты безвозвратно изъ того общаго запаса средствъ, который общество посвящаетъ на производительныя цѣли. Въ зависимости отъ размѣра расточительности или роскоши любого класса, промышленность стремится производить предметы для подобнаго употребленія и, благодаря этому, не только уменьшается число занятыхъ производительныхъ работниковъ, но и производятся въ меньшемъ количествѣ средства къ существованію и инструменты, которые являются необходимымъ источникомъ, изъ котораго эти работники могутъ получать занятіе.

Сбереженіе, такимъ образомъ, обогащаетъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и общество, расточительность дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи, другими словами, общество обогащается за счетъ того, что оно употребляетъ на содержаніе и на организацію производительнаго труда и бѣднѣетъ на всю сумму того, что потребляетъ для удовлетворенія своихъ удовольствій.

*Капиталъ поддерживается не черезъ сохране-
ніе, а черезъ постоянное воспроизводство.*

Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится—потребляется, и при томъ какъ то, о чемъ мы говоримъ, какъ о сбереженіи, такъ и то, что, какъ говорятъ, истрачивается; первое потребляется съ такою-же быстротою, какъ и последнее. Всѣ выраженія разговорнаго языка, какъ-бы стремятся скрыть справедливость этого положенія. Когда толкуютъ о прежнемъ богатствѣ страны, о богатствахъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя выраженія создаютъ у насъ представленіе, что переданныя богатства произведены давнымъ давно и въ то время, когда онѣ были первоначально приобрѣтены и будто никакая доля капитала страны не произведена въ нынѣшнемъ году кромѣ той, которая прибавилась въ этомъ году къ общему запасу. Въ дѣйствительности имѣеть мѣсто совершенно другое. Наибольшая доля цѣнныхъ богатствъ, существующихъ въ данный моментъ въ Англии, создана человѣческими руками въ послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ; только ничтожная часть этихъ богатствъ существовала десять лѣтъ тому назадъ; а изъ наличнаго производительнаго капитала страны едва-ли существовало что-нибудь, кромѣ того, что воплощается въ фермерскихъ домахъ, фабрикахъ, немногихъ корабляхъ и машинахъ. Даже изъ всѣхъ этихъ предметовъ очень немногіе могли бы существовать такъ долго, если-бы не употреблялось новаго труда на ихъ поправку. Земля существуетъ постоянно и она является единственной

вещью, существованіе, которой продолжается безконечно. Все, что производится, погибает и въ большинствѣ случаевъ весьма быстро. Почти все роды капитала, по самой своей природѣ, не могутъ долго сохраняться... Сущестующій капиталъ передается отъ одного вѣка къ другому не тѣмъ, что сохраняется, но тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всякая его часть составляеть, весьма скоро послѣ того, какъ она произведена, предметъ потребления и разрушенія. Но люди, потребляющіе его, одновременно воспроизводятъ его еще въ большемъ размѣрѣ. Возростаніе капитала подобно увеличенію населенія. Всякій рожденный умираетъ, но ежегодно число новорожденныхъ превышаетъ число умершихъ: населеніе, такимъ образомъ, постоянно умножается, хотя ни одно изъ лицъ, его составляющихъ, не можетъ сказать, что существованіе его началось въ очень отдаленное время.

Отчего страны быстро оправляются послѣ опустошенія?

Это постоянное потребление и воспроизведеніе капитала даетъ объясненіе той чрезвычайной и часто возбуждавшей удивленіе быстротѣ, съ которой страны оправлялись отъ опустошеній. Все слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ нашествіемъ, исчезаютъ быстро. Эта *vis medicatrix naturae*, (цѣлебная сила природы) часто бывала предметомъ бесплоднаго изумленія и проводилась въ примѣръ чудодѣйственной силы сбереженій, при посредствѣ которыхъ столь громадныя потери вознаграждаются въ

столь кратчайшій промежутокъ времени; но тутъ не чему удивляться. То, что разрушилъ, на примѣръ неприятель, было-бы уничтожено въ краткій промежутокъ времени самими жителями. Въ сущности ничто не тершитъ здѣсь измѣненія кромѣ того, что во время воспроизведенія они не имѣли-бы наслажденія потреблять то, что ими самими было произведено прежде. Возможность быстрого возстановленія уничтоженнаго бѣдствіями, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, сохранилось-ли населеніе страны. Если ея рабочее населеніе не было въ то время истреблено и не вымерло впоследствии отъ голода, то, при прежнихъ своихъ занятіяхъ и искусствѣ, на прежней землѣ съ ея неразрушимыми прочми улучшеніями, при наличности многихъ старыхъ, неповрежденныхъ или только отчасти разрушенныхъ прочныхъ зданій, страна имѣетъ почти все, что необходимо для возможности продолженія производства въ прежнемъ его размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи или столько цѣнностей, чтобы купить ее для того, чтобы имѣть возможность, хотя и при всяческихъ лишеніяхъ, существовать и быть въ состояніи работать, они въ краткій промежутокъ времени произведутъ прежнее количество продукта и соберутъ общимъ трудомъ такой-же крупный запасъ богатства и капитала, какимъ обладали раньше. И все это произойдетъ при обычной затратѣ усилій, которыя они привыкли полагать на свои занятія. Здѣсь вовсе не обнаруживается великая сила принципа сбереженія: тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе.

Спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

Переходимъ къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала; о ней забываютъ или имѣютъ ложное преставленіе чаще, чѣмъ относительно предшествовавшихъ. Вотъ формула этой теоремы: поддерживаетъ и даетъ работу производительному труду лишь капиталъ, затраченный въ дѣло, а не спросъ покупателей на окончательный продуктъ труда. Спросъ на продукты не является спросомъ на трудъ. Спросъ на товары опредѣляетъ ту отрасль производства, въ которую трудъ и капиталъ будутъ вложены; онъ опредѣляетъ только то направленіе, въ какое обратится трудъ, но не то или иное содержаніе и вознагражденіе его. Количество труда и его вознагражденіе зависятъ отъ общей массы капитала или другихъ фондовъ, непосредственно затрачиваемыхъ на содержаніе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напр., что имѣется спросъ на бархатъ, и сумма, которая можетъ быть обращена на покупку бархата, но нѣтъ капитала для устройства бархатной мануфактуры. Какъ-бы ни былъ великъ спросъ на этотъ матеріалъ, вплоть до той поры, пока капиталъ не будетъ привлеченъ въ эту отрасль, бархатъ не будетъ фабриковаться, а слѣдовательно его нельзя будетъ и купить. Обстоятельства сложатся иначе только въ томъ случаѣ, если покупатель бархата обнаружитъ столь сильное желаніе его имѣть, что станетъ давать авансы или ссуды работникамъ на тотъ предметъ, чтобы они могли заняться выдѣлкой бархата, другими словами, — если онъ обратитъ часть своего дохо-

да въ капиталъ и затратить его на производство въ этой отрасли промышленности.

Сдѣлаемъ обратное предположеніе и допустимъ, что на лицо много капитала готоваго выдѣлывать бархатъ, но нѣтъ спроса на него. Бархатъ не будетъ выдѣлываться; но для капитала нѣтъ основаній предпочитать выдѣлку бархата чему нибудь другому. Фабриканты и ихъ работники производятъ товары не для удовольствія своихъ покупателей, но для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Имѣя въ рукахъ капиталъ и рабочихъ т. е. все то, что существенно необходимо для производства, капиталисты могутъ производить какой нибудь товаръ, на который есть спросъ или при отсутствіи его у другихъ, они могутъ заняться удовлетвореніемъ собственного спроса и производить товары, необходимыя имъ для удовлетворенія надобностей собственного потребленія. Такимъ образомъ работа, даваемая труду, зависитъ не отъ покупателей, а отъ капитала. Само собою разумѣется, я не принимаю во вниманіе послѣдствій, вызываемыхъ внезапной пережѣной; если спросъ внезапно прекращается, а между тѣмъ продуктъ уже изготовленъ, то это вноситъ особый элементъ при разрѣшеніи вопроса: капиталъ уже употребленъ на производство, въ которомъ никто не нуждается; слѣдовательно, капиталъ погибъ и работа, которую онъ доставлялъ труду, прекратилась, но не потому, что не существуетъ болѣе спроса, а потому, что уничтожился капиталъ. Этотъ случай такимъ образомъ не служитъ подтвержденіемъ доказываемаго положенія. Убѣдиться въ его справедливости удобнѣе всего при предположеніи, что

измѣненіе совершается постепенно и сознательно, что оно не сопровождается растратой капитала и что самая фабрикація продукта прекращается только потому, что не возобновляется износившійся отъ употребленія машины и не влагаются вновь въ дѣло деньги, вырученныя отъ продажи продукта. Капиталь, такимъ образомъ, готовъ обратиться въ новое занятіе, гдѣ онъ будетъ давать работу такому-же количеству труда, какъ и прежде. Фабрикантъ и его работники понесутъ потери въ тѣхъ выгодахъ, которыя имъ доставляли пріобрѣтенныя въ прежнемъ занятіи знанія и опытность; быть можетъ они только отчасти пригодятся имъ въ новомъ дѣлѣ. Въ этомъ будетъ заключаться потеря, приносимая обществу, перемѣной въ занятіяхъ. Но работники всетаки могутъ трудиться и капиталъ, который прежде давалъ имъ дѣло, оставаясь въ тѣхъ-же рукахъ или отданный въ займы другимъ, будетъ давать работу или прежнимъ работникамъ или равному ихъ количеству въ какихъ-нибудь другихъ занятіяхъ.

Теорема, согласно которой покупать продуктъ— это еще не значить давать работу труду, что спросъ на трудъ заключается въ заработныхъ платахъ наличныхъ до начала производства, а не въ какомъ-бы то ни было спросѣ, существующемъ на произведенный продуктъ,—въ высшей степени нуждается во всѣхъ разъясненіяхъ, которыя можно представить. Для обыкновеннаго ума—она представляется парадоксомъ и даже изъ всѣхъ пользующихся извѣстностью экономистовъ, я едва-ли могу указать кого-нибудь, кромѣ Рикардо и Сэ, кто постоянно и неукоснительно принималъ-бы ее въ

соображеніе. Почти все другіе экономисты иногда высказываются въ томъ смыслѣ, что лицо, покупающее продукты, даетъ работу труду и создаетъ фактически спросъ на него и при томъ такой-же, какой имѣлъ-бы мѣсто, если-бы онъ покупалъ трудъ непосредственной выдачею ему заработныхъ платъ. Что-же удивительнаго, если политическая экономія, оставляя неразрѣшенными такіа коренныя вопросы первостепенной важности, развивается медленно. *Я утверждаю, что, если понимать подъ спросомъ на трудъ такой спросъ, которымъ возвышается заработная плата и число занятыхъ работниковъ умножается, то спросъ на товары не составляетъ спроса на трудъ *)*. Я полагаю, что человекъ, покупающій и потребляющій товары, не приноситъ никакой пользы рабочему классу; только воздерживаясь отъ потребления и только затрачивая свои средства на прямыя платежи рабочимъ за ихъ трудъ, онъ доставляетъ выгоды рабочему классу и увеличиваетъ сумму наличныхъ для нихъ занятій.

Для лучшаго разъясненія этого вопроса, возьмемъ слѣдующій случай: потребитель можетъ потратить свой доходъ на покупку личныхъ услугъ или товаровъ, онъ можетъ употребить часть дохода на наемъ каменщиковъ для постройки дома, или землекоповъ для устройства искусственныхъ прудовъ, или для разведенія парковъ и другихъ мѣсть для прогулокъ; вмѣсто этого онъ можетъ израсходовать такую-же сумму на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, окажется-ли

*) Курсивъ принадлежитъ переводчику А. М.

вліяніе такое различіе въ употребленіи дохода на интересы рабочаго класса? Ясно, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ, онъ дастъ занятіе работникамъ, которые останутся безъ приложенія своихъ силъ или по крайней мѣрѣ безъ работы во второмъ случаѣ. Но лица, съ которыми у меня обнаруживается разногласіе во мнѣніяхъ, говорятъ, что это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, ибо, покупая бархатъ и кружева, вслѣдствіи тѣмъ самымъ дастъ работу тѣмъ, кто производитъ эти товары. Я настаиваю однако, что въ послѣднемъ случаѣ покупатель не дастъ занятія труду, а только опредѣляетъ тотъ родъ промысла, въ которомъ они будутъ получать работу отъ того или иного предпринимателя. Потребитель не выплачиваетъ изъ своихъ средствъ подешенныхъ платъ ткачамъ и рабочимъ, занятыхъ выдѣлкой кружевъ, онъ покупаетъ готовый продуктъ, который былъ произведенъ трудомъ и капиталомъ, при чемъ трудъ получилъ вознагражденіе и капиталъ былъ доставленъ не имъ, а фабрикантомъ. Предположимъ, что покупатель обыкновенно тратилъ долю своего дохода на наемъ каменщиковъ, тратившихъ свои заработныя платы на покупку пици и одежды, которыя также производились трудомъ и капиталомъ. Онъ рѣшается, однако, предпочитать бархатъ и создаетъ, такимъ образомъ, на него необычный запросъ. Этотъ спросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ доставленія на рынокъ большаго количества бархата, а это послѣднее можетъ быть произведено лишь добавочнымъ размѣромъ капитала; спрашивается, откуда-же возьмется этотъ капиталъ? Перемѣна въ намѣреніяхъ потребителя

не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы содѣйствовать возрастанію капитала сравнительно съ прежнимъ его запасомъ. Отсюда слѣдуетъ, что запросъ на большее количество бархата нельзя было-бы удовлетворить въ данный моментъ, если-бы обстоятельство вызвавшее спросъ не освободило-бы такую сумму капитала, которая должна быть употреблена на удовлетвореніе этого запроса. Именно, та самая сумма, которую теперь потребитель употребляетъ на покупку бархата, раньше шла въ руки каменщиковъ, тратившихъ ее на пищу и другіе предметы необходимости, а теперь остающихся или совсѣмъ безъ нихъ, или старающихся заполучить ихъ изъ долей продукта другихъ рабочихъ, становясь ихъ соперниками. Трудъ и капиталъ, слѣдовательно, который производилъ предметы необходимости для каменщиковъ потерять свой обычный рынокъ и долженъ искать помѣщенія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. И онъ находитъ его въ отрасляхъ промышленности по изготовленію бархата для удовлетворенія новаго спроса. Я не думаю утверждать, что именно тотъ самый капиталъ и трудъ, который производилъ предметы необходимости, обращается на производство бархата; но тѣмъ или другимъ изъ сотни способовъ, они занимаютъ мѣсто капитала и труда, который затрачивается на изготовленіе бархата. Въ наличности былъ капиталъ для выполненія двухъ промысловъ:— для выдѣлки бархата и для изготовленія предметовъ необходимости каменщиковъ; участвовать въ производствѣ того и другого они не могли. Отъ выбора потребителя зависѣло, что должно было произойти; избравъ предметомъ по-

купокъ бархатъ, онъ тѣмъ самымъ приостановилъ производство предметовъ необходимости.

Для лучшаго разъясненія рассмотримъ тотъ же случай въ обратномъ видѣ. Потребитель обыкновенно покупалъ бархатъ, но теперь рѣшается прекратить этотъ расходъ и употребить ежегодно прежнюю сумму его на наемъ каменщика. Если справедливо обычное мнѣнiе, то такое измѣненiе въ способъ расхода не даетъ добавочнаго занятiя труда, а только переноситъ работу бархатниковъ къ каменщикамъ. При ближайшемъ разсмотрѣнiи, однако, окажется, что въ общей суммѣ, употребляемой на вознагражденiе труда, произошло увеличенiе. Фабрикантъ бархата, который, по нашему предположенiю, замѣтилъ сокращенiе спроса на свой товаръ, уменьшаетъ производство и, такимъ образомъ, освобождаетъ соответствующую долю капитала отъ употребленiя. Этотъ капиталъ, взятый изъ средствъ, которыя посвящались на содержанiе рабочихъ бархатнаго дѣла, не является тѣмъ же самымъ фондомъ, который покупщикъ употребляетъ на содержанiе каменщика; это совсѣмъ другой фондъ. Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ двѣ суммы, употребляющiяся на содержанiе и вознагражденiе труда; тогда какъ прежде была всего одна такая сумма. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простой передачей работы отъ бархатниковъ къ каменщикамъ, но съ возникновенiемъ новаго занятiя для каменщикомъ и съ передачей работы бархатниковъ какимъ нибудь другимъ рабочимъ, вѣроятно всею къ такимъ, которые производятъ пищу и другiя необходимыя для каменщиковъ.

На это возражаютъ, что хотя деньги, расходу-

емя на покупку бархата и не капиталъ, но они замѣщаютъ капиталъ; хотя онѣ и не создаютъ новаго спроса на трудъ, но онѣ необходимы для поддержанія существующаго уже спроса. Могутъ сказать, что средства фабриканта, пока они заключаются въ наличномъ у него запасѣ бархата, не могутъ составлять спроса на трудъ; они начинаютъ составлять спросъ на трудъ только тогда, когда бархатъ проданъ и капиталъ, истраченный на изготовленіе его, замѣщенъ суммой полученной отъ покупателя; такимъ образомъ можно утверждать, что производитель бархата и его покупатель имѣютъ въ сущности не два различныхъ капитала, а только одинъ, который актомъ покупки переносится отъ покупателя къ фабриканту, или, что если вмѣсто покупки бархата покупатель станетъ нанимать трудъ, то онъ просто перенесетъ этотъ капиталъ въ какое нибудь другое употребленіе, уничтожая въ одной отрасли промышленности столько же спроса на трудъ, сколько онъ создаетъ въ другой.

Основныхъ посылокъ въ этой аргументаціи я не отрицаю. Освободить капиталъ, которой иначе быль-бы воплощенъ въ формѣ непригодной для содержанія труда, безъ сомнѣнія знаменуетъ собой для интересовъ рабочихъ тоже, что и созданіе новаго капитала. Совершенно справедливо, что, расходуя 1000 фунтовъ на покупку бархата, я даю возможность фабриканту его употреблять эту тысячу на содержаніе труда, который получитъ занятіе въ этой отрасли промышленности только тогда, если бархатъ будетъ проданъ; если-бы бархатъ остался непроданнымъ, то, измѣняя мои намѣренія и нанимая каменщиковъ, я конечно не создаю новаго

спроса на трудъ; потому что, употребляя 1000 фунтовъ на наемъ труда, я одновременно навсегда уничтожаю 1000 фунтовъ, составлявшихъ капиталъ бархатнаго производителя. Но разсуждая такъ, смѣшиваютъ послѣдствія, происходящія подъ вліяніемъ самой внезапности перемены съ послѣдствіями самой перемены. Если-бы при прекращеніи покупокъ капиталъ, затрачивавшійся на производство бархата для удовлетворенія потребностей покупателя, долженъ былъ необходимо погибнуть, тогда равноцѣныя ему траты на наемъ каменщиковъ не были-бы созданиемъ, а только простой передачей работы. Но я утверждаю, что трудъ получить новое занятіе только тогда, если капиталъ производителя бархата *можетъ* освободиться и возрастаніе въ количествѣ занятій получитъ только тогда, если этотъ капиталъ дѣйствительно *освободится*. Но всякій знаетъ, что капиталъ, затраченный въ дѣло можетъ быть извлеченъ изъ него лишь въ достаточно продолжительный срокъ. Если фабрикантъ бархата, не имѣя обычныхъ заказовъ, получить, такимъ образомъ, надлежащее предупрежденіе и произведетъ на 1000 фунтовъ меньше бархата, тѣмъ самымъ соответствующая доля капитала уже будетъ освобождена. Не имѣя такого предупрежденія, фабрикантъ станетъ замѣчать, что товары остаются у него на рукахъ, и онъ сократитъ или прекратитъ свое производство, пока не сбудетъ съ рукъ избыточный товаръ. Когда подобный ходъ дѣла получитъ завершеніе, фабрикантъ останется столь же богатымъ, какъ и прежде; наличная у него возможность употреблять средства на наемъ труда въ общемъ останется безъ перемены, хотя нѣкоторая доля его капитала

теперь и употребляется на содержаніе труда въ какой-нибудь другой отрасли промышленности; пока этотъ процессъ приспособленія еще только совершается, спросъ на трудъ только измѣнится, но не возрастетъ: по завершеніи его, обнаружится возрастаніе спроса на трудъ. Прежде существовалъ лишь одинъ капиталъ, затраченный на содержаніе ткачей, выдѣлывавшихъ на тысячу фунтовъ бархата; теперь тотъ же самый капиталъ употребленъ на какое нибудь другое занятіе, а кромѣ того тысяча фунтовъ распределяется между каменщиками. Такимъ образомъ, теперь на лицо два капитала, затрачиваемые на вознагражденіе двухъ родовъ рабочихъ; тогда какъ прежде одинъ изъ этихъ капиталовъ, принадлежавшій покупателю, служилъ только колесомъ въ механизмѣ при посредствѣ котораго капиталъ фабриканта давалъ изъ года въ годъ работу труду.

Положеніе, которое я доказываю, можетъ для однихъ показаться простымъ трюизмомъ, для другихъ—парадоксомъ и въ сущности сводится къ слѣдующему: человѣкъ приноситъ пользу работникамъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, а только тѣмъ, что отказывается отъ потребленія. Если, отказавшись отъ тратъ на вино и шелкъ въ размѣрѣ ста фунтовъ, я истрачиваю ихъ на платежъ заработныхъ платъ, то спросъ на продукты въ обоихъ случаяхъ совершенно равенъ: въ первомъ случаѣ требуется на 100 фунтовъ шелка и вина, во второмъ на такую же сумму—хлѣба, пива, одежды, топлива и прочихъ предметовъ, необходимыхъ для работниковъ; но въ послѣднемъ случаѣ между работниками распределяется на 100 фунтовъ болѣе

изъ общаго продукта страны. Мое потребление было меньше на эту сумму и я передать часть моей покупательной способности рабочимъ. Утверждать противоположное, это значило-бы говорить: я потребить меньше прежняго и тѣмъ не менѣе не осталось большого количества продуктовъ для потребления другихъ, что составляетъ очевидное противорѣчiе. Если производство не уменьшается, то непотребленное однимъ лицомъ неизбѣжно присоединяется къ доли тѣхъ, кому оное передаетъ свою покупательную способность. Въ предположенномъ случаѣ мое потребление вовсе не уменьшается необходимо, ибо работники, которымъ я плачу, строить для меня домъ, или вообще дѣлають для удовлетворенiя будущихъ моихъ потребностей. Но, во всякомъ случаѣ, я отложилъ свое потребление и передать долю принадлежащаго мнѣ въ настоящее время продукта всей совокупности работниковъ. Если черезъ нѣсколько времени я получу вознагражденiе, то оно послѣдуетъ не изъ существующаго продукта, а изъ будущей прибавки къ нему. И, такимъ образомъ, изъ наличнаго продукта оставить большую долю для употребленiя другихъ и передать рабочимъ возможность потреблять эту долю.

Законы о бѣдныхъ служатъ едва ли не лучшимъ образчикомъ того, какъ противоположное ученiе доходить до абсурда. Если для интересовъ рабочихъ классовъ совершенно безразлично, потребляю ли я свои средства на покупку вещей для собственнаго употребленiя или откладываю долю ихъ, въ видѣ заработной платы или милостыни для непосредственнаго потребленiя рабочихъ, то чѣмъ, спрашивается, оправдывается рекомендуемая этими за-

конами раздача моихъ денегъ для поддержанія бѣдныхъ? моя непроизводительная трата, вѣдь, также пошла-бы имъ на пользу, но и я получилъ-бы удовольствіе отъ нея. Если общество можетъ одновременно ѣсть и игѣть принадлежащій ему пирогъ, то почему не доставить ему этого двойного удовольствія? Но здравый смыслъ научаетъ каждого, когда ему приходится судить о дѣлѣ примѣнительно къ самому себѣ, о томъ, что онъ не ясно видитъ въ широкомъ масштабѣ: налогъ на бѣдныхъ составляетъ прямой вычетъ изъ его собственнаго потребленія, и никакая перестановка платы впередъ или назадъ не дастъ возможности двумъ людямъ ѣсть одну и ту же пиццу. Если-бы онъ не платилъ налога и, слѣдовательно, могъ употребить его сумму для самого себя, бѣднякъ получилъ-бы на столько же меньшую долю общаго продукта страны, на сколько онъ самъ потребилъ больше.

Отсюда ясно, что спросъ, отложенный до окончанія дѣла и не дѣлающій никакихъ предварительныхъ затратъ на производство, а только перемѣщающій затраты другихъ, ни сколько не содѣйствуетъ возникновенію спроса на трудъ; всякая расходуемая такимъ образомъ сумма по своимъ послѣдствіямъ по отношенію къ доставленію занятій труду все равно, что вовсе не существуетъ; она не можетъ и не создаетъ никакой работы иначе, какъ чрезъ уменьшеніе того ея количества, которое существовало раньше.

Хотя спросъ на бархатъ и имѣетъ лишь значеніе опредѣлителя того, какое количество труда и капитала, прежде занятаго въ извѣстныхъ отрасляхъ, будетъ перемѣщено въ ту или другую от-

расль, но для производителей, уже занятых выделкою бархата и не собирающихся оставлять своего дела, это обстоятельство имѣетъ огромную важность. Для нихъ паденіе спроса составляетъ реальную потерю и она, если въ конечномъ результатѣ ни одинъ изъ изготовленныхъ ими товаровъ не пропадетъ, какъ непроданный, можетъ достигнуть до такого размѣра, что имъ придется выбрать какъ меньшее зло—прекращеніе своего дела. Напротивъ, возрастаніе спроса даетъ имъ возможность развивать свои операціи, получать прибыль на больший капиталъ, собственный или, если таково нѣтъ, заемный; подвергая свой капиталъ болѣе быстрому обороту, они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ, или станутъ употреблять ихъ больше прежняго. Такимъ образомъ, возрастаніе спроса на товаръ на самомъ дѣлѣ производитъ часто въ какой нибудь данной отрасли увеличеніе въ количествѣ работы, даваемой трудомъ тѣмъ-же капиталомъ. Ошибка, — и этого именно не замѣчаютъ — здѣсь состоитъ въ томъ, что въ предположенномъ случаѣ выгода, получаемая трудомъ и капиталомъ въ одной отрасли промышленности, совершается за счетъ выгоды другой; и выгода эта сама собой падаетъ послѣ того, когда эта перемена произвела свое естественное послѣдствіе, т. е. привлекла къ дѣлу добавочное количество капитала, соответственное увеличенію спроса.

Основанія какого нибудь положенія, разъ они хорошо поняты, обыкновенно даютъ достаточно ясныя указанія на потребныя въ немъ ограниченія. Общее положеніе, только что установленное нами, заключается въ томъ, что спросъ на товары оп-

редѣляетъ только направленіе труда и родъ производимаго богатства, но вовсе не количество и успѣшность труда или общую массу богатства, но тутъ имѣются два исключенія. Во первыхъ, если трудъ содержится, но не вполне занятъ, то новый спросъ на что нибудь, что онъ можетъ произвести, можетъ вызвать въ такомъ трудѣ стремленіе къ усиленію дѣятельности, результатомъ котораго явится увеличеніе богатства, полезное какъ самимъ работникамъ, такъ и другимъ. Трудъ, который можетъ быть выполненъ въ часы досуга, получающими средства къ существованію изъ другого источника, можетъ совершаться, какъ мы уже замѣтили выше, безъ отвлеченія капитала отъ другихъ занятій, кромѣ того часто весьма ничтожнаго размѣра его, который требуется на покрытіе издержекъ по приобрѣтенію орудій и матеріала; часто даже этотъ расходъ, можетъ совершаться за счетъ сбереженій, специально къ тому предназначенныхъ. Такимъ образомъ, основанія нашей теоремы здѣсь не приложимы, она теряетъ смыслъ и работа, порождаемая при такихъ условіяхъ спросомъ на товаръ, можетъ возникнуть, не лишая труда соответствующей суммы занятій ни въ какой другой отрасли промышленности. Но даже въ этомъ случаѣ, спросъ дѣйствуетъ на трудъ не иначе, какъ чрезъ посредство наличнаго капитала; онъ даетъ побужденіе и капиталъ подъ влияніемъ его приводитъ въ движеніе большее количество труда, чѣмъ прежде.

Второе исключенія состоитъ въ извѣстномъ послѣдствіи, вызываемомъ отъ расширенія рынка для сбыта товара и допускающемъ развитіе большого раздѣленія труда, а, слѣдовательно, и вызывающемъ

болѣе целесообразное распредѣленіе производительныхъ силъ общества. Это исключеніе, подобно первому, является исключеніемъ только болѣе по видимости, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Вовсе не изъ денегъ, платимыхъ покупателями, получаетъ трудъ вознагражденіе; онъ приобрѣтаетъ его изъ капитала производителя: спросъ только опредѣляетъ, какое употребленіе долженъ получить этотъ капиталъ и какой родъ труда онъ станетъ вознаграждать; но если спросъ опредѣляетъ, что товаръ долженъ быть произведенъ въ большемъ количествѣ, то это даетъ возможность тому-же капиталу произвести большее количество товара и приводить, можетъ быть, черезъ косвенное послѣдствіе возрастанія капитала даже къ конечному увеличенію вознагражденія работника.

Спросъ на товары, собственно говоря, важнѣе разсмотрѣть въ ученіи объ обмѣнѣ, чѣмъ о производствѣ. Разсматривая вещи въ ихъ постоянномъ взаимодействіи, слѣдуетъ сказать, что вознагражденіе производителя зависитъ отъ производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и послѣдующее ихъ расходованіе на покупку товаровъ, является простымъ обмѣномъ равноцѣнностей для взаимнаго размѣна полезностей. Вѣрно, что раздѣленіе труда, является важнѣйшимъ средствомъ для увеличенія производительной силы и что возможность сбыта порождаетъ увеличеніе производства; но даже и въ такихъ условіяхъ производство, но не обмѣнъ, вотъ что вознаграждаетъ трудъ и капиталъ. Желая получить строго правильное представленіе объ обмѣнѣ, какъ-бы онъ не совершался мѣною товара на товаръ (*barter* — натуральный

обмѣнъ) или товара на товаръ черезъ посредство денегъ, мы всегда должны смотрѣть на него, какъ на простой механизмъ, при посредствѣ котораго каждое лицо обращаетъ вознагражденіе, полученное имъ за свой трудъ или капиталъ, въ ту форму, въ которой онъ желаетъ имъ обладать, но мы ни въ какомъ случаѣ не должны смотрѣть на обмѣнъ, какъ на источникъ, изъ котораго получается это вознагражденіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О капиталѣ основномъ и оборотномъ.

Что такое основной и оборотный капиталъ?

Изъ всякаго затраченнаго на производство капитала, нѣкоторая его доля, будучи разъ употреблена въ дѣло, перестаетъ существовать, какъ капиталъ. Эта доля не можетъ уже болѣе содѣйствовать производству или по крайней мѣрѣ не можетъ оказывать прежняго содѣйствія и въ той-же самой отрасли производства. Такова, напримѣръ, доля капитала, заключенная въ матеріалахъ. Сало и поташъ, изъ которыхъ готовится мыло, разъ постушивъ въ дѣло, уничтожаются, какъ поташъ и сало; въ производствѣ мыла они уже не пригодны, но могутъ еще послужить матеріаломъ и средствомъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Къ тому-же роду капитала должна быть отнесена и та доля его, которая выдается въ видѣ заработныхъ платъ и потребляется, какъ средство къ существованію работниками; доля, потребленная ими, перестаетъ существовать, какъ капиталъ и если даже они сберегутъ кое-что, то эту часть слѣду-

сть считать скорѣе новымъ капиталомъ, результатомъ второго акта накопленія. *Капиталъ, выполняющій этимъ способомъ все свое дѣло въ произодствѣ, идъ затраченъ, и при томъ въ одинъ только разъ (т. е. уничтожаясь при первомъ же употребленіи) — называется оборотнымъ капиталомъ**). Этотъ не вполне подходящий терминъ вошелъ въ употребленіе потому, что воплощенная въ оборотномъ капиталѣ доля требуетъ постоянного возстановленія чрезъ продажу оконченнаго продукта; вслѣдъ за тѣмъ, она снова и постепенно поступаетъ на покушку матеріаловъ и выдачу заработныхъ платъ; *такимъ образомъ она выполняетъ свое дѣло, переходя изъ рукъ въ руки, а не оставаясь неподвижной.*

Другая большая доля капитала заключается въ орудіяхъ производства болѣе или менѣе прочнаго характера; эти послѣднія выполняютъ свое дѣло не тѣмъ, что передаются, но тѣмъ, что содержатся въ сохранности; пригодность ихъ не уничтожается отъ одного употребленія. Къ этому роду капитала принадлежать строения, машины и всѣ или почти всѣ вещи, извѣстныя намъ подъ именемъ орудій и инструментовъ. Прочность нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ весьма значительна; они выполняютъ въ качествѣ производительныхъ орудій свое дѣло, употребляясь много разъ на повтореніе однихъ и тѣхъ-же производительныхъ операций. Къ тому-же роду капитала слѣдуетъ отнести всѣ затраты на постоянное улучшеніе земли, а также и капиталъ, употребленный при началѣ дѣла разъ и навсегда для приготовленія возможности послѣдующихъ

операций; таковы, например, затраты на открытие рудника, на прорытие каналов, на проведение дорог, устройство складочных мѣсть и т. п. *Капиталъ, который существуетъ въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и уничтожается въ сравнительно продолжительное время — называется основнымъ капиталомъ.*

Нѣкоторые виды основного капитала требуютъ возобновленія по временамъ или даже періодически. Таковы всё орудія и строенія: по временамъ они требуютъ частичнаго возобновленія черезъ поправку, а въ концѣ концовъ они совершенно изнашиваются и, становясь совершенно непригодными въ качествѣ орудій и строеній, попадаютъ снова въ разрядъ матеріала. Въ другихъ случаяхъ основной капиталъ, не подвергаясь послѣдствіямъ какого-нибудь необычнаго происшествія, не требуетъ полнаго возобновленія, но всегда для поддержанія этого капитала требуется постоянно или по временамъ нѣкоторый расходъ. Складочное мѣсто или каналъ, разъ они выстроены, не нуждаются какъ машина въ новой постройкѣ, если они не будутъ преднамѣренно разрушены, засыпаны землетрясеніемъ или подвергнутся другому подобному происшествію; тѣмъ не менѣе на поддержаніе складочныхъ мѣсть и каналовъ приходится часто и регулярно дѣлать расходы. Самымъ прочнымъ изъ всѣхъ видовъ основного капитала является тотъ, который употребляется на увеличеніе производительности естественнаго дѣятеля: на улучшеніе земли. Затраты на осушеніе наводнявшихся мѣсть или болотъ, приобрѣтеніе доли почвы отъ захватовъ моря при посредствѣ плотинъ, дренажъ почвы и т. п., всё эти улучше-

нія совершаются на вѣчное время, но въ то же время требуютъ частыхъ расходовъ на исправленіе.

Всѣ эти улучшенія, какъ видно изъ самаго ихъ названія, производятъ увеличеніе результатовъ производства, т. е. за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, потребныхъ для ихъ поддержанія, остается еще нѣкоторый излишекъ. Этотъ послѣдній служитъ вознагражденіемъ за капиталъ, поглощенный на первоначальную работу; полученіе его не прекращается, какъ это бываетъ при обветшаніи машинъ, но длится вѣчно; земля, производительность которой возросла отъ улучшеній, имѣетъ на рынкѣ соответственно увеличенную цѣнность; поэтому часто полагаютъ, что капиталъ, который былъ затраченъ или поглощенъ на усовершенствованіе земли, продолжаетъ существовать въ увеличенной цѣнности земли. Не слѣдуетъ, однако, впадать въ ошибку. Этотъ капиталъ, подобно всякому другому, подвергнется потребленію. Онъ былъ потребленъ на содержаніе рабочихъ, работавшихъ надъ улучшеніемъ и на орудія, которыя были необходимы имъ для работы и постепенно изнашивались. Но онъ былъ потребленъ производительно и оставилъ прочный слѣдъ въ увеличившейся производительности обращеннаго въ собственность естественнаго дѣятеля т. е. земли. Произшедшее увеличеніе продукта мы можемъ назвать общимъ результатомъ земли и капитала, вложеннаго на ея улучшеніе. Такъ какъ этотъ капиталъ въ сущности потребленъ и не можетъ быть извлеченъ изъ земли, то отсюда слѣдуетъ, что его производительность отнынѣ неразрывно связана съ естественными свойствами почвы. Вознагражденіе за пользованіе имъ зависитъ съ этого времени не

отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ вознагражденіемъ труда и капитала, но отъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вознагражденіе естественныхъ дѣятелей. Въ чемъ они заключаются, мы увидимъ впоследствии *).

Возрастаніе основнаго капитала за счетъ оборотнаго можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ.

Вліяніе оборотнаго и основнаго капитала на валовой доходъ странъ весьма различно. Оборотный капиталъ уничтожается, какъ таковой, или по крайней мѣрѣ, пропадаетъ для прежняго владѣльца отъ одного употребленія; продуктъ, являющійся результатомъ его разоваго употребленія служитъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго собственникъ можетъ возстановить свой капиталъ и получить вознагражденіе за его производительное употребленіе. Продуктъ долженъ быть конечно достаточенъ для этого, или другими словами, результатъ одного употребленія оборотнаго капитала долженъ воспроизвести равную ему сумму и еще нѣкоторую прибыль. Для основнаго капитала такой необходимости не имѣется. Такъ какъ, напримѣръ, машины не потребляются всецѣло отъ одного употребленія, то не представляется необходимости въ томъ, чтобы капиталъ возстановился всецѣло изъ продукта одного употребленія.

Машина удовлетворяетъ намѣреніямъ своего владѣльца, если приноситъ въ извѣстныя промежутки

*) См. книга II, глава 14; c. 1017.

времени столько, чтобы покрыть издержки по поправкѣ и по потерѣ въ цѣнности, которая машина потеряла за то же время, а сверхъ того еще нѣкоторый избытокъ, составляющій обычный процентъ на полную стоимость машины.

Отсюда слѣдуетъ, что всякое возрастаніе основнаго капитала, если оно совершается за счетъ оборотнаго можетъ отразиться вредно, по крайней мѣрѣ, временно на интересахъ рабочихъ. И это справедливо не только по отношенію къ затратамъ на машины, но и по отношенію ко всѣмъ улучшениямъ, которыми поглощается капиталъ; другими словами такой капиталъ навсегда становится непригоднымъ для содержанія и вознагражденія труда. Предположимъ, что нѣкоторое лицо употребляетъ для веденія собственнаго хозяйства капиталъ въ 2000 квартеровъ хлѣба, истрачиваемыхъ въ теченіи года на содержаніе работниковъ (для краткости не будемъ принимать во вниманіе расходовъ на сѣмена и орудія). Трудъ этихъ работниковъ приноситъ ему ежегодно 400 квартеровъ т. е. даетъ прибыль въ 20%. Предположимъ далѣе, что онъ ежегодно потребляетъ эту прибыль и ведетъ свои операціи изъ году въ годъ на первоначальный капиталъ въ 2000 квартеровъ. Представимъ себѣ теперь, что затратой половины своего капитала, онъ совершаетъ прочное улучшеніе въ своей землѣ. Оно выполняется половиной его прежнихъ рабочихъ и въ теченіе одного года, послѣ чего для надлежащей обработки земли онъ будетъ нуждаться только въ половинномъ числѣ прежнихъ рабочихъ. Остатокъ своего капитала онъ затѣмъ употребляетъ по прежнему. Въ теченіи перваго года въ положе-

ни его работников не обнаружится изменений; разница будет лишь в том, что половина работников получить свое вознаграждение не за пахоту, посевы и жнитво, а за работу по усовершенствованию земли. В конце года однако владѣлецъ улучшенной земли уже не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи какъ прежде капиталъ въ 2000 кварталеровъ.

Только 1000 кварталеровъ изъ его капитала воспроизведено обычнымъ путемъ; и у него въ распоряженіи будетъ: 1000 кварталеровъ и улучшение. На второй годъ и во все слѣдующіе онъ будетъ употреблять только половину прежнихъ работниковъ и распределитъ между ними только половинное количество средствъ къ существованію. Потеря скоро будетъ возставлена для нихъ, если улучшаемая земля при меньшемъ количествѣ затрачиваемаго труда станетъ давать какъ прежде 2400 кварталеровъ хлѣба, ибо весьма вѣроятно, что такое громадное увеличеніе прибыли побудитъ владѣльца сберегать часть ея, присовокуплять ее къ капиталу и тѣмъ становиться болѣе крупнымъ работодателемъ; но возможно, что этого и не произойдетъ, ибо въ томъ случаѣ, если совершенное улучшеніе, будетъ существовать вѣчно или требовать столь ничтожныхъ расходовъ, что о нихъ и говорить не стоитъ, владѣлецъ приобрететъ отъ улучшения крупную выгоду даже при доходѣ не въ 2400, а въ 1500 кварталеровъ. Въ этомъ случаѣ за вычетомъ 1000 кв. на возстановленіе его оборотнаго капитала онъ получитъ прибыль не въ 20, какъ прежде, а въ 25% на весь свой оборотный и основной капиталъ. Отсюда видно, что совершенное улуч-

шеніе можетъ быть очень выгодно для него и очень вредно отражаться на интересахъ рабочихъ.

Предположеніе въ томъ видѣ, какъ мы его взяли, даетъ случай вполне идеальный и приложимый развѣ при обращеніи пастбища въ пахотное поле. Прежде подобное обращеніе было въ большомъ ходу, но теперь оно разсматривается агрономами скорѣе за ухудшеніе, чѣмъ за улучшеніе. Последствія всякаго земледѣльческаго улучшенія, по крайнѣйшій, того изъ нихъ, которое дѣйствуетъ на самую почву, выражается въ увеличеніи, а не въ уменьшеніи чистаго дохода *)

Сдѣланное замѣчаніе однако не служить опроверженіемъ для установленнаго выше положенія. Предположимъ, что улучшеніе не дѣйствуетъ такъ, какъ мы полагали т. е. не даетъ возможности уменьшить количество труда, которое раньше прилагалось къ землѣ, а лишь даетъ возможность прежнимъ трудомъ добывать большее количество продукта. Предположимъ также, что это большее количество про-

*) Напацію мелкихъ фермеровъ съ сѣвера Шотландіи, имѣвшее мѣсто въ началѣ настоящаго вѣка, совершалось однако при подобныхъ условіяхъ; можно сказать тоже и относительно происшедшаго въ Ирландіи послѣ картофельнаго голода и отжины хлѣбныхъ законовъ. Замѣчательное уменьшеніе валового дохода ирландскаго земледѣлія, привлечшее послѣднее время столько вниманія, должно, вѣроятно, объясняться тѣмъ, что земля, которая прежде кормила людей, стала давать пищу скоту; и это обстоятельство не могло произойти безъ чрезвычайной значительной доли ирландскаго населенія черезъ эмиграцію или простое вымираніе. Такимъ образомъ—вотъ два случая земледѣльческихъ улучшеній, которыя произвели то, что страна стала менѣе способной кормить свое населеніе. Во всякомъ случаѣ, улучшенія въ земледѣльчeskомъ хозяйствѣ, производимыя современной наукой, сводятся къ увеличенію валового дохода или, по крайнѣйшій, не уменьшаютъ его.

дукта, получаемое благодаря улучшенію прежнимъ трудомъ, составляетъ потребное количество и найдеть покупателей. Въ такомъ случаѣ нашъ улучшатель будетъ нуждаться въ прежнемъ количествѣ рабочихъ и за прежнюю ихъ плату. Но откуда онъ возьметъ средства для платежа имъ? Онъ не имѣетъ для этого первоначальнаго своего капитала въ 2000 квартеровъ. Одна тысяча уже потеряна и потреблена на производство улучшения. Если ему придется употреблять прежнее количество работниковъ, выплачивая имъ прежнюю же плату, то, очевидно, онъ можетъ это сдѣлать, только совершивъ заемъ или добывъ 1000 квартеровъ для покрытія недочета лишь изъ какого нибудь другого источника. Но эти занятыя 1000 квартеровъ уже содержали равное количество труда, или предназначались къ тому. Они не созданы вновь, ихъ назначеніе только перешло отъ одного употребленія къ другому; хотя такимъ образомъ земледѣлецъ пополнилъ недочетъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ, но уменьшеніе въ оборотномъ капиталѣ всей страны осталось существующимъ фактомъ.

Доказательство, на которое ссылаются многіе писатели, утверждающіе, что введеніе машинъ не можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ сводится къ слѣдующему. Они говорятъ: машины, удешевляя производство, на столько увеличиваютъ спросъ на товары, что скоро возникаетъ возможность давать работу большому количеству труда. Мнѣ кажется, что это положеніе не имѣетъ той доказательной силы, которую ему обыкновенно придаютъ. Самый фактъ, на которомъ основано это положеніе, хотя и характеризуетъ явленіе слиш-

комъ обще, но безъ сомнѣнія, часто справедливъ. Переносчики, потерявшіе работу послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, безъ сомнѣнія скоро замѣнились гораздо большимъ числомъ наборщиковъ и типографщиковъ. Число занятыхъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ послѣ изобрѣтеній Харгривса и Аркрайта, конечно, во много разъ превосходитъ число занятыхъ въ этой отрасли промышленности до этого; все это показываетъ, что кромѣ громаднаго увеличенія затратъ основного капитала въ этой отрасли обнаружилось столь же крупное, сравнительно съ прежнимъ временемъ, возростаніе оборотнаго капитала. Но если этотъ капиталъ былъ взятъ изъ другихъ отраслей, если средства, потраченныя вмѣсто капитала, поглощеннаго дорогими машинами, доставлены не изъ тѣхъ добавочныхъ сбереженій, возможность совершать которыя была дана улучшеніемъ, а изъ общаго капитала страны, то спрашивается, какую пользу могли получить рабочіе отъ этого простаго перенесенія капитала?

Всѣ попытки доказать, что рабочіе классы не могутъ временно пострадать отъ введенія машинъ или отъ употребленія капитала на прочія улучшения по моему мнѣнію неизбежно ошибочны. Всѣ допускаютъ, что работники страдаютъ въ той отрасли промышленности, въ которой совершается перемѣна; но часто утверждаютъ, что, хотя нѣкоторое количество работы потеряно въ одной отрасли промышленности, за то въ другой—открывается равное же ему количество и по той простой причинѣ, что потребители, сберегая вслѣдствіе значительнаго удешевленія товаровъ въ одной отрасли промышленности, получаютъ возможность потреб-

лить больше въ другихъ, т. е. увеличиваютъ спросъ на другіе виды труда. Подобная аргументація имѣетъ кажущуюся вѣроятность, но, какъ показано въ предшествовавшей главѣ, она основана на заблужденіи: спросъ на товары—дѣло совсѣмъ другого порядка сравнительно съ спросомъ на трудъ. У потребителей, конечно, появилось добавочное количество средствъ на покушку другихъ вещей, но это обстоятельство само по себѣ не создаетъ вещей, если нѣтъ на лицо капитала для производства ихъ, а между тѣмъ улучшение не освободило никакой доли капитала, а можетъ быть даже поглотило его изъ другихъ отраслей. Предполагаемое увеличеніе производства и количества работы въ другихъ отрасляхъ, такимъ образомъ, вовсе не произойдетъ, а возрастаніе спроса со стороны потребителей уравнивается прекращеніемъ его съ другой стороны, а именно со стороны рабочихъ, которые потеряли занятіе отъ улучшения: они теперь или вовсе останутся безъ содержанія, или получать его черезъ усиленное соперничество изъ того, что прежде потреблялось другими, или изъ благотворительныхъ суммъ.

Вредное вліяніе усовершенствованій хотя и встрѣчается, но весьма рѣдко.

Тѣмъ не менѣе, я не думаю, что при современномъ положеніи вещей усовершенствованія въ производствѣ могутъ быть часто и даже временно вредны для рабочихъ классовъ во всей ихъ массѣ. Сомнительно, чтобы они оказывали такое вліяніе. Они отражались-бы вредно на этихъ интересахъ, если-бы

происходили внезапно и въ значительномъ размѣрѣ, ибо въ такомъ случаѣ приходилось-бы неизбѣжно замѣщать поглощенный капиталъ изъ средствъ, уже затраченныхъ въ качествѣ оборотнаго капитала. Усовершенствованія всегда вводятся весьма постепенно и рѣдко, или почти никогда не совершаются чрезъ извлеченіе оборотнаго капитала изъ наличнаго производства; они дѣлаются чрезъ употребленіе на производство годичнаго прироста капитала. Почти нѣтъ примѣровъ крупнаго возрастанія основнаго капитала, когда бы одновременно и въ томъ же мѣстѣ не обнаруживалось-бы столь же быстро возрастанія оборотнаго капитала. Крупныя и дорогія усовершенствованія въ производствѣ не совершаются въ бѣдныхъ и отсталыхъ странахъ. Влагать капиталъ въ землю, вводить дорогія машины—все это дѣйствія, которыя требуютъ непосредственныхъ жертвъ въ цѣляхъ отдаленнаго будущаго и которыя показываютъ, во первыхъ, что имѣется на лицо достаточно полная обезпеченность собственности, во вторыхъ: значительная энергія въ промышленной предпримчивости и въ третьихъ: высокая степень развитія того, что называется „дѣятельнымъ стремленіемъ къ накопленію“. Всѣ эти три обстоятельства являются необходимыми условіями, при которыхъ общество обнаруживаетъ быстрое развитіе въ дѣлѣ накопленія капитала. Хотя, поэтому, рабочіе классы и должны страдать не только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершается возрастаніе основнаго капитала за счетъ оборотнаго, но даже и тогда, если это возрастаніе совершается въ такихъ крупныхъ размѣрахъ и съ такой быстротою, что замедляетъ обычное возрастаніе капитала, къ ко-

торому ростъ населенія обыкновенно приспособляется, тѣмъ не менѣе, весьма невѣроятно, что эти страданія въ дѣйствительности обнаружатся. Нѣтъ страны, въ которой основной капиталъ возрасталъ-бы въ пропорціи болѣе крупной, чѣмъ оборотный. Это невѣроятное обстоятельство могло-бы произойти, если-бы напримѣръ всѣ желѣзныя дороги, которыя получили утвержденіе парламента, во время спекулятивной маніи 1845 года, были выстроены въ сроки, назначенныя для ихъ окончанія. Но происшедшее въ то время даетъ поразительный примѣръ тѣхъ трудностей, которыя встрѣчаются при всякомъ обращеніи на новое дѣло значительной доли капитала, затраченнаго въ старомъ. Эти трудности, по общему правилу, достаточно сильны для того, чтобы не давать возможности предпріятіямъ, вновь поглощающимъ капиталъ, развиваться съ быстротою, совершенно уничтожающей источники для содержанія труда въ прежнихъ занятіяхъ.

Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что если усовершенствованія и уменьшаютъ даже на время общую массу общественнаго продукта и оборотнаго капитала, то въ долгій срокъ стремленіе ихъ будетъ направлено къ увеличенію того и другого. Усовершенствованія увеличиваютъ выручку отъ капитала, а увеличеніе выгодъ неизбежно выражается или въ повышенныхъ прибыляхъ капиталиста, или въ пониженныхъ цѣнахъ для потребителя; въ обоихъ случаяхъ умножается фондъ, изъ котораго дѣлаются сбереженія, а повышенныя прибыли служатъ новымъ поводомъ къ накопленію. Во взятомъ нами ранѣе примѣрѣ, когда непосред-

ственнымъ результатомъ усовершенствованія явилось уменьшеніе валового продукта съ 2400 до 1500 кварталовъ, прибыль капиталиста все же увеличилась съ 400 до 500 кв; прибавка въ 100 кварталовъ, сдѣлавшись постояннымъ источникомъ сбереженія, въ нѣсколько лѣтъ возстановитъ вычетъ въ 1000 кварталовъ изъ оборотнаго капитала страны. Расширеніе дѣла, слѣдующее почти всегда вслѣдъ за введеніемъ усовершенствованія въ любой отрасли промышленности, служитъ сильнымъ побужденіемъ для занятыхъ въ этомъ дѣлѣ, увеличивать свой капиталъ; а потому при медленной постепенности, съ которой обыкновенно вводится усовершенствованіе, значительная доля капитала, въ конечномъ результатѣ поглощаемая имъ, берется изъ возросшихъ прибылей и умножившихся сбереженій, которыя порождены этимъ же усовершенствованіемъ.

Это стремленіе усовершенствованій порождать умноженіе накопленій, а слѣдовательно, въ результатѣ, и увеличеніе валового продукта даже временно уменьшавшагося, приметъ еще болѣе выраженный характеръ, если окажется, что имѣются опредѣленныя границы, какъ для накопленія капитала, такъ и для увеличенія продукта, получаемого отъ земли. Когда эти границы достигнуты, всякое возростаніе продукта должно пріостановиться. но въ томъ то и дѣло, что всѣ усовершенствованія въ производствѣ, каковы-бы ни были ихъ другія послѣдствія, стремятся отодвинуть эти границы въ обоихъ указанныхъ случаяхъ. Эти истины представляются намъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, которое будетъ, или даже можетъ быть

накоплено въ странѣ и валовой продуктъ, который будетъ и можетъ быть въ ней полученъ, находится въ зависимости отъ состоянія производительныхъ способностей страны въ данное время; мы увидимъ, что всякое усовершенствованіе, даже временно уменьшающее оборотный капиталъ и валовой продуктъ, въ конечномъ результатѣ способствуетъ такому возростанію того и другого, которое не могло бы имѣть мѣста при отсутствіи подобныхъ усовершенствованій. Въ этихъ соображеніяхъ заключается рѣшительный отвѣтъ на возраженіе противъ машинъ; вытекающее изъ нихъ доказательство конечной благодѣтельности для рабочихъ механическихъ усовершенствованій даже при настоящемъ положеніи общества представится намъ ниже вполне безспорнымъ *) Но это не освобождаетъ правительства отъ обязанности облегчать и, если возможно, предотвращать бѣдствія, которымъ могутъ подвергнуться существующія поколѣнія отъ обстоятельствъ, могущихъ впоследствии принести даже благо. Если поглощеніе капитала или обращеніе его въ машины и другія полезныя предпріятія станутъ совершаться съ быстротой, значительно уменьшающей средства на содержаніе труда, то на законодателяхъ лежитъ прямая обязанность принять мѣры для замедленія этой быстроты, а такъ какъ усовершенствованія, даже не уменьшающія общей массы занятій, почти всегда лишаютъ работы отдѣльныя классы работниковъ, то не можетъ быть болѣе основательнаго предмета для заботъ законодателя, какъ попеченіе объ интересахъ тѣхъ лю-

*) См. книгу IV, главу 3-ю.

дей, которыя приносятся такимъ образомъ въ жертву для выгоды своихъ согражданъ и потомства.

Вернемся теиерь къ установленному нами теоретическому различію между основнымъ капиталомъ и оборотнымъ. Всякій видъ богатства, употребляемый на воспроизводительную дѣятельность, долженъ быть отнесенъ въ понятіе капитала. Тѣмъ не менѣе имѣются виды капитала, которыя не могутъ быть подведены подъ данныя нами опредѣленія относительно оборотнаго и основного капитала; такъ, напримѣръ, подъ это опредѣленіе трудно подвести запасъ оконченныхъ продуктовъ, который мануфактуристъ или торговецъ имѣетъ непроданными въ своихъ складахъ. Этотъ запасъ, хотя и служитъ капиталомъ по своему назначенію, но не является таковымъ въ данный моментъ; онъ не затрачивается на производство: для этого его прежде надо продать или обмѣнять, т.-е. обратить въ другіе товары, равной ему цѣнности; такимъ образомъ, онъ не является еще покажѣсть ни оборотнымъ, ни основнымъ капиталомъ; онъ обратится въ одну изъ этихъ формъ капитала или распредѣлится между этими двумя назначеніями. Изъ выручки, полученной отъ продажи своихъ изготовленныхъ товаровъ, мануфактуристъ частью выдастъ заработныя платы, частью пополнитъ свой запасъ матеріаловъ, частію снабдитъ себя новыми машинами и строеніями или поправитъ старыя; какая доля этой выручки будетъ истрачена на то или иное изъ этихъ назначеній, это зависитъ отъ характера самаго промысла и отъ потребностей данной минуты.

Слѣдуетъ также замѣтить, что доля капитала, затрачиваемая въ формѣ сѣмянъ или матеріаловъ,

хоти и не можетъ быть отнесена къ основному капиталу, но въ то же время должна быть сразу возмѣщена изъ валового продукта и стоитъ въ томъ же отношеніи по части доставленія занятій труду, какъ и основной капиталъ. Все, что затрачено на матеріалы, не можетъ также служить на содержаніе и вознагражденіе работниковъ, какъ и то, что поглощено машинами; и если капиталъ, затрачивавшійся ранѣе на выдачу заработныхъ платъ, пойдетъ на приобрѣтеніе матеріаловъ, то это обстоятельство можетъ столь же вредно отразиться на интересахъ рабочихъ, какъ и обращеніе капитала въ основной. Подобная пережѣна, однако, почти никогда не происходитъ. Стремленіе усовершенствованій въ производствѣ всегда выражается въ сбереженіи, а отнюдь не въ увеличеніи затратъ на сѣмена или матеріалы для полученія данного продукта. Нѣтъ основаній предполагать, что рабочіе понесутъ потери съ этой стороны*).

---

*) Затѣмъ слѣдуютъ главы: седьмая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая, опускаемые въ настоящемъ изданіи. Содержаніе этихъ главъ подробно указано въ приложенномъ въ концѣ книги полномъ оглавленіи трактата Милля.

КНИГА II.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Собственность.

Начала, изложенныя въ первой части этого трактата въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильнѣйшимъ образомъ отличаются отъ тѣхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства близки по характеру къ истинамъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего зависящаго отъ нашего усмотрѣнія, въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго. Все, что производитъ человѣчество, должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, которыя налагаются природою внѣшнихъ вещей и внутренними свойствами физической и умственной природы самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но его производство будетъ ограничено размѣромъ его предварительнаго накопленія и при данномъ его размѣрѣ будетъ пропорціонально его энергій и ис-

куству, совершенству его машинъ и разумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но двойное количество затраченнаго труда не принесетъ ему съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ обработкѣ земли. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непродуцируемый расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ соотвѣстственному обѣдненію общества и только отъ производительныхъ расходовъ оно будетъ обогащаться. Мнѣнія или желанія, какія могутъ существовать по этимъ различнымъ предметамъ, не могутъ оказать вліянія на самыя вещи. Мы не можемъ, конечно, предугадать тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ возможно измѣненіе способовъ производства или возростаніе въ производительности труда подъ вліяніемъ расширенія нашихъ знаній о законахъ природы. Эти знанія могутъ дать намъ представленіе о новыхъ процессахъ производства, о которыхъ мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Каковы бы ни были наши успѣхи въ расширеніи предѣловъ, полагаемыхъ намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что такіе предѣлы должны существовать. Мы не можемъ измѣнить конечныхъ свойствъ ни матеріи, ни духа, но въ состояніи только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе явленій, необходимыхъ для насъ.

Не то—съ распределеніемъ богатствъ. Распределеніе дѣло чисто человѣческаго учрежденія. Когда вещи имѣются на лицѣ, то люди, какъ частныя лица или какъ общество могутъ поступать съ ними, какъ хотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоря-

женіе любого лица и на любыхъ условіяхъ. Далѣе при всякомъ общественномъ порядкѣ, за исключеніемъ развѣ состоянія полного одиночества, распоряжаться вещами можно только съ согласія общества или лучше сказать съ согласія тѣхъ, которыя располагаютъ наличными общественными силами; даже то, что отдѣльное лицо произвело собственными усиліями и безъ помощи другихъ, оно не можетъ сохранять для себя безъ общественного согласія. Общество не только можетъ взять ихъ у него, но ихъ могли бы взять и взяли бы другіе, еслибы общество только отнеслось къ этому равнодушно, еслибы оно въ полномъ своемъ составѣ не въѣшивалось въ это дѣло и не содержало бы людей, получающихъ плату за то, что они охраняютъ его право владѣнія этими вещами. Распредѣленіе богатствъ слѣдовательно зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, зависятъ отъ мнѣній и чувствованій правящей части общества, которая ихъ создаетъ, и весьма различаются въ разные эпохи и въ разныхъ странахъ. Если человѣчество захочетъ, эти правила могутъ быть измѣнены еще сильнѣе.

Безъ сомнѣнія мнѣнія и чувствованія людей не представляютъ собой чего нибудь случайнаго. Они прорастаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы въ связи съ существующимъ положеніемъ знаній, опыта, а также общественныхъ учреждений и всего состоянія умственного и нравственнаго развитія. Изученіе законовъ, отъ которыхъ зависитъ происхожденіе человѣческихъ мнѣній, не входитъ въ задачу настоящаго изслѣдованія. Оно

составляютъ часть общей теоріи человѣческаго развитія, изслѣдованіе болѣе широкое и болѣе трудное, чѣмъ политическая экономія.

Мы въ настоящемъ изслѣдованіи должны рассмотретьъ не причины, но послѣдствія тѣхъ правилъ, согласно которымъ распределяются богатства. Эти послѣднія столь же мало произвольны и по характеру столь же близки къ законамъ физическимъ, какъ и законы производства. Человѣческія существа могутъ руководить своими дѣйствіями, но не тѣми послѣдствіями, которыя проистекаютъ изъ нихъ, какъ для ихъ самихъ, такъ и для другихъ. Общество можетъ подчинить распределеніе богатства особымъ правиламъ, какія считаетъ лучшими; но какія практическія послѣдствія вытекутъ изъ этихъ правилъ, это какъ и всѣ другія физическія или отвлеченныя истины — должно быть открыто при помощи наблюденія и размышленія.

Мы переходимъ такимъ образомъ къ рассмотрѣнію различныхъ способовъ распределенія продукта земли и труда, которые существуютъ въ дѣйствительности или могутъ быть себѣ представлены теоретически; изъ нихъ наше вниманіе прежде всего привлекаетъ то первоначальное и основное учрежденіе, на которомъ, кромѣ развѣ весьма рѣдкихъ и ограниченныхъ случаевъ, всегда покоилось экономическое устройство общества, хотя въ своихъ вторичныхъ формахъ, это учрежденіе измѣнялось и можетъ подвергаться измѣненіямъ. Ясно, что я хочу говорить объ институтѣ частной собственности.

Частная собственность, какъ учрежденіе, вызвана къ жизни вовсе не влияніемъ тѣхъ сообра-

жений о ея полезности, которыя говорить въ ея пользу послѣ того, какъ она установилась. Исторія и изученіе аналогичныхъ стадій общественнаго развитія въ наше время съ достаточной ясностью обнаруживаютъ, что въ эпохи грубаго варварства суды (всегда предшествующіе законамъ) первоначально учреждались не для опредѣленія правъ, а для возмездія насиліямъ и для прекращенія ссоръ. Имѣя въ виду это главное дѣло, они естественно давали законную зашитку первому завладѣнію, разсматривая, какъ нападающее, всякое лицо, которое первое прибѣгло къ насилію съ тѣмъ, чтобы изгнать или сдѣлать попытку изгнанія другого съ его владѣній. Сохраненіе мира, которое было первичной задачей гражданскаго правительства, было такимъ образомъ достигнуто. Утверждая за владѣльцами даже то, что не было плодомъ ихъ усилій, охрана судовъ простиралась одновременно и на то, что было добыто трудомъ.

Разсматривая учрежденіе собственности, лишь какъ вопросъ общественной философіи, мы должны оставить безъ вниманія исторію ея дѣйствительнаго происхожденія у любого изъ народовъ, населяющихъ Европу. Мы можемъ представить себѣ общество, не обладающее никакимъ предварительнымъ завладѣніемъ, а просто группу колонистовъ, впервые занимающихъ незаселенную страну; пусть наши колонисты не несутъ ничего съ собою, что не принадлежало бы имъ сообща и имѣютъ полную возможность для установленія такихъ учреждений и такой политики, которыя кажутся имъ наиболѣе подходящими; другими словами, наше воображаемое общество можетъ по произволу избрать, на какихъ

началахъ оно будетъ вести производство: на началахъ-ли частной собственности или на началахъ какой-нибудь общей собственности и совместнаго труда.

Если они примутъ систему частной собственности, то мы должны сдѣлать еще дальнѣйшее предположеніе, что установленіе ея не сопровождалось такими первоначальными неравенствами и несправедливостями, которыя такъ вредятъ благодѣтельному дѣйствию этой системы въ старыхъ обществахъ. Всякій взрослый мужчина и каждая взрослая женщина, предположимъ, ограждены въ свободномъ пользованіи и распоряженіи, своихъ физическихъ и умственныхъ силъ; орудіе производства: земля и машины распределены между ними весьма равномерно и такимъ образомъ все приступаютъ къ работѣ при равныхъ условіяхъ по отношенію ко внѣшнимъ средствамъ. Можно допустить также, что при этомъ первоначальномъ распределеніи возмѣщеніе дано за особенно неблагоприятное природное условіе и равновѣсіе установлено тѣмъ, что менѣе сильные члены общества получили при этомъ распределеніи выгоды, ставящія ихъ на равную ногу съ другими. Но разъ произведенное распределеніе не подлежитъ болѣе измѣненіямъ, отдѣльныя лица будутъ предоставлены собственнымъ усиліямъ и обычнымъ шансамъ на успѣхъ въ дѣлѣ выгоднаго употребленія того, что имъ досталось. Если напротивъ наши колонисты отвергли систему частной собственности, то имъ придется установить такую систему, при которой земля и орудія производства составляютъ общую собственность и все дѣло ведется за общій счетъ. Завѣдываніе

общественнымъ трудомъ будетъ возложено на начальника или группу ихъ, которая, какъ можно предположить, станетъ избираться подачей голосовъ. Всѣ лица въ обществѣ будутъ добровольно повиноваться этимъ начальникамъ. Раздѣленіе продукта составитъ также общественное дѣло, при чемъ въ основу его можетъ быть положено или полное равенство или соотвѣтствіе съ потребностями и заслугами каждаго. Любая изъ этихъ системъ можетъ быть принята въ зависимости оттого, какая болѣе изъ нихъ соотвѣтствуетъ представленіямъ о справедливости и общественномъ устройствѣ, господствующимъ въ обществѣ.

Примѣрами такихъ товариществъ въ небольшомъ размѣрѣ служатъ монастырскія ордена, моравскія братья, послѣдователи Раина и другія общества. Надежды, которыя они питали на устраненіе несчастій и несправедливостей распределенія, породили системы болѣе широкаго характера, стремящіяся осуществить тѣ же идеи. Они приобрѣтали особую популярность въ періоды дѣятельнаго обсужденія основъ общежитія. Во всѣ эпохи, подобныя настоящей, когда общій пересмотръ коренныхъ началъ чувствуется какъ дѣло неизбежное и когда болѣе, чѣмъ въ какой нибудь періодъ человѣческой исторіи, страдающія части общества получили голосъ въ обсужденіи, стало дѣломъ невозможнымъ, чтобы подобныя идеи не получили широкаго распространенія.

Противники частной собственности могутъ быть раздѣлены на два вида. Система однихъ основана на полномъ равенствѣ въ распределеніи физическихъ средствъ жизни и удовольствій. Системы другихъ допускаютъ неравенства, но обосновыва-

ють его на нѣкоторыхъ началахъ справедливости или цѣлесообразности, не зависящихъ, подобно многимъ нынѣ существующимъ неравенствамъ, только отъ одного случая. Во главѣ первыхъ слѣдуетъ поставить Роберта Овена и его послѣдователей, какъ лицъ, ранѣе всѣхъ другихъ, заговорившихъ объ этой системѣ среди настоящихъ поколѣній. Въ новѣйшее время Луи Бланъ и Кабэ приобрѣли извѣстность, какъ проповѣдники подобной же доктрины. Первый изъ нихъ, однако, настаиваетъ на необходимомъ неравенствѣ распределенія только какъ на переходной стадіи къ высшему порядку справедливости, при которомъ всѣ будутъ работать соразмѣрно съ своими силами, а получать сообразно съ потребностями. Характернымъ наименованіемъ этой системы служить слово „коммунизмъ“. Слово социализмъ, употребляющееся теперь на континентѣ, имѣетъ еще болѣе обширный смыслъ. Подъ нимъ понимаются такія системы, которыя не настаиваютъ на осуществленіи коммунизма и на устраненіи частной собственности, а требуютъ только, чтобы земля и орудія производства были собственностью не частныхъ лицъ, а обществу, ассоціацій или „правительствъ“. Среди такихъ системъ особенно высокія научныя претензіи имѣютъ двѣ, называемыя по именамъ людей, которымъ принадлежитъ или приписывается ихъ составленіе, Сень-Симонизмомъ и Фурьеризмомъ.

Критика кол.муниз.па.

Каковы бы ни были достоинства или недостатки этих системъ, нельзя по справедливости сказать, что они неосуществимы. Ни одинъ разсудительный человекъ не можетъ сомнѣваться, что сельская община изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, обрабатывающихъ на началахъ общей собственности такое количество земли, которое питаетъ нынѣ это количество населенія, и производящее при помощи самыхъ усовершенствованныхъ способовъ потребное мануфактурное издѣліе, въ состояніи изготовить достаточное количество предметовъ для того, чтобы жить съ удобствомъ. Такая община найдеть, если понадобится, средства для полученія необходимаго для этихъ цѣлей труда отъ каждаго изъ тѣхъ членовъ ея, которые способны къ труду.

Обычное возраженіе противъ системы общей собственности и равнаго распредѣленія продукта состоитъ въ томъ, что каждый постоянно будетъ занятъ стремленіемъ уклониться отъ выпадающей на его долю части труда. Это соображеніе намѣчаетъ дѣйствительныя затрудненія, но дѣлающіе подобныя возраженія забываютъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ существуетъ тоже затрудненіе въ той системѣ, при которой совершается въ настоящее время $\frac{9}{10}$ всѣхъ промысловъ въ обществѣ. Возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и хороший трудъ можно получить только отъ тѣхъ, кто лично пользуется плодами своихъ усилій. Какъ ничтожна часть всего количества труда Англии, отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ формъ

ого, выполняемая лицами, работающими на собственную пользу. Все виды общественного труда, начиная съ труда ирландскаго жнеца или черно-рабочаго и до труда главнаго судьи или министра, вознаграждаются поденными платами или определеннымъ жалованьемъ. Фабричный рабочий, гораздо менѣе лично заинтересованъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи, потому, что онъ не трудится на пользу товарищества, членомъ котораго является онъ самъ. Можно безъ сомнѣнія сказать, что хотя работники въ большинствѣ случаевъ и не заинтересованы лично въ своемъ трудѣ, но что они находятся подъ надзоромъ и управленіемъ, что трудъ ихъ получаетъ надлежащее руководство, а умственную часть дѣла выполняютъ лица, прямо въ немъ заинтересованныя. Но даже и такое положеніе вещей далеко не всегда совпадаетъ съ дѣйствительностью. Почти во всѣхъ общественныхъ и во многихъ крупныхъ и хорошо поставленныхъ частныхъ предпріятіяхъ не только ручной трудъ, но и контроль, и наблюденіе находится въ рукахъ получающихъ жалованье служащихъ. И хотя польза хозяйскаго глаза, когда хозяинъ бдителенъ и знаетъ дѣло, засвидѣтельствована пословицей, но должно помнить, что на общественной фермѣ или мануфактурѣ, каждый рабочий будетъ находиться подъ надзоромъ не одного хозяина, но всего общества. Въ крайнихъ случаяхъ упорнаго нежеланія выполнить надлежащую долю работы, общество будетъ обладать тѣми же средствами, которыми оно пользуется и теперь для понужденія того, чтобы были соблюдаемы необходимые условія общежитія. Единственное налич-

ное въ настоящее время средство, а именно расчетъ работника ни сколько не помогаетъ дѣлу, если другой нанятой рабочей работаетъ не лучше своего предшественника. Возможность расчета помогаетъ получать отъ своего работника только обычную порцу труда, но этотъ послѣдній можетъ быть въ высокой степени непроизводителенъ. Даже работникъ, теряющій занятіе вслѣдствіе лѣности или небрежности, при самомъ неблагоприятномъ оборотѣ дѣла не подвергается никакимъ особымъ страданіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя вызываются заключеніемъ въ рабочемъ домѣ. Если желаніе избѣжать подобнаго заключенія служитъ достаточнымъ стимуломъ къ труду въ одной системѣ, то оно можетъ быть таковымъ же и въ другой. И не склоненъ мало цѣнить силу побужденія, даваемого труду въ томъ случаѣ, когда весь или значительная доля избытка, произведеннаго увеличеніемъ усилій, достается трудящемуся. Но при нынѣшней системѣ производства это побужденіе въ значительномъ большинствѣ случаевъ не существуетъ. И если общественный трудъ можетъ быть менѣ энергиченъ, чѣмъ трудъ крестьянина-собственника, или работника, трудящагося за свой собственный счетъ, то вѣроятно онъ обнаруживалъ бы большую силу сравнительно съ трудомъ наемнаго работника, который совершенно не заинтересованъ въ дѣлѣ. Небрежность, обнаруживаемая необразованными классами рабочихъ при исполненіи обязанностей, для выполненія которыхъ они наняты, при настоящемъ общественномъ устройствѣ всемъ рѣзко бросается въ глаза. Въ коммунистической системѣ все получаютъ образованіе, а при такомъ предво-

доженіи обязанности, возлагаемая на членовъ общества, будутъ несомнѣнно выполняемы съ болѣе ревностію, чѣмъ это совершается теперь среди наемныхъ служащихъ среднихъ и высшихъ классовъ. Никто не подозреваетъ этихъ служащихъ въ томъ, что они неизбежно дѣлаются недобросовѣстными, и по той причинѣ, что вознагражденіе ихъ вплоть до той поры, пока они не получаютъ разчета, остается въ одной и той же нормѣ, какъ бы они не выполняли своихъ обязанностей. Несомнѣнно, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья, по общему правилу, не вызываетъ ни въ одномъ изъ классовъ служащихъ, наибольшей степени рвенія; тоже, по не болѣе, по справедливости можно сказать и относительно коммунистическаго труда.

Но если подобное пониженіе рвенія должно неизбежно обнаружиться, то это вовсе не такъ вѣроятно, какъ это представляется тѣмъ, кто мало привыкъ думать о предметахъ, выходящихъ за предѣлы обычнаго положенія вещей. Человѣчество можетъ обнаруживать гораздо большее количество общественныхъ стремленій, чѣмъ то, которое мы привыкли въ настоящемъ вѣкѣ считать возможнымъ. Исторія даетъ примѣры того, съ какимъ усиліемъ крупные союзы человѣческихъ существъ могутъ быть приучены отождествлять общественный интересъ со своимъ собственнымъ. Коммунистическая ассоціація была-бы наиболѣе благопріятной почвой для роста такихъ чувствъ, ибо все честолюбіе, вся тѣлесная и умственная дѣятельность, которая теперь затрачивается на достиженіе личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей, должны были-бы

искать другой сферы дѣйствія и естественно нашли-бы ее въ преслѣдованіи общепользныхъ цѣлей. Та же причина, на которую часто указываютъ для объясненія привязанности католическаго священника или монаха къ интересамъ его ордена,—а именно, отсутствіе интересовъ внѣ его,—могла-бы при коммунизмѣ столь-же сильно привязать человѣка къ обществу. Независимо отъ личности у всякаго общественныхъ стремленій, каждый членъ союза находился-бы подъ господствомъ наиболѣе универсальнаго и сильнѣйшаго изъ личныхъ мотивовъ, а именно того, который создается общественнымъ мнѣніемъ. Сила этого мотива, въ устраненіи всѣхъ поступковъ или несообразныхъ дѣйствій, рѣшительно осуждаемыхъ обществомъ, на столько велика, что ее никто не возьмется отрицать. Но сила соревнованія, вызывающая наибольшую энергію усилій для пріобрѣтенія одобренія и удивленія другихъ, имѣетъ столь-же важное значеніе, какъ это подтверждается свидѣтельствомъ опыта во всѣхъ положеніяхъ, когда человѣческія существа публично соперничаютъ другъ съ другомъ. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества такого рода, когда споръ идетъ о возможно большемъ общественномъ благѣ. До какой степени, слѣдовательно, энергія труда уменьшится отъ такой организаціи и уменьшится-ли она даже сколько-нибудь въ продолжительный періодъ времени—все это вопросы, которые слѣдуетъ считать еще нерѣшенными.

Другое возраженіе противъ коммунизма, подобно тому, которое часто приводится противъ законовъ о бѣдныхъ. Говорятъ, что, если-бы всякій чело-

вѣкъ получить обезпеченное содержаніе для себя и для неограниченнаго количества людей подь однимъ условіемъ совершать охотно работу, то благоразумное воздержаніе отъ размноженія чело- вѣчества исчезло-бы и населеніе стало-бы приростать съ такой быстротой, которая привела-бы общество чрезъ рядъ послѣдовательныхъ стадій увеличивающихся неудобствъ къ настоящей голодовкѣ. Конечно, это опасеніе имѣло-бы болѣе основаній, если-бы коммунизмъ не создавалъ мотивовъ къ воздержанію равныхъ по значенію тѣмъ, которые онъ устранилъ. Но коммунизмъ и является именно такимъ положеніемъ вещей, при которомъ можно ожидать, что общественное мнѣніе будетъ высказываться съ наибольшей силою противъ случаевъ эгоистической невоздержанности. Всякое увеличеніе числа людей, уменьшающее удобство или увеличивающее трудъ, будетъ въ этомъ случаѣ вызывать то, чего не дѣлаетъ теперь, а именно: непосредственное и ясное неудобство для всякаго члена ассоціаціи; и эти неудобства нельзя будетъ приписать жадности предпринимателей или несправедливымъ привилегіямъ богатыхъ. При такомъ измѣненіи обстоятельствъ, общественное мнѣніе непременно относилось-бы ко всякой вредной для общества невоздержанности съ неодобреніемъ, а если-бы его не доставало, оно могло-бы бороться противъ него какими-нибудь наказаніями. Подобная организація такимъ образомъ не только не подвержена съ особой силою возраженіямъ, вытекающимъ изъ опасности перенаселенія, но напротивъ обладаетъ преимуществами въ высокой степени полезными для устраненія этого зла.

Болѣе серьезное затрудненіе заключается въ равномерномъ распредѣленіи труда между всѣми членами общества. Виды труда очень различны и спрашивается: какимъ образомъ установить нѣкоторую сравнительную шкалу между ними? Кто будетъ судить о томъ, какое количество труда въ хлопчатобумажномъ пряденіи, въ распредѣленіи продуктовъ изъ складовъ или въ кирпичномъ дѣлѣ и т. п. равно нѣкоторому количеству труда пахатія? Затрудненія, вызываемыя необходимостью правильного распредѣленія труда разныхъ качествъ, на столько велики, что многіе изъ коммунистическихъ писателей считали необходимымъ организовать трудъ такъ, чтобы каждый по очереди работалъ во всѣхъ видахъ полезнаго труда; другими словами, они настаивали на такой организаціи, которая, полагая конецъ раздѣленію занятій, принесла-бы въ жертву всѣ выгоды соединеннаго труда и сильно уменьшила-бы его производительность. Кромѣ того, даже въ тѣхъ-же видахъ труда номинальное его равенство будетъ въ дѣйствительности столь очевиднымъ неравенствомъ, что чувство справедливости возмутилось-бы противъ подобнаго отождествленія. Всѣ люди неодинаково приспособлены къ труду и тоже количество труда, возложенное на слабого и сильнаго, на смѣлаго и робкаго, на быстраго и медленнаго, на тупого и одареннаго умомъ, ляжетъ на нихъ далеко неравнымъ бременемъ.

Затрудненія эти дѣйствительно существуютъ, но они не составляютъ чего-нибудь совершенно непреодолимаго. Распредѣленіе труда по силамъ и способностямъ личностей, смягченіе общаго пра-

вила въ тѣхъ случаяхъ, когда оно оказывается слишкомъ тяжкимъ—все это не такія задачи, для рѣшенія которыхъ не былъ-бы пригоденъ человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. И даже самая плохая и несправедливая организація подобнаго рода при системѣ, стремящейся къ равенству, обнаруживала-бы на столько меньшее неравенство и несправедливость сравнительно съ тѣми, при которыхъ нынѣ распределяется и вознаграждается трудъ, что даже проводить между ними сравненіе едва-ли было-бы основательно. Мы должны помнить также, что коммунизмъ, какъ общественная система, существуетъ только въ идеѣ, затрудненія относительно его осуществленія для насъ теперь понятнѣе, чѣмъ его хорошія стороны и человѣческій умъ только начинаетъ придумывать средства для организаціи его въ деталяхъ, чтобы съ одной стороны побѣдить затрудненія и воспользоваться въ наибольшей степени выгодами его съ другой.

Если-бы поэтому пришлось выбирать между коммунизмомъ, со всеѣмъ его рискомъ и между настоящимъ положеніемъ общества съ его страданіями и несправедливостями, если-бы институтъ частной собственности неизбѣжно обуславливать существующее распределеніе продукта труда, которое почти обратно пропорціонально затраченнымъ усиліямъ и при которомъ наибольшія доли достаются людямъ, вовсе не трудящимся, слѣдующія доли по величинѣ тѣмъ, чей трудъ почти номинальный и т. д., по уменьшающейся пропорціи: по мѣрѣ того, какъ вознагражденіе уменьшается, трудъ становится все тяжелѣе и непріятнѣе и, наконецъ, са-

мый утомительный и изнурительный физическій трудъ не можетъ даже разсчитывать на вѣрное пріобрѣтеніе необходимаго для жизни. Если - бы пришлось выбирать между такимъ положеніемъ и коммунизмомъ, то какъ-бы велики или малы ни были затрудненія послѣдняго, они были-бы песчинкой на вѣсахъ сравненія. Желая сдѣлать сравненіе подходящимъ, мы должны однако сравнивать коммунизмъ въ его лучшемъ видѣ съ частной собственностью не въ настоящемъ ея видѣ, но въ томъ, въ который она можетъ быть приведена. Начала частной собственности еще никогда не были испробованы надлежащимъ образомъ ни въ какой странѣ и въ Англіи менѣе, чѣмъ въ какой-бы то ни было изъ нихъ. Общественный распорядокъ новой Европы начинается съ такого распредѣленія собственности, которое не было результатомъ справедливаго раздѣла или пріобрѣтеній на началахъ труда, оно было результатомъ завоеванія и насилія. Не смотря на то, что въ теченіи многихъ вѣковъ спокойный ходъ промышленности стремился видоизмѣнить совершенное насиліе, тѣмъ не менѣе вся настоящая общественная система до сихъ поръ сохраняетъ многіе и глубокіе слѣды своего происхожденія. Законы о собственности никогда не сообразовались съ началами, на которыхъ покоится оправданіе этого института. Они установили собственность на вещи тамъ, гдѣ такая собственность не могла быть допущена и ввели абсолютное начало собственности, гдѣ оно должно было быть условнымъ. Они не установили надлежащаго равновѣсія въ правахъ человѣческихъ обществъ, но возложили рядъ обремененій на однихъ

къ выгодѣ другихъ; они умышленно обострили неравенства и не предоставили возможности начинать, такъ сказать, скачку или соперничество въ правильно уравновѣшанныхъ условіяхъ. Съ принципомъ частной собственности, конечно, не согласуется такое положеніе вещей, при которомъ всѣ начинаютъ жизнь съ совершенно одинаковыми средствами. Но если-бы на смягченіе неравенства было употреблено столько-же заботъ, сколько было употреблено на обостреніе неравенствъ шансовъ, вытекающихъ изъ естественнаго дѣйствія самого принципа и при томъ заботъ, не колеблящихъ самого принципа частной собственности, если-бы стремленія законодательства покровительствовали распространенію, а не сосредоточенію богатства, поощряли раздробленіе крупныхъ массъ его вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ихъ сложенію, то тогда начала частной собственности не стояли-бы необходимо въ связи съ физическими и общественными бѣдствіями, въ связи, на которой настаиваютъ почти всѣ социалистическіе писатели.

Защитники частной собственности всегда указываютъ въ ея пользу то, что она служитъ средствомъ для обезпеченія за лицомъ продукта его труда и воздержанія. Обезпечивать за нимъ право на продуктъ труда и воздержаніе другихъ и передавать его безъ всякихъ со стороны этого лица заслугъ и усилій, вовсе не составляетъ сущности учрежденія собственности, а является лишь случайнымъ послѣдствіемъ, которое, достигая известной высоты, не только не способствуетъ, но противодѣйствуетъ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ частная собственность признается явленіемъ правомѣрнымъ. Для

того, чтобы составить себѣ представленіе о конечномъ назначеніи института собственности, мы должны предположить, что устранены всѣ обстоятельства, служація причиной дѣйствія учрежденія въ направленіи противоположномъ справедливымъ началамъ пропорціональнаго отношенія между вознагражденіемъ и трудомъ, началамъ, на которыхъ зиждется вся дѣйствительно основательная аргументація въ его пользу. Мы должны предположить также, что осуществились два условія, безъ которыхъ ни коммунизмъ, ни всѣ другіе законы и учрежденія не въ состояніи держать положеніе массъ въ другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя именуются жалкими и бѣдственными. Первымъ изъ этихъ условій является всеобщее обученіе, другимъ — надлежащее ограниченіе въ размноженіи населенія. При наличности этихъ двухъ условій, даже при существующихъ общественныхъ учрежденіяхъ, бѣдность не могла-бы существовать, и тогда вопросъ о социализмѣ, какъ теперь это утверждаютъ представители этого ученія, не представлялся бы единственнымъ спасеніемъ отъ бѣдствій, угнетающихъ нынѣ человѣческой родъ, а просто вопросомъ о сравнительной выгодности, рѣшеніе котораго предстоитъ будущему. Мы совершенно не знаемъ, что можетъ лучше выполнить, индивидуальная самостоятельность или социализмъ въ ихъ лучшихъ формахъ для того, чтобы рѣшить, кто изъ нихъ послужитъ конечной формой развитія человѣческаго общества.

Если рѣшиться на предположеніе, то, вѣроятно, что рѣшеніе главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ одного соображенія, а именно отъ того, ка-

кая изъ этихъ двухъ системъ наиболѣе согласуется съ свободой и самодѣятельностью человѣка. Послѣ обезпеченія средствъ къ существованію, самая сильная изъ личныхъ потребностей человѣка — свобода. Физическія потребности по мѣрѣ развитія цивилизованной жизни становятся все болѣе умѣренными и подверженными контролю. Потребность въ свободѣ, напротивъ, все болѣе возрастаетъ въ интенсивности съ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ личности. Идеаломъ общественнаго устройства и жизненной нравственности могъ-бы служить такой порядокъ вещей, при которомъ всякое лицо обладало-бы полнѣйшей независимостію и свободой и было подвержено только одному ограниченію: обязанности не вредить другимъ. Любое воспитаніе и любая общественная учрежденія, которыя научали-бы или заставляли людей мѣнять свободу распоряженія своею дѣятельностью на какое-бы то ни было количество удобствъ или изобилія, отказываться отъ свободы ради равенства, лишали-бы человѣческую природу ея лучшихъ чертъ. Остается еще узнать, на сколько сохраненіе этихъ чертъ характера совмѣстимо съ коммунистической организаціей общества. Нѣтъ сомнѣнія, что это возраженіе противъ социалистическихъ системъ, подобно всѣмъ другимъ, также сильно преувеличено. Члены подобной ассоціаціи вовсе не должны жить совмѣстной жизнью болѣе того, чѣмъ это дѣлается теперь. Нѣтъ надобности также подвергать ея членовъ контролю въ индивидуальной долѣ продукта и въ правѣ распоряженія значительнымъ количествомъ досуга, которымъ они, вѣроятно, будутъ обладать, если ограничить

размѣры своего производства вещами, дѣйствительно заслуживающими труда. Имѣть надобности приковывать общество къ определенному занятію или мѣсту жительства. Ограниченія, налагаемые коммунизмомъ, были-бы свободой сравнительно съ настоящимъ положеніемъ большинства людей. Общая масса работниковъ, какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ, имѣеть мало свободы при выборѣ занятія или мѣста жительства и фактически зависить отъ определенныхъ правилъ и воли другихъ; меньшей свободой они могли-бы пользоваться развѣ при системѣ рабства. Я уже не говорю ничего о полномъ подчиненіи въ семьѣ одной половины человѣческаго рода другой, которой овеизмъ и другіе виды социализма—и это имъ надо поставить въ крупную заслугу, даютъ равныя права и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ съ той, которая, какъ мужской полъ, до сихъ поръ считается господствующей. Но нельзя оцѣнивать притязаній коммунизма на сравненіяхъ съ настоящимъ дурнымъ положеніемъ общества; недостаточнымъ аргументомъ въ его пользу послужить также обѣщаніе дать большую личную и нравственную свободу, чѣмъ та, каковую теперь пользуются люди, которыхъ въ дѣйствительности нельзя назвать свободными. Вопросъ въ томъ, оставитъ-ли коммунизмъ какое нибудь приближеніе для индивидуальности характера, не подвергнется-ли при немъ общественное мнѣніе тираническому гнету и не приведетъ-ли безусловная зависимость всѣхъ другъ отъ друга и постоянное взаимное самонаблюденіе къ подавленію всѣхъ мыслей, чувствъ и дѣйствій до состоянія полнѣйшаго однообразія. Это однообра-

зіе уже и теперь составляетъ одинъ изъ очевидныхъ недостатковъ настоящаго положенія общества, несмотря на гораздо большее различіе по воспитанію, цѣлямъ и по меньшей зависимости личности отъ массы, которая существуетъ въ современномъ обществѣ, сравнительно съ той, которая будетъ при коммунизмѣ. Общество, въ которомъ оригинальность служить предметомъ порицанія, нельзя назвать здоровымъ. Предстоитъ опредѣлить, могутъ-ли коммунистическія системы согласоваться съ тѣмъ многообразнымъ развитіемъ человѣческой природы, съ многоразличными несходствами, съ разницей вкусовъ, талантовъ и точекъ зрѣнія, которые не только составляютъ значительную долю интересовъ человѣческой жизни, но, приводя умы въ возбуждающее столкновение и, создавая въ каждомъ изъ нихъ представленіе, какіхъ не составилъ-бы онъ самъ, служатъ главнѣйшимъ источникомъ умственного и нравственнаго прогресса.

Критика Сенъ-Симонизма и Фурьеризма.

Въ предшествовавшемъ я говорилъ только о коммунистическомъ ученіи, составляющимъ крайній предѣлъ социализма; согласно этому ученію, какъ мы видѣли, не только орудія производства, земля и капиталъ, составляютъ совмѣстную собственность общества, но и продуктъ труда раздѣляется, а работа распределяется, на сколько это возможно, поровну. Всѣ возраженія, основательныя или неосновательныя, которымъ подверженъ социализмъ,

прилагаются къ этой его формѣ съ наибольшей силой. Другія разновидности социализма главнымъ образомъ отличаются отъ коммунизма тѣмъ, что не полагаются исключительно на одно чувство чести или добросовѣстности (*point of honour*) въ промышленности, какъ выражается Луи Бланъ, но удерживаютъ большее или меньшее число побужденій къ труду, проистекающихъ изъ стремленій къ личной денежной выгодѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ видоизмѣненіемъ строгой теоріи коммунизма, когда въ основу ученія полагается начало пропорціональнаго вознагражденія труда. Наибольшее число попытокъ осуществить практически во Франціи социализмъ при посредствѣ ассоціацій рабочихъ, трудящихся за свой собственный счетъ, начались съ установленія равнаго вознагражденія и не принимали во вниманіе количества труда, выполненнаго рабочимъ. Но почти во всѣхъ случаяхъ этотъ планъ приходилось скоро оставить и перейти къ системѣ поштучнаго вознагражденія. Первое начало требуетъ высшаго представленія о справедливости и приложимо только при высокомъ нравственномъ развитіи человѣческой природы. Вознагражденіе, соразмѣряющееся съ количествомъ работы, въ дѣйствительности бываетъ справедливымъ только тогда, если отъ воли самого человѣка зависитъ выборъ большаго или меньшаго количества работы; но въ томъ случаѣ, если такой выборъ опредѣляется естественнымъ различіемъ въ силахъ и способностяхъ, подобное начало вознагражденія является настоящей несправедливостью; она даетъ тѣмъ, кто уже и такъ имѣетъ, назначаетъ болѣе тѣмъ, кто самой при-

родой уже поставленъ въ лучшія условія. Но если мы будемъ смотрѣть на эту систему какъ на компромиссъ съ эгонистическимъ характеромъ, создаваемымъ современнымъ уровнемъ нравственности и поощряемымъ наличными общественными учрежденіями, то она окажется въ высшей степени цѣлесообразной. И до тѣхъ поръ, пока система воспитанія не получитъ полнаго преобразованія, весьма вѣроятно, что эта система непосредственно обнаружитъ гораздо скорѣе свою цѣлесообразность, чѣмъ всѣ другія попытки провести въ жизнь болѣе высокой идеаль.

Двѣ весьма развитыя формы некоммунистическаго социализма, извѣстныя подъ именемъ Сенъ-Симонизма и Фурьеризма, вполне свободны отъ возраженій, направляемыхъ обыкновенно противъ коммунизма. Не смотря на то, что и эти, какъ и всѣ другія системы, подвержены возраженіямъ, но по справедливости ихъ слѣдуетъ считать самыми замѣчательными произведеніями прошедшаго и настоящаго времени по той умственной силѣ, съ которой во многихъ отношеніяхъ онѣ построены и по широкому и философскому разсмотрѣнію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ нравственности и общественной жизни.

Система Сенъ-Симона не стремится установить равное, но неравное раздѣленіе продукта; она не желаетъ, чтобы люди занимались всѣми занятіями, но распредѣляетъ ихъ работу по призванію и способностямъ cadaго; функціи cadaго опредѣляются какъ должности въ полку, по выбору управляющей власти. Самое вознагражденіе выдается въ видѣ жалованья, размѣръ котораго, по опредѣленію той

же власти, сообразуется съ значеніемъ функціи и съ достоинствами лица, которое ее выполняетъ. Соответственно съ сущностью создаваемой системы могутъ быть приняты разные планы для организаціи управляющаго органа. Возможно, что члены его будутъ опредѣляться всеобщимъ голосованіемъ. По плану первоначальныхъ авторовъ этой системы предполагалось, что управителями будутъ лица особой гениальности и добродѣтельности, которымъ всѣ остальные члены общества станутъ добровольно повиноваться въ силу умственного превосходства этихъ лицъ. Нельзя считать невѣроятнымъ, что подобная система не будетъ дѣйствовать усиленно при наличности нѣкоторыхъ своеобразныхъ условій. Исторія даетъ примѣръ удачнаго опыта въ подобномъ родѣ, а именно примѣръ Парагвайскихъ іезуитовъ. Раса дикарей, принадлежавшая къ той части человѣчества, которая, болѣе чѣмъ какая-бы то ни была изъ извѣстныхъ, обнаруживала отвращеніе къ послѣдовательному выполненію труда въ видахъ будущихъ цѣлей, подверглась умственному господству цивилизованныхъ и образованныхъ людей, которые были соединены между собою общностью имущества. Эти дикари почтительно подчинялись абсолютной власти этихъ лицъ, а послѣдніе научили ихъ искусствамъ цивилизованной жизни и приучили ихъ трудиться на пользу общества, тогда какъ ранѣе не находилось побужденій, чтобы заставить ихъ работать для самихъ себя. Эта общественная система существовала недолго; она была преждевременно разрушена дипломатическими постановленіями и внѣшней силой. Возможность привести ее въ дѣйствіе, вѣроятно, зависѣла отъ

громаднаго различія въ степени знанія и умственнаго развитія, которое раздѣляло немногочисленную группу управителей и все подвластное имъ общество, при чемъ не существовало никакихъ посредствующихъ степеней, какъ по общественному положенію, такъ и по умственному развитію. При другихъ обстоятельствахъ подобная система потеряла-бы, вѣроятно, болѣе крушеніе. Она предполагаетъ наличность безусловнаго деспотизма въ рукахъ главарей ассоціаціи, который, вѣроятно, (въ противность мнѣнію основателей этой системы) нисколько-бы не улучшился по характеру, если-бы деспоты стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ. Но предполагать, что одинъ или нѣсколько человѣкъ, какимъ-бы способомъ они выбраны не были, могутъ, посредствомъ той или иной организаціи второстепенныхъ органовъ, быть пригодны къ тому, чтобы назначать всякому дѣло по его способностямъ и распределять вознагражденіе по заслугамъ—т. е. быть завѣдующими распределительной справедливостью по отношенію ко всѣмъ членамъ общества, предполагать, что всякое употребленіе этой власти будетъ создавать всеобщее довольство и не будетъ нуждаться въ воздѣйствіи силы—все это предположенія слишкомъ химеричныя для того, чтобы спорить противъ нихъ. Люди могутъ привыкнуть къ опредѣленному правилу, устанавливающему, на примѣръ, равенство, также какъ они подчиняются случаю или виѣшней необходимости; но чтобы кучка человѣческихъ существъ получила право судить такъ или иначе о каждомъ и давать одному больше, другому меньше въ зависимости

отъ своего усмотрѣнія и желанія, этого люди не потерпятъ, если они не считаютъ своихъ управителей какими-то высшими существами и не трепещутъ предъ ними отъ сверхъестественнаго ужаса.

Изъ всѣхъ формъ социализма самымъ искуснымъ образомъ и съ наибольшей предусмотрительностью противъ возраженій построена такъ называемый Фурьеризмъ. Эта система не стремится къ уничтоженію не только частной собственности, но даже наследованія. Напротивъ, въ качествѣ элементовъ, оказывающихъ вліяніе на распределеніе продукта, она умышленно принимаетъ не только трудъ, но и капиталъ. Она предлагаетъ, чтобы всѣ промышленныя операціи совершались ассоціациями по количеству душъ числомъ около 2000 и на пространствахъ въ размѣрѣ одной квадратной мили. Во главѣ ассоціации—она ставитъ выборныхъ. При распределеніи опредѣленный минимумъ прежде всего назначается для удовлетворенія насущныхъ потребностей каждаго, не взирая на то, способенъ-ли онъ къ труду или нѣтъ. Остатокъ продукта раздѣляется въ опредѣленной и напередъ назначенной пропорціи между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Капиталъ, наличный у общества, можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ въ разныхъ доляхъ, при чемъ они и здѣсь, какъ во всякой акціонерной компаніи, получаютъ дивиденды, пропорціональные паямъ. Право каждаго лица на долю продукта, отчисляемую на вознагражденіе таланта, зависитъ отъ степени или положенія, занимаемаго работникомъ или работницей въ различныхъ отрасляхъ приложенія труда; степени эти даются не иначе, какъ по выбору работниковъ и работницъ. Полу-

ченное вознаграждение не должно быть потреблено необходимо совместно; каждый желающий может завести себѣ отдельное хозяйство и общность жизни будетъ выражаться лишь въ томъ, что всѣ члены ассоціаціи будутъ жить въ одномъ зданіи. Последнее (т. е. жительство въ одномъ зданіи) предложено организовать не только для сбереженій въ расходѣ на трудъ построенія, но и для сокращенія издержекъ во всѣхъ сторонахъ домашней жизни, а также и для того, чтобы всѣ продажи и покушки производились однимъ агентомъ и чтобы такимъ образомъ сократилась громадная доля продукта, поглощаемая прибылью обыкновенныхъ торговцевъ—распределителей товара, до возможно болѣе низкаго предѣла.

Эта система въ отличіе отъ коммунизма, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не лишаетъ общества ни одного изъ тѣхъ побужденій къ труду, которыя существуютъ въ современномъ обществѣ. Напротивъ, если-бы установленный порядокъ дѣйствовалъ соотвѣтственно намереніямъ его учредителей, эта система могла-бы даже усилить эти побужденія, ибо всякое лицо имѣло-бы большую увѣренность лично воспользоваться плодами усиленнаго употребленія умственной и нравственной энергии и искусства, чѣмъ при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ можетъ имѣть кто-нибудь кромѣ людей, поставленныхъ въ наиболѣе благоприятное положеніе или пользующихся особой удачей случая. Фурьеристы, однако, имѣютъ еще одинъ источникъ для укрѣпленія своей системы.

Они убѣждены, что они разрѣшили великую и основную проблему: сдѣлать трудъ привлекатель-

нымъ. Что ихъ предположенія допускаютъ возможность осуществленія, это они доказываютъ весьма сильными доводами; изъ нихъ особой силою отличается тотъ, на которомъ они настаиваютъ вмѣстѣ съ послѣдователями Овэна, а именно: едва-ли, по ихъ мнѣнью, трудъ, совершаемый людьми для удовлетворенія потребностей существованія, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ, превосходить по степени тотъ, которому добровольно предаются для удовольствій люди съ уже обезпеченными средствами къ существованію. Само собою это фактъ весьма знаменательный и изъ него занимающійся общественной философійей можетъ получить важныя указанія. Но доводъ, на немъ построенный, можетъ быть проведенъ слишкомъ далеко. Если работы, полныя неудобствъ и утомленія, охотно выполняются людьми какъ удовольствіе, то кто же не пойметъ, что онѣ составляютъ удовольствіе именно потому, что совершаются добровольно и что во всякое время могутъ быть прекращены по произволу? Свобода покинуть занятіе часто составляетъ основу сужденія о томъ, какое изъ нихъ считаютъ тягостнымъ или приятнымъ. Многіе люди остаются на жительствѣ въ томъ-же городѣ, улицѣ или домѣ съ января по декабрь, не обнаруживая ни желанія, ни мысли о переѣздѣ; но привяжите ихъ къ этому правительственнымъ распоряженіемъ и они будутъ считать свою жизнь безусловно невыносимымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Согласно Фурьеристамъ, почти не существуетъ такихъ родовъ полезнаго труда, которые были-бы неизбежно и по самому своему существу неприятны. Трудъ считается неприятнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ признается унижительнымъ, дове-

день до чрезмѣрности или лишень стимуловъ, создаваемыхъ привлекательностью и соревнованіемъ. Чрезмѣрный трудъ, утверждаютъ Фурьеристы, не будетъ ни на кого падать въ такомъ обществѣ, гдѣ не существуетъ нетрудящихся классовъ, гдѣ не растрачивается столько труда какъ теперь, на изготовленіе совершенно безполезныхъ вещей и гдѣ вполнѣ воспользуются значеніемъ ассоціацій, какъ въ дѣлѣ увеличенія производительности, такъ и въ сбереженіяхъ въ потребленіи. Другія условія, необходимыя для приданія труду привлекательности, по ихъ мнѣнію, будутъ заключаться въ томъ, что всѣ работы станутъ совершаться общественными группами; каждое лицо, къ какому бы полу оно ни принадлежало, будетъ имѣть возможность вступить въ любую группу по своему выбору, а положеніе его въ ней будетъ опредѣляться степенью услугъ, которыя это лицо можетъ оказывать по оцѣнкѣ, совершаемой голосованіемъ его товарищей. Основываясь на различіи вкусовъ и талантовъ, Фурьеристы полагаютъ, что всякій членъ общества будетъ принадлежать къ различнымъ группамъ, занимаясь въ нихъ разными родами умственного и физическаго труда и находясь въ болѣе или менѣе высокомъ по степени положеніи. Практическимъ результатомъ такого порядка будетъ дѣйствительное равенство, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто гораздо болѣе близкое къ нему, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И при томъ это равенство будетъ послѣдствіемъ не стѣсненія, а возможно болѣе широкаго развитія различныхъ естественныхъ превосходствъ каждой отдѣльной личности.

Изъ этого краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не насилуетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которыми опредѣляются даже при современномъ несовершенномъ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣческія дѣйствія; а потому было-бы чрезвычайно поспѣшно утверждать, что она не имѣетъ шансовъ на успѣхъ и не можетъ осуществить значительной доли надеждъ, возлагаемыхъ на нее ея сторонниками. По отношенію къ Фурьеризму, также какъ и ко всѣмъ формамъ социализма, надобно пожелать, чтобы онѣ получили возможность (а этого они по справедливости и требуютъ) доброй провѣрки на опытѣ. Всѣ онѣ могутъ быть испытаны въ скромныхъ размѣрахъ и безъ риска, личнаго или денежнаго, для всѣхъ, кромѣ самихъ участвующихъ. Опытъ долженъ рѣшить, когда, на сколько и какъ скоро какая нибудь изъ возможныхъ системъ общности смѣнитъ собою ту организацію промышленности, которая покоится на началахъ частной собственности на землю и на капиталъ. Пока же не полагая границъ конечному развитію свойствъ человѣческой природы, мы можемъ утверждать, что политико-экономы на долгій срокъ въ будущемъ всегда будутъ заняты изученіемъ условій существованія и развитія обществъ, основанныхъ на частной собственности и на соперничествѣ личностей и что при современномъ положеніи общественнаго развитія главною цѣлью всѣхъ стремленій можетъ служить не устраненіе частной собственности, а улучшенія въ ней и полнѣйшее участіе каждаго члена общества, въ приносимыхъ ею выгодахъ.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Теперь намъ предстоитъ рассмотреть, что включается въ составъ понятія о частной собственности и какими ограниченіями слѣдуетъ обставить приложеніе этого принципа.

Институтъ частной собственности, если мы станемъ разсматривать его лишь въ существенныхъ элементахъ, состоитъ въ признаніи за каждымъ лицомъ права исключительно распоряжаться тѣмъ, что онъ или она произвели собственными усиліями, или что получили въ подарокъ, или по справедливому договору, безъ насилія и обмана отъ тѣхъ, кто произвелъ передаваемые имъ вещи. Основаніе всего института, такимъ образомъ, лежитъ въ правѣ производителей на произведенное ими самими. Конечно, могутъ возразить, что этотъ институтъ или учрежденіе въ современномъ его видѣ признаетъ за отдѣльными лицами право собственности на вещи, которыя они не произвели. Можно сказать, напримѣръ, что фабричныя рабочіе создаютъ своимъ трудомъ и искусствомъ весь продуктъ, а между тѣмъ онъ не принадлежитъ имъ всецѣло; законъ даетъ имъ только право на выговоренную наемную плату; весь же продуктъ передаетъ въ руки тѣхъ, кто только доставилъ потребные для производства капиталы и кто, быть можетъ, нисколько не участвовалъ въ непосредственномъ трудѣ даже, хотябы, въ качествѣ лица надзирающаго. Отвѣтомъ на это можетъ служить соображеніе, что трудъ фабричныхъ рабочихъ является лишь однимъ изъ тѣхъ условій, при сочетаніи которыхъ возможно производство

продукта. Трудъ не можетъ осуществляться безъ наличности матеріаловъ и машинъ, а также безъ заготовленнаго напередъ запаса предметовъ, необходимыхъ для содержанія работниковъ во время производства. Всѣ эти продукты являются результатомъ предшествовавшаго труда. Если-бы работники обладали ими, не было-бы надобности раздѣлять продуктъ съ кѣмъ-бы то ни было; но такъ какъ они ихъ не имѣютъ, то соотвѣтствующее вознагражденіе должно быть дано тѣмъ, кто имѣетъ ихъ и не только за предшествовавшій трудъ, но и за *воздержаніе*, *) посредствомъ котораго продуктъ этого труда вмѣсто того, чтобы быть издержаннымъ на удовольствія, сохраненъ для производительнаго употребленія. Капиталь можетъ не быть, и въ большей части случаевъ, не бывасть созданъ трудомъ и воздержаніемъ наличнаго владѣльца; но капиталъ этотъ былъ произведенъ трудомъ и воздержаніемъ какого нибудь предшествовавшаго лица, которое конечно могло быть противозаконно лишено своей собственности, но которое, при современномъ положеніи дѣлъ, гораздо вѣроятнѣе передало свои права нынѣшнему капиталисту въ даръ или по добровольному договору: такимъ образомъ, воздержаніе должно было совершаться цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ собственниковъ вплоть до того, который теперь обладаетъ капиталомъ. Можно сказать, и не безъ основаній, что люди, получившіе въ наслѣдство сбереженія другихъ, имѣютъ совершенно незаслуженное преимущество предъ производителями, ко-

*) Курсивъ переводчика А. М.

торымъ предки не оставили ничего. Я не только допускаю, но я настойчиво требую, чтобъ это незаработанное ничѣмъ преимущество было сокращено, на сколько это согласуется съ справедливостью по отношенію къ тѣмъ, кто желалъ распорядиться со своими сбереженіями, отдавая ихъ потомкамъ. Но хотя и справедливо, что работники поставлены въ менѣе благоприятное положеніе сравнительно съ тѣми, предшественники которыхъ сберегали, но столь же вѣрно и то, что работники находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ тѣми, въ которомъ были-бы, если-бы эти предшественники не сберегали. Они также участвуютъ въ выгодахъ, но конечно не въ равной долѣ съ наслѣдниками. Условіе сотрудничества между настоящимъ трудомъ и плодами прежняго труда и сбереженія составляютъ предметъ соглашенія между сторонами. Каждая сторона составляетъ равно необходимый элементъ. Капиталисты ничего не могутъ дѣлать безъ работниковъ, работники—безъ капитала. Если работники соперничаютъ въ поискахъ за работой, то капиталисты также соперничаютъ въ поискахъ по найму труда и на полную сумму оборотнаго капитала страны. Часто говорятъ о соперничествѣ, какъ о причинѣ неизбѣжной нищеты и униженія рабочаго класса; но высокія заработанныя платы такой-же результатъ соперничества, какъ и низкія. Вознагражденіе труда—такой-же результатъ соперничества въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Ирландіи; въ Соединенныхъ Штатахъ соперничество это дѣйствуетъ пожалуй еще сильнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Право собственности включаетъ въ себя понятіе о свободахъ пріобрѣтенія по договору. Право

собственности на произведенное личными усилиями включает въ себѣ и право на произведенное другими, если последнее приобретено съ ихъ свободнаго согласія, ибо въ данномъ случаѣ производители передали принадлежавшее имъ или по своей доброй волѣ, или промѣняли на то, что считали равноцѣннымъ; прештствовать имъ въ правѣ поступать такимъ образомъ—это означало-бы нарушать право собственности на результаты ихъ собственнаго труда.

По прошествіи извѣстнаго срока, право собственности приобретается также по давности владѣнія. По основной идеи собственности, конечно, не слѣдовало бы признавать собственностію того, что приобретено насиліемъ, обманомъ или по незнанію предшествовавшаго правомѣрнаго собственника; но для безопасности правомѣрныхъ владѣльцевъ необходимо, чтобы ихъ не тревожили претензіями о противозаконномъ приобретеніи въ такое время, когда свидѣтели погибли или утрачены изъ виду, а реальный характеръ сдѣлки не можетъ быть выясненъ. Если собственность и была приобретена неправильно, то отнятіе ее по прошествіи цѣлаго ряда поколѣній отъ добросовѣстныхъ владѣльцевъ и возстановленіе долго бездѣйствовавшей претензіи было бы по общему правилу еще большей несправедливостію и приносило бы почти всегда гораздо болѣе вреда частнымъ лицамъ и обществу, чѣмъ оставленіе первоначальной несправедливости безъ исправленія.

Едва-ли нужно, однако, замѣчать, что эти соображенія относительно необходимости не нарушать несправедливости прежняго времени, не от-

носятся къ несправедливымъ системамъ и учрежденіямъ, ибо дурной законъ или обычай не является вреднымъ фактомъ отдаленнаго прошедшаго, но постояннымъ повтореніемъ его до той поры, пока этотъ законъ или обычай существуетъ.

Наслѣдованіе.

Право собственности не включаетъ въ себя ничего, кромѣ права каждаго лица обоего пола распоряжаться своими способностями и тѣмъ, что онъ или она могутъ произвести ими, или справедливо получить за нихъ на рынкѣ, а также въ правѣ отдавать полученныя вещи любому лицу и право послѣдняго получать вещи и пользоваться ими.

Отсюда слѣдуетъ, что хотя право завѣщанія или даренія послѣ смерти и составляетъ часть понятія о собственности, но самое право наслѣдованія въ отличіе отъ права завѣщанія не входитъ въ него. Что собственность лицъ, не сдѣлавшихъ распоряженій при жизни, должна переходить къ дѣтямъ, а за отсутствіемъ ихъ къ ближайшимъ родственникамъ, можетъ быть разумнымъ или неразумнымъ учрежденіемъ, но оно не является послѣдствіемъ права частной собственности. Хотя рѣшеніе подобныхъ вопросовъ зависитъ отъ многихъ соображеній, не входящихъ въ составъ политической экономіи, но по плану моего труда не мѣшаетъ представить на разсмотрѣніе мыслителей точку зрѣнія на предметъ, которой я лично придерживаюсь.

Свидѣтельствомъ въ пользу существующихъ идей не можетъ служить ихъ древнее происхожденіе.

Въ первоначальную эпоху исторіи человѣчества собственность покойнаго переходила къ его дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ. И это совершалось такъ естественно и просто, что иного пути не было возможности себѣ и представить. Прежде всего при всякомъ переходѣ имущества наследники были на лицо: они были владѣльцами и если не имѣли какого-нибудь особаго титула собственности, то имѣли тотъ, который дается первымъ завладѣніемъ. Во вторыхъ, они уже были въ своемъ родѣ собственниками при жизни прежняго владѣльца. Если собственность заключалась въ землѣ, то она скорѣе всего давалась государствомъ семьѣ, чѣмъ отдѣльному лицу. Если она состояла изъ скота и движимой собственности, то вѣроятно она была приобрѣтена и уже несомѣнно охранялась совокупными усилиями всѣхъ членовъ семьи, которые были способны къ труду или къ войнѣ. Исключительная частная собственность, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, едва-ли составляла часть представленій тогдашняго времени; умирая, первый представитель ассоціаціи въ сущности не оставлялъ ничего кромѣ доли, поступавшей ему при раздѣлѣ, и она поступала тому лицу въ семьѣ, которое наследовало его власть. Иной порядокъ наследованія разрушилъ-бы эту маленькую республику, соединенную общностью идей, интересовъ, привычекъ, и разсѣялъ-бы ее по свѣту. Эти соображенія, которыя скорѣе чувствовались, чѣмъ являлись продуктомъ сознательнаго пониманія, имѣли столь сильное вліяніе на умы людей, что породили идею о врожденномъ правѣ дѣтей на владѣніе своихъ предковъ. Каза-

лось, что самъ предшествовавшій владѣлецъ не могъ нарушать этого права. Завѣщаніе въ первобытныя эпохи человѣческаго развитія рѣдко принавалялось дѣломъ законнымъ. И въ этомъ было-бы для насъ ясное доказательство, если-бы, впрочемъ, не было еще и другихъ, что представленіе о собственности того времени кореннымъ образомъ отличались отъ нашихъ.

Феодальная семья, послѣдняя историческая форма патриархальной жизни, уже давно исчезла и основной общественной единицей служить теперь не семья или родъ, состоящій изъ всѣхъ предполагаемыхъ нисходящихъ отъ общаго предка, но личность, или по крайней мѣрѣ супружеская чета съ неотдѣленными дѣтьми. Собственность принадлежитъ теперь не личностямъ, а семьямъ: дѣти, по достиженіи зрѣлаго возраста не слѣдуютъ занятіямъ и не идутъ по пути родителей; если они и участвуютъ въ денежныхъ средствахъ родителей, то это зависитъ отъ желанія отца или матери; это участіе не опредѣляется ихъ правомъ на общую собственность, а лишь на долю, которой могутъ распоряжаться ихъ родители. Въ Англіи родители имѣютъ даже право лишать дѣтей наслѣдства и отдавать свое имущество постороннимъ. Это правило терпитъ ограниченіе лишь при субституціяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Болѣе далекіе родственники почти вполнѣ выдѣлены изъ семьи и ея интересовъ и при томъ такъ, какъ будто-бы они не связаны съ ней никоимъ образомъ. Единственное право, которое, какъ предполагается, они имѣютъ къ своимъ болѣе богатымъ родственникамъ заключается въ томъ,

что имъ предпочтительно предъ прочими оказывается вниманіе и помощь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости.

Такое крупное видоизмѣненіе въ общественномъ устройствѣ должно вызывать значительное различіе въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется право пріобрѣтенія собственности чрезъ наследованіе. Основанія, обыкновенно приводимыя новѣйшими писателями въ пользу передачи собственности умершихъ къ ихъ дѣтямъ или близкимъ родственникамъ, заключается въ слѣдующемъ: во первыхъ, по ихъ предположенію, вводи такое постановленіе, законъ скорѣе всего поступаетъ такъ, какъ поступилъ-бы собственникъ, если-бы ему удалось обнаружить свою волю; и во вторыхъ, жестоко повергать бѣдности и лишеніямъ тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ съ родителями, участвовалъ въ ихъ богатствѣ и пользовался его благами.

Нѣкоторая доказательная сила въ этой аргументаціи имѣется. Законъ, безъ сомнѣнія, долженъ выполнить по отношенію къ дѣтямъ и къ зависѣвшимъ отъ лица, не оставившаго послѣ себя завѣщанія, то, что входило въ обязанность родителя или покровителя, но лишь въ той мѣрѣ, на сколько о характерѣ этой обязанности могутъ судить посторонніе люди. А такъ какъ, законъ не можетъ примѣняться къ отдѣльнымъ случаямъ, но долженъ создавать общія правила, то намъ и надлежитъ перейти къ разсмотрѣнію послѣднихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что за отсутствіемъ какихъ нибудь личныхъ причинъ, по отношенію къ какому нибудь отдѣльному лицу, никто не обязанъ оставлять денежное обезпеченіе

боковымъ родственникамъ. Никто изъ нихъ не падѣтся на наслѣдство, если у лица имѣются примѣ наслѣдники; такихъ надеждъ не существовало-бы даже при отсутствіи дѣтей, если-бы ожиданіе не возбуждалось постановленіями закона на случай смерти безъ завѣщанія. И, поэтому, не вижу совершенно основаній для существованія наслѣдованія боковыхъ лицъ. Бентамъ много времени тому назадъ высказалъ предположеніе и многіе изъ высшихъ авторитетовъ согласились съ его мнѣніемъ, что слѣдовало-бы установить переходъ собственности къ государству въ томъ случаѣ, если не имѣется родственниковъ по нисходящей или восходящей линіи. Едва-ли кто станетъ оспаривать основательность этого предложенія по отношенію къ отдаленнымъ степенямъ боковой линіи. Немного найдется людей, которые станутъ утверждать, что имѣется какое нибудь разумное основаніе, чтобы имущество какого нибудь бездѣтнаго скряги шло послѣ его смерти на обогащеніе отдаленнаго родственника, который никогда не видѣлъ его и не знаетъ даже о существованіи своихъ родственныхъ связей, пока не сталъ рассчитывать на наслѣдство, другими словами, чтобы наслѣдство шло къ лицу, которое имѣетъ не болѣе нравственныхъ правъ на него, чѣмъ и всякое постороннее лицо. Но тоже основаніе равнымъ образомъ прилагается къ наслѣдникамъ боковыхъ линій болѣе близкихъ степеней. Боковые наслѣдники не имѣютъ какихъ нибудь реальныхъ преимуществъ, какими не обладаютъ въ равной же степени и неродственники, и какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ существуютъ всѣскія

основанія для того, чтобы имущество переходило по завѣщанію.

Права дѣтей совершенно иного рода: они имѣютъ реальное значеніе и неопровержимы. Но постановленія, относящіяся даже къ правамъ послѣднихъ, мнѣ кажутся ошибочными: то, что по праву принадлежитъ дѣтямъ, какъ мнѣ кажется, въ однихъ случаяхъ опредѣляется слишкомъ узко, въ другихъ преувеличивается. Въ жизни не обращаютъ вниманія, а въ теоріи относятся съ легкомысліемъ, недостойнымъ человѣческаго ума, къ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ обязанностей человѣка, которая требуетъ производить на свѣтъ дѣтей только тогда, если имѣются средства для надлежащаго воспитанія ихъ въ дѣтствѣ и при томъ такого, которое даетъ вѣроятность пріобрѣтать средства къ существованію по достиженіи зрѣлаго возраста. Но права дѣтей на собственность, если родители имѣютъ ее, мнѣ кажется служить предметомъ ошибки другого рода. Я не могу допустить, чтобы отецъ, какимъ-бы способомъ онъ не пріобрѣлъ или унаслѣдовалъ свою собственность, могъ передавать ее дѣтямъ только потому, что они его дѣти и такимъ образомъ дѣлать ихъ богатыми безъ великой необходимости въ трудѣ. Я возражалъ-бы противъ подобнаго порядка даже въ томъ случаѣ, если-бы такое наслѣдство всегда и навѣрно приносило пользу для самихъ дѣтей, но это въ высшей степени сомнительно. Все зависитъ отъ индивидуальнаго характера. Не прибѣгая къ наиболѣе крайнимъ случаямъ, можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ интересы не только общества, но и отдѣльныхъ личностей

будутъ лучше соблюдены, если дѣти будутъ получать не крупное, а умѣренное наслѣдство. Это положеніе, ставшее общимъ мѣстомъ у моралистовъ древняго и новаго міра, признается истиннымъ многими интеллигентными родителями и приводилось-бы въ исполненіе гораздо чаще, если-бы они обращали больше вниманія на то, что дѣйствительно полезно ихъ дѣтямъ, а не на то, что полезно для нихъ по мнѣнію другихъ.

Обязанности родителей къ дѣтямъ неразрывно связаны съ тѣмъ фактомъ, что они дали имъ жизнь. Родитель обязанъ предъ обществомъ сдѣлать изъ своего ребенка хорошаго и достойнаго члена общества, для чего онъ долженъ доставить, на сколько это въ его силахъ, своимъ дѣтямъ такое воспитаніе, такія знанія и средства, при помощи которыхъ они могли-бы начать жизнь, имѣя надлежащія шансы успѣшно устроить свою жизнь собственнымъ трудомъ. Такое право принадлежитъ всякому ребенку, но я не могу допустить, чтобы онъ могъ требовать чего нибудь больше. Есть случаи, въ которыхъ эти обязательства представляются въ истинномъ свѣтѣ и не затемняются никакими внѣшними обстоятельствами; это случай относительно незаконнорожденныхъ. Всѣ чувствуютъ, что родитель долженъ доставить такому ребенку запасъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы она была явленіемъ желательнымъ. Я полагаю, что всякое дитя, какъ таковое, не обладаетъ бѣльшими правами сравнительно съ тѣми, которыя признаются за незаконнорожденными, и что дитя, получившее такую долю, не имѣетъ права жаловаться во всѣхъ случаяхъ,

за исключеніемъ тѣхъ, когда у нихъ неосновательно возбуждены иныя ожиданія, на то, что оставшаяся доля родительскаго имущества поступаетъ на общественныя надобности или вручается лицамъ, которымъ по мнѣнію родителейъ это болѣе приличествуетъ.

Для того, чтобы дать дѣтямъ вѣрный шансъ желательнаго существованія, на которое они имѣютъ право, по общему правилу необходимо, чтобы съ дѣтства они не воспитывались въ роскоши, на которую они не будутъ имѣть средствъ въ послѣдующей жизни. Эта обязанность часто самымъ явнымъ образомъ нарушается людьми съ пожизненными доходами, которые имѣютъ очень мало имущества могущаго перейти по наслѣдству. Если дѣти богатыхъ родителей жили, какъ это естественно и должно происходить, въ условіяхъ соответствующихъ размѣру расходовъ ихъ родителей, то послѣдніе обязаны оставить имъ больше сравнительно съ тѣмъ, что было-бы достаточно для дѣтей, воспитанныхъ иначе. Я говорю вообще, ибо даже здѣсь на вопросъ можно взглянуть съ другой стороны. Можно доказывать какъ положеніе, что для сильной природы, борющейся за существованіе въ условіяхъ весьма тѣсныхъ, бываетъ весьма полезно испытать въ ранній періодъ жизни нѣкоторыя изъ ощущеній, доставляемыхъ богатствомъ. Это полезно не только для образованія характера, но и для пониманія житейскаго счастья. Допустимъ даже, что дѣти воспитанные въ условіяхъ роскошной жизни, на которую впоследствии они вѣроятно не могутъ рассчитывать, имѣютъ полное основаніе жаловаться, а слѣдовательно и право требовать над-

лежащаго обезпеченія, соответствующаго условіямъ ихъ воспитанія. Тѣмъ не менѣе такое требованіе весьма часто можетъ быть доводимо до предѣловъ, превышающихъ размѣры, оправдываемые основаніями, на которыхъ оно покоится. Съ подобнымъ случаемъ, мы имѣемъ, дѣло напримѣръ, въ порядкѣ наслѣдованія аристократіи и земельнаго дворянства, наибольшая масса имущества которыхъ переходитъ къ старшему сыну. Другіе сыновья, обыкновенно весьма многочисленные по числу, воспитываются въ тѣхъ-же привычкахъ роскошной жизни, какъ и будущій первонаслѣдникъ и получаютъ, какъ младшіе братья, по общему правилу такую долю, которая, сообразно съ каждымъ даннымъ случаемъ, доставляетъ имъ лично возможность вести привычную жизнь, но не даетъ средствъ для содержанія жены и дѣтей. Право, никто не имѣетъ основаній жаловаться, если для женитьбы и содержанія дѣтей онъ долженъ пріобрѣтать средства собственнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ я полагаю, что всѣ родители должны давать своимъ дѣтямъ только такую долю имущества, которая считается достаточной для незаконнорожденныхъ или младшихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, такую норму слѣдуетъ признать совершенно достаточной, если принимаются лишь требованія справедливости и реальные интересы отдѣльныхъ личностей и общества. Тотъ-же размѣръ наслѣдства государство обязано признавать за дѣтьми тѣхъ, которые умерли безъ завѣщанія. Весь наличный избытокъ, я полагаю, съ полнымъ основаніемъ можетъ быть отданъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Не слѣдуетъ

думать, будто я рекомендую, что родители никогда не должны давать дѣтямъ болѣе того, на что, какъ дѣти, они имѣютъ нравственное право. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо, въ другихъ—похвально и во всѣхъ—допустимо давать больше. Средства къ этому однако даются свободой завѣщанія. Не дѣти, но родители должны обладать возможностью обнаруживать расположеніе, вознаграждать услуги и жертвы и вообще распоразаться своимъ богатствомъ, руководствуясь при этомъ тѣмъ или инымъ предпочтеніемъ и сужденіемъ о цѣлесообразности.

Завѣщаніе.

Слѣдующимъ вопросомъ чрезвычайной важности является вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли подвергать какимъ нибудь ограниченіямъ право завѣщанія. Въ отличіе отъ наслѣдованія безъ завѣщанія, основной принадлежностью права собственности слѣдуетъ признать—завѣщаніе. Собственность не можетъ разсматриваться какъ нѣчто полное, если ее нельзя передать въ другія руки при жизни или послѣ смерти по волѣ собственника. И всѣ доводы, говорящіе въ пользу сохраненія частной собственности, требуютъ одновременно и расширенія этого права въ указанномъ смыслѣ. Собственность есть только средство къ цѣли, но не сама цѣль. Правомъ завѣщанія можно пользоваться, во вредъ постояннымъ интересамъ человѣческаго рода, гораздо болѣе чѣмъ всѣми другими правами, происходящими изъ права собственности. Завѣщатель нарушаетъ эти интересы, если недовольтвуясь

отказомъ имѣнія въ пользу А, онъ въ то же время предписываетъ, что послѣ смерти А, имущество должно перейти къ его старшему сыну и въ той-же послѣдовательности до безконечности. Безъ сомнѣнія, отдѣльныя лица иногда усерднѣе стремились къ пріобрѣтенію состоянія въ надеждѣ обособить семью, существующую вѣка; но вредъ, приносимый такими постановленіями на вѣчныя времена для общества гораздо болѣе той пользы, которая создается побужденіями къ особой старательности въ пріобрѣтеніи; у тѣхъ, которые имѣютъ возможность составить хорошее состояніе, имѣется и безъ того достаточно побужденій къ дѣятельности. Подобное злоупотребленіе правомъ завѣщанія имѣется и въ томъ случаѣ, когда лицо, совершающее почтенный актъ оставленія собственности для общественныхъ цѣлей, въ то-же время предписываетъ на вѣчное время всѣ способы ея употребленія. Когда, напримѣръ, учреждая воспитательное заведеніе, собственникъ предписываетъ, какія ученія должны преподаваться въ немъ на вѣчное время. Такъ какъ невозможно знать, какія ученія черезъ сотни лѣтъ послѣ его смерти могутъ служить предметомъ преподаванія, то законъ не долженъ давать признанія подобнымъ завѣщательнымъ распоряженіямъ иначе, какъ подъ условіемъ пересмотра черезъ извѣстныя промежутки времени программъ преподаванія со стороны авторитетной власти.

Эти ограниченія, и ихъ необходимость, составляютъ дѣло очевидное. Но даже простѣйшая форма пользованія этимъ правомъ, а именно право опредѣлять лицо, къ которому собственность должна перейти непосредственно послѣ смерти завѣ-

щателя, всегда разсматривалась какъ одна изъ привилегій, которая можетъ быть ограничена или видоизмѣнена сообразно съ требованіями цѣлесообразности. До сихъ поръ ограниченія эти устанавливались лишь исключительно въ пользу дѣтей. Въ Англии право завѣщанія по принципу не ограничивается ничѣмъ; единственнымъ стѣсненіемъ служить распоряженіе, сдѣланное предшествовавшимъ собственникомъ; но въ этомъ случаѣ временный владѣлецъ конечно не можетъ завѣщать своего имущества потому, что онъ не имѣетъ ни какихъ правъ на завѣщаніе, а только пожизненное владѣніе. По Римскому закону, на которомъ основано главнымъ образомъ гражданское законодательство Европы, завѣщаніе первоначально не было совсѣмъ дозволено, и даже послѣ его установленія нѣкоторая законная доля должна была поступать въ пользу каждаго ребенка; такой законъ держится еще и теперь у нѣкоторыхъ націй континента. По Французскому закону, со времени великой революціи, родитель можетъ распоряжаться по произволу только такой долей, своего имущества которая равна долѣ одного изъ своихъ дѣтей, при чемъ всѣ дѣти считаются получающими равную долю. Этотъ фидей-комиссъ, какъ его можно было-бы назвать, на всю массу собственности лица въ пользу его дѣтей, кажется мнѣ столь-же мало достойнымъ по принципу защиты, какъ и фидей-комиссъ въ пользу одного ребенка. Первый только по виѣшности не противорѣчитъ такъ непосредственно представленіямъ о справедливости. Я не могу признать, чтобы можно было принуждать родителей давать дѣтямъ даже то, на

что, какъ дѣти, и какъ я выше указала, они имѣютъ нравственное право. Дѣти могутъ потерять такое свое право въ силу своей непорядочности, или въ силу особенно непростительнаго отношенія къ родителямъ; они могутъ имѣть другіе источники или надежды на получение средствъ къ существованію. Полученное воспитаніе и положеніе въ жизни, доставленное имъ прежде, могутъ вполне удовлетворить ихъ нравственному требованію. А кромѣ того, по сравненію съ ними, другіе могутъ имѣть еще и большія права.

Чрезвычайное ограниченіе въ правѣ завѣщанія по французскому закону было принято какъ демократическое средство, при помощи котораго надѣялись сокрушить право первородства и воспрепятствовать стремленію наследственной массы сливаться въ большія имущества. Я вполне согласенъ, что такое дѣло въ высшей степени желательно, но средства, выбранныя для его осуществленія, мнѣ не кажутся цѣлесообразными. Если бы мнѣ пришлось составить кодексъ законовъ на основаніяхъ, которыя я считалъ-бы наилучшими и которыя не принимаютъ въ расчетъ существующія мнѣнія и чувстваванія, я предпочелъ-бы ввести ограниченіе не относительно того, что можно завѣщать, а относительно того, что можно приобретать по завѣщанію или чрезъ наследованіе. Всякое лицо должно было-бы имѣть право распоряжаться по произволу его или ея собственностью, но не могло-бы расточать свое имущество на обогащеніе нѣкоторыхъ личностей, свыше известнаго предѣла, который долженъ быть вполне достаточенъ для доставленія средствъ, обеспечи-

вающихъ благосостояніе и независимость. Неравенства въ собственности, проистекающія изъ различія въ трудолюбіи, воздержанности, настойчивости, талантовъ и до извѣстной степени изъ различія въ благопріятности условій, неразрывно связаны съ принципомъ частной собственности, а допуская его, мы должны принять и послѣдствія его. Но я не вижу возраженій противъ опредѣленія нормы того, что каждый можетъ приобрести безъ всякаго употребленія своихъ способностей чрезъ простое доброжелательство другихъ людей. Если онъ хочетъ еще увеличить свое состояніе, пусть работаетъ для этого. Я не думаю, чтобы такое ограниченіе въ правѣ завѣщанія чувствовалось, какъ тягостное, завѣщателями, которые цѣнятъ значительное состояніе по его настоящему значенію, а именно по тѣмъ выгодамъ и удовольствіямъ, которыя можно купить за него; и даже при самой поверхностной оцѣнкѣ для всякаго станетъ ясно, что различіе между счастіемъ владѣльца средствъ, дающимъ скромную независимость, и владѣльцемъ въ пять разъ большаго имущества совершенно ничтожно, если мы станемъ сопоставлять его съ той массой счастья, удовольствія и выгодъ, которыя могли-бы осуществиться при иномъ употребленіи четырехъ/пятыхъ. До тѣхъ поръ, конечно, пока въ жизни господствуетъ убѣжденіе, что нѣтъ лучшаго средства обнаружить расположеніе, какъ осыпать лицо до пресыщенія тѣми по существу бесполезными вещами, на которыя въ большинствѣ случаевъ теперь истрачивается богатство, до тѣхъ поръ мало смысла создавать такой законъ, если можно надѣяться даже на то, что онъ получитъ осуще-

ствленіе, ибо гдѣ есть желаніе, тамъ всегда найдется и возможность обходить законъ. Законъ оставался-бы безсильнымъ, если-бы общественное мнѣніе не поддерживало его энергично; при извѣстномъ положеніи общества и составѣ правительства, такая поддержка общественнаго мнѣнія возможна, что подтверждается отчасти сильной привязанностью во Франціи къ закону о принудительномъ раздѣлѣ. Однако въ настоящее время въ Англии такой поддержки ждать нельзя, но если-бы можно было провести въ жизнь это ограниченіе, послѣдствія были-бы благодѣтельны. Богатство, которое нельзя было-бы употреблять на чрезмѣрное обогащеніе немногихъ, пошло-бы на общепользныя цѣли, или, доставаясь частнымъ лицамъ, распредѣлялось-бы между большимъ ихъ числомъ. При такомъ положеніи вещей громадныя богатства, въ которыхъ никто не нуждается для личныхъ и разумныхъ цѣлей, а лишь для тщеславія и вреднаго могущества, сдѣлаются менѣе многочисленны; такимъ образомъ сильно увеличится количество лицъ, живущихъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, пользующихся выгодами досуга и всѣми истинными наслажденіями, которыми можетъ доставить богатство, кромѣ тщеславія; возникнетъ классъ, который будетъ воздѣйствовать на общество непосредственно или чрезъ вліяніе, оказываемое на чувства и вкусы, и услуги котораго будутъ гораздо болѣе благодѣтельны, чѣмъ услуги подобнаго же класса, пользующагося досугомъ теперь. Точно также значительное число накопленій изъ успѣховъ промышленности вѣроятно будетъ посвящено на общественныя цѣли: прямымъ отказомъ въ пользу государства, или пожертвова-

ніями на учрежденія. Такъ и дѣлается уже весьма часто въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ идеи и обычаи въ вопросѣ о наследованіи необыкновенно разумны и благодѣтельны.

Еще нѣкоторыя соображенія.

Существеннымъ началомъ собственности является стремленіе обезпечить за каждымъ лицомъ то, что оно произвело своимъ трудомъ или накопило путемъ воздержанія; это начало не можетъ прилагаться къ тому, что не произведено трудомъ, а именно къ сырому матеріалу земли. Если-бы земля вполнѣ получала свою производительную силу отъ природы и никакую ея долю отъ труда, или если-бы была возможность опредѣлить, что создается каждымъ изъ этихъ источниковъ, то не только было-бы необходимо, но и въ высшей степени справедливо не допускать присвоеніе частными лицами даровъ природы. Но если земля и не продуктъ труда, то почти все цѣнныя свойства ея продуктъ такового. Трудъ не только нуженъ для употребленія этого орудія, но почти въ той-же мѣрѣ и для приведенія этого орудія въ состояніе, въ которомъ оно можетъ быть полезно. Часто нужно затратить предварительно значительное количество труда для очистки земли подъ обработку. Во многихъ случаяхъ даже послѣ такой очистки, производительность земли всецѣло продуктъ труда и его искусства.

Плоды труда не могутъ быть пожаты въ краткій періодъ времени. Трудъ и затраты дѣлаются сразу, а получение выгодъ распределяется на длинный

рядъ лѣтъ, а можетъ быть и на все будущее. Человѣкъ, владѣющій землею, не станетъ затрачивать на нее свой трудъ и дѣлать расходы, если результатами ихъ воспользуется не онъ, а посторонніе. Если онъ дѣлаетъ рядъ улучшеній, онъ долженъ имѣть достаточный періодъ времени для получения выгодъ; быть-же увѣреннымъ въ томъ, что у него будетъ такой періодъ времени, онъ можетъ лишь при признаніи его владѣнія вѣчнымъ. Таковы основанія, служація оправданіемъ права земельной собственности съ экономической точки зрѣнія, но ясно, что онѣ имѣютъ значеніе лишь тогда, если собственникъ земли заботится о ея улучшеніи. Во всякой странѣ, гдѣ собственники, говоря вообще, перестаютъ быть улучшателями своихъ земель, политическая экономія ничего не можетъ сказать въ ихъ защиту. Никакая разумная теорія частной собственности никогда не воображала, что собственникомъ земли можетъ быть человѣкъ, пользующійся ею какъ синекурой. Слѣдуетъ помнить, что какое-бы количество движимаго имущества не пріобрѣтаетъ человѣкъ, это не мѣшаетъ другимъ дѣлать подобныя-же пріобрѣтенія; но самому существу дѣла, собственникъ земли лишаетъ другихъ возможности пользоваться ею. Привиллегія-же, или монополія подлежитъ защитѣ лишь, какъ необходимое зло; она становится несправедливостью, если зло не вознаграждается благомъ, создаваемымъ этой монополіей.

Кромѣ права собственности на продукты труда и земли—имѣются и другія вещи, которыя являясь или были предметомъ собственности, хотя таковая не должна была-бы существовать совершенно. Первый изъ такихъ случаевъ—право собственности на человѣческую личность. Почти излишне замѣчать,

что подобное учреждение не может имѣть мѣста въ обществѣ, которое желаетъ быть основано на началахъ справедливости и на добромъ отношеніи человѣческихъ существъ между собою. Другимъ примѣромъ служитъ право собственности, которое не слѣдовало создавать, на общественныя должности и на наследственную юрисдикцію, переходящую къ человѣку вмѣстѣ съ землей въ странахъ, еще не совершенно освободившихся отъ феодализма и т. п. Иногда собственность создается еще передачей права облагать налогомъ публику, напримѣръ, при установленіи монополій или исключительныхъ привилегій. Эти злоупотребленія существуютъ преимущественно въ полуварварскихъ странахъ, но примѣры ихъ встрѣчаются и въ странахъ, которыя считаются самыми образованными. Во Франціи нѣкоторые важнѣйшіе промыслы и профессіи могутъ имѣть только определенное закономъ число лицъ. Таковы профессіи нотаріусовъ, повѣренныхъ по дѣламъ, маклеровъ, оцѣнщиковъ, типографщиковъ и до послѣдняго времени булочниковъ и мясниковъ. Brevet или patent на одно изъ такихъ дозволенныхъ мѣстъ имѣетъ по этому высокую рыночную цѣну. Вотъ, что мы хотѣли сказать по вопросу о собственности, котораго нельзя не коснуться въ политической экономіи, но при разсмотрѣніи котораго, нельзя удовлетвориться одними экономическими соображеніями. Теперь мы должны заняться изслѣдованіемъ, на какихъ началахъ и съ какими послѣдствіями происходитъ распредѣленіе продукта труда и земли въ условіяхъ, которыя создаются учрежденіемъ собственности для различныхъ членовъ общества *).

*) Этотъ параграфъ сильно сокращенъ. Пр. пер. А. М.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Классы, между которыми раздѣляется продуктъ.

Иногда продуктъ раздѣляется между тремя классами.

Признавъ частную собственность какъ существующій фактъ, мы должны теперь указать на то число различныхъ классовъ, которые порождаются этимъ учрежденіемъ, указать тѣ классы, содѣйствіе или по крайней мѣрѣ разрѣшеніе которыхъ необходимо для производства и которые по этому имѣютъ право выговаривать себѣ долю въ продуктѣ. Мы должны рассмотреть, по какимъ законамъ продуктъ распределяется между этими классами при естественномъ содѣйствіи заинтересованныхъ сторонъ. Послѣ этого намъ придется остановиться еще на дальнѣйшемъ вопросѣ и рассмотреть, какія послѣдствія вытекаютъ и могутъ происходить отъ замѣны или видоизмѣненія этого процесса распределенія воздѣйствіемъ законовъ и учреждений, а также мѣропріятій правительства. Какъ мы уже неоднократно говорили тремя необходимыми элементами производ-

ства служить: трудъ, капиталъ и земля, подъ капиталомъ мы понимаемъ средства и созданныя для труда условія, которыя являются накопленнымъ результатомъ предшествовавшаго труда, а подъ землею разумѣются матеріалы и силы, доставляемыя природою и находящіяся или на поверхности ея или въ недрахъ. Такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ можетъ быть обособленно обращенъ въ собственность, то и промышленное общество можно представлять себѣ раздѣленнымъ на три класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и производительныхъ работниковъ. Каждый изъ этихъ классовъ, какъ таковой получаетъ долю продукта. Всякое другое лицо или классъ можетъ получить продуктъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ уступленъ ему какимъ нибудь изъ вышеуказанныхъ классовъ. Все остальное общество въ сущности содержится за ихъ счетъ, не оплачивая получаемое равноцѣпностями, или давая въ обмѣнъ только то, что выражается въ непродуцированныхъ услугахъ. Поэтому въ политической экономіи все общество представляется, какъ состоящее лишь изъ этихъ трехъ классовъ.

*Иногда продуктъ достается одному классу,
а иногда и двумъ.*

Эти три класса существуютъ иногда, какъ нѣчто обособленное и раздѣляютъ продуктъ между собою. Но это имѣетъ мѣсто не всегда и не неизбѣжно. Въ дѣйствительности можно указать только два или три общества, гдѣ подобное обособленіе классовъ служить общимъ правиломъ. Англія и Шотландія

и нѣкоторыя части Бельгіи и Голландіи—вотъ почти единственныя страны въ мірѣ, гдѣ земля, капиталъ и трудъ, затрачиваемые въ земледѣліи, принадлежатъ разнымъ собственникамъ. Самымъ распространеннымъ явленіемъ служить такой порядокъ, когда лицо обладаетъ двумя или всѣми тремя элементами производства.

Случай, когда одно лицо обладаетъ всѣми тремя элементами производства, касается двухъ крайнихъ состояній человѣческаго общества, если разсматривать его съ точки зрѣнія независимости и достоинства рабочихъ классовъ. Во первыхъ, это бываетъ въ томъ случаѣ, когда работникъ самъ является собственникомъ. Въ такомъ положеніи по общему правилу находятся рабочіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Столь-же часто подобное явленіе встрѣчается во Франціи, Швейцаріи, трехъ Скандинавскихъ государствахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи; рѣже въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и Бельгіи. Во всѣхъ этихъ странахъ, безъ сомнѣнія имѣется и крупная земельная собственность, а въ особенности такая, которая, не будучи крупной по размѣрамъ, тѣмъ не менѣе нуждается въ случайныхъ или постоянныхъ услугахъ наемныхъ рабочихъ. Значительное количество земли раздѣлено однако на столь мелкіе участки, что едва-ли требуетъ большаго количества труда, чѣмъ тотъ, который можетъ доставить крестьянинъ и его семья; иногда участокъ земли на столько малъ, что не въ состояніи дать занятія и этому труду. Затраченный капиталъ не всегда принадлежитъ крестьянину-собственнику; значительная доля мелкихъ участковъ послѣднихъ за-

ложена для приобретения орудий обработки; но капитал вложенъ подъ собственнымъ рискомъ крестьянина, который, хотя и платитъ проценты, но котораго никто не можетъ лишить права распорядиться своей собственностью, пока земля не переходитъ во владѣніе заимодавца въ случаѣ неплатежа процентовъ.

Съ другимъ случаемъ, когда трудъ, земля и капиталъ принадлежатъ одному лицу, мы имѣемъ дѣло въ странахъ съ существованіемъ рабства, гдѣ работники служатъ предметомъ собственности для землевладѣльцевъ. Наша Восточная Индія до освобожденія и „сахарныя“ плантаціи въ колоніяхъ странъ, которыя еще и до сихъ поръ не выполнили подобнаго акта справедливости, служатъ образцомъ крупныхъ, земледѣльческихъ и фабричныхъ заведеній, (въ производствѣ сахара и рома земледѣліе и фабрикація равно имѣютъ мѣсто), гдѣ земля, фабрики (если можно такъ выразиться о нихъ), машины и несчастные работники являются собственностью капиталиста. Въ этомъ, какъ и въ прямо противоположномъ случаѣ—крестьянской собственности—раздѣленіе продукта не существуетъ.

Если три элемента производства не принадлежатъ одному и тому же лицу, то часто бываетъ, что ему принадлежатъ только два. Иногда лицо является собственникомъ земли и капитала, но не труда. Землевладѣлецъ прямо вступаетъ въ договоръ съ работникомъ и доставляетъ ему капиталъ потребный для обработки. Эта система часто встрѣчается въ тѣхъ частяхъ континентальной Европы, гдѣ работники не рабы, но и не собственники. Она была очень распространена во Франціи до

революціи и теперь еще встрѣчается въ тѣхъ частяхъ этой страны, гдѣ земля не принадлежитъ земледѣльцу. Она вообще господствуетъ на равнинахъ Италіи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ, какъ, въ мареммахъ Тосканіи и въ Римской кампаніи—главнымъ образомъ распространено скотоводство. При такой системѣ продуктъ раздѣляется между землевладѣльцемъ и работникомъ.

Въ другихъ случаяхъ работникъ не обладаетъ землею, а только небольшимъ капиталомъ и не въ обычаѣ получать его отъ землевладѣльца. Такая система господствуетъ въ Ирландіи; она-же почти повсемѣстно распространена въ Индіи и во всѣхъ странахъ Востока, независимо отъ того, удерживаетъ-ли правительство, какъ это чаще всего и бываетъ, собственность на землю въ своихъ рукахъ, или раздаетъ ее частями отдѣльнымъ лицамъ въ собственность безусловно или подъ условіемъ. Въ Индіи, однако, положеніе дѣль гораздо лучше, чѣмъ въ Ирландіи, ибо собственникъ земли въ Индіи дѣлаетъ обыкновенно ссуды земледѣльцу, если послѣдній не въ состояніи обрабатывать земли безъ нихъ. За эти ссуды частный землевладѣлецъ требуетъ высокихъ процентовъ, но главный землевладѣлецъ—правительство дѣлаетъ ихъ безвозмездно, взыскивая ссуды послѣ жатвы вмѣстѣ съ рентою. Продуктъ здѣсь раздѣляется между двумя классами: между землевладѣльцемъ и рабочимъ.

Таковы главные черты классификаціи тѣхъ, между которыми распредѣляется продуктъ земледѣльческаго труда. Въ фабричной промышленности никогда не встрѣчается болѣе двухъ классовъ: рабочихъ и капиталистовъ. Первоначальными ремес-

ленниками во всѣхъ странахъ были или рабы, или женщины, принадлежавшія къ семьѣ. Въ фабричныхъ заведеніяхъ древнихъ, были-ли они крупнаго или мелкаго типа, работники были собственностью капиталиста. Съ достоинствомъ свободнаго чело-вѣка, если и считался совмѣстимымъ какой-нибудь трудъ, то только земледѣльческій. Противоположная система, когда капиталъ является собственностью работника, появилась однако съ возникнове-ніемъ свободнаго труда; и въ эту эпоху были произведены первые крупныя усилія въ фабричномъ производствѣ. Ремесленникъ обладалъ рабочимъ станкомъ, немногими потребными орудіями, но за то и работалъ за свой счетъ. Онъ по крайней мѣрѣ кончалъ этимъ, хотя начиналъ обыкновенно съ работы на другого, сначала какъ ученикъ, потомъ какъ подмастерье и только чрезъ извѣстное количество лѣтъ онъ дѣлался мастеромъ. Но средне-вѣковые цехи и гильдіи не имѣли въ своемъ со-ставѣ подмастерьевъ, всю жизнь остающихся наемниками и ничего болѣе. Въ деревняхъ, гдѣ плотникъ и кузнецъ не можетъ жить и содержать работниковъ за счетъ своего промысла, они теперь еще остаются собственными и единственными работни-ками; при подобныхъ же условіяхъ кузнецъ остается своимъ же прикащикомъ. Но гдѣ размѣръ рынка это допускаетъ, тамъ уже вполне установилось различіе между классомъ капиталистовъ, занимающихъ трудъ и между классомъ работниковъ, продающихъ его. Капиталисты по общему правилу не выполняютъ другого труда, кромѣ надзора и управ-ленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соперничество и обычай.

Соперничество не является единственным регулятором раздѣла продукта.

При господствѣ индивидуальной собственности, раздѣленіе продукта является результатомъ двухъ опредѣляющихъ силъ: соперничества и обычая. Важно опредѣлить значеніе, которое принадлежитъ вліянію каждой изъ этихъ причинъ и какимъ образомъ дѣйствіе одной изъ нихъ видоизмѣняется вмѣшательствомъ другой.

Экономисты вообще, а англійскіе въ особенности, привыкли придавать исключительное значеніе первой изъ этихъ причинъ; они преувеличиваютъ силу соперничества и мало принимаютъ во вниманіе значеніе другого и противоборствующаго ему начала. Они склонны выражаться такъ, какъ будто думаютъ, что во всѣхъ случаяхъ соперничество дѣйствительно выполняетъ всё, къ чему направлены его стремленія. Такая точка зрѣнія сдѣлается от-

части намъ понятной, если мы примемъ во вниманіе, что только благодаря соперничеству, политическая экономія можетъ требовать признанія, какъ наука. Если ренты, прибыли, заработныя платы и цѣны опредѣляются соперничествомъ, то мы можемъ найти для нихъ законы. Допустивъ, что соперничество является ихъ единственнымъ опредѣлителемъ, мы тѣмъ самымъ можемъ найти законы, которымъ они подчиняются, и они будутъ имѣть обширѣйшее приложеніе и научную точность. Экономистъ справедливо полагаетъ, что въ этомъ въ сущности и заключается его задача и какъ абстрактная или гипотетическая наука, политическая экономія не обязана и не можетъ дѣлать ничего болѣе. Но это значило-бы совершенно не понимать истиннаго хода человѣческихъ дѣлъ, допуская предположеніе, будто соперничество имѣетъ въ жизни такое неограниченное вліяніе. Выражаясь такъ, я не говорю о естественныхъ или искусственныхъ монополіяхъ и о вмѣшательствѣ правительства въ свободу производства и обмѣна. Подобныя нарушающія вліянія всегда принимались во вниманіе экономистами. Я говорю о случаяхъ, гдѣ дѣйствіе соперничества неограничено, гдѣ не имѣется ни природныхъ, ни искусственныхъ препятствій, но гдѣ тѣмъ не менѣе конечный результатъ зависитъ не отъ соперничества, а опредѣляется привычкой или обычаемъ; здѣсь соперничество или не дѣйствуетъ совсѣмъ, или производитъ послѣдствія, совершенно различныя съ тѣми, которыя обыкновенно считаются естественными для него.

Вліяніе обычая на ренти и на наемъ земли.

Соперничество въ дѣйствительности стало руководящимъ началомъ договоровъ и при томъ въ сколько нибудь значительной степени лишь въ новѣйшее время. Чѣмъ далѣе заглядываемъ мы въ глубь исторіи, тѣмъ яснѣе для насъ, что всѣ сдѣлки и договоры совершались подъ непосредственнымъ вліяніемъ опредѣленныхъ обычаевъ. Причина тому очевидна. Обычай является сильнѣйшимъ покровителемъ слабого противъ сильнаго. Онъ является ихъ единственнымъ покровителемъ, гдѣ нѣтъ законовъ или правительства, достаточно сильныхъ для того, чтобы оказывать защиту. Даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей, обычай является преградой, которую тиранія до извѣстной степени должна уважать. Для трудящагося населенія, при безпокойномъ военномъ состояніи общества, свобода соперничества—пустая фраза. Трудящіеся никогда не въ состояніи заключать договоры въ его условіяхъ; всегда найдется господинъ, который положить свой мечъ на чашу вѣсовъ и условія договора будутъ такія, какія онъ пожелаетъ. Но хотя, при такомъ положеніи вещей, право сильнаго рѣшаетъ, но не въ интересахъ и не въ обычай сильнѣйшихъ бываетъ доводить это право до его крайнихъ предѣловъ, а всякое послабленіе его имѣетъ стремленіе сдѣлаться обычаемъ, а обычай становится правомъ. Возникающія, такимъ образомъ, права, а отнюдь не соперничество, опредѣляютъ при грубомъ состояніи общества ту долю продукта, которою пользуются производители его. Въ особен-

ности отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и платежи, совершаемые первымъ послѣднему, при всѣхъ положеніяхъ общества и до новѣйшаго времени, опредѣлялись обычаями страны. Никогда до самого послѣдняго времени условія пользованія землей не опредѣлялись, какъ общее правило, соперничествомъ. Арендаторъ обыкновенно считался имѣющимъ право удерживать въ своихъ рукахъ обрабатываемый участокъ при выполненіи обычныхъ обязательствъ; онъ дѣлался до извѣстной степени сособственникомъ. Даже тамъ, гдѣ арендаторъ не добился постоянства пользованія, условія аренды часто были точно опредѣлены и неизмѣнны.

Въ Индіи и въ другихъ сходно построенныхъ Азіатскихъ странахъ, райоты или крестьяне-фермеры никогда не разсматривались какъ арендаторы, съ которыми возможно нарушить договоръ въ любой моментъ (*tenants at will*) или по истеченіи извѣстнаго срока (*tenants by lease*). Во многихъ деревняхъ, конечно, были райоты съ такимъ непрочнымъ положеніемъ, но они принадлежали къ числу тѣхъ лицъ или ихъ потомковъ, которые поселились здѣсь во время еще памятное и сравнительно недавнее. Всѣ тѣ, на кого смотрѣли, какъ на нисходящихъ или представителей первоначальныхъ обитателей, а также арендаторы съ незапамятныхъ временъ, считались имѣющими право пользоваться землей вплоть до той поры, пока платятъ обычныя аренды. Размѣръ этихъ обычныхъ рентъ въ большинствѣ случаевъ съ теченіемъ времени сдѣлался дѣломъ весьма сомнительнымъ; узурпація, тиранія и иностранное нашествіе въ значи-

тельной мѣрѣ уничтожили слѣды, по которымъ можно было бы опредѣлить ихъ старинный размѣръ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда древняя и чисто индусская область подпадаетъ подъ власть Британскаго правительства или его управленіе и когда начинается точное изслѣдованіе системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что хотя требованіе главнаго землевладѣльца, т. е. государства, доведены фискальнымъ хищничествомъ до предѣловъ, необращающихъ вниманія уже на самую правомѣрность взиманія, но для всякаго увеличенія обложенія считалось необходимымъ давать отдѣльное наименованіе и указывать особый поводъ. Къ этому замаскированному способу увеличенія платежей навѣрно не прибѣгли бы, если бы землевладѣлецъ пользовался признаннымъ правомъ возвышать ренту.

Въ новой Европѣ рабы постепенно возвышались до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю на правахъ вѣчнаго пользованія и при неизмѣнныхъ условіяхъ, которыя были иногда весьма тягостны, а самое положеніе народа весьма плачевно. Но обязательства его опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, но не соперничествомъ. Тамъ, гдѣ земледѣльцы не находились въ личномъ рабствѣ, возникла система такъ называемаго половничества, которая впоследствии была часто распространяема и на освобождаемыхъ рабовъ. При этой системѣ половину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, но эта доля неизмѣнна и соперничество не опредѣляетъ величины ренты.

Вліяніє обичая на цѣны.

Тамъ, гдѣ не было монополій, цѣны ранѣе всего подверглись вліянію соперничества; цѣны по общему правилу гораздо болѣе подвержены его вліянію, чѣмъ ренты. Но даже при современной силѣ торгового соперничества оно не имѣетъ столь безусловнаго значенія, которое ему часто приписывается. Изъ всѣхъ положеній политической экономіи намъ чаще всего приходится сталкиваться со слѣдующимъ: не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ и томъ же рынкѣ. Такое вліяніе неограниченное соперничество, безъ сомнѣнія, должно имѣть, тѣмъ не менѣе всякій знаетъ, что почти всегда на одномъ рынкѣ бываетъ двѣ цѣны. И не только въ любомъ крупномъ городѣ и почти во всякомъ торговомъ промыслѣ—мы найдемъ дорогія и дешевыя лавки, но даже изъ одного и того же магазина часто продають предметъ разнымъ покупателямъ по различнымъ цѣнамъ. По общему правилу всякій розничный торговецъ приспособляетъ разцѣнку своихъ товаровъ къ средствамъ и роду покупателей, съ которыми онъ надѣется имѣть дѣло. Оптовая торговля главными товарами дѣйствительно стоитъ подъ господствомъ соперничества. Въ этомъ случаѣ, какъ продавцы, такъ и покупатели—являются настоящими коммерсантами и фабрикантами и ихъ торговыя сдѣлки не находятся подъ вліяніемъ беззаботности, обыденнаго тщеславія и не опредѣляются мелкими мотивами личныхъ удобствъ, а совершаются, какъ настоящее коммерческое дѣло. Къ оптовой торговлѣ, поэтому, съ полнымъ осно-

ваніемъ примѣняется общее положеніе, что на одномъ рынкѣ и на одинъ и тотъ же предметъ не можетъ быть двухъ цѣнъ; на каждомъ рынкѣ и во всякое данное время можно указать для товара рыночную цѣну, которую обозначаютъ въ преискурантахъ. Но розничная цѣна, платимая настоящимъ потребителемъ, чувствуетъ давленіе соперничества весьма медленнымъ и несовершеннымъ образомъ; и даже при существованіи соперничества послѣднее часто не понижаетъ цѣнъ, а только способствуетъ тому, что выгоды отъ высокихъ цѣнъ распределяются между большимъ числомъ торговцевъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ цѣнѣ, платимой потребителемъ, значительная доля поглощается доходомъ розничныхъ торговцевъ и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля цѣны попадаетъ въ руки настоящихъ производителей, часто принужденъ будетъ удивиться ея ничтожности. Правда, если рынокъ какого-нибудь, напр., большого города служить достаточной приманкой для крупныхъ капиталистовъ заниматься розничною торговлей, то по общему правилу считается болѣе цѣлесообразнымъ привлекать къ себѣ возможно большее количество кліентовъ, продавая дешевле другихъ и не довольствуясь простымъ раздѣломъ рынка сбыта. Такое вліяніе соперничества даетъ все болѣе и болѣе себя знать во всѣхъ главныхъ отрасляхъ розничной торговли крупныхъ городовъ; а быстрота и дешевизна перевозки, ослабляя зависимость потребителей отъ ближайшихъ торговцевъ ихъ мѣстности, стремится ко все большему уподобленію всей страны большому городу. Но до настоящаго времени только въ крупныхъ торговыхъ центрахъ роз-

ничныя сдѣлки главнымъ образомъ или даже вполне опредѣлялись соперничествомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе соперничества, если только оно проявляется, обнаруживается, какъ иліяніе случайное, нарушающее обычный порядокъ; обыкновеннымъ регуляторомъ цѣнъ является обычай, а изменение въ нихъ обуславливается время отъ времени представленіями, существующими въ умахъ продавцевъ и покупателей, о правильности и справедливости данной цѣны.

Во многихъ промыслахъ условія торговыхъ сдѣлокъ опредѣляются положительнымъ договоромъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя всегда имѣютъ средства и пользуются ими для того, чтобы сдѣлать положеніе лица, отступающаго отъ опредѣленныхъ обычаевъ, неудобнымъ или непріятнымъ. Хорошо извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи и, несмотря на дѣятельный духъ соревнованія въ этой отрасли, соперничество не въ состояніи было произвести своего естественнаго дѣйствія и поборотъ установившіяся въ торговлѣ правила. Вознагражденіе всѣхъ такъ называемыхъ профессиональныхъ классовъ также опредѣляется обычаями. Платежи докторамъ, фельдшерамъ, адвокатамъ, частнымъ повѣреннымъ почти не измѣняются. Это происходитъ, разумѣется, не отъ недостатка соперничества въ этихъ профессіяхъ, но оттого, что соперничество уменьшаетъ шансы заинтересованныхъ лицъ на вознагражденіе, но не самое вознагражденіе.

Убѣдившись въ томъ, что обычай въ значительной мѣрѣ отстаивалъ свое значеніе предъ сопер-

ничествомъ даже тамъ, гдѣ духъ соперничества особенно дѣятеленъ въ силу наличности множества спекуляторовъ и той энергіи, съ которой они преслѣдуютъ свои выгоды, мы тѣмъ болѣе должны быть увѣрены, что значеніе обычая еще сильнѣе тамъ, гдѣ люди довольствуются небольшими выгодами и оцениваютъ свои денежные интересы сравнительно меньше, чѣмъ свое удобство и удовольствіе. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы цѣны и таксы на всякаго рода предметы въ однихъ мѣстахъ сравнительно съ другими гораздо выше. И это обстоятельство нельзя объяснить другими причинами кромѣ той, что такія цѣны существовали всегда: покупатели привыкли къ нимъ и успокоились. Предпримчивый конкурентъ съ достаточнымъ капиталомъ могъ-бы понизить эти ставки для цѣны и нажить состояніе; но такихъ предпримчивыхъ людей не находится. Владѣльцы капитала оставляютъ его тамъ, гдѣ онъ затраченъ, или предпочитаютъ получать даже меньшую прибыль, но болѣе спокойнымъ путемъ.

Эти соображенія слѣдуетъ считать общей поправкой ко всѣмъ выводамъ которые сдѣланы въ послѣдующихъ частяхъ этого трактата и ихъ необходимо въ надлежащихъ мѣстахъ имѣть въ виду, не взирая на то—указаны они или нѣтъ. Вообще наши разсужденія должны идти такъ, какъ будто извѣстныя и естественныя послѣдствія соперничества всегда проистекаютъ, если имъ не противостоитъ какое нибудь положительное препятствіе. Тамъ, гдѣ соперничество можетъ существовать, но не существуетъ или тамъ, гдѣ при наличности его, естественныя послѣдствія его преодолеваются

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О заработной платѣ.

Заработныя платы зависятъ отъ предложенія труда и спроса на него или отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ.

Въ главѣ о заработной платѣ слѣдуетъ рассмотреть: во первыхъ, причины, которыя опредѣляютъ или вліяютъ на положеніе заработныхъ платъ вообще и во вторыхъ, различіе существующее въ платахъ за разныя работы. Эти два вопроса удобнѣе рассмотреть отдѣльно и при обсужденіи закона платъ вести разсужденіе сначала такъ, какъ будто не существуетъ никакого другого труда кромѣ обыкновеннаго чернорабочаго труда средней обременительности и непріятности.

Заработныя платы, подобно всеѣмъ другимъ экономическимъ явленіямъ, могутъ опредѣляться или соперничествомъ или обычаемъ. Въ Англіи найдется мало родовъ труда, въ которыхъ вознагражденіе не было-бы ниже, если-бы предприниматель воспользовался вполнѣ соперничествомъ. Тѣмъ не менѣе при современномъ положеніи общества, со-

перничество слѣдуетъ признать главнѣйшимъ опредѣлителемъ заработной платы, а обычай или личный характеръ лишь измѣняющимъ обстоятельствомъ и при томъ сравнительно въ слабой степени.

Заработная плата такимъ образомъ зависяетъ по преимуществу отъ спроса и предложенія на трудъ, или какъ часто выражаются отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ здѣсь понимаютъ лишь общее число рабочаго класса или скорѣе тѣхъ, кто работаетъ за наемную плату; а подъ капиталомъ — только оборотный капиталъ и при томъ не въ полной его массѣ, а лишь той доль, которая употребляется на непосредственную покупку труда. Къ ней, впрочемъ, слѣдуетъ прибавить всѣ средства, которыя, не составляя части капитала, употребляются на покупку труда солдатъ, прислуги и другихъ непроеводительныхъ работниковъ. Къ сожалѣнію не имѣется какого нибудь общепотребительнаго термина для обозначенія того, что мы могли-бы назвать во всей его совокупности фондомъ заработной платы. Плата, получаемая производительнымъ трудомъ, почти всецѣло поглощаетъ этотъ фондъ и потому обыкновенно, не принимая во вниманіе меньшей и менѣе важной части фонда, принято говорить, что заработная плата зависяетъ отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Слѣдуетъ пользоваться этимъ выраженіемъ, памятуя однако, что оно нѣсколько недостаточно и не вполне соответствуетъ истинѣ.

Давъ такое опредѣленіе взятымъ терминамъ, мы можемъ сказать, что заработная плата не только зависить, но и не можетъ не зависить въ усло-

віяхъ соперничества отъ чего нибудь иного кромѣ отношенія между величиною населенія и капитала. Заработная плата (т. е. средняя ея норма) можетъ возрасти лишь при увеличеніи фондовъ, посвящаемыхъ на наемъ труда или при уменьшеніи числа, стремящихся получить наемную плату. Упасть плата можетъ лишь при уменьшеніи фондовъ или при увеличеніи числа нанимаемыхъ рабочихъ.

Разборъ нѣкоторыхъ распространенныхъ мнѣній относительно заработной платы.

Существуютъ однако нѣкоторые факты, стоящіе въ явномъ противорѣчій съ этимъ ученіемъ и мы должны разсмотрѣть и объяснить ихъ.

Напримѣръ часто говорятъ, что заработная плата высока, если промышленность находится въ хорошемъ положеніи. Спросъ на трудъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ бываетъ тогда сильнѣе и платитъ болѣе высокое вознагражденіе за трудъ, если замѣчается оживленный спросъ на производимый товаръ. Наоборотъ, въ тѣ періоды, когда обнаруживается такъ называемый застой промышленности, хозяева отпускаютъ однихъ работниковъ, а остающіеся должны покориться пониженію платы. Въ обоихъ этихъ случаяхъ между тѣмъ размѣръ капитала остался таковымъ-же, какъ и прежде, онъ не увеличился и не уменьшился. Это правда, и случаи взятые нами служатъ образцомъ тѣхъ сложныхъ сплетеній въ конкретныхъ явленіяхъ, которыя затемняютъ и запутываютъ наше пониманіе относительно дѣйствія общихъ причинъ; но на самомъ дѣлѣ они вовсе не противорѣчатъ началамъ

изложеннымъ въ 1-мъ параграфѣ. Капиталь, который не употребляется собственникомъ на наемъ труда, а лишь безплодно сохраняется въ его рукахъ, все равно, что не существуетъ для работниковъ. Всякій капиталъ, въ зависимости отъ состоянія торговли бываетъ временами въ такомъ положеніи. Фабрикантъ, замѣчая, что спросъ на его продуктъ слабѣетъ, перестаетъ употреблять рабочихъ на увеличеніе запаса, сбытъ который ему будетъ затруднительно; если-же онъ продолжаетъ работать вплоть до той поры, когда весь его капиталъ воплощается въ непроданныхъ товарахъ, то во всякомъ случаѣ въ этотъ моментъ онъ долженъ пріостановиться, пока не распродастъ хоть какой нибудь части запаса. Но никто не надѣется, что любое изъ этихъ положеній останется навсегда; если бы такое предположеніе существовало, всякій хозяинъ, при первомъ-же удобномъ случаѣ, перевелъ-бы свой капиталъ въ другое дѣло, гдѣ онъ могъ-бы по прежнему давать занятіе труду. Капиталь остается безъ употребленія въ теченіи всего времени, пока рынокъ переполненъ и заработныя платы падаютъ. Вслѣдъ за тѣмъ спросъ оживаетъ, становясь можетъ быть даже необыкновенно сильнымъ, и это даетъ возможность фабриканту сбывать товары скорѣе, чѣмъ онъ производитъ ихъ. Въ этомъ случаѣ весь капиталъ приводится въ полное дѣйствіе и фабрикантъ, если можетъ, беретъ еще въ заемъ добавочный капиталъ, который безъ того пошелъ-бы на другое дѣло. Въ такое время заработныя платы въ его отрасли производства повышаются. Если мы сдѣлаемъ предположеніе, которое по существу

нельзя считать безусловно невозможнымъ, что одно изъ этихъ усиленій или застоевъ промышленности окажетъ вліяніе на всѣ роды труда въ одно и то-же время, то заработныя платы повсемѣстно могутъ подняться или упасть. Но всѣ эти колебанія, однако, дѣло временное. Капиталь, лежащій въ данный моментъ безъ употребленія, на слѣдующій годъ будетъ въ дѣятельномъ оборотѣ; другой капиталъ, который въ текущемъ году не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ спроса, въ будущемъ будетъ запертъ въ переполненномъ товарномъ складѣ; заработныя платы въ этихъ разныхъ отрасляхъ приложенія труда, будутъ колебаться подобно приливу и отливу. Но ничто не въ состояніи измѣнить общей нормы заработныхъ платъ безъ увеличенія или уменьшенія самого капитала (понимая подъ нимъ—всѣ виды фондовъ, предназначенныхъ на оплату труда) сравнительно съ количествомъ рабочихъ, предлагающихъ себя въ наемъ.

Обыкновенно думаютъ также, что высокія цѣны обусловливаютъ собой высокія заработныя платы и потому, что производители и купцы будучи при подобномъ положеніи въ лучшихъ дѣлахъ, могутъ платить больше и своимъ рабочимъ. Я уже сказалъ, что усиленный спросъ, вызывающій временное повышеніе цѣнъ, столь-же временно повышаетъ и платы. Но высокія цѣны сами по себѣ лишь въ томъ случаѣ повысятъ платы, ежели купцы, получая болѣе, приобрѣтутъ новое побужденіе къ сбереженіямъ и затѣмъ увеличатъ свой капиталъ, или по крайней мѣрѣ ту его долю, которая употребляется на покупку труда. Весьма

вѣроятно, что это произойдетъ, и если-бы высокія цѣны пришли какъ-бы съ неба или даже въ силу иностраннаго спроса, то рабочіе классы могли-бы получить выгоду не отъ самихъ высокихъ цѣнъ, но отъ увеличенія капитала, произведеннаго ими. Тоже послѣдствіе однако часто приписывается высокимъ цѣнамъ, которыя являются результатомъ ограничительныхъ законовъ и которыя такъ или иначе, но уплачиваются остальными членами общества, не имѣющими для ихъ оплаты большаго количества средствъ сравнительно съ прежнимъ. Высокія цѣны такого рода могутъ давать выгоды одному классу работниковъ только за счетъ другого, ибо купцы, получающіе повышенныя платы, могутъ, конечно, дѣлать больше сбереженій и другимъ образомъ увеличивать количество покупаемаго ими труда, но за то всѣ, оплачивающіе эти повышенныя платы, чувствуютъ соответствующее же уменьшеніе въ возможности сберечь или купить трудъ; какое изъ этихъ измѣненій произведетъ наибольшее вліаніе на рабочій рынокъ— это зависитъ отъ случая. Вѣроятно, что заработныя платы временно повысятся въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ цѣны возрасли, и нѣсколько понизятся въ другихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ первая половина явленія обращаетъ на себя вниманіе, тогда какъ вторая вообще упускается изъ виду, а если и замѣчается, то не объясняется причиной, которая въ дѣйствительности вызвала ее. Кромѣ того это одностороннее повышение заработныхъ платъ не будетъ длиться долго; ибо, хотя купцы въ какой нибудь отрасли и получаютъ больше, но отсюда еще не слѣдуетъ, что они могутъ

употреблять въ собственномъ дѣлѣ большее количество сбереженій. Ихъ возрастающій капиталъ вѣроятно направится въ другія отрасли труда и здѣсь уравниваетъ прежнее уменьшеніе въ спросѣ на трудъ, которое было вызвано сокращеніемъ сбереженій другихъ классовъ.

Часто утверждаютъ далѣе, что заработныя платы (т. е. конечно денежныя) видоизмѣняются соотвѣтственно съ цѣною пищи: возвышаются при ея увеличеніи и падаютъ при ея пониженіи. Такое мнѣніе, какъ мнѣ кажется, только отчасти справедливо; и на сколько оно правильно, на столько же оно отнюдь не противорѣчитъ зависимости заработныхъ платъ отъ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Цѣна пищи, когда она оказываетъ вліяніе на заработныя платы, дѣйствуетъ на нихъ черезъ этотъ законъ. Дороговизна или дешевизна пищи, вызываемая положеніемъ дѣлъ въ разные времена года, не оказываетъ вліяніе на платы, если они искусственно не приспособливаются къ этимъ переменамъ вмѣшательствомъ закона или благотворительности. Можно сказать, что эти перемены имѣютъ стремленіе дѣйствовать въ направленіи противоположномъ тому, которое обыкновенно предполагается. Въ періодъ недостатка люди вообще съ большей силой соперничаютъ другъ съ другомъ при подысканіи труда и такимъ образомъ оказываютъ понижательное вліяніе на цѣны рабочаго рынка. Дороговизна или дешевизна пищи, становясь явленіемъ постояннымъ и подлежащимъ предварительному исчисленію, можетъ оказывать вліяніе на платы. Во первыхъ, если рабочіе, какъ это часто бываетъ, не имѣютъ болѣе того, что достаточно

для сохраненія ихъ рабочей способности и на простое прокормленіе обыкновеннаго числа дѣтей, то отсюда слѣдуетъ, что при постоянномъ возвышеніи цѣны пища безъ соотвѣтствующаго возвышенія платы, значительное количество дѣтей преждевременно умретъ и такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ платы будутъ выше, но только потому, что число людей станетъ меньше, чѣмъ было-бы, если-бы пища оставалась дешевою. Но во вторыхъ, если даже заработныя платы будутъ достаточно высоки для того, чтобы допускать возможность возрастанія цѣны пища безъ соотвѣтствующаго лишенія рабочихъ и ихъ семействъ необходимаго къ существованію, если говоря физически питаніе ихъ могло-бы быть гораздо хуже, то быть можетъ рабочіе не согласятся на такое ухудшеніе. У нихъ могутъ быть привычки къ удобству, которыя стали уже необходимостью, и скорѣе чѣмъ отказаться отъ нихъ, они станутъ употреблять добавочное количество усилий для ограниченія своей способности къ размноженію; такимъ образомъ платы возрастутъ не отъ увеличенія смертности, а отъ уменьшенія рождаемости. Въ этихъ случаяхъ, платы приспособляются къ цѣнѣ пища, но не иначе, какъ въ періодъ времени, соотвѣтствующій почти поколѣнію. По мнѣнію Давида Рикардо, эти два случая охватываютъ собою и всѣ остальные. Онъ утверждаетъ, что повсемѣстно существуетъ минимальная норма платы, равняющаяся или низшей ея величинѣ, при которой возможно физическое существованіе населенія, или низшей, при которой только соглашается оно работать. Онъ утверждаетъ, что къ этому минимуму

постоянно стремится общаѣ норма платъ. Онъ полагаетъ, что платы никогда не могутъ быть ниже этой величины въ столь долгій срокъ, когда можетъ обнаруживаться вліяніе уменьшеннаго возрастанія населенія, но за то никогда не могутъ быть онѣ и выше. Въ этомъ утвержденіи заключается достаточно цѣнная истина, чтобы признать ее вѣрной для цѣлей абстрактной науки. Выводъ, который Рикардо дѣлаетъ изъ этого положенія, а именно, что заработныя платы растутъ и падаютъ въ зависимости отъ прочно установившагося повышенія или пониженія цѣны нищи вполне правитель гипотетически, какъ и почти все положенія Рикардо, т. е. при наличности предположеній, изъ которыхъ онъ исходитъ. Но необходимо отмѣтить, что минимумъ, о которомъ онъ говоритъ, въ особенности, если онъ опредѣляется не физическими, а нравственными причинами, въ приложеніи къ жизни весьма подверженъ измѣненіямъ. Если заработныя платы прежде были на столько высоки, что допускали пониженіе, противодѣйствіе которому заключалось въ привычкѣ рабочихъ къ высокому уровню житейскихъ удобствъ, то повышеніе цѣны нищи или всякое другое видоизмѣненіе обстоятельствъ въ неблагоприятную сторону можетъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: возвышеніе цѣны можетъ или уравниваться возвышеніемъ платъ, вызваннымъ черезъ постепенное дѣйствіе благоразумнаго воздержанія отъ размноженія; или же произвести прочное пониженіе въ условіяхъ жизни рабочаго класса, если его прежнія привычки по части размноженія дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ тѣ же привычки къ удобствамъ. Въ послѣднемъ случаѣ

вредъ, нанесенный рабочему классу, будетъ явленіемъ постояннымъ, и ухудшившіяся условія жизни станутъ новымъ минимумомъ, который будетъ стремиться увѣковѣчиться, какъ и прежній не столь низкій минимумъ. Весьма справедливо опасеніе, что изъ этихъ двухъ способовъ дѣйствія, послѣдній бываетъ явленіемъ наиболѣе частымъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдній способъ достаточно силенъ для того, чтобы всѣ утвержденія, настаивающія на возможности самоисправления бѣдствій, постигающихъ рабочій классъ, можно было признать не имѣющими значенія. Имѣется много фактовъ, доказывающихъ, что положеніе земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи претерпѣвало крупное и постоянное ухудшеніе отъ причинъ, вызывавшихъ пониженіе спроса на трудъ. Если-бы населеніе умѣло поддерживать свою численность на уровнѣ прежнихъ привычекъ къ условіямъ жизни, то такое ухудшеніе могло-бы имѣть только временный характеръ; къ несчастью бѣдность, въ которой пребывалъ этотъ классъ въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, заставила позабыть о прежнемъ образѣ жизни и слѣдующее поколѣніе, выросшее, не зная условій подобнаго комфорта, стало размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратиться къ прежнимъ условіямъ жизни.

Противоположный случай бываетъ тогда, если улучшениями въ земледѣліи отъ отмены хлѣбныхъ законовъ или отъ другихъ подобныхъ причинъ, средства къ существованію рабочихъ удешевляются и они получаютъ возможность за ту же плату покупать большее количество удобствъ, чѣмъ прежде. Заработныя платы не упадутъ немедленно, возможно

даже, что онъ возрастуть; но онъ упадутъ по крайней мѣрѣ лишь до такой нормы, что положеніе рабочихъ станетъ не лучше прежняго, если въ промежуточный періодъ благоприятнаго времени, не произойдетъ возвышенія въ условіяхъ жизни, которыя будутъ разсматриваться какъ нѣчто необходимое. Къ несчастью на подобное благодѣтельное послѣдствіе трудно разсчитывать; гораздо труднѣе повысить, чѣмъ понизить уровень условій жизни, который рабочіе разсматриваютъ какъ нѣчто болѣе необходимое, чѣмъ вступленіе въ бракъ и рожденіе дѣтей. Если рабочіе стануть пользоваться большимъ благосостояніемъ только до той поры, пока оно продолжается, но не научатся приобрѣтать его, то скоро они размножатся до прежней нормы и попадутъ въ прежнія условія жизни. Если въ виду бѣдности они прежде недостаточно кормили или плохо выкармливали своихъ дѣтей, то теперь они будутъ воспитывать большее количество дѣтей, а послѣднія, достигнувъ зрѣлаго возраста, понизятъ заработныя платы своимъ соперничествомъ на рабочемъ рынкѣ до нормы, соответствующей удешевленію пищи. Если подобное послѣдствіе не будетъ вызвано этимъ способомъ, то оно произойдетъ влѣдствіе болѣе раннихъ и многочисленныхъ браковъ или отъ увеличенія числа роженій отъ каждаго изъ нихъ. Всѣ данныя опыта свидѣтельствуютъ, что крупное увеличеніе числа браковъ неизмѣнно слѣдуетъ за періодами дешевизны пиши и полного употребленія рабочихъ силъ. Я поэтому не согласенъ признавать важнаго значенія за отмѣной хлѣбныхъ законовъ для благосостоянія рабочихъ, которое часто имъ приписывается. Я не

придаю также значенія ни одной изъ тѣхъ системъ, о которыхъ постоянно бываютъ толки и при помощи которыхъ желаютъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ. Все они оказываютъ на нихъ очень незначительное вліяніе, не производятъ прочнаго воздѣйствія на ихъ привычки и потребности и рабочіе скоро опускаются до прежняго положенія. Для того, чтобы доставить рабочимъ прочное улучшеніе, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть достаточно сильной для значительнаго видоизмѣненія въ условіяхъ ихъ жизни. Видоизмѣненіе должно давать себя знать въ теченіи многихъ лѣтъ и быть сильнѣе стимула къ размноженію населенія, который оно можетъ давать въ періодъ жизни одного поколѣнія. Если улучшеніе будетъ столь прочнаго характера, если такимъ образомъ вырастетъ новое поколѣніе, привыкшее къ лучшимъ условіямъ жизни, то лишь тогда привычки этого поколѣнія къ высшему минимуму укрѣнятся и улучшеніе въ условіяхъ жизни сдѣлается постояннымъ. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ подобнаго рода служить Франція послѣ революціи. Большинство населенія внезапно перешло отъ нищеты къ независимому и сравнительно благоприятному образу жизни; непосредственнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что населеніе, не смотря на разрушительныя войны этого періода, стало размножаться съ безпримѣрной быстротой; это отчасти происходило потому, что улучшившіяся условія давали возможность воспитывать большее число дѣтей, которыя раньше должны были умирать, а отчасти отъ увеличенія числа рожденій. Слѣдующее поколѣніе однако выросло съ значительно измѣненными привычками и хотя

Франція никогда не находилась въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ теперь, тѣмъ не менѣе годовичное число рожденій почти не возрастаетъ и увеличеніе населенія совершается чрезвычайно медленно.

Надлежащая задержка въ размноженіи населенія является единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе рабочихъ классовъ.

Заработныя платы такимъ образомъ зависятъ отъ отношенія между числомъ трудящагося населенія и размѣромъ капитала и другихъ фондовъ, употребляемыхъ на покуску труда (для краткости будемъ просто говорить: капиталъ). Если заработныя платы въ одномъ мѣстѣ выше, чѣмъ въ другомъ, если средства къ существованію и къ доставленію удобствъ рабочему сословію болѣе обильны, то это зависитъ только отъ той причины, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса не имѣетъ значенія абсолютная масса накопленія или производства. Такого значенія не имѣютъ даже средства, предназначенныя для раздачи рабочимъ. Для рабочихъ важно отношеніе между капиталомъ и количествомъ лицъ, между которымъ онъ раздѣляется. Положеніе рабочаго класса можетъ быть улучшено только черезъ измѣненіе этого отношенія къ ихъ выгодѣ; всякая система, стремящаяся улучшить положеніе рабочихъ, но не исходящая изъ этого основанія, составляетъ обольщеніе и не можетъ дать никакихъ прочныхъ результатовъ...

Къ несчастью, разсуждая относительно этого

предмета, люди скорѣе привыкли руководиться сентиментальностью, чѣмъ здравымъ смысломъ; растеть сочувствіе къ страданіямъ бѣдныхъ и готовность признавать ихъ права на добровольную помощь со стороны другихъ людей, но никто не хочетъ видѣть реальной причины ихъ бѣдствій. Никто не хочетъ обратить вниманія на условія, которыя по законамъ природы необходимы для улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Разсужденія объ условіяхъ жизни рабочихъ, сожалѣнія о ихъ бѣдственности, обвиненія, сынящіеся на всѣхъ, кто считается равнодушнымъ къ этому вопросу, прозвукы того или иного рода для улучшенія этихъ условій—нигдѣ и никогда въ цѣломъ мірѣ не было ихъ столько, какъ въ Англіи въ періодъ жизни настоящаго поколѣнія. Но при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ существуетъ какъ-бы молчаливое соглашеніе совершенно игнорировать законъ заработныхъ платъ, или желаніе отдѣлаться отъ него подобными фразами, какъ: „безжалостный мальтузіаниззмъ“. Какъ будто-бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе говорить людямъ, что они могутъ рождать множество существъ, которыя по всей вѣроятности будутъ несчастнѣйшими и почти навѣрно порочными; гораздо честнѣе говорить людямъ, что они не должны этого дѣлать. Забываютъ, что привычка, порицать которую считается жестокостью,—въ отцѣ составляетъ унизительное подчиненіе животнымъ инстинктамъ, а у матери въ большинствѣ случаевъ бываетъ безпомощной покорностью возмутительному злоупотребленію власти*).

*) Сравни ученіе Мальтуса въ изданіи той-же серии. Д. С. Милль впадѣтъ примыкаетъ къ этому ученію, но вводитъ въ него еще одно требованіе. Мальтусъ настаивалъ лишь на позднихъ бракахъ, Милль же

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О прибыляхъ.

Прибыль распадается на три части: процентъ, страховую премію и плату за управленіе.

Разсмотрѣвъ какую долю продукта получаетъ рабочій, мы теперь должны перейти къ долгу капиталиста, къ его прибыли на капиталъ или сбереженный запасъ. Другими словами, мы займемся изслѣдованіемъ пріобрѣтеній лица, которое дѣлаетъ затрату на издержки производства, т. е. выплачиваетъ изъ наличныхъ у него средствъ платы работниковъ или содержитъ ихъ въ періодъ труда, кто доставляетъ требуемыя для производства строенія, матеріалы, орудія или машины. Такому ка-

итъ главѣ 13-й говоритъ: «почти всѣ согласны, что человекъ можетъ откладывать моментъ наступленія въ бракъ и жить воздержанно до женитьбы. Но никому не приходитъ въ голову, что отъ воли состоящихъ въ бракъ зависить имѣть или не имѣть дѣтей, или имѣть известное количество ихъ». Затѣмъ слѣдуютъ главы 12, 13 и 14, описанныя въ восточномъ изданіи. Пр. пер. А. М.

капиталисту по обычнымъ условіямъ договора принадлежитъ продуктъ, которымъ онъ можетъ располагать по произволу. За покрытіемъ сдѣланныхъ имъ издержекъ у него обыкновенно остается избытокъ, который и составляетъ его прибыль, — чистый доходъ на капиталъ, который онъ можетъ употреблять на удовлетвореніе своихъ потребностей или удовольствій, или же путемъ дальнѣйшихъ сбереженій за счетъ его — умножать свое богатство.

Подобно тому, какъ заработныя платы служатъ вознагражденіемъ работника, такъ и прибыли, по прекрасному выраженію Сеніора, служатъ вознагражденіемъ за воздержаніе. Прибыли составляютъ тотъ барышъ, который получаетъ капиталистъ за то, что онъ отказался употребить свой капиталъ на собственныя надобности и предоставилъ производительнымъ работникамъ для удовлетворенія ихъ потребностей. За это воздержаніе онъ требуетъ вознагражденія. Очень часто онъ выигралъ-бы въ личномъ наслажденіи, растрчивая свой капиталъ, потому что этотъ послѣдній болѣе суммы прибылей, которыя онъ можетъ получить въ теченіи періода лѣтъ его вѣроятной жизни. Но, сохраняя свой капиталъ въ неприкосновенности, онъ всегда можетъ употребить его въ случаѣ желанія или надобности; онъ можетъ завѣщать капиталъ свой послѣ смерти другимъ, а до той поры можетъ получать отъ него доходъ, которымъ, не бѣднѣя, можетъ пользоваться для удовлетворенія своихъ потребностей и склонностей.

Изъ дохода, который владѣлецъ капитала можетъ получить, только одна часть, однако, является вознагражденіемъ за пользованіе капиталомъ; это

лишь та сумма его, которую всякое другое самостоятельное лицо согласится уплатить за ссуду капитала. Эта часть, какъ всякій знаетъ, называется процентомъ и она составляетъ все, что можетъ получить человѣкъ, воздерживаясь отъ непосредственнаго потребленія своего капитала и отдавая его въ пользованіе для производительныхъ цѣлей. Вознагражденіе, получаемое въ странѣ за простое воздержаніе, измѣряется обычнымъ уровнемъ процента подъ наиболѣе вѣрное обезпеченіе, т.-е. подъ такое обезпеченіе, при которомъ нѣтъ никакихъ оснований ожидать потери капитала. Выгода, которую надѣется получить человѣкъ, лично завѣдывающій употребленіемъ своего капитала, всегда больше и вообще значительно больше, чѣмъ процентъ. Уровень прибыли всегда значительно выше уровня процента. Часть избытка служитъ вознагражденіемъ за рискъ. Отдавая капиталъ въ ссуду подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе, капиталистъ мало или почти совсѣмъ не подвергается риску. Тогда какъ, принимая дѣло за свой собственный счетъ, онъ подвергаетъ свой капиталъ нѣкоторымъ, а во многихъ случаяхъ, и весьма большимъ опасностямъ полной или частичной утраты. Онъ долженъ получить вознагражденіе за эту опасность, иначе онъ не захочетъ подвергнуться ей. Точно также онъ долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ и время. Напоръ за ходомъ промысла обыкновенно принадлежитъ лицу, которое доставляетъ все или значительную долю средствъ, посвященныхъ на дѣло, и которое по обыкновенному порядку дѣль или исключительно, или главнымъ образомъ прямо заинтересовано въ результатахъ. Для выполненія

этого надзора съ усѣхомъ, въ особенности въ крупномъ и сложномъ дѣлѣ, требуется большое усердіе, а часто и искусство не изъ обыкновенныхъ. За это усердіе и искусство вознагражденіе также должно быть получено.

Валовая прибыль отъ капитала, доходъ полученный тѣми, кто доставляетъ потребныя средства производства, должна быть достаточна для уплаты этихъ трехъ вознагражденій. Прибыль должна дать вознагражденіе за воздержаніе, за рискъ и за трудъ и искусство, потребныя для управленія. Вознагражденіе можетъ достаться или одному лицу или нѣсколькимъ. Весь капиталъ, или часть его, можетъ быть полученъ въ кредитъ, принадлежать лицу, не принимающему на себя ни риска, ни заботъ по веденію дѣла. Въ этомъ случаѣ вѣритель или собственникъ является лицомъ, совершающимъ воздержаніе; онъ получаетъ вознагражденіе въ видѣ процента, а разница между процентомъ и валовой прибылью вознаграждаетъ трудъ и рискъ предпринимателя. Иногда весь капиталъ или часть его доставляется такъ называемымъ „спящимъ участникомъ“ (sleeping partner), (т. е. занимающимся веденіемъ дѣла), который несетъ рискъ дѣла, но не трудъ и хлопоты, вызываемыя имъ и который, благодаря этому, получаетъ не только проценты, но и нѣкоторую условленную долю валовой прибыли. Иногда капиталъ доставляется тѣмъ же лицомъ, которое принимаетъ на себя весь рискъ и отъ имени котораго и ведется все дѣло, но хлопоты, связанныя съ управленіемъ поручаются другому лицу, которое получаетъ за это определенное жалованье. Вошло въ пословицу однако,

какъ небрежно управленіе при посредствѣ наемныхъ служащихъ, не имѣющихъ другого интереса въ дѣлѣ, кромѣ сохраненія своего жалованья, если надъ ними не стоитъ надзирающее око или контролирующая рука лица, непосредственно заинтересованнаго. Благоразуміе почти всегда внушаетъ давать управителю, неподчиненному контролю, вознагражденіе, которое отчасти зависитъ отъ прибылей; въ подобномъ случаѣ организація дѣла сходна съ той, которая имѣется при незанимающемся дѣломъ партнерѣ. Или, наконецъ, лицо можетъ обладать капиталомъ и вести дѣло лично, прибавляя, если можетъ или желаетъ къ своему капиталу средства тѣхъ собственниковъ, которые склонны довѣрять ему. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ же три обстоятельства требуютъ вознагражденія и должны получить его изъ валовой прибыли: воздержаніе, рискъ, управленіе. А соотвѣтственно этому и тѣ три части, на которыя распадается прибыль, могутъ быть названы: процентомъ, страховой преміей, платой за управленіе.

Наименьшая величина прибыли, на какой она можетъ долго держаться, есть та, которая даетъ только достаточное на данномъ мѣстѣ и въ данное время вознагражденіе за воздержаніе, рискъ и труды по употребленію капитала. Минимумъ прибыли однако величина чрезвычайно измѣнчивая и стоитъ въ зависимости отъ дѣятельнаго стремленія къ накопленію, которое весьма различно проявляется при разныхъ состояніяхъ общества и въ разные эпохи цивилизованной жизни. Обезпеченность собственности оказываетъ большое вліяніе на уровень прибыли. Вознагражденіе за капиталъ въ различ-

ныхъ занятіяхъ видоизмѣняется значительно болѣе, чѣмъ вознагражденіе за трудъ въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ занятіе болѣе привлекательнымъ или непривлекательнымъ. Прибыли, напримѣръ, розничнаго торговца на затраченный капиталъ выше той, которую получаютъ оптовые торговцы или фабриканты. Одной изъ причинъ этого является то обстоятельство, что розничная торговля разсматривается какъ дѣло менѣ почетное. Но главная разница въ вознагражденіи производится неравенствомъ риска. Прибыль фабриканта пороха должна быть значительно выше средней нормы, чтобы вознаградить его за особенный рискъ, которому онъ и его собственность постоянно подвергаются. Но если, какъ напримѣръ въ мореплаваніи особая рискованность дѣла можетъ быть возмѣщена и обыкновенно возмѣщается определеннымъ платежомъ, то страховая премія дѣлается правильной статьей издержекъ производства; вознагражденіе, получаемое собственникомъ судна или груза за этотъ платежъ, не входитъ въ счетъ его прибылей, а включается въ расходы, сдѣланные имъ изъ капитала. Доля валовой прибыли, которая составляетъ вознагражденіе за трудъ и искусство управителя, также весьма различна въ разныхъ занятіяхъ. Нѣкоторыя занятія требуютъ значительнаго научнаго или техническаго приготовленія и могутъ быть только въ рукахъ лицъ, которыя соединяютъ съ знаніемъ значительный капиталъ. Таковы занятія инженеровъ и машиностроителей и онѣ всегда бываютъ самыми прибыльными. Подобную же разницу въ прибыли на капиталъ производить всѣ естественныя монополіи,

производимыя не закономъ, а обстоятельствами и порождающія или усиливающія неравенства въ вознагражденіи за разные роды труда. Напримѣръ, въ промыслахъ, требующихъ большаго капитала или сосредоточивающихся въ очень немногихъ рукахъ, прибыль можетъ быть выше обыкновенной и поддерживаться на этой нормѣ стачкою торговцевъ или производителей.

Прибыль стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ.

Когда мы сдѣлаемъ надлежащую поправку и исключимъ вліяніе разнообразныхъ причинъ, производящихъ неравенство въ уровнѣ прибыли, а именно неравенства, зависящаго отъ рискованности, привлекательности разныхъ занятій, естественныхъ и искусственныхъ монополій, то можно утверждать, что уровень прибыли на капиталъ во всѣхъ занятіяхъ стремится къ равенству. Всѣ политико-экономы обыкновенно признаютъ правильность этого положенія и съ извѣстными объясненіями оно дѣйствительно истинно. Та доля прибыли, которая составляетъ процентъ и служитъ настоящимъ вознагражденіемъ за воздержаніе, буквально одна и та-же на данномъ мѣстѣ и въ данное время, какой-бы ни былъ родъ дѣла. Уровень процента при одинаковой вѣрности обезпеченія не находится въ зависимости отъ того назначенія, которое дается капиталу, но сильно измѣняется время отъ времени, смотря по положенію рынка. Нѣтъ занятія, гдѣ-бы при современномъ положеніи промышленности соперничество оказывало болѣе сильное и

непрестанное вліяніе, какъ въ промыслѣ займа денегъ и ссудъ. Всѣ торговые люди бывають по временамъ, а многіе изъ нихъ и постоянно, должниками; всѣ люди, не занимающіе промышленностію, но владѣющіе деньгами, бывають заимодавцами. Посредникомъ между этими обширными классами служить многочисленный, смѣлый и зоркій классъ банкировъ, маклеровъ, дисконтеровъ и друг. Они подмѣчаютъ малѣйшую вѣроятность наживы. Мельчайшее обстоятельство, или самое мимолетное впечатлѣніе на публику, могущее повести къ увеличенію или къ уменьшенію спроса на займы, въ настоящемъ или будущемъ, немедленно отражается на уровнѣ процента. Въ общихъ условіяхъ веденія торговли всегда имѣются обстоятельства, стремящіеся вызвать различіе въ спросѣ. Иногда эти различія бывають столь сильны, что процентъ подъ самыя лучшіе торговые векселя колеблется, какъ извѣстно, въ продолженіи одного года въ предѣлахъ 4—8 и 9% и, это безъ наличности какого нибудь крупнаго потрясенія, именуемаго торговымъ кризисомъ. Но въ данное время и на данномъ мѣстѣ процентъ совершенно одинаковъ для всѣхъ лицъ, могущихъ представить обезпеченіе равнаго достоинства. Рыночный уровень процента во всякое время составляетъ величину извѣстную и определенную.

Совершенно другое слѣдуетъ сказать о валовой прибыли, которая, хотя (какъ увидимъ ниже) и не различается сильно въ разныхъ занятіяхъ, но существенно видоизмѣняется у разныхъ людей и едва ли бываеть одинаковой даже у двухъ изъ нихъ. Она зависитъ отъ знанія, талантовъ, бережливости и

энергія самаго капиталиста и его служащихъ; она зависитъ не только отъ случайныхъ личныхъ связей, но даже отъ удачи. Врядъ-ли два торговца въ одномъ и томъ-же промыслѣ, даже въ томъ случаѣ, если ихъ товары одинаково доброкачественны и дешевы, ведутъ свое дѣло съ одинаковыми издержками и оборачиваютъ капиталъ въ одно и то-же время. Утвержденіе, что равные капиталы приносятъ равную прибыль, высказанное въ качествѣ общей торговой истины, будетъ столь-же ложно, какъ и то, которое гласитъ, будто равный возрастъ или ростъ создаютъ одинаковую физическую силу или что одинаковое чтеніе и опыты даютъ равное знаніе. Результатъ зависитъ не отъ одного изъ указанныхъ условій, а отъ двадцати другихъ.

Но, не смотря на такое колебаніе прибылей, равенство ихъ въ разныхъ занятіяхъ, при отсутствіи какихъ-бы то ни было естественныхъ или искусственныхъ монополій, поддерживается и это имѣетъ нѣкоторое опредѣленное и важное значеніе. Въ среднемъ (каковы-бы ни были случайныя колебанія) разныя употребленія капитала находятся другъ къ другу въ такомъ отношеніи, которое обуславливаетъ собою не равныя прибыли, но, для лицъ среднихъ способностей и преимуществъ—равныя шансы на полученіе прибыли. Подъ равной прибылью я разумѣю такой ея размѣръ, при которомъ уже дано вознагражденіе за особую неприятность или рискованность дѣла. Если-бы обстоятельства слагались иначе, если-бы по указаніямъ опыта, для всѣхъ очевиднымъ, существовали промыслы съ бѣльшими шансами на денежный успѣхъ сравнительно съ другими, то многія лица стали-бы

вкладывать свой капиталъ въ это дѣло, или причать къ веденію его своихъ сыновей. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ во всякомъ дѣлѣ, которое подобно инженерному въ настоящее время или всякому вновь возникающему и развивающемуся дѣлу, считающемуся подающимъ надежды и выгоднымъ. Если, напротивъ, дѣло не считается выгоднымъ, если шансы на прибыль въ немъ считаются менѣе вѣрными, то капиталъ постепенно уходитъ изъ этого дѣла или по крайней мѣрѣ въ него не вкладываются новые капиталы. Этимъ видоизмѣненіемъ въ распредѣленіи капитала между болѣе или менѣе прибыльными занятіями устанавливается нѣчто въ родѣ равновѣсія. Надежды на прибыль, поэтому, въ разныхъ занятіяхъ не могутъ на долгое время различаться; онѣ стремятся къ нѣкоторой средней, хотя по общему правилу и колеблятся то въ одну, то въ другую сторону отъ нея.

Этотъ уравнивающий процессъ, обыкновенно называемый перенесеніемъ капитала изъ одного занятія въ другое, не слѣдуетъ считать, какъ это часто дѣлаютъ, процессомъ необходимо тяжелымъ, медленнымъ и почти неисполнимымъ. Прежде всего, онъ не всегда требуетъ фактическаго перемѣщенія капитала, уже затраченнаго въ дѣлѣ. При быстро развивающейся капитализаціи равновѣсіе часто устанавливается тѣмъ, что новыя ежегодныя накопленія предпочтительно употребляются на болѣе выгодные промыслы. Даже, когда фактическое перенесеніе капитала является необходимостью, то отсюда еще не слѣдуетъ, что занятія въ невыгодномъ дѣлѣ должны оставить его и разрушить

свое предпріятіе. Равновѣсіе устанавливается при посредствѣ тѣхъ многочисленныхъ и многообразныхъ способовъ кредита, при помощи которыхъ незанятой капиталъ у коммерческихъ націй разливается на рынкѣ, стремясь въ большемъ изобиліи туда, гдѣ уровень ниже. Процессъ этотъ сводится къ тому, что какой нибудь классъ продавцевъ или производителей ограничиваетъ, а другой расширяетъ размѣръ операций, которыя ведутся на заемный капиталъ. Едва-ли найдется какой нибудь значительный торговецъ или производитель, который ограничивалъ-бы размѣръ своего дѣла наличностью собственныхъ средствъ. Если дѣло идетъ хорошо, онъ не только пользуется всѣмъ своимъ капиталомъ, но и пускаетъ въ дѣло и весь кредитъ, который доставляетъ ему этотъ капиталъ. Если-же вслѣдствіе перепроизводства или какого нибудь уменьшенія въ спросѣ на его товаръ, онъ замѣчаетъ, что продажа идетъ медленно и платитъ болѣе низкую цѣну, то онъ сокращаетъ свои операции, перестаетъ обращаться къ банкиру или другимъ денежнымъ людямъ за возобновленіемъ ихъ ссудъ въ той-же нормѣ, какъ и прежде. Развивающееся дѣло, напротивъ, даетъ надежду на выгодное употребленіе въ немъ большого оборотнаго капитала сравнительно съ прежнимъ и занятые въ немъ обращаются къ денежнымъ людямъ за большими ссудами, которыя и получаютъ безъ затрудненій въ силу своихъ улучшившихся обстоятельствъ. Видоизмѣненіе въ распредѣленіи оборотнаго капитала между двумя занятіями, имѣетъ то-же вліяніе на установленіе равенствъ въ прибыли, какъ и перенесеніе собственниками рав-

ной суммы капитала изъ одного промысла въ другой. Этотъ легкій и самопроизвольный способъ соразмѣренія производства со спросомъ вполне достаточенъ для исправленія неравенствъ, протекающихъ изъ колебаній въ ходѣ торговли и другихъ обыкновенныхъ причинъ. Если промыселъ совершенно падаетъ, если необходимо не только видоизмѣнить временно производство, но крупно или прочно уменьшить его или даже, быть можетъ, приостановить совершенно, то безъ сомнѣнія процессъ извлеченія капитала бываетъ медленъ, труденъ и почти всегда сопровождается серьезными потерями. Значительная доля капитала въ машинахъ, строенияхъ и прочныхъ затратахъ или совершенно не пригодна для другихъ цѣлей или можетъ быть приспособлена къ нимъ только послѣ дорого стоящихъ видоизмѣненій. Рѣдко дается время на производство этихъ видоизмѣненій такъ, чтобы потери были наименьшія. т. е. простымъ невозобновленіемъ основного капитала, который износился. Кромѣ того, полная перемѣна въ назначеніи капитала сопровождается со столь крупными жертвованіями въ установившихся промышленныхъ связяхъ, въ приобрѣтенномъ искусствѣ и опытности, что люди всегда очень не скоро рѣшаются на нее и врядъ-ли принимаютъ подобное рѣшеніе ранѣе того времени, когда измѣненіе въ положеніи становится дѣломъ совершенно безнадежнымъ. Но такіе случаи являются очевиднымъ исключеніемъ и даже въ нихъ въ концѣ концовъ равновѣсіе устанавливается. Часто бываетъ также, что возвратъ къ равновѣсію совершается весьма медленно и это бываетъ тог-

да, если раиѣе, чѣмъ успѣло устраниться одно неравенство, уже возникаетъ другое. Подобное явленіе, какъ утверждаютъ, постоянно имѣло мѣсто въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ въ производствѣ хлопка въ Южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Товаръ (хлопокъ) держался въ цѣнѣ, которая по существу была монополюной, ибо увеличеніе спроса вслѣдствіе постепеннаго улучшенія въ хлопчатобумажной фабрикаціи развивалось съ быстротою, которая превосходила всяческія ожиданія; благодаря этому въ теченіи многихъ лѣтъ снабженіе не могло никогда вполнѣ покрывать спроса. Но не часто бываетъ подобное совпаденіе нарушающихъ причинъ, дѣйствующихъ при томъ въ одномъ направленіи и почти безъ перерыва. Гдѣ цѣтъ монополія, тамъ прибыли иногда выше, иногда ниже обычнаго уровня, но онѣ всегда стремятся возвратиться къ нему подобно колебаніямъ маятника.

Такимъ образомъ, если прибыль и бываетъ вообще весьма различна для отдѣльныхъ лицъ и для тѣхъ-же лицъ въ разные годы, то не можетъ существовать большаго различія въ одно и то-же время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ въ среднихъ прибыляхъ различныхъ занятій. Само собой разумѣется, что мы не принимаемъ здѣсь во вниманіе разницы для уравновѣшиванія различій въ привлекательности разныхъ промысловъ. Неравенство въ прибыляхъ можетъ существовать только въ небольшіе промежутки времени, или при какомъ нибудь крупномъ переворотѣ въ нѣкоторой отрасли промышленности. Если и существуетъ иногда распространенное убѣжденіе, что нѣкоторые роды промысловъ выгоднѣе, и это зависитъ не отъ моно-

полій, или отъ рѣдко встрѣчающагося совпаденія обстоятельствъ, которыя были указаны выше относительно хлопкового промысла, то по всей вѣроятности такое убѣжденіе ошибочно. Если бы его раздѣляли люди, имѣющіе наибольшее количество средствъ, знаній и поводовъ узнавать истинное положеніе дѣлъ, то въ эту отрасль промышленности произошелъ такой наплывъ капитала, который понизилъ-бы прибыль до обычнаго уровня. Справедливо, что для лицъ съ одинаковымъ запасомъ первоначальныхъ средствъ часто бываетъ легче составить себѣ состояніе въ одномъ дѣлѣ, чѣмъ въ другомъ. Но можно убѣдиться также въ томъ, что въ тѣхъ-же промыслахъ банкротства происходятъ гораздо чаще и что шансы большого успѣха балансируются большей вѣроятностью полнаго крушенія. Очень часто такіе шансы балансируются даже съ избыткомъ. Мы уже замѣчали въ другомъ случаѣ, что возможность получить большую цѣну, дѣйствуетъ съ большей силой и привлекаетъ спекуляторовъ болѣе, чѣмъ въ арифметической пропорціи. Я не сомнѣваюсь, что среднія выгоды въ промыслѣ, въ которомъ можно составить себѣ большое состояніе, меньше чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ выгоды ниже, но сравнительно вѣрнѣе, и въ которыхъ въ конечномъ результатѣ нельзя рассчитывать ни на что болѣе, какъ на простую состоятельность...

Въ подобныхъ промыслахъ многое зависитъ отъ національнаго характера, отъ склонности людей къ риску или, какъ выражаются, порицатели этого свойства, отъ склонности къ азарту и спекуляціи. Эта склонность сильнѣе развита въ Со-

единенныхъ Штатахъ чѣмъ въ Великобритани, а въ послѣдней сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ континента. Въ нѣкоторыхъ изъ континентальныхъ странъ господствуетъ противоположная наклонность и дѣла безопасныя и спокойныя вѣроятно приносятъ менѣе средней прибыли на капиталъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ имѣется возможность большихъ выигрышей при сравнительно большемъ рискѣ.

Не слѣдуетъ однако забывать, что даже въ странахъ съ наиболѣе развитымъ соперничествомъ обычай также имѣеть серьезное вліяніе на опредѣленіе уровня прибыли въ промыслѣ. Такъ, въ одной изъ предшествовавшихъ главъ *), мы говорили, что соперничество имѣеть слабое вліяніе на розничныя цѣны, а потому и доля общаго продукта земли и труда страны, которая поглощается вознагражденіемъ простыхъ распредѣлителей товара, продолжаетъ быть чрезмѣрной. И въ хозяйствѣ народа нѣтъ ни одной функціи, которая содержала бы число лицъ, столь несоотвѣтствующее количеству выполняемой работы.

Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не составляетъ результата покупокъ и продажъ.

Предшествующія замѣчанія, надѣюсь, разъяснили, что слѣдуетъ понимать подъ общеупотребительной фразой: обычный уровень прибыли, а также и то, въ какомъ смыслѣ и съ какими ограниченіями въ дѣйствительности существуетъ такая прибыль. Въ

*) См. выше книга II, глава 4-я.

настоящее время остается разсмотрѣть, какими причинами опредѣляется величина прибыли.

По распространенному представленію прибыли зависятъ отъ цѣны. Производитель или торговецъ, какъ кажется, получаетъ прибыль, продавая свой товаръ за большую цѣну, чѣмъ какую онъ стоитъ ему. Прибыль, какъ привыкли думать люди, является вполнѣ результатомъ или послѣдствіемъ купли и продажи. Но ихъ предположенію производитель можетъ только потому приобрѣтать прибыль, что имѣются покупщики на его товаръ. Спросъ—покупатели—рынокъ для товара—вотъ что служитъ необходимымъ условіемъ приобрѣтенія прибыли для капиталиста. Только продажей своихъ товаровъ они возмѣщаютъ свой капиталъ и достигаютъ его приращенія.

Такой взглядъ, однако, скользитъ лишь по поверхности экономической организаціи общества. Ни въ какомъ случаѣ мы не найдемъ, что только деньги, переходящія изъ однихъ рукъ въ другія, составляютъ сущность любого экономического явленія. Если мы присмотримся ближе къ операціямъ производителя, то убѣдимся, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, отнюдь не служатъ причиной полученія прибыли, а только тѣмъ способомъ, при помощи котораго эта прибыль ему выплачивается.

Причиной прибыли служитъ то обстоятельство, что трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія*). Земледѣльческій капиталъ приноситъ прибыль потому, что человѣкъ мо-

*) Курзивъ переводчика А. М.

жесть вырастить болѣе пища, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія, пока эта пища растетъ, пока приготавливаются потребныя орудія и совершаются необходимыя предварительныя работы. Отсюда слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить рабочихъ на условіяхъ принадлежности продукта ему, то онъ получитъ еще нѣкоторый избытокъ кромѣ надлежащаго вознагражденія за свой капиталъ. Тоже положеніе въ другой формѣ можетъ быть выражено такъ: капиталъ приноситъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія служатъ человѣку болѣе времени, чѣмъ сколько требуется на ихъ производство; такимъ образомъ, если капиталистъ снабжаетъ нѣкоторое число рабочихъ всѣми этими продуктами, но подъ условіемъ, что все, что они произведутъ, будетъ принадлежать ему, то эти рабочіе часть своего времени употребятъ на воспроизведеніе предметовъ для собственной необходимости и орудій, а другую, остальную часть своего времени будутъ работать на капиталиста. Мы видимъ, что прибыль происходитъ не отъ случайности обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общій размѣръ прибылей въ странѣ всегда зависитъ отъ производительной силы труда и для него безразлично, имѣетъ ли обмѣнъ мѣсто или нѣтъ. Если бы не было раздѣленія занятій, то не существовало бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны общимъ своимъ трудомъ производятъ на 20% больше своихъ заработныхъ платъ, то и прибыль будетъ въ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайности въ колебаніи цѣнъ могутъ давать временно одному рааря-

ду производителей болѣе 20%, другому менѣе; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ продается выше или ниже своей естественной цѣны и длится до тѣхъ поръ, пока цѣны не придутъ къ своему среднему уровню. Но въ общей сложности при взятомъ предположеніи, производители всегда будутъ получать ровно 20% въ качествѣ прибыли. Перехожу къ болѣе подробному развитію этихъ вкратцѣ изложенныхъ соображеній.

Затраты капиталиста въ конечномъ результатѣ заключаются въ платежѣ заработныхъ платъ.

Я предполагаю исключительное господство такого положенія вещей, при которомъ, за малыми исключениями, работники и капиталисты составляютъ разные классы; капиталисты несутъ все предварительныя издержки, включая сюда и полное вознагражденіе за трудъ работниковъ. Но существу дѣла въ этомъ нѣтъ безусловной необходимости; работникъ можетъ ждать до полного окончанія производства всю ту часть заработной платы, которая превосходитъ размѣръ необходимаго; онъ можетъ ждать даже полученія всей платы, если имѣетъ средства, достаточныя для того, чтобы прожить до окончанія производства. Но въ послѣднемъ случаѣ работникъ въ сущности становится до нѣкоторой степени капиталистомъ, влагающимъ капиталъ въ предпріятіе, для веденія котораго онъ даетъ часть необходимыхъ средствъ. Даже въ первомъ случаѣ можно смотрѣть на него какъ на капиталиста, ибо въ этомъ случаѣ онъ продаетъ свой

трудъ менѣе чѣмъ по рыночной цѣнѣ и на него можно смотрѣть какъ на человека, который даетъ ссуду предпринимателю и получаетъ возвратъ изъ продукта предпріятія съ процентами, вычисленными по какому нибудь условію.

Капиталистъ такимъ образомъ, по нашему предположенію, дѣлаетъ все затраты и получаетъ весь продуктъ. Его прибыль заключается въ избыткѣ продукта надъ затратами; норма прибыли является отношеніемъ этого избытка ко всей затраченной суммѣ. Но въ чемъ же состоятъ его затраты?

Пока намъ необходимо предположить, что капиталистъ не платитъ ренты, т. е. не покупаетъ пользования ни одного изъ обращенныхъ въ собственность естественныхъ дѣятелей. На самомъ дѣлѣ едва-ли такое предположеніе вполне справедливо. Капиталистъ-земледѣлецъ всегда или почти всегда платитъ ренту, если не является собственникомъ земли, которую обрабатываетъ. Даже въ фабричной промышленности всегда уплачивается рента. Она платится за мѣсто, занимаемое фабрикою, а въ той или иной стадіи производства навѣрно уплачена рента и за потребляемые матеріалы. До сихъ поръ мы не принимали во вниманіе значеніе ренты; впоследствии мы увидимъ, что не совершили, при обсужденіи настоящаго вопроса, никакой фактической ошибки, совершенно игнорируя существованіе ренты.

Если такимъ образомъ, оставивъ ренту въ сторонѣ, мы станемъ изслѣдовать въ чемъ заключаются затраты капиталиста въ цѣляхъ производства, то окажется, что онѣ состоятъ изъ заработныхъ платъ.

Значительная доля затрат всякаго капиталиста заключается въ прямомъ платежѣ заработныхъ платъ. Все остальное идетъ на матеріалы и орудія, включая сюда и строения. Но матеріалы и орудія произведены трудомъ; а такъ какъ нашъ капиталистъ служитъ представителемъ не единичнаго предиріятія, а какъ бы типомъ производительной промышленности всей страны, то мы можемъ допустить, что онъ производитъ самъ свои орудія и добываетъ свои матеріалы. Онъ достигаетъ этого при помощи предварительныхъ затратъ, которыя опять таки заключаются всецѣло въ платахъ. Предполагая, что онъ не производитъ, а покупаетъ свои орудія и матеріалы, мы темъ самымъ ни сколько не измѣнимъ обстоятельствъ дѣла, ибо тогда онъ только оплачиваетъ предшествовавшему производителю заработныя платы, которыя тотъ ранѣе затратилъ. Совершенно справедливо, что онъ выплачиваетъ эту плату съ прибылью и еслибы онъ самъ производилъ эти вещи, онъ самъ долженъ былъ бы получать прибыль на всю сумму своихъ затратъ, также какъ и всякій другой производитель. Фактъ однако остается фактомъ и можно сказать, что въ теченіе всего процесса производства, начинающагося съ изготовленія матеріаловъ и орудій и заключающагося полнымъ производствомъ продукта, все затраты капиталиста заключаются лишь въ заработныхъ платахъ; при этомъ нѣкоторые капиталисты, участвовавшіе въ производствѣ, получали свою долю прибыли до окончанія всей операнціи и это было сдѣлано въ видахъ общаго удобства. Все въ окончательномъ продуктѣ, что не составляетъ прибыли, служитъ вознагражденіемъ за выплаченныя заработныя платы.

Норма прибыли зависит от стоимости труда.

Отсюда слѣдуетъ, что барыши капиталиста, зависятъ отъ двухъ, и только отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ размѣра полученнаго продукта или, другими словами, отъ производительной силы труда, и во вторыхъ—отъ доли продукта, получаемой самими работниками, т.-е. отъ отношенія, существующаго между вознагражденіемъ работниковъ и полною массою произведеннаго продукта. Эти два элемента составляютъ данныя для опредѣленія общей массы, раздѣляемой какъ прибыль между капиталистами всей страны. Но норма прибыли, процентное отношеніе ея къ капиталу, зависитъ только отъ второго изъ этихъ двухъ элементовъ, отъ того, какую долю продукта получаетъ рабочій, но не отъ общей массы продукта. Еслибы продуктъ труда удвоился, а рабочіе получали бы ту же пропорціональную долю его какъ и прежде, т.-е. если бы ихъ вознагражденіе также удвоилось, то капиталисты, конечно, также получали бы вдвое; но такъ какъ ихъ затраты одновременно же возрасли вдвое, то норма прибыли останется безъ измѣненія.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому же выводу какъ Рикардо и другіе, которые утверждаютъ, что норма прибыли зависитъ отъ заработныхъ платъ и падаетъ съ ихъ возрастаніемъ, повышается съ ихъ пониженіемъ. Принимая это ученіе, я буду однако настаивать на безусловной необходимости внести измѣненіе въ ея формулировку. Въсто

того, чтобы говорить, прибыль зависит от заработной платы: скажемъ, она зависит от стоимости труда. Такъ именно и думалъ Рикардо.

Рабочая плата и стоимость труда—то, что получаетъ работникъ за трудъ, и то, что стоитъ этотъ трудъ капиталисту, эти два понятія совершенно различныя и помнить это весьма важно. А потому, чтобы не смѣшивать ихъ, не слѣдуетъ обозначать ихъ однимъ терминомъ, какъ это дѣлаютъ почти всегда. Въ устныхъ и печатныхъ преніяхъ на заработную плату смотрятъ гораздо чаще съ точки зрѣнія платящихъ, а не получающихъ. Постоянно говорятъ о высокихъ и низкихъ платахъ, подразумѣвая подъ этимъ высокую или низкую стоимость труда. Въ большинствѣ случаевъ было бы правильнѣе выражаться какъ разъ наоборотъ: стоимость труда часто наивысшая при низшей заработной платѣ. Это можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, дешевый трудъ можетъ быть непродуцителенъ. Ни въ одной странѣ заработныя платы не стоятъ или по крайней мѣрѣ не стояли на столь низкой нормѣ, какъ въ Ирландіи. Вознагражденіе за трудъ земледѣльческаго работника Запада Ирландіи не поднимается выше половины самой низкой платы Дорсетширскаго работника въ Англіи. Но если въ силу меньшаго искусства и усердія, Ирландецъ въ два дня не выполнитъ столько работы, сколько Англичанинъ въ день, то трудъ Ирландца стоитъ столько-же, какъ и трудъ Англичанина, хотя и приноситъ первому вдвое менше. Прибыль капиталиста опредѣляется первымъ изъ этихъ обстоятельствъ, а не вторымъ. Что это различіе дѣйствительно объясняется производительностью труда,

это доказывается не только обильными свидетельствами, но и тѣмъ фактомъ, что несмотря на низкій уровень заработныхъ платъ, прибыль на капиталъ никогда не считалась выше въ Ирландіи сравнительно съ Англіей.

Другая, причина, вслѣдствіе которой заработная плата не можетъ служить мѣрою труда, лежитъ въ измѣнчивой стоимости продуктовъ, потребляемыхъ работникомъ. Если они дешевы, то заработная плата въ томъ смыслѣ, какой важенъ для работниковъ, можетъ быть высока, а между тѣмъ стоимость труда можетъ быть низкой. Если они дороги, то работникъ можетъ находиться въ очень плохомъ положеніи и въ то же время его трудъ стоитъ очень дорого и капиталисту. Въ такомъ положеніи находится страна съ чрезмѣрнымъ населеніемъ сравнительно съ паличной у ней землей; въ ней пища дорога и ничтожность реального вознагражденія работника не препятствуетъ тому, что трудъ стоитъ дорого покупателю; отсюда низкія платы и низкія прибыли—явленіе сосуществующее. Противуположный случай имѣетъ мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Работники тамъ пользуется большими удобствами, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ новыхъ колоній; но благодаря дешевизнѣ, съ которой эти удобства могутъ быть получаемы, а также необыкновенной производительности труда, стоимость труда не выше, а норма прибыли не ниже, чѣмъ въ Европѣ.

Стоимость труда скажемъ, выражаюсь математическимъ языкомъ, является функцией трехъ измѣняемыхъ: производительности труда, заработной

платы, подразумевая подъ этимъ реальное вознагражденіе рабочаго, и большей или меньшей стоимости, по которой предметы, составляющіе реальное вознагражденіе рабочаго, могутъ быть произведены или доставлены. Ясно, что стоимость труда для капиталиста должна стоять въ зависимости отъ этихъ трехъ обстоятельствъ, но не отъ другихъ. Они же слѣдовательно опредѣляютъ и норму прибыли. И послѣдняя можетъ зависѣть только отъ нихъ. Если бы трудъ сдѣлался повсемѣстно болѣе производительнымъ, не получая при этомъ большаго вознагражденія; или еслибы, сдѣлавшись менѣе производительнымъ, вознагражденіе упало, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не возрасла-бы; или если эти послѣдніи предметы сдѣлаются дешевле, но рабочій не будетъ получать большаго ихъ числа, то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если наоборотъ трудъ сдѣлается менѣе усиленнымъ (отъ уменьшенія физической силы народа, отъ уничтоженія основнаго капитала, или отъ ухудшившагося воспитанія), или если работникъ будетъ получать большее вознагражденіе безъ уменьшенія стоимости вещей, составляющихъ его вознагражденіе; или если онъ и не будетъ получать больше, но стоимость вещей повысится, то во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ нѣтъ другой комбинаціи обстоятельствъ, при которой общій уровень прибыли въ странѣ во всѣхъ промыслахъ безъ различія могъ бы подняться или упасть.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О р е н т ѣ.

Рента — результатъ естественной монополии.

Для производства необходимы трудъ, капиталъ и силы природы; кромѣ работника и капиталиста существуетъ только одно лицо, согласіе котораго необходимо для производства и которое можетъ за него требовать нѣкоторую долю продукта; это лицо по существующимъ общественнымъ установленіямъ обладаетъ исключительнымъ правомъ надъ какимъ-нибудь естественнымъ дѣятелемъ. Земля является главнѣйшимъ изъ всѣхъ естественныхъ дѣятелей, которыя могутъ быть обращены въ собственность и вознагражденіе, платимое за пользованіе ею называется *рентой*. Земельные собственники составляютъ единственный сколько-нибудь многочисленный и важный классъ, который имѣетъ право на долю въ распредѣленіи продукта по праву обла-

данія тѣмъ, что произведено не ими и ни кѣмъ другимъ.

Очевидно съ перваго взгляда, что рента результатъ монополіи и при томъ такой, которая является продуктомъ естественныхъ условій; существованіе ея нельзя уничтожить, но можно регулировать или предоставить въ распоряженіе общества. Землевладѣльцы могутъ требовать ренту за свою землю, потому что земля служитъ предметомъ желаній для многихъ, а получить ее можно только отъ землевладѣльцевъ. Если-бы земля страны принадлежала одному лицу, онъ могъ-бы опредѣлять размѣръ ренты по произволу. Весь народъ зависѣлъ-бы въ дѣлѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей своей жизни отъ него и онъ могъ-бы ставить имъ любыя условія. Таково дѣйствительное положеніе вещей въ тѣхъ восточныхъ царствахъ, гдѣ земля считается собственностью государства. Рента сливается тамъ съ налогомъ и деспотъ вымогаетъ отъ несчастныхъ земледѣльцевъ все, что можетъ. Результатъ былъ-бы тотъ же, если-бы земля принадлежала немногочисленной группѣ людей, которые могли-бы дѣйствовать и дѣйствовали-бы какъ одинъ человекъ, опредѣляя ренту взаимнымъ соглашеніемъ. Такого положенія вещей, какъ извѣстно, нигдѣ не существуетъ; остается значить предположить, что землевладѣльцы зависятъ отъ свободнаго соперничества и слишкомъ многочисленны, чтобы составить стачку.

Никакая земля не может давать ренту, если не принадлежит по плодородию или по положенію къ сортамъ ея, существующимъ въ меньшемъ количествѣ сравнительно со спросомъ.

Вещь, имѣющаяся въ ограниченномъ количествѣ даже въ томъ случаѣ, если собственники не дѣйствуютъ солидарно, будетъ предметомъ монополіи. Но составляя даже предметъ монополіи, вещь, даруемая природой и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія, при наличности соперничества, получить цѣну лишь тогда, если она существуетъ въ количествѣ меньшемъ сравнительно со спросомъ. Если-бы вся земля въ странѣ была потребна для обработки, то всякая ея доля приносила-бы ренту. Но нѣтъ ни одной такой страны, гдѣ-бы потребности населенія требовали того, чтобы воздѣлывалась вся земля, годная къ обработкѣ. Пшеница и другіе земледѣльческіе продукты, въ которыхъ народъ нуждается и за которые они соглашаются и могутъ платить цѣну, вознаграждающую земледѣльца, могутъ быть получаемы безъ обращенія всей земли подъ обработку. Иногда для этого требуется обработка лишь небольшой доли ея. Земли, обрабатывать которыя болѣе легко, предпочитаютъ въ раннія стадіи общественнаго развитія, болѣе плодородныя и удобнѣе расположенныя въ позднѣйшую болѣе прогрессивную эпоху. Такимъ образомъ всегда имѣются земли, которыя при существующихъ обстоятельствахъ не платятъ ренты; рента платится

лишь за такую землю, которая по плодородію или по положенію принадлежитъ къ высшимъ сортамъ, спросъ на которые больше предложенія.

Худшая земля, которая можетъ быть обрабатываема лишь для пропитанія и которая не платитъ ренты, будетъ такой, которая возвращаетъ лишь сѣмена и пищу, воздѣлывающихъ ее работниковъ съ ихъ дополнительными расходами, какъ выражается Чомерсъ, т. е. съ прибавкой продуктовъ, необходимыхъ для снабженія ихъ орудіями и другими предметами необходимости. Можетъ-ли земля давать больше количества продукта это не составляетъ вопроса политической экономіи, а дѣло факта. Согласно нашему предположенію, подобная земля не приноситъ прибыли и не даетъ работникамъ ничего кромѣ самаго необходимаго; она, слѣдовательно, можетъ воздѣлываться только самими работниками, а во всякомъ другомъ случаѣ будетъ давать денежныя потери; если такъ, то конечно тѣмъ менѣе она будетъ давать ренту. Самая худшая земля, которая можетъ быть обрабатываема при участіи капитала и для полученія прибыли, возмѣщаетъ не только сѣмена и не только кормить земледѣльческихъ работниковъ и ихъ подручныхъ, но даетъ имъ такія заработныя платы, которыя даютъ имъ возможность пріобрѣтать гораздо болѣе самаго необходимаго. Въ тоже время она оставляетъ тѣмъ, кто сдѣлалъ предварительныя затраты на плату для этихъ двухъ классовъ рабочихъ, еще нѣкоторый избытокъ, равный прибыли, получаемой во всѣхъ другихъ употребленіяхъ капитала. Можетъ-ли приносить земля еще больше, это уже вопросъ не только физическаго

факта, но и зависящей от того, какова рыночная цена сельскохозяйственного продукта. Само собой разумеется, что вопрос о том, сколько может дать земля для работников и капиталистов кроме прокормления всехъ прямо или косвенно занятыхъ ее обработкою, находится въ зависимости отъ цены, по которой остатокъ продукта можетъ быть проданъ. Чемъ выше рыночная цена продукта, тѣмъ ниже сортъ земли, до котораго обработка можетъ снискаться, давая при этомъ на затраченный капиталъ обыкновенный уровень прибыли.

Разныя степени плодородія земли обнаруживаютъ однако незамѣтную постепенность перехода. Различіе въ доступности или въ разстояніи отъ рынковъ въ общемъ столь-же незамѣтно по постепенности перехода. Въ тоже время имѣется рядъ столь бесплодныхъ земель, что воздѣлываніе ихъ не можетъ окушаться ни при какихъ ценахъ. Изъ этого очевидно, что какова бы ни была цена, въ каждомъ обширномъ районѣ должна найтись земля, которая при данной ценѣ оплачиваетъ вполнѣ заработныя платы рабочихъ и даетъ обыкновенную прибыль на затраченный капиталъ, но не болѣе. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока цена на продуктъ не возрастетъ или пока какое-нибудь улучшение не подниметъ земли на высшую степень плодородія, она не можетъ приносить ренты. Ясно, однако, что общество нуждается въ продуктѣ, добываемомъ съ земли такого качества, ибо если-бы болѣе плодородныя и лучше расположенныя земли были достаточны для удовлетворенія общественныхъ потребностей, то цена не достигла-бы та-

кого возвышенія, при которомъ обработка становится прибыльной. Такая земля, поэтому, поступить въ обработку; и потому мы можемъ утверждать, какъ положеніе, что пока имѣется въ странѣ земля, которая, будучи пригодной къ обработкѣ и не устраниаясь отъ нея юридическими и другими искусственными препятствіями, не воздѣлывается, то худшая земля по плодородію и мѣстоположенію (изъ воздѣлываемыхъ) не платитъ ренты.

Такимъ образомъ, рента, даваемая какой-нибудь землею, представляетъ собою излишекъ продукта надъ тѣмъ его количествомъ, которое можно получить на капиталъ, затраченный на обработку худшаго сорта изъ воздѣлываемыхъ земель, или другими словами рента на землю измѣряется излишкомъ полученій со всего затраченнаго на нее капитала, кромѣ того, что необходимо для возмѣщенія капитала съ обыкновенной прибылью, т. е. излишекъ надъ суммою, которую далъ-бы капиталъ, если-бы онъ былъ весь затраченъ въ условіяхъ, столь же невыгодныхъ, въ какихъ употребляется наименѣе производительная часть его. Этотъ излишекъ — сумма, которую фермеръ можетъ заплатить въ качествѣ ренты землевладѣльцу. Если-бы онъ не платилъ этого излишка, онъ пріобрѣталъ-бы прибыль болѣе обыкновенной и соперничество другихъ капиталистовъ, всегда уравнивающее прибыль на разные виды употребленія капитала, дало-бы землевладѣльцу возможность взять этотъ излишекъ. Такова теорія ренты, изложенная въ концѣ прошлаго столѣтія Андерсономъ, забытая и только черезъ двадцать лѣтъ снова открытая почти одновременно Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо.

Никто не утверждает, что факты каждого конкретного случая совпадают съ безусловной точностью съ тѣмъ или инымъ научнымъ принципомъ. Мы никогда не должны забывать, что истины политической экономіи правильны только въ общихъ чертахъ. Таковъ же и законъ ренты. Онъ имѣетъ къ дѣйствительнымъ фактамъ такую же близость, какую имѣютъ вообще всѣ абстрактные законы политической экономіи; въ отдѣльныхъ случаяхъ, онъ конечно видоизмѣняется или нарушается прежними договорами людей, ошибками въ ихъ расчетахъ, влияніями обычая и даже чувствованіями и расположеніями, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Многіе, напримѣръ, доказывали нелѣпость Рикардовой теоріи ренты, указывая, что неразумно утверждать, будто *обработка* земли низшаго качества служить причиной ренты земли высшаго качества. Рикардо вовсе и не говоритъ, что такой причиной служить обработка земли низшаго качества; онъ говоритъ, что этой причиной—является *необходимость обработки* худшей земли, вслѣдствіе недостаточности продукта лучшей земли для прокормленія возрастающаго населенія. Между его утверженіемъ и тѣмъ, которое ему приписывается, существуетъ такое-же различіе, какъ между спросомъ и предложеніемъ. Другіе приводятъ также противъ Рикардо то возраженіе, что даже при равенствѣ плодородія земля все же могла-бы приносить ренту. Но Рикардо именно это и утверждаетъ. Онъ говоритъ, что если бы всѣ земли были равнаго плодородія, то тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ рынкамъ чѣмъ другія, а потому и менѣе обременены издержками перевозки, давали-бы ренту и

размѣръ ея опредѣлялся - бы степенью выгодности ихъ положенія, и что земля, не приносящая въ такихъ условіяхъ ренты, была бы не та, которая наименѣе плодородна, но та, которая расположена наименѣе выгодно изъ общей массы земель, воздѣлываніе которыхъ обусловливается общественными нуждами. Теорія Рикардо ясно утверждаетъ, что даже при отсутствіи различій въ положеніи и плодородіи земель, они могли платить-бы ренту. Это происходило-бы въ томъ случаѣ, если-бы общественный спросъ требовалъ обращенія всей земли въ обработку и воздѣлываніе совершалось-бы съ приложеніемъ средствъ въ размѣрѣ большемъ того, когда всякій новый капиталъ начинаетъ давать выручку въ меньшей пропорціи *).

*Рента не входитъ въ стоимость производ-
ства земледѣльческаго продукта.*

Разсмотрѣвъ сущность и причины ренты, вернемся теперь къ вопросу о прибыли и снова пересмотримъ одно изъ положеній, высказанныхъ въ предшествовавшей главѣ. Мы показали тамъ, что затраты капиталиста, или другими словами издержки производства состоятъ исключительно въ платахъ за трудъ; что всякая затрата, не заключающаяся въ платахъ, составляетъ прибыль, выплачиваемую впередъ, и все, что не составляетъ такой уплаты прибыли служить заработной платой. Рента

*) Въ главѣ 12, опущенной изъ настоящаго изданія, Милль доказываетъ, что увеличеніе труда и капитала, прилагаемыхъ къ землѣ, сопровождается не пропорціональнымъ, а меньшимъ увеличеніемъ продукта, получаемыхъ съ этой земли. Приж. пер. А. М.

однако является элементомъ, который нельзя причислить ни къ прибыли, ни къ заработной платѣ. Мы должны были тогда утверждать, что капиталистъ не вынужденъ платить ренты и не даетъ платы за пользованіе естественнымъ дѣятеlemъ, обращеннымъ въ собственность. И общиналь показати въ надлежащемъ мѣстѣ, что такое допущеніе позволительно и что рента въ дѣйствительности не составляетъ никакой части издержекъ производства или затратъ капиталиста. Основаніе, по которымъ было сдѣлано это утвержденіе, теперь становится очевиднымъ. Совершенно справедливо, что всѣ арендаторы земли и другіе классы производителей платятъ ренту. Но мы теперь видѣли, что всякій, обрабатывающій землю и платящій ренту за нее, получаетъ въ обмѣнъ за ренту орудіе большей силы сравнительно съ орудіями того же рода, которыя не платятъ ренты. Превосходство орудія находится въ точномъ соотвѣтствіи съ платимой рентой. Если-бы нѣкоторые лица имѣли паровыя машины высшаго достоинства сравнительно со всѣми другими существующими, но при этомъ по физическому закону число ихъ было-бы меньше сравнительно съ спросомъ, то рента, которую согласился-бы платить фабрикантъ за одну изъ этихъ машинъ, не могла-бы считаться прибавленіемъ къ его расходу. Пользованіе этою машиною давало-бы ему сбереженіе въ другихъ расходахъ, равное платѣ за машину. Безъ нея онъ не могъ-бы выполнить тоже количество работы, не совершая добавочныхъ издержекъ, равныхъ по стоимости выплаченной рентѣ. Также справедливо и по отношенію къ землѣ. Дѣйствительными издержками производ-

ства на ней являются тѣ, которыя совершаются на худшей землѣ или съ капиталомъ, затраченнымъ въ наименѣе благоприятныхъ условіяхъ. Такая земля и такой капиталъ, какъ мы видѣли, не платитъ ренты; но издержки, совершаемыя здѣсь служатъ причиною того, что всякая другая земля или земледѣльческій капиталъ несетъ равныя издержки въ видѣ ренты. Всякій, платящій ренту, получаетъ обратно полную ея цѣнность въ видѣ особыхъ преимуществъ, которыми пользуется; рента, уплачиваемая имъ, не ставитъ его въ худшее положеніе сравнительно съ тѣмъ производителемъ, который не платитъ ренты, но владѣетъ орудіемъ меньшей производительности.

Мы закончили изложеніе законовъ, отъ которыхъ зависитъ распредѣленіе продукта труда и капитала, на сколько это было возможно безъ обсуждения того механизма обмѣна и цѣнъ, при помощи которыхъ это распредѣленіе совершается въ цивилизованномъ обществѣ. Болѣе полное разъясненіе и окончательное доказательство вышеизложенныхъ законовъ, а также полученіе важнѣйшихъ выводовъ изъ нихъ можетъ быть выполнено лишь при изученіи сущности и способа дѣйствій этого механизма. Этотъ предметъ такъ обширенъ и многосложенъ, что ему необходимо посвятить особую книгу.

КНИГА III.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О цѣнности.

Предварительныя замѣчанія.

Предметъ, къ которому мы приступаемъ нынѣ, занимаетъ въ политической экономіи столь важное и видное мѣсто, что по мнѣнію нѣкоторыхъ мыслителей границы его сливаются съ границами самой науки. Одинъ выдающійся писатель предлагалъ называть политическую экономію „каталактикой“ или наукой объ обмѣнахъ; другіе называли ее наукой о цѣностяхъ. Если-бы эти названія казались мнѣ логически правильными, я долженъ былъ-бы заняться обсужденіемъ основныхъ законовъ цѣнности въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, не отлагая его до третьей части моего трактата; одна возможность отлагать обсужденіе этого вопроса такъ долго служить достаточнымъ подтвержденіемъ того, что взглядъ на природу поли-

тической экономии, подобный вышеуказанному, слишком суживает ее задачу. Справедливо, что в предшествующих книгах нам пришлось по необходимости касаться некоторых сторон теории ценности, имеющих отношение в особенности к ценности труда и земли. Тем не менее очевидно, что из двух главных отделов политической экономии: о производствѣ богатства и о его распредѣленіи, вопросъ о ценности имѣетъ отношеніе только къ послѣднему. Да и къ самому распредѣленію ценность имѣетъ отношеніе лишь въ той мѣрѣ; въ какой распредѣляющей силой является соперничество, а не обычай или установившаяся практика. Условія и законы производства остались бы такими-же, какъ они существуютъ и теперь, если-бы общественный порядокъ не зависѣлъ отъ обмѣна или не допускалъ его. Даже при современныхъ условіяхъ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены такъ дробно и всѣ участвующіе въ производствѣ получаютъ вознагражденіе изъ цѣны какого нибудь продукта, даже и здѣсь обмѣнъ не является основнымъ закономъ распредѣленія продукта. Дороги и повозки нельзя, вѣдь, признать основными законами движенія; онѣ просто составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго выполняется это движеніе. Смѣшивать эти идеи, это значитъ по моему мнѣнію совершать не только логическую, но и практическую ошибку, которая часто встрѣчается въ политической экономіи по той причинѣ, что не умѣютъ различать условій необходимо вытекающихъ изъ природы вещей отъ тѣхъ, которыя порождаются общественнымъ устройствомъ. Такая ошибка, по моему мнѣнію,

всегда вызываетъ два прямо противоположныхъ и вредныхъ послѣдствія; съ одной стороны, экономисты часто относятъ временныя истины своего предмета въ разрядъ постоянныхъ и всеобщихъ законовъ; съ другой стороны, по той-же причинѣ многіе ошибочно принимаютъ постоянныя законы производства (напр. тѣ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе населенія) за временныя послѣдствія, вытекающія изъ существующей общественной организаціи, — однимъ словомъ, послѣдствія, которыя можетъ произвольно игнорировать всякій, составляющій новый планъ общественнаго устройства.

Однако въ томъ состояніи общества, гдѣ промышленная система вполне покоится на продажѣ и покупкѣ, каждое лицо въ большинствѣ случаевъ живетъ не пользуясь для этого вещами, въ производствѣ которыхъ оно само принимало участіе; оно существуетъ, пользуясь вещами, получаемыми черезъ двойной обмѣнъ, черезъ продажу и затѣмъ покупку. При такомъ положеніи общества вопросъ о цѣнности становится основнымъ. Почти всякое разсужденіе относительно экономическихъ интересовъ общества, такимъ образомъ организованнаго, предполагаетъ наличность нѣкоторой теоріи цѣнности. Малѣйшая ошибка въ ней вызываетъ соответствующую ошибочность во всѣхъ другихъ нашихъ заключеніяхъ. Неясность или туманность нашихъ представлений о цѣнности порождаетъ спутанность и неопредѣленность во всѣхъ другихъ нашихъ экономическихъ представленіяхъ. Къ счастью въ законахъ цѣнности въ настоящее время не остается ничего такого, что приходилось-бы разъяснять послѣдую-

щимъ писателямъ; теорія предмета выработана вполне; единственная трудность заключается въ необходимости изложить ее такъ, чтобы заранее разрѣшить главныя затрудненія, которыя встрѣчаются при ея примѣненіи. Для это требуется нѣкоторая подробность изложенія, а отъ читателя значительное терпѣніе. Но если читатель еще не былъ знакомъ съ этимъ предметомъ, то за свое терпѣніе онъ будетъ вполне вознагражденъ—той легкостью и быстротою, съ какою онъ станетъ отлично понимать почти всѣ остальные вопросы политической экономіи *)).

*) Въ настоящемъ изданіи отчасти за недостаткомъ мѣста, отчасти же, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что поправки въ теоріи цѣнности Рикардо, сдѣланныя Д. С. Миллемъ, не были признаны наукою, мы опускаемъ всѣ послѣдующія главы и переходимъ непосредственно къ главѣ, дающей краткій обзоръ теоріи цѣнности. Существенныя черты теоріи цѣнности Д. С. Милля уже намѣчены въ отдѣлѣ о распределеніи, который сохраненъ нами почти вполне. Въ примѣчаніяхъ къ «краткому обзору теоріи цѣнности», данному Д. С. Миллемъ, мы стараемся еще болѣе рѣзко отбросить его точку зрѣнія. Читатель, желающій ближе ознакомиться съ теоріей цѣнности, долженъ обратиться къ сочиненіямъ Рикардо и Маркса въ изданіи той-же экономической бібліотеки. Примѣч. переводчика А. М.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Краткій обзоръ теоріи цѣнностей.

Полож. I. Цѣнность понятіе относительное. Цѣнность предмета—это значить количество какого нибудь другого предмета или количество предметовъ вообще, за которое онъ обмѣнивается. Цѣнности всѣхъ предметовъ поэтому не могутъ одновременно ни падать, ни возвышаться. Общее повыше- ніе или пониженіе цѣнностей дѣло невозможное *).

Полож. II. Временная или рыночная цѣнность предмета зависитъ отъ спроса и предложенія; она повышается при возрастаніи спроса и падаетъ при возрастаніи предложенія. Спросъ однако измѣняется вмѣстѣ съ цѣностью, становясь вообще больше при дешевизнѣ предмета сравнительно со спросомъ, который существуетъ при дороговизнѣ пред-

*) Все товары могутъ подняться въ денежной цѣнѣ, но общее воз- вышеніе цѣнностей быть не можетъ, ибо все товары не могутъ под- яться относительно другъ друга.

мета; и цѣнность приспособляется при этомъ такъ, что спросъ бываетъ равенъ предложенію *)).

Полож. III. Кромѣ рыночной или временной цѣнности товары имѣютъ постоянную или, какъ можно ее назвать, естественную цѣнность, къ которой рыночная цѣнность послѣ каждаго колебанія стремится возвратиться и эти колебанія взаимно балансируются, такъ что въ среднемъ предметы обмѣниваются по ихъ естественной цѣнности.

Полож. IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность недостачи, но большая часть предметовъ естественно обмѣнивается другъ на друга соотвѣтственно ихъ стоимостямъ производства или по цѣнности, которую можно назвать цѣнностью издержекъ (cost value).

Полож. V. Предметами, естественно и постоянно имѣющими цѣнность недостачи или рѣдкости (scarcity value), называются такіе, снабженіе которыми не можетъ быть увеличено совсѣмъ или не можетъ

*) Предложеніе товара—это значитъ количество, предлагаемое на продажу, спросъ—это значитъ требуемое количество, соединенное со средствами купить. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть пропорція, существующая между предлагаемымъ количествомъ и количествомъ, на которое существуетъ спросъ. Предположимъ, что въ такое время спросъ превышаетъ предложеніе, т. е. что ищется люди, желающие купить по рыночной цѣнѣ болѣе того количества, какое предлагается на продажу. Со стороны продавца, говоритъ Милль, начинается соперничество и цѣнность поднимается, но насколько? Могутъ предположить, что она поднимается пропорціонально недостатку товара; если спросъ превосходитъ предложеніе на $\frac{1}{2}$, то и цѣнность повысится на $\frac{1}{2}$. Но это не такъ, ибо, если цѣнность поднялась на $\frac{1}{2}$, то спросъ все еще можетъ превосходить предложеніе. Можетъ быть даже, что при этой неизвѣстной цѣнности явится требованіе на большее количество товара, чѣмъ какое можно достать; такимъ образомъ соперничество покупателя

быть достаточно для полного удовлетворения спроса, который существовал бы на них по цѣнности ихъ издержекъ.

Полож. VI. Монопольная цѣнность значить цѣнность недостачи. Монополія не можетъ придавать цѣнности предмету иначе, какъ черезъ ограниченіе снабженія.

Полож. VII. Каждый товаръ, снабженіе котораго можетъ быть безгранично увеличено трудомъ и капиталомъ, обмѣнивается на другіе товары соответственно издержкамъ, необходимымъ для производства и доставленія на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей

лей будетъ продолжаться. Если товаръ предметъ необходимости, и люди предпочитаютъ платить за него любую цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то отъ недостатка товара на третью долю, товаръ можетъ удвоиться, утроиться или учетвериться въ цѣнѣ. Наоборотъ соперничество можетъ прекратиться ранѣе, чѣмъ цѣнность подымется пропорціонально недостаче. Возвышеніе ценъ на $\frac{1}{3}$ можетъ сдѣлать товаръ на цѣлую треть выше средствъ или наклонностей покупателей. На какомъ-же пунктѣ остановится возвышеніе? На томъ, который, законъ-бы онъ ни былъ, уравниваетъ спросъ и предложеніе, другими словами, на цѣнѣ, которая уменьшаетъ лишнюю треть спроса или привлекаетъ добавочныхъ продавцевъ, которые могутъ доставить на рынокъ потребное количество товара. Когда тѣмъ или другимъ путемъ или обими этими путями вмѣстѣ спросъ сдѣлается равнымъ и не болѣе какъ равнымъ, повышеніе цѣнности приостановится. Столь-же просто и противоположный случай, когда не спросъ больше предложенія, а предложеніе болѣе спроса. Такимъ образомъ мы видимъ, что понятіе *пропорціи* между спросомъ и предложеніемъ неумѣстно и что математическая аналогія этому ихъ отношенію представляется въ *уравненіи*. Спросъ и предложеніе, требуемое и предлагаемое количество должны уравниваться и соперничество выполнять это соответственнымъ измѣненіемъ цѣнности товара. Особое значеніе законъ спроса и предложенія имѣеть въ международной торговлѣ.

стоимости. Естественная цѣнность совпадаетъ съ цѣнностью стоимости, а послѣдняя означаетъ цѣнность стоимости той части снабженія, стоимость которой наиболѣе высока.

Полож. VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, нѣкоторые изъ нихъ постоянны и всеобщы, другіе случайны. Всеобщіе элементы стоимости производства: заработная плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Къ случайнымъ элементамъ относятся налоги и всякая лишняя затрата, производимая цѣнностью недостачи какихъ нибудь принадлежностей производства.

Полож. IX. Рента не составляетъ элемента въ стоимости производства товара, дающаго ее. Исключеніемъ служатъ случаи скорѣе возможные въ теоріи, чѣмъ дѣйствительно существующіе, когда рента бываетъ результатомъ и представляется какъ цѣнность недостачи. Но если земля, могущая давать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла давать, служить элементомъ въ стоимости производства товара, на производство котораго обращена эта земля.

Полож. X. Оставляя въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, мы можемъ сказать, что предметы, количество которыхъ подлежитъ неограниченному возрастанію, естественно и постоянно обмѣниваются другъ на друга соотвѣтственно сравнительному или относительному (comparative) количеству заработныхъ платъ, которыя надо выплатить для ихъ производства и соотвѣтственно сравнительному или относительному количеству прибылей, которыя

должны быть получены капиталистами, выдающими эти платы*).

Полож. XI. Сравнительное или относительное количество заработных плат не зависит от безотносительной величины ихъ. Высокій уровень заработных плат не обуславливаетъ собой высокихъ цѣнностей. И низкій уровень тѣхъ же плат не обуславливаетъ низкихъ цѣнностей. Сравнительное количество заработных плат зависитъ отчасти отъ сравнительнаго количества затраченнаго труда, отчасти отъ сравнительнаго размѣра его вознагражденія.

Полож. XII. Точно также сравнительная доля прибыли не зависитъ отъ безотносительной величины прибыли. Высокія или низкія прибыли не обуславливаютъ собою высокихъ или низкихъ цѣнностей. Прибыли зависятъ отчасти отъ сравнительной продолжительности времени, въ теченіи котораго бываетъ затраченъ капиталъ, и отчасти отъ сравнительнаго уровня прибылей въ различныхъ занятіяхъ.

*) Это положеніе нехѣтѣбно вытекаетъ изъ перваго. Если цѣнность—явленіе относительное, то взаимное отношеніе цѣностей предметовъ не можетъ измѣняться отъ причинъ, дѣйствующихъ одновременно и одинаково на предметы. По ученію Д. С. Милля цѣнности предметовъ равно опредѣляются, какъ относительнымъ количествомъ или размѣромъ заработанныхъ платъ, такъ и относительнымъ количествомъ затраченнаго труда. Если бы одновременно и одинаково измѣнилось количество, затрачиваемое на производство предметовъ, то цѣнности не измѣнились бы. Предположимъ, что для товара произшодились трудомъ въ 10 дней и следовательно цѣности ихъ были равны; если съ тѣмъ же временемъ для производства ихъ придется тратить 20 дней, то это не измѣнитъ ихъ цѣности и оба товара будутъ обмѣниваться по прежнему другъ за друга. Тоже равно приложимо къ заработной платѣ и прибыли. Пр. пер. А. М.

Полож. XIII. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда и если этотъ трудъ оплачивается одинаково и заработныя платы затрачиваются на одинаковое время, а характеръ занятія не требуетъ постоянной разницы въ прибыли, то эти два предмета, все равно высоки или низки будутъ рабочія платы и прибыли и велико или мало количество расходуемаго труда, стануть въ среднемъ обмѣниваться другъ за друга.

Полож. XIV. Если изъ двухъ предметовъ одинъ въ среднемъ имѣетъ большую цѣнность, то это должно зависеть отъ того, что на его производство истрачивается большее количество труда или родъ труда, постоянно получающій высшее вознагражденіе или потому, что надобно затрачивать капиталъ или часть его, идущую на содержаніе труда, на болѣе долгій періодъ времени, или наконецъ производство его совершается въ условіяхъ, требующихъ особаго вознагражденія въ постоянно повышенномъ уровнѣ прибыли.

Полож. XV. Изъ этихъ элементовъ количество труда, потребное для производства, факторъ наиболѣе важный; влияние другихъ элементовъ менѣе значительно, но ни одинъ изъ нихъ не безъ значенія.

Полож. XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ слабѣе становится влияние второстепенныхъ элементовъ стоимости производства и тѣмъ меньше отклоняются товары отъ той цѣнности, которая пропорціональна количеству и качеству труда, необходимаго для ихъ производства.

Полож. XVII. Но всякое паденіе прибылей понижаетъ до извѣстной степени цѣнность стоимости

предметовъ, въ выдѣлкѣ которыхъ употребляется или значительное число машинъ, или прочныя машины, и повышаетъ цѣнность предметовъ, дѣлаемыхъ ручнымъ трудомъ. Всякое повышение прибылей дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи *).

Какъ измѣняется теорія цѣнности, когда работники занимаются производствомъ лишь для собственнаго существованія.

Такова общая теорія мѣновой цѣнности. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта теорія предполагаетъ наличность такой системы производства, которая ведется капиталистами для прибыли, а не работниками для приобрѣтенія средствъ къ существованію. Принявъ послѣднее предположеніе, а для большинства странъ по крайней мѣрѣ для земледѣльческаго продукта, мы должны признать его въ значительной мѣрѣ правильнымъ, намъ придется видоизмѣнить изложенныя выше теоремы относительно зависимости цѣнности отъ стоимости производства. Всѣ эти теоремы основаны на предположеніи, что задача и цѣль производителя заключаются въ полученіи прибыли на свой капиталъ. Изъ подобнаго допущенія слѣдуетъ, что онъ долженъ продавать свой продуктъ по цѣнѣ, которая даетъ ему обычную норму прибыли, другими словами, этотъ продуктъ долженъ обмѣниваться на другіе продукты по цѣнности стоимости. Но крестьянинъ-собственникъ, половинщикъ и даже фер-

---

* Отступленіе, которое дѣлаетъ Д. С. Милль отъ теоріи цѣнности Рикардо, объяснено переводчикомъ во введеніи. А. М.

меръ и арендаторъ усадебнаго участка, работникъ какого бы то ни было имени, производицій на самого себя, ищутъ не приложенія своего ничтожнаго капитала, а выгоднаго употребленія своего времени и труда. Ихъ расходы на дѣло кромѣ содержанія самихъ и семьи такъ малы, что почти вся выручка отъ продажи продукта является просто заработной платой. Когда такой производитель и его семья кормится изъ продукта своей фермы (а можетъ быть и одѣвается изъ матеріаловъ, выработанныхъ на этой фермѣ и обработанныхъ трудомъ его семьи), то относительно добавочнаго вознагражденія, получаемаго отъ продажи излишка продукта, его можно сравнить съ тѣми работниками, которые, получая содержаніе изъ другого источника, могутъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, которая по ихъ мнѣнію достаточно вознаграждаетъ ихъ стараніе. Крестьянинъ, который содержитъ себя и свою семью одною частью своего продукта, очень часто продаетъ остатокъ по цѣнѣ, которая была бы гораздо ниже цѣнности стоимости для капиталиста.

Однако даже въ этомъ случаѣ существуетъ минимумъ или низшая граница цѣнности. Продуктъ, который крестьянинъ доставляетъ на рынокъ, долженъ оплачивать ему цѣнность всѣхъ предметовъ необходимости, которые онъ принужденъ покупать, а также давать возможность платить ренту. Рента при обработкѣ земли крестьянами не опредѣляется по началамъ, изложеннымъ въ предшествовавшихъ главахъ, а обычаемъ, какъ на примѣръ у половниковъ; если же она и подвержена вліянію соперничества, то зависитъ отъ отношенія между количествомъ населенія и земли. Рента слѣдовательно

въ этомъ случаѣ является элементомъ стоимости производства. Крестьянинъ долженъ работать, пока онъ не добудетъ средствъ для оплаты ренты и для покупки всѣхъ предметовъ собственной необходимости. Затѣмъ онъ станетъ работать лишь въ томъ случаѣ, если можетъ продавать продукты по цѣнѣ, преодолевающей его нежеланіе трудиться.

Этотъ вышеуказанный минимумъ крестьянинъ только и долженъ получать въ обмѣнъ за весь избытокъ своего продукта, но этотъ избытокъ однако не является опредѣленнымъ количествомъ; онъ можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ степени трудолюбія крестьянина, а потому минимальная цѣнность всего избытка не опредѣляетъ еще минимальной цѣнности для опредѣленнаго количества предметовъ. При такомъ положеніи вещей слѣдовательно едва ли можно сказать, что цѣнность хоть сколько нибудь зависитъ отъ стоимости производства. Цѣнность опредѣляется здѣсь почти исключительно спросомъ и предложениемъ, т.-е. отношеніемъ между количествомъ избыточнаго продукта, которое желаютъ производить крестьяне, и количествомъ неземледѣльческаго или вѣрнѣе некрестьянскаго населенія. Если окружающее населеніе многочисленно, а классъ, производящій хлѣбъ, лѣннивъ, то пища можетъ постоянно продаваться по цѣнѣ недостатка. Я не имѣю свѣдѣній, чтобы подобный случай имѣлъ гдѣ нибудь мѣсто. Если классъ, производящій хлѣбъ, энергиченъ и трудолюбивъ, а число покупателей ничтожно, то пища будетъ чрезвычайно дешева. Этотъ случай также рѣдко встрѣчается; впрочемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи быть можетъ и

имѣется нѣчто подобное. Обыкновенно бываетъ одно изъ двухъ: или, какъ это было въ Ирландіи до послѣдняго времени, крестьянское сословіе лѣниво и число покупателей немногочисленно, или какъ въ Бельгіи, въ Сѣверной Италіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи крестьянское населеніе трудолюбиво, а городское населеніе многочисленно и богато. Цѣна продукта будетъ приспособляться къ этому разнообразію въ условіяхъ, если только она не будетъ видоизмѣняться соперничествомъ производителей не изъ крестьянскаго сословія или цѣнами на международныхъ рынкахъ.

Дальнѣйшее приложеніе теоріи цѣнности къ разнообразнымъ условіямъ существующихъ или возможныхъ промышленныхъ системъ можно съ большимъ удобствомъ предоставить сообразительности самого читателя. Монтескье дѣлаетъ отличное замѣчаніе. „Не слѣдуетъ, говорить онъ, всегда исчерпывать предметъ до того, чтобы читателю уже ничего не оставалось дѣлать. Важно не доставлять читателю чтеніе, а возбуждать въ немъ желаніе мыслить“ *).

*) *Esprit des Lois*, liv. XI.

ГЛАВЫ XVII и XVIII.

Международная торговля и международныя цѣнности.

Стоимость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнностей.

Причины, благодаря которымъ товаръ привозится издалека, вообще понимаются довольно поверхностнымъ образомъ. Нѣкоторые предметы физически невозможно производить нигдѣ кромѣ какъ въ особыхъ условіяхъ температуры, почвы и воздуха. Но имѣется много предметовъ, которые привозятся издалека, хотя ихъ можно производить на мѣстѣ и въ любомъ количествѣ. Предметъ можетъ иногда продаваться дешевле, если онъ производится въ другомъ мѣстѣ, а не въ томъ, гдѣ его можно было производить съ наименьшимъ количествомъ труда и воздержанія. Англія можетъ ввозить хлѣбъ изъ Польши и платить за него полотною даже въ томъ случаѣ, если Англія имѣетъ рѣшительное преимущество предъ Польшей въ производствѣ полотна и хлѣба. Этого не могло-бы произойти между сосѣдними мѣстностями. Если-бы

сѣверный берегъ рѣки Темзы имѣлъ преимущество надъ южнымъ въ производствѣ обуви, то на южномъ берегу вовсе не производилось-бы обуви. Производители обуви перешли-бы сами и со своими капиталами на сѣверный берегъ или поселились-бы тамъ съ самаго начала. Будучи соперниками на одномъ и томъ-же рынкѣ съ производителями сѣвернаго берега, они не могли-бы вознаградить себя за свое невыгодное положеніе за счетъ потребителя. Вся невыгода пала-бы на ихъ прибыль и имъ не было-бы расчета довольствоваться меньшей прибылью, если простымъ переходомъ на другую сторону рѣки они могли-бы увеличить ее. Но между отдаленными мѣстами и въ особенности между разными странами, прибыли могутъ *долгое время* оставаться различными: люди обыкновенно не переселяются и не переносятъ своихъ капиталовъ въ отдаленныя мѣстности безъ весьма сильныхъ побужденій. Можетъ существовать большое неравенство въ выручкѣ за трудъ и капиталъ, не вызывая передвиженія съ ихъ стороны въ такомъ размѣрѣ, чтобы сгладилось это неравенство.

○ Вслѣдъ за Рикардо я доказываю, что для международнаго обмена важно различіе не въ *абсолютной* величинѣ стоимости производства, но разница въ *сравнительной* стоимости ея. Намъ можетъ быть выгодно получать желѣзо изъ Швеціи въ обменъ за хлопокъ даже въ томъ случаѣ, если рудники и фабрики Англіи производительнѣе Шведскихъ. Если мы имѣемъ преимущество надъ Швеціей въ производствѣ хлопка на половину расходовъ, а въ производствѣ желѣза только на одну четверть и можемъ продавать нашъ хлопокъ въ

Швецію по цѣнѣ, которую эта страна должна была-бы платить, если-бы производила его сама; то мы получимъ наше желѣзо и нашъ хлопокъ съ выгодой на цѣлую половину. Торгуя съ иностранцами, мы можемъ получать ихъ товары съ меньшимъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ сколько они стоятъ иностранцамъ. Торговля тѣмъ не менѣе будетъ выгодна иностранцу, ибо товаръ, который онъ получаетъ въ обмѣнъ, хотя и стоитъ намъ меньше, но ему стоить-бы дороже.

Желая разъяснить случаи, въ которыхъ будетъ или не будетъ происходить обмѣнъ между двумя странами, мой отецъ Джемсъ Милль дѣлаетъ предположеніе, что Польша имѣетъ преимущество надъ Англіей въ производствѣ какъ полотна, такъ и хлѣба. Прежде всего онъ предполагаетъ, что преимущество въ производствѣ этихъ товаровъ совершенно одинаково. Производство полотна и хлѣба, требующее 100 дней труда въ Польшѣ, требуетъ 150 дней въ Англии. „Отсюда будетъ слѣдовать, что полотно, производимое 150 днями труда въ Англии, будучи послано въ Польшу, будетъ равняться 100 днямъ труда въ Польшѣ; но этому при промѣнѣ на хлѣбъ, оно обмѣняется тамъ на хлѣбъ только производимый 100 днями труда. Но хлѣбъ ста дней труда въ Польшѣ, по нашему предположенію, составляетъ то-же количество, какъ и хлѣбъ 150 дней труда въ Англии. Такимъ образомъ за 150 дней труда въ полотно, Англія получитъ только столько-же хлѣба изъ Польши, сколько она можетъ получить 150 днями труда въ собственной странѣ и при ввозѣ хлѣба изъ Польши, она кромѣ того должна будетъ опла-

тить стоимость перевозки. При такихъ обстоятельствахъ международный обмѣнъ происходитъ не станеть². Въ этомъ случаѣ сравнительная стоимость двухъ товаровъ въ Англии и Польшѣ по нашему предположенію одинакова, хотя абсолютная стоимость различна. При такомъ предположеніи мы видимъ, не было-бы сбереженія ни въ той странѣ, ни въ другой отъ того, что она ограничила свое производство однимъ продуктомъ и стала ввозить другой.

Совершенно иначе будетъ обстоять дѣло, если будетъ разница въ сравнительныхъ, а не только въ абсолютныхъ стоимостяхъ двухъ продуктовъ въ двухъ различныхъ странахъ. „Если, продолжаетъ тотъ-же писатель, количество полотна, производимое 100 днями труда въ Польшѣ, производится 150 днями труда въ Англии, а количество хлѣба, производимое 100 днями труда въ Польшѣ не можетъ быть произведено въ Англии меньше, какъ 200 днями труда, то сейчасъ-же возникаетъ надлежащее побужденіе къ обмѣну. Тѣмъ количествомъ полотна, которое производится въ Англии 150 днями труда, она будетъ въ состояніи покупать въ Польшѣ количество хлѣба, производимое тамъ 100 днями труда; но количество хлѣба, производимое въ Польшѣ 100 днями труда будетъ въ данномъ случаѣ равняться тому количеству хлѣба, которое сама Англія можетъ произвести только въ 200 дней². Такимъ образомъ ввоза хлѣбъ изъ Польши и уплачивая ей полотномъ, Англія получить за 150 дней труда столько-же хлѣба, какое ей стоило-бы 200 дней труда, если-бы она сама производила хлѣбъ; при каждомъ повтореніи такой

сдѣлки обмѣна, происходитъ сбереженіе 50 дней труда, и такое сбереженіе совершается не только для Англіи, но и абсолютно и по той причинѣ, что это сбереженіе совершается не за счетъ и къ невыгодѣ Польши, ибо послѣдняя своимъ хлѣбомъ, стоящимъ ей 100 дней труда, приобрѣтаетъ полотно, которое стоило-бы ей столько-же, если-бы она сама произвела его. Польша слѣдовательно при такомъ предположеніи не теряетъ ничего, но зато она и не приобрѣтаетъ никакихъ выгодъ отъ торговли, такъ какъ ввозимое полотно стоитъ ей столько-же, сколько стоило-бы оно, если-бы она сама производила его. Польша получить выгоду отъ обмѣна только тогда, если что нибудь будетъ отнято отъ выигрыша Англіи: хлѣбъ, производимый въ Польшѣ 100 днями труда, долженъ покупать въ Англіи болѣе полотна, чѣмъ сколько-бы произвела Польша тѣмъ-же самымъ количествомъ труда. Другими словами больше полотна, чѣмъ сколько производитъ Англія въ 150 дней труда, а Англія должна получать хлѣбъ, стоящій ей 200 дней труда, по стоимости, превышающей 150 дней труда, но менѣе 200. Такимъ образомъ Англія не будетъ выигрывать всю сумму труда, который сберегается одновременно какъ для Англіи, такъ и для Польши ихъ общею торговлею“.

Изъ изложеннаго ясно, въ чемъ заключаются выгоды международнаго обмѣна или другими словами иностранной торговли. Не говоря о томъ, что при посредствѣ такой торговли, страны могутъ получать такіе товары, которые они не могли-бы совсѣмъ производить сами, выгодная сторона такой торговли состоитъ въ болѣе успѣшномъ употреб-

лений производительныхъ силъ всего міра. Если-бы двѣ страны, торгующіе между собою, порѣшили, на сколько это физически возможно, производить для самихъ себя все, что онѣ теперь ввозятъ одна изъ другой, то трудъ и капиталъ этихъ странъ не былъ-бы столь производителенъ; обѣ онѣ вмѣстѣ не стали-бы получать отъ своей промышленности такого количества товаровъ, какъ теперь, когда каждая изъ нихъ занята производствомъ, какъ для себя, такъ и для другой страны тѣхъ товаровъ, въ которыхъ ея трудъ сравнительно болѣе усиленъ. Эта прибавка въ продуктѣ обѣихъ странъ составляетъ выгоду торговли.

Цѣнность товаровъ международнаго рынка зависитъ отъ условій уравненія международнаго запроса.

Цѣнность товаровъ, производимыхъ въ одномъ мѣстѣ, опредѣляется стоимостью ихъ производства. Но цѣнность товара, привозимаго издалека, а въ особенности изъ за-границы, не зависитъ отъ стоимости его производства тамъ, откуда онъ привезенъ. Чѣмъ-же опредѣляется цѣнность такого товара?

Если Англія ввозитъ вино изъ Испаніи, давая за пину вина по тюку полотна, то мѣшковая цѣнность пины вина въ Англіи не будетъ зависеть отъ того, сколько стоило производство вина въ Испаніи, но опредѣляться тѣмъ, сколько стоило производство полотна въ Англіи. Въ Испаніи вино могло стоить, быть можетъ, только десять дней труда. Если полотно стоитъ въ Англіи 20 дней, то вино, доставленное въ Англію, будетъ обмѣниваться на

продуктъ 20 дней Англійскаго труда + стоимость перевозки, включая сюда и обыкновенную прибыль на капиталъ импортера вина за время, пока его капиталъ былъ воплощенъ въ винѣ и лишенъ возможности имѣть другое занятіе. И такъ цѣнность иностраннаго товара во всякой странѣ опредѣляется количествомъ собственнаго продукта, какое страна должна отдать въ обмѣнъ другой. Другими словами цѣнность иностранныхъ товаровъ опредѣляется условіями международнаго обмѣна. Последнія-же зависятъ отъ кореннаго закона уравненія запроса и снабженія. Можно считать доказаннымъ, что если двѣ страны торгуютъ двумя товарами, то мѣновая цѣнность этихъ товаровъ относительно другъ друга приспособится къ наклонностямъ и средствамъ потребителей съ обѣихъ сторонъ и при томъ такъ, что количества товаровъ, требуемыхъ каждой страной и ввозимыхъ изъ сосѣдней, будутъ равно достаточны для уплаты другъ за друга. Наклонности и средства потребителей нельзя подвести ни подъ какое правило, а потому нельзя указать пропорціи, въ которыхъ товаръ будетъ обмѣниваться другъ за друга. Въ зависимости отъ уравненія запроса и снабженія бывають неодинаковы и пропорціи, въ которыхъ выгоды торговли раздѣляются между обмѣнивающимися странами. Какими обстоятельствами опредѣляется въ конечномъ результатѣ соответственная доля каждой страны—это можно указать лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ *).

*) Въ настоящемъ изданіи мы можемъ дать только самое краткое представленіе о международной торговлѣ. Читатель, желающій ознакомиться съ этимъ сложнымъ вопросомъ ближе, долженъ обратиться къ подлинному трактату Д. С. Милля. Прич. переводчика А. М.

ГЛАВА XXI.

Распределение золота и серебра по торговому свѣту.

Исслѣдовавъ механизмъ, при посредствѣ котораго совершается въ дѣйствительности торговья сношенія между націями, мы должны теперь разсмотрѣть, происходитъ-ли отъ этого способа ихъ веденія какое нибудь различіе въ тѣхъ выводахъ относительно международныхъ цѣнностей, къ какимъ мы выше пришли, предполагая, что обмѣнъ совершается какъ натуральный т. е. какъ товаръ за товаръ.

Ближайшая аналогія заставляетъ насъ предположить отрицательное. Мы не пришли къ убѣжденію, что вмѣшательство денегъ и замѣщающихъ ихъ средствъ производить какое нибудь различіе въ законѣ цѣнности, на сколько онъ прилагается къ сосѣднимъ мѣстамъ. Предметы, которые имѣли бы одинаковую цѣнность при натуральномъ обмѣнѣ, стоятъ одинаковыхъ суммъ денегъ. Введеніе денегъ въ обмѣнъ есть простая прибавка еще одного товара, цѣнность котораго опредѣляется тѣми

же самыми законами, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ. Мы не должны поэтому удивляться, если найдемъ, что международныя цѣнности при денежной и вексельной системѣ зависятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и при системѣ натурального обмѣна; деньги почти не оказываютъ на обмѣнъ никакого вліянія; онѣ представляютъ собою только удобное средство для сравненія цѣнностей.

Всякій обмѣнъ по своему существу и послѣдствіямъ—простая мѣна. Продающій предметы за деньги и покупающій за деньги другіе предметы въ сущности покупаетъ эти предметы за свои товары. Тоже можно сказать и о націяхъ: ихъ торговля—просто обмѣнъ вывоза за ввозъ; употребляются-ли здѣсь деньги или нѣтъ, но обмѣнъ только тогда находится въ своемъ прочномъ состояніи, когда вывозъ и ввозъ точно оплачиваютъ другъ друга. Въ подобномъ случаѣ каждая страна должна другой равныя суммы денегъ, долги равно балансируются передачей векселей и не приходится ничего уплачивать благородными металлами. Торговля находится въ такомъ положеніи, которое въ механикѣ называется состояніемъ прочнаго равновѣсія.

Но процессъ, при помощи котораго обмѣнъ приводится къ этому состоянію равновѣсія, если обнаружится отклоненіе отъ него, по крайней мѣрѣ по внѣшности не таковъ при денежной системѣ, какъ при мѣновой. Въ послѣднемъ случаѣ страна, которой нужно больше ввозныхъ товаровъ, чѣмъ сколько она можетъ оплатить своимъ вывозомъ, должна предлагать свои вывозные товары дешевле и это является единственнымъ средствомъ для соз-

данія спроса на нихъ, который достаточенъ для возстановленія равновѣсія. При употребленіи денегъ, страна поступаетъ повидимому совѣмъ не такъ. Она беретъ добавочное количество ввоза по той же цѣнѣ, какъ и прежде, и такъ какъ ея вывозъ неравноцѣненъ ввозу, то балансъ платежей обращается противъ нея; обмѣнъ становится неблагоприятенъ для нея и разницу она должна уплатить деньгами. По вѣщности эта операція весьма отличается отъ первой. Посмотримъ-же, различается-ли она по самому существу или только по механизму, которымъ совершается.

Предположимъ, Англія та страна, которая должна уплатить по балансу, который получаетъ Франція. Этой передачей благородныхъ металловъ количество денегъ въ Англіи уменьшается и увеличивается во Франціи. Я въ правѣ это предположить. Впослѣдствіи мы увидимъ, что подобное утвержденіе было-бы весьма ошибочно, если-бы оно прилагалось ко *всѣмъ* платежамъ по международнымъ балансамъ. Балансъ, который приходится уплатить лишь разъ и по особому случаю, на примѣръ, при платежѣ за чрезвычайный ввозъ хлѣба въ неурожайный годъ, можетъ быть оплаченъ изъ денегъ, хранящихся въ видѣ сокровищъ или изъ банкрутскихъ резервовъ безъ всякаго воздѣйствія на количество обращающихся денегъ. Но, согласно нашему теперешнему предположенію, имѣется избытокъ ввоза надъ вывозомъ, который проистекаетъ изъ того факта, что уравненіе международного запроса еще не установилось. При обыкновенныхъ цѣнахъ въ данномъ случаѣ въ Англіи имѣется постоянно бѣльшій спросъ на французскіе

товары сравнительно съ тѣмъ, который можетъ быть оплаченъ Франціей по тѣмъ-же обыкновеннымъ цѣнамъ англійскими товарами. Въ подобномъ случаѣ, если не произойдетъ измѣненія въ цѣнахъ будетъ постоянно возобновляться необходимость уплачивать балансъ деньгами. Необходимо или прочно уменьшить ввозъ или увеличить вывозъ, а это можетъ произойти только чрезъ измѣненіе цѣнъ. Отсюда слѣдуетъ, что если балансъ въ первое время уплачивался даже изъ сокровищъ или чрезъ вывозъ слитковъ, то въ концѣ концовъ это отразится на количествѣ обращающихся денегъ, ибо до этого момента ничто не въ состояніи остановить вывоза благородныхъ металловъ.

Такимъ образомъ, если положеніе цѣнъ таково, уравненіе международнаго запроса не можетъ установиться само собой и по той-же причинѣ, что страна требуетъ больше ввоза, чѣмъ сколько можетъ заплатить вывозомъ; это означаетъ, что страна имѣетъ въ обращеніи большее количество благородныхъ металловъ или знаковъ, ихъ замѣчающихъ, чѣмъ сколько можетъ въ ней постоянно обращаться, а потому эта страна неизбежно должна разстаться съ ними и только тогда возстановится балансъ. Сообразно съ этимъ, количество денегъ въ обращеніи сокращается: цѣны падаютъ и въ числѣ другихъ падаютъ и цѣны вывозныхъ товаровъ, на которые по той-же причинѣ за-границей бѣднѣйшій спросъ. Весьма возможно, что ввозимые товары поднялись въ цѣнѣ отъ наплыва монеты въ другую страну. И во всякомъ случаѣ общее паденіе цѣнъ изъ нихъ не отразилось. Но пока, возросшая дешевизна англійскихъ товаровъ не по-

будить иностранныя государства покупать ихъ на большую денежную стоимость или до тѣхъ поръ, пока возросшая дороговизна (положительная или сравнительная) иностранныхъ товаровъ не понудитъ Англiю покупать на меньшую денежную стоимость, вывозъ Англiи по прежнему будетъ недостаточенъ для оплаты за ввозъ и начавшiйся отливъ благородныхъ металловъ изъ Англiи будетъ по прежнему продолжаться. Отливъ металла будетъ продолжаться до той поры, когда пониженiе цѣны въ Англiи сдѣластъ доступнымъ для заграничнаго рынка какой нибудь товаръ, который Англiя ранѣе не вывозила, или когда пониженiемъ цѣны ранѣе вывозившихся товаровъ на столько увеличатъ заграничный спросъ на нихъ, что проданное ихъ количество будетъ достаточно для платежа за ввозъ; тому-же, быть можетъ, будетъ содѣйствовать пониженiе спроса Англiи на иностранныя товары, которое будетъ обуславливаться положительнымъ или сравнительнымъ возвышенiемъ цѣны этихъ товаровъ.

Но при нашемъ первоначальномъ предположенiи относительно натурального объѣма процессы объѣма совершались точно такимъ же способомъ. Не только слѣдовательно международная торговля стремится къ тому же равновѣсiю между вывозомъ и ввозомъ какъ и при употребленiи денегъ, такъ и безъ нихъ, но даже способы, которыми устанавливается это равновѣсiе по существу однохарактерны. Страна, вывозъ которой недостаточенъ для оплаты ввоза, должна продавать товары дешевле до тѣхъ поръ, пока сдѣлаетъ возбудить необходимый запросъ; *другими словами уравненiе*

международнаго запроса какъ при денежномъ, такъ и при натуральномъ обменѣ служить закономъ иностранной торговли. Каждая страна ввозитъ и вывозитъ такіе же товары и такое же количество ихъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. При натуральномъ обменѣ торговля тяготеетъ къ тому, чтобы ввозъ точно обмѣнивался за вывозъ; при денежномъ обменѣ торговля стремится къ тому, чтобы сумма ввоза и вывоза обмѣнивалась за то-же количество денегъ. А двѣ вещи, одинаково равны третьей, равны между собою; поэтому ввозъ и вывозъ одинаковой денежной стоимости ровно обмѣнивались-бы другъ на друга, если-бы деньги и не были въ употребленіи*).

*) Слѣдуетъ помнить, что Д. С. Милль является сторонникомъ количественной теоріи денегъ, которая вкратцѣ можетъ быть формулирована такъ: золото и серебро подобно всякимъ другимъ товарамъ имѣютъ внутреннюю цѣнность, которая не отличается характеромъ случайности, но зависитъ отъ количества труда и капитала, употребленныхъ на ихъ производство въ самыхъ худшихъ условіяхъ добыванія въ данное время. Употребляемая въ качествѣ денегъ благородные металлы не приобретаютъ вслѣдствіе этого добавочной цѣнности. Разница между стоимостью чеканной монеты и слитковъ не можетъ быть велика. Цѣнность денегъ въ конечномъ результатѣ всегда, а при свободномъ чеканѣ почти вполнѣ совпадаетъ съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Когда деньги дороже слитковъ, то создается стремленіе обращать эти послѣдніе въ монету, если слитки дороже монеты, значительное число ихъ обратится въ монету. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ монетный дворъ открытъ для всѣхъ и гдѣ надержки чекана падаютъ на государство, цѣнность денегъ и слитковъ совпадаетъ. Цѣнность денегъ—есть ихъ покупательная сила и цѣнность предметовъ, выражающаяся въ деньгахъ, составляетъ цѣну ихъ. Деньги и товары стремятся къ взаимному обмѣну. Всѣ находящіеся на рынкѣ товары составляютъ спросъ на деньги, а всѣ находящіеся въ обращеніи деньги спросъ на товары. По этому во всякой странѣ всегда обращается такое количество денегъ,

которое равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, раздѣленное [на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою или на такъ называемую *быстроту обращенія*. Кроме того на количество и цѣнность денегъ имѣетъ еще вліяніе степень экономіи въ употребленіи наличныхъ денегъ и замѣна ихъ кредитными знаками для совершенія платежей. Игнорируя два послѣднихъ элемента, можно сказать, что количество обращающихся въ странѣ денегъ тогда находится въ нормальномъ [положеніи, если оно опредѣляется суммою цѣнности обращающихся товаровъ, оцененною на ихъ металлическую цѣнность. Изъ предшествовавшаго положенія слѣдуетъ, что при данной количествѣ товаровъ и продажъ цѣнность денегъ обратно пропорціональна количеству ихъ помноженному на быстроту обращенія; но въ окончательномъ [результатѣ, утверждаетъ Д. С. Милль, цѣнность денегъ не опредѣляется однимъ количествомъ; по отношенію къ деньгамъ это послѣднее имѣетъ только болѣе важное значеніе, чѣмъ по отношенію къ товарамъ. Для послѣднихъ одна возможность пережѣть въ снабженіи уже рѣзко имѣетъ цѣнности. Цѣнность денегъ, количество которыхъ громадно въ мировомъ запасѣ, можетъ измѣниться только тогда, если количество денегъ дѣйствительно возрастетъ. Но въ конечномъ результатѣ цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ производства металла и въ среднемъ выводитъ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на другіе товары по стоимости своего производства; и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество какъ бы автоматическою силою будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этою цѣною цѣнъ,—въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ". См. нашъ трудъ „Деньги“. (Москва 1895, стр. 289—291) Прим. пер. А. М.

КНИГА IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распределеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Характерныя черты общества, которое обогащается.

Предварительныя замѣчанія.

Три предшествующія части заключаютъ въ себѣ, на сколько это было для насъ возможно, тщательный обзоръ той области политической экономіи, которую, пользуясь счастливымъ обобщеніемъ математическаго термина, назвали статикой этой науки. Мы обозрѣли поле экономическихъ фактовъ и изслѣдовали ихъ временное отношеніе какъ причинъ и слѣдствій. Мы старались открыть, чѣмъ определяется размѣръ производства и количество занятій для труда, капитала и населенія; какіе законы управляютъ рентой, прибылями и заработной платой, въ какихъ условіяхъ и въ какихъ пропорціяхъ товары обмѣниваются между отдѣльными личностями и странами. Такимъ образомъ мы получили

общій взглядъ на экономическія явленія общества, разсматриваемыя какъ нѣчто существующее одновременно. Мы опредѣлили до извѣстной степени начала ихъ взаимной зависимости и когда положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ извѣстно, то мы можемъ въ настоящее время дѣлать общее заключеніе относительно соответственнаго положенія въ то-же время почти всѣхъ другихъ элементовъ. Но все это познакомило насъ съ экономическими законами только неподвижнаго и неизмѣняющагося общества. Мы теперь должны разсмотрѣть экономическія условія, въ которыхъ живетъ человѣчество, какъ нѣчто подлежащее измѣненію. Безъ всякаго сомнѣнія во всѣхъ передовыхъ группахъ нашей расы и во всѣхъ областяхъ, куда ея влияние проникаетъ, экономическое положеніе во всѣ времена претерпѣваетъ постепенное видоизмѣненіе. Мы должны разсмотрѣть въ чемъ заключаются эти видоизмѣненія, каковы ихъ законы и къ чему направлено ихъ конечное стремленіе. Такимъ образомъ къ нашей теоріи равновѣсія прибавится теорія движенія, къ статикѣ политической экономіи—ея динамика.

Одна изъ чертъ характеризующихъ прогрессъ экономическаго движенія цивилизованныхъ націй, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вслѣдствіе своей тѣсной связи съ явленіями производства. Она заключается постоянно и на сколько можетъ простирается человѣческая предусмотрительность въ безграничномъ возрастаніи власти человека надъ природой... Выполненіе великихъ научныхъ изобрѣтеній на практикѣ не представляетъ нынѣ затрудненій почти нигдѣ. Теперь не трудно

найти или воспитать достаточное количество рабочих рукъ съ ловкостью, которая потребна для выполнения наиболѣе тонкихъ процессовъ для приложенія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ такого соединенія условій невозможно не ожидать въ будущемъ крупнаго увеличенія длиннаго ряда послѣдовательныхъ улучшеній для экономизаціи труда и умноженія продукта. Нельзя не ожидать также широкаго распространенія и увеличенія полезности этихъ изобрѣтеній.

Другое видоизмѣненіе, которое до настоящаго времени характеризовало и будетъ характеризовать прогрессъ цивилизованныхъ обществъ выражается въ постоянномъ увеличеніи безопасности личности и собственности, которая въ каждой изъ европейскихъ странъ, какъ въ самой отсталой, такъ и болѣе развитой, съ каждымъ поколѣніемъ все лучше ограждается отъ насилія и хищничества другихъ и это происходитъ, благодаря болѣе цѣлесообразной организаціи суда и полиціи, дѣйствующихъ противъ преступленій частныхъ лицъ; а также вслѣдствіе исчезновенія и уничтоженія тѣхъ вредныхъ привилегій, которыя позволяли однимъ классамъ общества безнаказанно грабить другіе. Каждое поколѣніе точно также все болѣе получаетъ обезпеченіе отъ насилій правительственной власти. . . Во всѣхъ странахъ Европы налоги стали менѣ произвольны и обременительны какъ сами по себѣ, такъ и по способу взиманія. Войны и производимыя ими разрушенія теперь почти во всѣхъ странахъ имѣютъ мѣсто только въ тѣхъ отдаленныхъ владѣніяхъ, гдѣ цивилизованные народы приходятъ въ соприкосновеніе съ дикарями. Даже невѣрности благосостоя-

нія, истекающія отъ неизбѣжныхъ естественныхъ несчастій, ослабляются въ своей силѣ относительно тѣхъ, кого постигаютъ, благодаря постоянному развитію благодѣтельной привычки къ страхованію.

Однимъ изъ непремѣнныхъ послѣдствій этого увеличенія безопасности служитъ возрастаніе производства и накопленія. Трудолюбіе и бережливость не могутъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ настоящей увѣренности, что трудолюбивымъ и берегающимъ будетъ дана возможность воспользоваться плодами ихъ дѣятельности. И чѣмъ болѣе эта увѣренность приближается къ достовѣрности, тѣмъ болѣе трудолюбіе и бережливость становятся отличительными качествами народа. Опытъ показалъ, что крушая доля результатовъ труда и воздержанія можетъ быть взята опредѣленнымъ налогомъ, не только не ослабляя, но иногда даже усиливая тѣ качества, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ большее производство и возникаетъ большее изобиліе капитала. Но эти качества не въ состояніи будутъ противостоять отсутствію безопасности, доведенной до высокой степени. Правительство можетъ брать часть, но должна существовать увѣренность, что оно не прикоснется само къ остатку и не позволитъ этого сдѣлать другимъ.

Другое изъ видоизмѣненій, которое почти всегда сопровождаетъ прогрессъ новаго общества, заключается въ улучшеніи дѣловыхъ способностей общей массы людей. Я не хочу сказать, что практическая сообразительность отдѣльныхъ человѣческихъ существъ теперь больше, сравнительно съ прежнимъ. Я склоненъ вѣрить, что экономическій прогрессъ до настоящаго времени имѣлъ даже противо-

положное дѣйствіе. Лицо, съ хорошими природными дарованіями въ грубомъ состояніи общества, можетъ довольно хорошо выполнить значительное количество дѣлъ, имѣть большее умѣніе приспособлять средства къ цѣлямъ, умѣть лучше освободить себя и другихъ отъ непредвидѣнныхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи ему уступать 99 человекъ изъ 100, узнавшихъ такъ называемую цивилизованную форму жизни. На сколько балансируются эти недостатки и какими средствами они могутъ быть возмѣщены болѣе полно въ цивилизованномъ человекѣ, какъ въ индивидуальномъ существѣ—это вопросъ, относящійся къ другому роду изслѣдованій сравнительно съ настоящимъ. Но для цивилизованныхъ существъ, взятыхъ вмѣстѣ, возмѣщеніе вполне достаточно. То, что потеряно каждымъ въ способности къ дѣятельности, далеко возмѣщается возросшей способностью къ соединенному дѣйствию. По мѣрѣ того, какъ люди теряютъ качества, присущія дикарямъ, ихъ становится легче дисциплинировать; они становятся способны держаться плана заранее выработаннаго и въ созданіи котораго они сами не участвовали. Они легче подчиняютъ свой личный капризъ заранее принятому рѣшенію и выполняютъ по одиночкѣ тотъ родъ дѣятельности, который имъ назначенъ въ соединенномъ предпріятіи. Работы всякаго рода, невыполнимыя для дикарей или полувиллизованныхъ, каждодневно выполняются цивилизованными націями и это зависитъ не отъ того, чтобы въ дѣйствительныхъ исполнителяхъ была крупная сила дарованій, но просто потому, что каждый можетъ съ увѣренностью ожидать, что вся-

кій выполнить долю работы, принятую на себя. Короче говоря, отличительной характеристикой цивилизованныхъ существъ является способность къ сотрудничеству; а эта способность, подобно всѣмъ другимъ, стремится уллучшиться практикою и можетъ приобрѣтать все большую сферу дѣйствія.

Поэтому самымъ вѣрнымъ признакомъ прогрессивнаго видоизмѣненія общества является постоянное возрастаніе принципа и практики сотрудничества. Сообщества отдѣльныхъ личностей, добровольно соединяющихъ свои небольшіе взносы, выполняютъ нынѣ работы какъ промышленнаго, такъ и другого характера, которыя были бы не по средствамъ одному лицу или небольшому ихъ количеству; за выполненіе подобной дѣятельности, немногіе пригодныя къ ней лица требовали прежде самое чрезмѣрное вознагражденіе. По мѣрѣ увеличенія богатства и уллучшенія дѣловой способности людей, мы можемъ ждать, что значительно расширится кругъ учреждений какъ промысловаго, такъ и другого характера, которые создаются совокупными взносами значительнаго числа людей. Къ такимъ учреждениямъ слѣдуетъ отнести такъ называемыя акціонерныя компаніи и общества, организованныя на менѣе формальныхъ началахъ, для какихъ нибудь общественныхъ или филантропическихъ цѣлей и наконецъ товарищества рабочихъ для производства или покупки товаровъ для собственного потребленія, которыя нынѣ извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ кооперативныхъ обществъ.

Прогрессъ, котораго можно ожидать въ физическихъ наукахъ и искусствахъ, возрастаніе безопасности собственности и большая свобода въ

распоряженіи ею, которыя составляютъ такую бросающуюся въ глаза черту цивилизаціи современныхъ націй, а также болѣе широкое и искусное примѣненіе акціонернаго принципа, всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности даютъ возможность и просторъ для безграничнаго увеличенія капитала и производства, а также и для размноженія населенія, которое его обыкновенно сопровождаетъ. Нѣтъ основаній опасаться, что ростъ населенія превзойдетъ увеличеніе производства. Нельзя даже утверждать, что возрастаніе населенія и производства будетъ идти равномѣрно, ибо оно не согласуется съ предположеніемъ о какомъ нибудь существенномъ улучшеніи положенія бѣднѣйшихъ классовъ. Однако весьма возможно, что обнаружится значительный прогрессъ въ промышленныхъ усовершенствованіяхъ и всѣ признаки того, что называется національнымъ процвѣтаніемъ, а именно: крупное увеличеніе общей массы богатства и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучшее его распредѣленіе; не только богатые дѣлаются богаче, но и бѣдняки нѣсколько улучшатъ свое положеніе, такъ что посредствующій классъ можетъ сдѣлаться болѣе многочисленнымъ и могущественнымъ и средства къ болѣе пріятной и удобной жизни сдѣлаются достояніемъ большаго числа людей, но въ то-же время огромный общественный классъ, служащій фундаментомъ всего, можетъ возрастать только въ количествѣ и не обнаруживать успѣха въ удобствахъ жизни и въ образованіи. Поэтому при разсмотрѣніи послѣдствій, истекающихъ изъ развитія промышленности, мы должны допустить предположеніе, которое мы мо-

жемъ въ высшей степени не одобрять какъ фактъ, что возрастаніе населенія можетъ продолжаться столь же долго, быть столь же безгранично и вѣроятно столь же быстро, какъ и увеличеніе производства и накопленія.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, относительно причинъ измѣненій дѣйствующихъ въ обществѣ, которое экономически прогрессируетъ, я приступаю къ болѣе детальному изученію самихъ этихъ видоизмѣненій.*)

*) Читатель, усвоившій хорошо общую теорію Д. С. Милля, легко можетъ представить себѣ разсматриваемыя имъ случаи, а потому мы опускаемъ главы 2 и 3-ю. Прим. пер. А. М.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тенденція прибыли къ минимуму.

Отчего зависит минимумъ прибыли.

Во всякое данное время и въ каждой мѣстности существуетъ нѣкоторая норма прибыли, которая считается самой низкой. Если прибыль будетъ ниже, то люди перестанутъ дѣлать сбереженія и употреблять ихъ производительно. Этотъ минимумъ прибыли измѣняется въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Онъ зависитъ отъ двухъ причинъ. Во первыхъ отъ силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, т. е. отъ того сравнительнаго значенія, которое люди данной мѣстности и времени придаютъ будущимъ выгодамъ сравнительно съ настоящими. Эта причина главнымъ образомъ оказываетъ влияние на склонность къ сбереженію. Другая причина, не столько опредѣляющая желаніе сберегать, сколько склонность къ производительному употребленію сбереженій, заключается въ той степени безопасности, въ которой находится капиталъ, занятой промышленными операціями. Безъ сомнѣнія общая

небезопасность дѣйствуетъ и на склонность къ сбереженіямъ. Спрятанное сокровище можетъ быть источникомъ новой опасности для его владѣльца. Но тоже сокровище можетъ служить могущественнымъ средствомъ для отвращенія опасностей, а потому вліяніе сокровища въ этихъ двухъ отношеніяхъ можно признать взаимно балансирующимся. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человекъ употребляетъ свои средства какъ капиталъ на свои обороты, или даетъ займы для тѣхъ же цѣлей, всегда имѣется нѣкоторый добавочный рискъ сверхъ того, которому онъ подвергается, когда онъ держитъ свои средства спрятанными подъ собственной охраной. Этотъ добавочный рискъ возрастаетъ въ зависимости отъ общаго положенія общественной небезопасности. Этотъ рискъ можетъ оцѣниваться въ 20, 30 и 50% или же только въ 1 и 2%. Во всякомъ случаѣ рискъ долженъ оцѣниваться нѣкоторой величиною и вѣроятная прибыль должна быть достаточна для его возмѣщенія.

Достаточныя побужденія дѣлать нѣкоторыя сбереженія существовали бы даже тогда, если бы капиталъ не приносить никакой прибыли. Всегда обнаруживалось бы стремленіе откладывать въ хорошія времена запасъ на черный день, дѣлать кое-какія сбереженія на случай болѣзни и инвалидности, для пріобрѣтенія досуга и независимости въ послѣднюю половину жизни, или на помощь дѣтямъ въ началѣ ихъ карьеры. Однако сбереженія, преслѣдующія только эти цѣли, имѣютъ мало тенденціи увеличивать запасъ капитала, постоянно существующій въ наличности. Эти побужденія склоняютъ только людей сберегать въ одинъ періодъ

ихъ жизни то, что они располагають потребить въ другомъ, или что потребить ихъ дѣти, пока не начнутъ сами себя вполне обезпечивать. Тѣ сбереженія, при помощи которыхъ совершается умноженіе національнаго капитала, обыкновенно происходятъ изъ желанія людей улучшить то, что называется ихъ положеніемъ въ жизни или приготовить обезпеченіе дѣтямъ и другимъ, независящее отъ ихъ усилій. Сила этихъ наклонностей весьма существенно зависитъ однако отъ того, въ какой мѣрѣ желаемая цѣль достигается даннымъ размѣромъ и продолжительностью самоограниченія; послѣднее въ свою очередь зависитъ отъ величины прибыли. Въ каждой странѣ имѣется нѣкоторая величина или норма прибыли, ниже которой люди по общему правилу не стануть находить достаточныхъ побужденій къ сбереженіямъ только для своего обогащенія и для предоставленія другимъ лучшаго положенія сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ находятся сами. Всякое сбереженіе, слѣдовательно, которымъ увеличивается общій капиталъ, требуетъ какъ необходимое условіе нѣкоторой нормы прибыли, а именно: прибыль должна имѣть такой размѣръ, чтобы давать человѣку среднихъ свойствъ вознагражденіе за воздержаніе съ нѣкоторой прибавкой, служащей достаточной страховой преміей за рискъ. Всегда найдутся люди, у которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше средняго и для которыхъ норма прибыли „даже меньшая“ служила бы достаточнымъ побужденіемъ къ сбереженіямъ. Но такіе люди только уравновѣшиваютъ собою другихъ, пристрастіе которыхъ къ тратамъ и наслажденіямъ выше средняго и которыя вмѣсто

того, чтобы сберечь, быть может, даже расточают полученное.

Я уже замѣтилъ, что эта минимальная норма прибыли, согласующаяся съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ капитала въ разныхъ состояніяхъ общества, бываетъ ниже въ одномъ изъ нихъ сравнительно съ другимъ; я могу добавить, что характеръ общественнаго развитія современной цивилизаціи стремится понизить прибыль до минимума. Во первыхъ однимъ изъ признанныхъ послѣдствій общественнаго развитія является увеличеніе безопасности; вторымъ послѣдствіемъ цивилизацій является и то, что люди становятся все меньше и меньше рабами настоящаго и все болѣе и болѣе привыкаютъ расширять свои желанія и цѣли на отдаленное будущее. По этимъ двумъ причинамъ, вслѣдствіе уменьшенія риска и благодаря увеличенію предусмотрительности, прибыль или процентъ въ 3, 4 служитъ столь-же достаточнымъ мотивомъ къ увеличенію капитала въ Англіи настоящаго времени, какъ 30 или 40% въ Бирманской имперіи или въ Англіи время Іоанна Безземельнаго.

Но есть причина еще другого рода... При умноженіи капитала, населеніе будетъ возрастать или не будетъ возрастать. Если оно не будетъ возрастать, заработная плата возрастетъ и болѣе капиталъ будетъ распределенъ въ видѣ платъ между тѣмъ же количествомъ работниковъ. Такъ какъ количество труда не увеличилось сравнительно съ прежнимъ и не произведено никакихъ изобрѣтеній, дѣлающихъ трудъ болѣе успѣшнымъ, то не будетъ и возрастанія продукта. Какъ бы сильно не возросъ капиталъ, онъ будетъ получать преж-

ною валовую выручку, а потому и сбережения каждого года будутъ составлять одинаковый вычетъ ихъ прибылей слѣдующаго и всѣхъ будущихъ годовъ. Едва ли нужно говорить, что при такомъ положеніи вещей, прибыль скоро издетъ до нормы, при которой остановится дальнѣйшее возрастаніе капитала. Увеличеніе капитала, значительно большее, чѣмъ возрастаніе населенія, должно скоро достигнуть своего крайняго предѣла, если оно не будетъ сопровождаться увеличеніемъ успѣшности труда, проистекающей изъ новыхъ открытій и изобрѣтеній или отъ улучшенія умственнаго и физическаго воспитанія рабочихъ, или, если нѣкоторые изъ праздныхъ людей и непроизводительныхъ работниковъ не обратятся въ производительныхъ.

Если населеніе будетъ возрастать соразмѣрно съ возрастаніемъ капитала, паденіе прибыли будетъ по прежнему неизбѣжно. Увеличеніе населенія обуславливаетъ собою большій запросъ на земледѣльческій продуктъ. При отсутствіи промышленныхъ улучшеній этому запросу нельзя удовлетворить иначе, какъ черезъ увеличеніе издержекъ производства, переходя для этого къ обработкѣ худшихъ земель или болѣе тщательно и съ большими затратами воздѣлывая землю, уже находящуюся въ обработкѣ. Такимъ образомъ стоимость содержанія работниковъ увеличится и если они не желаютъ подчиниться ухудшенію въ условіяхъ жизни, прибыль должна упасть. Въ такихъ странахъ какъ Англія прибыль быстро упала бы до минимума и всякое дальнѣйшее накопленіе капитала прекратилось бы, если бы нынѣшній годичный размѣръ сбереженій продолжался и не было бы противодействующихъ об-

стоятельствъ, которыя въ настоящее время задерживаютъ естественную тенденцію этихъ сбереженій понижать прибыль.

Но если минимумъ прибыли подлежитъ видоизмѣненію и если даже невозможно съ точностью опредѣлить его величину во всякое данное время, то все-таки нѣкоторый минимумъ прибыли долженъ существовать. И какъ бы высокъ или низокъ не былъ этотъ минимумъ, но разъ онъ достигнутъ, то въ такое время возрастаніе капитала уже не будетъ имѣть мѣста. Страна тогда достигла того положенія, которое извѣстно экономистамъ подъ названіемъ: неподвижнаго состоянія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Неподвижное состояніе.

Предшествовавшія главы содержатъ общую теорію экономическаго прогресса общества въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти термины обыкновенно понимаются, а именно въ смыслѣ умноженія капитала, возрастанія населенія и развитія производительныхъ искусствъ. Но когда разсматриваютъ развивающееся движеніе, но не безпредѣльное по самой своей природѣ, то умъ не удовлетворяется изображеніемъ однихъ законовъ этого движенія. Онъ невольно долженъ поставить вопросъ: куда мы идемъ? Къ какой конечной цѣли стремится общество, промышленно развиваясь? И когда это развитіе закончится, спрашивается, въ какомъ положеніи будетъ тогда находится человѣчество?

Я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе въ развитіи капитала и богатства съ тѣмъ неподдѣльнымъ отвращеніемъ, которое такъ часто обна-

руживалось къ нему экономистами *старой школы**) . Я даже увѣренъ, что оно въ цѣломъ было-бы значительно лучше нынѣшняго положенія; признаюсь, меня не очаровываетъ идеаль жизни, даваемый писателями, которые думаютъ, что нормальное положеніе человѣческихъ существъ—борьба для своего возвышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ современной общественной жизни—прекраснѣйшая участь для людей, а не просто одинъ изъ неприятныхъ симптомовъ извѣстной фазы промышленнаго развитія....

Самое лучшее состояніе для человѣческой природы то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ быть богаче и не имѣетъ основаній опасаться, что онъ будетъ оттолкнутъ назадъ усилиями другихъ пробраться впередъ.

..... Можно предполагать, что это лучшее распределеніе собственности можетъ быть достигнуто чрезъ соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости личностей вмѣстѣ съ законодательной системой, благоприятствующей равенству состояній, на сколько оно согласуется съ справедливымъ требованіемъ каждаго лица, мужчины или женщины, чтобы имъ принадлежали плоды ихъ собственнаго труда, какъ-бы велики или малы они не были. Мы можемъ предположить, напримѣръ, какъ мы уже это сдѣлали въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, что установлено ограниченіе суммы, которую можетъ лицо приобрѣтать дареніемъ или наследова-

*) Въ нижеслѣдующія главы показываютъ, какъ сильно отличается взгляды Д. С. Милля отъ таковыхъ же Рикардо, Мальтуса и другихъ, которыхъ онъ именуетъ представителями старой школы. Прим. пер. А. М.

нѣемъ и ограниченіе это опредѣлено размѣромъ достаточнымъ для скромной независимости. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ общество стало-бы обнаруживать слѣдующія характерныя особенности. Оно состояло-бы изъ хорошо оплачиваемаго и вліятельнаго класса рабочихъ. Въ немъ не было-бы громадныхъ состояній кромѣ тѣхъ, которыя заработаны и накоплены въ теченіи одной жизни. Зато былъ-бы болѣе обширный классъ людей чѣмъ теперь, который былъ-бы не только избавленъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы, но имѣлъ-бы достаточный досугъ, физическій и умственный, отъ механическихъ деталей всякаго рода. Этотъ досугъ давалъ-бы ему возможность свободно предаваться лучшимъ задачамъ жизни и служить примѣромъ для классовъ, которые поставлены въ менѣе благопріятное положеніе и не могутъ предаваться развитію въ себѣ столь изящной жизни. Такое положеніе общества, которое гораздо лучше нынѣшняго, не только совместило съ неподвижнымъ состояніемъ, но кажется болѣе естественно связано съ нимъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Безъ всякаго сомнѣнія въ мірѣ имѣется еще много мѣста, даже въ старыхъ странахъ, для крупнаго увеличенія населенія, при томъ предположеніи, что полезныя для жизни искусства улучшаются и капиталъ возрастаетъ. Но признаюсь, если это возрастаніе населенія даже безвредно, то я не вижу причинъ считать его желательнымъ. Во всѣхъ самыхъ населенныхъ странахъ уже достигли той густоты населенія, которая даетъ возможность пользоваться въ высшей степени всѣми выгодами сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населе-

ніе можетъ быть слишкомъ многочисленно, хотябы каждый и былъ вполне снабженъ пищею и одеждою. Не хорошо человѣку быть по-неволѣ и всегда среди себѣ подобныхъ. Мірѣ, изъ котораго изгнано уединеніе, весьма плохой идеаль. Уединеніе, т. е. частое пребываніе наединѣ съ самимъ собою существенно важно для глубокаго размысленія и для выработки глубины характера. Уединеніе предъ лицомъ естественной красоты и величія природы—колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльной личности, но безъ которыхъ не хорошо было-бы и обществу. Мало удовольствія созерцать міръ, гдѣ ничего не было-бы оставлено естественной дѣятельности природы, гдѣ всякій клочекъ земли обращенъ въ пашню, если только онъ можетъ давать пищу для человѣческихъ существъ, гдѣ вспахано все, на чемъ росли дикіе цвѣты или было естественное пастбище; истреблены, какъ соперники человѣка въ пищу, всѣ четвероногіе и птицы, не сдѣланные домашними на его пользу, вырублены всѣ роши и лишнія деревья и едва-ли осталось мѣсто, гдѣ-бы могъ расти дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ какъ сорная трава во имя улучшеннаго земледѣлія. Если земля должна потерять ту значительную долю своей привлекательности, которая придается ей вещами, осужденными на уничтоженіе благодаря безграничному возрастанію богатства и населенія — и все это для того, чтобы дать возможность жить большому количеству людей, но не лучшему и болѣе счастливому населенію, то я искренно надѣюсь для блага потомства, что оно удо-

влетворится неподвижнымъ состояніемъ гораздо ранѣе, чѣмъ къ тому принудить необходимость.

Едва-ли необходимо замѣчать, что неподвижное состояніе капитала и населенія не предполагаетъ неподвижности человѣческаго развитія. При немъ оставалось-бы не менѣе чѣмъ прежде простора для всякихъ видовъ умственнаго образованія и нравственнаго и общественнаго развитія. Столь-же простора было-бы и для улучшенія искусства жить и еще болѣе поводовъ къ его улучшенію. При такомъ положеніи, когда мысль перестала озабочиваться стремленіемъ пробиться впередъ другихъ, даже промышленныя искусства могли-бы развиваться съ такой-же глубиной и усилѣхомъ, но только съ тѣмъ различіемъ, что вмѣсто того, чтобы служить для увеличенія богатства, промышленныя усовершенствованія стали-бы производить свое надлежащее дѣйствіе, а именно сокращать количество труда. Для настоящаго времени еще сомнительно, облегчали-ли всѣ механическія усовершенствованія, донинѣ сдѣланныя, дневной трудъ любого человѣческаго существа? Они дали возможность большому количеству населенія жить той-же самой тяжелой и острожно замкнутой жизнью, и большому количеству фабрикантовъ и ихъ сподвижниковъ дѣлать состоянія. Они увеличили комфортъ среднихъ классовъ, но они до сихъ поръ еще не начали производить тѣ великія видоизмѣненія въ человѣческой судьбѣ, которыя по самой своей природѣ они должны вызвать въ будущемъ. Только тогда, когда при наличности справедливыхъ учрежденій размноженіе людей будетъ найдется подъ сознательнымъ руководствомъ разум-

ной предусмотрительности, только тогда победы, совершенныя надъ силами природы—разумомъ и энергіей научныхъ открывателей, сдѣлаются общей собственностью нашей расы и средствомъ для улучшения и возвышенія судьбы всѣхъ людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ.

Теорія зависимости и покровительства не приложила къ современному состоянію общества *).

Соображенія, высказанныя въ предшествовавшей главѣ, имѣли своей главной цѣлью опровергнуть ложный идеалъ относительно человѣческаго общества. Приложение этихъ соображеній на практикѣ въ наше время заключается въ стремленіи умѣрить ненадлежащее значеніе, которое придавалось простому возрастанію производства и обратить вниманіе на улучшеніе распредѣленія и большее вознагражденіе труда, какъ на двѣ главныхъ цѣли.

---

*) Въ своей автобіографіи Д. С. Милль говоритъ: (см. Autobiography, 3 изд., L. 1874. стр. 345). „Глава моего трактата о будущемъ рабочихъ классовъ произвела на общественное житіе наибольшее вліяніе, чѣмъ все остальное въ книгѣ. Эта глава не входила въ первоначальный планъ моей книги и была написана подъ исключительнымъ вліяніемъ г-жи Тэйлоръ, которая впоследствии сдѣлалась моею женой. Главная часть этой главы

Возрастаетъ или не возрастаетъ абсолютно продуктъ—разъ нѣкоторое количество его добыто, это предметъ, къ которому не долженъ питать большого интереса ни законодатель, ни филантропъ; но величайшее значеніе имѣетъ вопросъ—возрастаетъ-ли количество продукта сравнительно съ числомъ лицъ, между которыми оно дѣлится; а это зависитъ какъ при неподвижномъ состояніи богатства, такъ и при быстрѣйшемъ его возрастаніи, какое когда-либо было извѣстно въ старой странѣ, отъ мнѣній и привычекъ многочисленнѣйшаго класса простыхъ рабочихъ. Когда я говорю здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о рабочихъ классахъ или о работникахъ, какъ о классѣ, я употребляю эти выраженія, „подчиняясь обычаю“ для изображенія существующаго, но отнюдь не необходимаго или постояннаго положенія общественныхъ отношеній... Но пока существуетъ нерабочій классъ..., работники также составляютъ классъ и о нихъ можно, хотя только и временно, говорить какъ о классѣ.

состоитъ въ непосредственномъ воспроизведеніи ея идей и часто даже въ выраженіяхъ, которая я получалъ изъ ея устъ. Не отъ нея я узналъ то, что составляетъ теоретическую сторону моего трактата, но подъ ея вліяніемъ моя книга приобрѣла то направленіе, которое отличаетъ ея отъ предшествовавшихъ трактатовъ по политической экономіи. Это особое направленіе сказалось на томъ различіи, которое я провелъ между законами производства богатства, которые въ дѣйствительности являются законами природы и зависятъ отъ свойства вещей, и способами распределенія богатства, которые при извѣстныхъ условіяхъ опредѣляются человеческой волей. Нѣкоторые экономисты смѣшиваютъ эти два рода законовъ съ тѣми общими экономическими законами, которые по ихъ мнѣнію никакая человеческая воля не можетъ ни уничтожить, ни видоизмѣнить; они считаютъ столь-же необходимыми законы, опредѣляющіеся неизмѣнными законами нашего земнаго существованія, наравнѣ съ тѣми, которые являются необходимыми послѣдствіями извѣстнаго

Положеніе рабочаго народа, съ нравственной его стороны, въ послѣднее время подвергалось гораздо большимъ изслѣдованіямъ и обсужденіямъ, чѣмъ прежде; убѣжденіе, что это положеніе не таково, какимъ ему слѣдуетъ быть, сдѣлалось почти всеобщимъ. Предположенія, которыя были по этому поводу обнародованы, и споры, вызванные впрочемъ гораздо болѣе частностями вопроса, чѣмъ его существомъ, съ очевидностью обнаружили, что существуютъ двѣ противоположныя теоріи относительно желательнаго общественнаго положенія простыхъ рабочихъ. Одну изъ нихъ можно назвать теоріей зависимости и покровительства, а другую теоріей самостоятельности.

Согласно первой теоріи участь бѣдныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, которыя касаются ихъ совмѣстно, должна быть опредѣлена *для нихъ*, но не ими самими. Не слѣдуетъ требовать отъ нихъ, чтобы они думали за самихъ себя и поощрять ихъ въ этомъ;

общественнаго устройства... При господствѣ извѣстныхъ учреждений и обычаевъ заработныя платы, прибыли и рента будутъ опредѣляться извѣстными причинами; но экономисты забываютъ принять во вниманіе одно необходимое соображеніе и утверждаютъ, что эти причины, какъ послѣдствіе внутренней необходимости, противъ которой ничего не означаютъ любыя человѣческія усилія, будутъ опредѣлять доли, выпадающія при распредѣленіи продуктовъ работникамъ, капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ. Въ моемъ трактатѣ о политической экономіи я не менѣе, чѣмъ мой предшественникъ, употребилъ усилій для научнаго опредѣленія дѣйствія причинъ при наличности условій ихъ вызывающихъ; только въ настоящей книгѣ я не разсматриваю эти причины, какъ нечто неизмѣнное... Эти взгляды возникли у меня отчасти подъ вліяніемъ доктринъ Сенъ-Симонизма, но только подъ вліяніемъ моей жены они сдѣлались живой струей, которая проникаетъ чрезъ всю мою книгу*. Прия. пер. А. М.

въ опредѣленіи ихъ судьбы не надобно давать ихъ мыслямъ или предусмотрительности вліятельнаго голоса. По предложенію этой теоріи, высшіе классы должны думать за нихъ, принимая на себя отвѣтственность за ихъ судьбу подобно тому, какъ это дѣлаютъ военначальники и офицеры арміи относительно входящихъ въ ея составъ солдатъ. Къ этой обязанности, какъ утверждаютъ, высшіе классы должны добровѣстно приготовляться и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій возбуждать въ бѣдныхъ увѣренность, что, пассивно или активно повинуваясь предписаннымъ для нихъ правиламъ, они во всѣхъ отношеніяхъ могутъ предаваться довѣрчивой *беззаботности* и спокойно проживать подъ покровомъ своихъ защитниковъ. Отношеніе между бѣднымъ и богатымъ, согласно этой теоріи, которая равно прилагается къ мужчинамъ и женщинамъ, должно имѣть только отчасти характеръ власти: оно должно быть дружескимъ, нравственнымъ и добросердечнымъ; съ одной стороны должно быть нѣжное попеченіе, съ другой — почтительное и признательное послушаніе. Богатые должны быть чѣмъ-то вродѣ родителей (*in loco parentis*) для бѣдныхъ, стараясь руководить и удерживать ихъ какъ дѣтей. Самостоятельной дѣятельности бѣдные не должны проявлять. Отъ нихъ не слѣдуетъ требовать ничего болѣе кромѣ выполненія ихъ необходимаго дневного труда, а также того, чтобы они были нравственными и религіозными. Нравственность и религію они должны получать отъ старшихъ, которые должны давать имъ въ томъ соотвѣтственное обученіе и всячески заботиться, чтобы бѣдные въ возмѣщеніе за ихъ трудъ и привязанность полу-

чали надлежащую пищу, одежду, жилище, духовное развитие и невинная развлечения.

Таковъ идеалъ будущаго въ представлѣнїяхъ людей, у которыхъ недовольство настоящимъ принимаетъ форму любви къ прошлому и сожалѣнїе о немъ*). Подобно всякимъ другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безсознательно влїенїе на мнѣнїя и чувства значительнаго числа людей, которые никогда не руководятся никакимъ идеаломъ сознательно. Сходство этого идеала съ другими заключается также въ томъ, что онъ никогда не осуществлялся въ дѣйствительной жизни. Онъ взываетъ къ нашимъ воображаемымъ симпатїямъ и старается возстановить добрыя времена нашихъ прадедовъ. Но нельзя указать ни одного времени, какъ въ исторїи Англїи, такъ и другихъ странъ, въ теченїи котораго высшіе классы выполняли бы роль даже лишь отдаленнымъ образомъ сходную съ той, которая назначается для нихъ этой теорїей. Последняя основана на идеализации образа дѣйствїй и характера отдѣльныхъ личностей иногда встрѣчающихся. Все привилегированные и богатые классы, какъ таковые, пользовались своей властью въ интересахъ собственнаго своекорыстія, а собственнымъ могуществомъ они пользовались не для того, чтобы съ любовью заботиться о тѣхъ, которые принуждены работать на ихъ пользу, но для того, чтобы презирать этихъ людей, какъ униженныхъ. Я не утверждаю, что разъ бывшее такъ всегда и должно быть, я не говорю, что человѣческое развитїе не имѣетъ стремленїа исправлять интен-

*) Подробно ознакомиться съ этой точкой зрѣнїя читатель получитъ возможность чрезъ изданїе сочиненїй Лэ-Пла въ той же экономической библиотекѣ. Приж. пер. А. М.

сивность своекорыстныхъ чувствованій, порождаемыхъ властью; но хотя зло и можетъ быть уменьшено, его нельзя искоренить, пока сама власть не отнята. По крайней мѣрѣ нельзя отрицать, кажется мнѣ, что гораздо ранѣе, чѣмъ высшіе классы высятся до того, чтобы управлять въ такомъ покровительственномъ смыслѣ, низшіе классы слишкомъ разовьются для того, чтобы подчиняться такому управленію.

Я хорошо чувствую, какъ обольстительна картина того общества, какъ ее изображаетъ эта теорія. Хотя факты, на которыхъ основана эта теорія, не существовали въ прошедшемъ, за то были подобныя чувствованія. Въ послѣднихъ заключается вся реальность этой теоріи. Мысль объ обществѣ, связаннаго лишь отношеніями и чувствованіями, вытекающими изъ денежныхъ интересовъ, по самому своему существу отвратительна, а потому есть нѣчто привлекательное въ такомъ обществѣ, которое изобилуетъ сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ. Слѣдуетъ признать, что отношенія между покровителемъ и покровительствуемымъ въ свое время были богатѣйшимъ источникомъ такихъ чувствъ. Сильнѣйшую привязанность по общему правилу люди чувствуютъ къ такимъ вещамъ и лицамъ, которыя ограждаютъ ихъ отъ какого-нибудь угрожающаго зла. Въ вѣкъ незаконнаго насилія и не безопасности, общей жестокости и грубости правовъ, когда жизнь на каждомъ шагу подвержена опасностямъ и страданіямъ для тѣхъ кто не имѣетъ лично ни могущественнаго положенія, ни права на покровительство отъ человѣка, имѣющаго по-

добное положеніе—въ такой вѣкъ благородная задача покровительства и признательное принятіе его заключаетъ въ себѣ сильнѣйшія связующія узы для человѣческихъ существъ; энтузіазмъ и нѣжность наиболѣе чувствительныхъ человѣческихъ натуръ сосредотачиваются вокругъ этихъ отношеній; преданность считается закономъ съ одной стороны и рыцарское покровительство—съ другой и эти начала доходятъ до степени страстей. Я не желаю умалять значенія этихъ качествъ. Ошибка заключается въ томъ, что не замѣчаютъ, что эти добродѣтели и чувства подобно племенному чувству и гостепріимству кочевому араба, служатъ яркой характеристикой лишь грубаго и несовершеннаго состоянія общественнаго союза. Отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ, будетъ-ли то правитель и подданный, богатый и бѣдный, мужчина или женщина, не могутъ имѣть этого привлекательнаго и обольстительнаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ нужно было-бы покровительство. Имѣется-ли что нибудь въ современной общественной организаціи, чтобы человѣкъ обыкновенной силы и смѣлости долженъ былъ испытывать горячее чувство благодарности и преданности взаимно за покровительство? Бѣдняки находятъ покровительство въ законахъ, если послѣдніе преступно не измѣняютъ своему дѣлу. Быть подъ властью кого-бы то ни было—прежде было единственнымъ способомъ доставить себѣ безопасность,—теперь, говоря вообще, такое положеніе подвергаетъ человѣка тягостной несправедливости. Такъ называемыми покровителями теперь являются люди, противъ

которыхъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужно покровительство. Грубость и насиліе, которыми переполнены полицейскіе отчеты, касаются отношеній мужей къ женамъ и родителей къ дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей и только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекратить ихъ и ввести наказаніе за нихъ, — вовсе не объясняется необходимостью, а составляетъ глубокий позоръ для тѣхъ, кто составляетъ законы и приводитъ ихъ въ исполненіе. Ни одинъ мужчина и никакая женщина, которая могутъ добывать или научится добывать независимо средства къ жизни, не нуждаются въ другомъ покровительствѣ кромѣ того, которое имъ можетъ и долженъ давать законъ. Признавая это, считать за доказанное, что отношенія основанныя на покровительствѣ должны всегда существовать, это значитъ обнаруживать глубокое незнаніе человеческой природы и не замѣчать, что принятіе на себя роли покровителя и власти безъ всякой оправдывающей необходимости должно порождать чувства, прямо противоположныя преданности.

Можно съ увѣренностью сказать о рабочихъ людяхъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе развитыхъ странахъ Европы, что они не захотятъ вновь подчиниться патріархальной или отеческой системѣ управленія. Этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ тотъ моментъ, когда они научились читать и получили доступъ къ газетамъ и политическимъ брошюрамъ. Когда ихъ собрали для совместной работы подъ однимъ кровомъ, когда желѣзныя дороги доставили имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и перемѣнять своихъ

патроновъ и работодателей также легко, какъ и платъ, когда ихъ стали поощрять къ участию въ управленіи, давая имъ избирательныя права, рабочіе классы взяли свои интересы въ свои руки и стали постоянно показывать, что ихъ интересы не совпадаютъ съ интересами предпринимателей. Нѣкоторые среди высшихъ классовъ льстятъ себя надеждой, что этимъ стремленіямъ можно противостоять моральнымъ и религіознымъ воспитаніемъ, но они уже пропустили время. Я говорю такъ въ особенности объ Англіи, о ея городскомъ и о сельскомъ населеніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Шотландіи и на сѣверѣ Англіи, земледѣліе ведется на наиболѣе научныхъ началахъ и рабочія платы высоки. Въ Южныхъ графствахъ нашей страны, гдѣ земледѣльческое населеніе наиболѣе инертно и менѣе подверглось новѣйшимъ вліяніямъ, возможно, что сельское дворянство еще удержитъ на нѣкоторое время это населеніе въ древней почтительности и покорности, если будетъ давать имъ высокія платы и постоянное занятіе, поддержку и не станетъ требовать отъ нихъ ничего, чего они не желаютъ дѣлать. Но эти два условія никогда не встрѣчаются и не могутъ на долгое время встрѣчаться совместно. Обезпечить средства къ жизни на практикѣ возможно лишь тогда, если на населеніе будетъ возложена обязанность работать и сдерживать излишнее размноженіе по крайней мѣрѣ путемъ нравственнаго воздержанія. Возстановители старины, которой они сами не понимаютъ, тогда почувствуютъ на практикѣ за какое безнадежное дѣло они принялись. Все зданіе патриархальнаго и владѣльческаго вліянія, попытку построить которое они

хотять на основаніяхъ любезнаго обращенія съ бѣдными, разобьется о необходимость подвергнуть ихъ строгому закону объ общественномъ призрѣніи (roog law).

Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ умственнаго развитія.

Благосостояніе и счастье рабочихъ классовъ должно основываться отнынѣ на совершенно иныхъ началахъ. Бѣдные уже выросли на столько, чтобы ихъ можно было водить на помочахъ. Съ ними нельзя распорядиться и обращаться какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть предоставлена собственной самодѣятельности. Новѣйшимъ народамъ надо познать, что благосостояніе населенія должно основываться на справедливости и самоуправленіи, на *дѣловити* и *бодровити* каждого гражданина. Теорія зависимости стремится обойтись безъ необходимости этихъ качествъ въ зависимыхъ классахъ. Но теперь, когда эти классы становятся все менѣе и менѣе зависимыми и когда мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны той степенью зависимости, которая еще остается, обнаруживается потребность въ добродѣтеляхъ независимости. Давая совѣтъ, убѣжденіе или руководство рабочимъ классамъ, надо обращаться отнынѣ къ нимъ какъ къ равнымъ и желать, чтобы они принимали совѣты сознательно. Будущность рабочихъ зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ они станутъ разумными существами.

Будущее ихъ полно надеждъ. Прогрессъ правда шель и идетъ еще медленно, но среди рабочихъ массъ замѣчается стремленіе къ самообразованію, которое можетъ быть въ высокой степени ускорено и улучшено искусственной помощью. Образованіе, получаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ, нельзя считать слишкомъ солиднымъ, но и оно гораздо лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго образованія. Публичныя лекціи и споры, собранія для разрѣшенія вопросовъ общаго интереса, рабочіе союзы, политическая агитація—все это служитъ для возбужденія общественнаго духа, распространяетъ въ массахъ разнообразныя идеи, будитъ мысль и приучаетъ къ размышленію наиболѣе образованныхъ рабочихъ. Хотя слишкомъ раннее полученіе политическихъ (избирательныхъ) правъ наименѣе образованными классами можетъ скорѣе замедлить, чѣмъ ускорить ихъ развитіе, тѣмъ не менѣе едва-ли сомнительно, что попытки завоевать эти права значительно содѣйствовали ихъ развитію. Въ настоящее время однако рабочіе составляютъ часть націи; во всѣхъ обсужденіяхъ по вопросамъ общественныхъ интересовъ они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая доля ихъ, принимаютъ участіе; каждый, кто пользуется пресою какъ орудіемъ распространенія свѣдѣній, можетъ найти въ нихъ вниманіе; тѣ способы, при помощи которыхъ средніе классы приобрѣтаютъ идеи, доступны и массамъ или по крайней мѣрѣ городскимъ рабочимъ. При такихъ условіяхъ работники безъ сомнѣнія будутъ улучшать свое образованіе даже только при посредствѣ собственныхъ усилій и безъ чужой помощи. Но можно надѣяться-

ся, что крупныя улучшения въ качествахъ и количествахъ школъ произойдутъ благодаря заботамъ правительства и частныхъ лицъ и что прогрессъ массъ въ дѣлѣ умственнаго развитія и въ качествахъ, которыя зависятъ отъ него, пойдетъ гораздо быстрее и съ меньшими задержками и отклоненіями, чѣмъ онъ шелъ самъ по себѣ до сихъ поръ.

Отъ этого увеличенія сознательности можно съ увѣренностью ждать нѣкоторыхъ послѣдствій. Во первыхъ: работники будутъ все меньше желать, чтобы ими руководили, управляли и указывали путь, по которому они должны идти, руководствуясь властью или престижемъ старшихъ. Если уже и теперь они не имѣютъ, то еще меньше они будутъ имѣть впоследствіи почтительной робости и религіознаго послушанія, которое держитъ ихъ въ умственномъ подчиненіи высшимъ классамъ. Теорія зависимости и покровительства будетъ все неспособна для нихъ и они потребуютъ, чтобы ихъ образъ дѣйствій и положеніе было предоставлено по самому своему существу личному руководству. Въ то же самое время весьма вѣроятно, что они во многихъ случаяхъ, ложно понимая свои интересы, потребуютъ вмѣшательства законодательства въ ихъ дѣла и юридическаго опредѣленія многихъ предметовъ къ нимъ относящихся. Но все таки они будутъ требовать при этомъ выполненія собственной воли, идей и предположеній, а не правилъ, составленныхъ для нихъ другими. Съ этимъ будетъ волюнтаризмъ согласоваться однако и то, что они обнаружатъ уваженіе къ людямъ большаго развитія и знанія и по многимъ предметамъ будутъ ссылаться на мнѣнія людей, которые по ихъ убѣж-

денію хорошо знакомы съ дѣломъ. Такое подчиненіе мнѣніямъ глубоко лежитъ въ самой человѣческой природѣ, но рабочіе будутъ сами судить, кто достоинъ или недостоинъ такого подчиненія.

Вѣроятныя послѣдствія умственнаго развитія скажутся въ болѣе нормальноль развитіи населенія.

Мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы увеличеніе сознательности, образованія и любви къ независимости среди рабочихъ классовъ, не сопровождалось соотвѣтственнымъ возрастаніемъ здраваго смысла, обнаруживающагося въ привычкѣ къ предусмотрительности въ поведеніи. А потому количество населенія будетъ составлять постепенно все меньшую пропорцію по отношенію къ капиталу и количеству труда. Это въ высшей степени желательное послѣдствіе проявится значительно скорѣе подъ вліяніемъ другой пережѣны, которая составляетъ одну изъ лучшихъ и непосредственно осуществляющихся стремленій нашего времени, а именно: открытіе въ промышленныхъ занятіяхъ равной свободы для обоихъ половъ. По тѣмъ же основаніямъ, по которымъ отпадаетъ необходимость существованія зависимости бѣдняка отъ богатаго, прекращается необходимость зависимости женщины отъ мужчины. Наименьшее, чего требуетъ справедливость въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, чтобы законъ и обычай не налагали на женщинъ (когда покровительство, вытекающее изъ несовершеннолѣтія, стало излишнимъ) той зависимости, которая обуславливаетъ собой, что женщина, ко-

торой не посчастливилось приобрести средствъ чрезъ наследство, не имѣеть другого исхода въ жизни иначе какъ становясь женою и матерью. Предоставьте женщинамъ, предпочитающимъ подобное дѣло, принимать его, но то обстоятельство, что женщины не имѣють выбора, что для большинства ихъ нѣтъ никакой другой карьеры кромѣ той, которая состоитъ въ выполненіи скромныхъ обязанностей домашней жизни — это очевиднѣйшая общественная несправедливость. Идеи и учрежденія, благодаря которымъ случайное обстоятельство — полъ — служитъ важнѣйшимъ основаніемъ въ неравенствѣ юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ функціяхъ, скоро будутъ признаны величайшимъ препятствіемъ для нравственнаго, общественнаго и даже умственнаго развитія. Въ данный моментъ я укажу только на одно изъ вѣроятныхъ послѣдствій промысловой и общественной независимости женщинъ, которое скажется въ сильномъ уменьшеніи зла, порождаемаго перенаселеніемъ. Только обреченіемъ цѣлой половины человѣческаго рода исключительно функціи рожденія, только сдѣлавъ ее цѣлью жизни одного пола и приведя ее въ связь почти со всякой дѣятельностью другого пола, — мы вызвали то, что животный инстинктъ сталъ развиваться и приобретать совершенно не соответствующее преобладаніе сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ пользовался въ человѣческой жизни до сихъ поръ.

Въ современныхъ обществахъ обнаруживается стремленіе къ устраненію отношеній, которыя заключаются въ наймѣ съ одной стороны и въ выполненіи работы въ качествѣ наемника—съ другой.

Политическія послѣдствія возрастающаго вліянія и значенія рабочихъ классовъ, а также увеличивающаяся сила того количества лицъ, которыя даже въ Англіи и при существующихъ учрежденіяхъ даютъ большинству по крайней мѣрѣ отрицательный голосъ во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, составляетъ слишкомъ обширный предметъ, чтобы подвергать его обсужденію въ данной книгѣ. Ограничиваясь лишь экономическими соображеніями и не принимая во вниманіе тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ вызвать измѣненіе въ распредѣленіи продукта къ выгодѣ рабочихъ классовъ, ихъ сознательность на ряду съ наличностью справедливыхъ законовъ, я не могу думать, что рабочіе удовольствуются навсегда своимъ положеніемъ, которое часто разсматривается какъ конечное. Они могутъ стремиться къ тому, чтобы, начавъ съ положенія наемника; но не оставаясь имъ всю жизнь, стать со временемъ хозяиномъ. Начинать жизнь въ качествѣ работника, затѣмъ нѣсколько лѣтъ работать за свой счетъ и наконецъ давать работу другимъ—вотъ нормальное положеніе работниковъ въ новой странѣ съ быстро возрастающимъ богатствомъ и населеніемъ. Таково положеніе дѣлъ въ Америкѣ и въ Австраліи. Но въ старой и густо населенной странѣ тѣ, которые начинаютъ жизнь

въ качествѣ работниковъ по найму, по общему правилу, остаются таковыми до конца дней своихъ, если не падаютъ еще ниже до получающихъ общественное призрѣніе. Въ настоящій моментъ общественнаго развитія, когда съ каждымъ днемъ идеи равенства получаютъ все болѣе широкое распространеніе среди рабочихъ классовъ и когда нельзя ихъ удержать ничѣмъ, кромѣ полного ограниченія свободы слова и печати, нельзя ожидать чтобы, удержалось раздѣленіе человечества на хозяевъ и рабочихъ. Это отношеніе столь же неудовлетворительно какъ для платящаго заработную плату, такъ и для ея получателя. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ какъ на людей, назначенныхъ своего рода закономъ природы быть ихъ слугами и подчиненными, то въ свою очередь бѣдные смотрятъ на богатыхъ, какъ на добычу, какъ на предметъ исполнѣ безграничныхъ требованій и ожиданій, возрастающихъ въ размѣрѣ съ каждой сдѣланной уступкой. Совершенный недостатокъ справедливости и честности въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, столь же замѣтенъ какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны предпринимателей. Напрасно мы будемъ искать среди общей массы рабочихъ классовъ справедливой гордости, которая заставляетъ давать хорошую работу за хорошія платы: единственное стремленіе рабочихъ заключается въ томъ, чтобы получить какъ можно больше, а возратить работою возможно меньше. Рано или поздно, но классу работодателей станетъ невыносимо жить въ тѣсномъ и постоянномъ соприкосновеніи съ людьми, интересы и чувстваванія которыхъ имъ враждебны. Капиталисты почти столько-же, сколько работники

заинтересованы въ томъ, чтобы дать своему промыслу такую организацію, при которой работающіе на ихъ пользу будутъ считать такой же интересъ къ труду какъ и тѣ, которые работаютъ за свой собственный счетъ.

Высказанное въ первой части этого трактата мнѣніе относительно мелкой земельной собственности и о крестьянахъ - собственникахъ, можетъ быть дано читателю поводъ предполагать, что значительное раздробленіе земельной собственности представляется мнѣ какъ лучшее средство, на которое я возлагаю надежды, что оно уничтожитъ по крайней мѣрѣ для земледѣльческихъ рабочихъ исключительную зависимость отъ работы по найму. Однако, я такъ не думаю. Я полагаю, правда, чтъ эта форма сельскаго хозяйства, раскритикованная самымъ неосновательнымъ образомъ, по своему общему вліянію на человѣческое счастье въ высокой степени предпочтительнѣе, чѣмъ наемный трудъ въ какой-бы формѣ онъ ни существовалъ въ настоящее время и это по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего благоразумная задержка размноженія дѣйствуетъ здѣсь прямѣе и, какъ показываетъ опытъ, съ большей силою. Кромѣ того, по обезпеченности, независимости и по употребленію всѣхъ другихъ свойствъ человѣческой природы кромѣ животной, положеніе крестьянина-собственника гораздо выше, чѣмъ положеніе земледѣльческаго работника какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ, гдѣ система мелкой земельной собственности уже существуетъ и дѣйствуетъ въ цѣломъ удовлетворительно; но при настоящемъ положеніи человѣческаго развитія я сталъ бы сожалѣть о ея уничтоженіи для

замѣны наемнымъ трудомъ, которая совершается подъ господствомъ педантическаго мнѣнія, будто-бы улучшение въ сельскомъ хозяйствѣ неизбѣжно одинаково при всякомъ разнообразіи обстоятельствъ. При отсталомъ состояніи промысловаго развитія, какъ въ Ирландіи, я сталъ бы настаивать на введеніи этой системы предпочтительно передъ исключительной системой наемнаго труда, какъ на наиболѣе могущественномъ средствѣ для поднятія населенія изъ полудикой небрежности и беззаботности къ настойчивому трудолюбію и разумной разчетливости.

Но народъ, который уже принялъ систему крупнаго производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности, едва-ли отступитъ отъ нея. Если же населеніе будетъ стоять въ должномъ отношеніи къ средствамъ существованія, то отступленіе и нежелательно. Безспорно, трудъ бываетъ производительнѣе при крупномъ размѣрѣ промышленныхъ предприятий; здѣсь продуктъ, если не больше абсолютно, то больше сравнительно съ количествомъ занятаго труда: то же количество лицъ можетъ съ одинаковымъ удобствомъ содержаться здѣсь съ меньшимъ количествомъ труда и съ большимъ количествомъ досуга; и это преимущество скажется съ новой силой, когда цивилизація и развитіе подвинутся на столько, что выгода, получаемая всѣмъ обществомъ, будетъ одинаково полезна и для лицъ его составляющихъ. Съ нравственной стороны вопроса, которая даже важнѣе экономической, цѣлью промышленнаго развитія слѣдуетъ считать нѣчто лучшее, чѣмъ разбрасываніе человѣчества по поверхности земли отдѣльными семействами, которыя подобно совре-

меннымъ семьямъ находятся во внутренней своей жизни подъ управленіемъ патриархальнаго деспота и едва-ли имѣютъ общность интересовъ и необходимое умственное общеніе съ другими человѣческими существами. Господство главы семьи надъ ея членами при такомъ положеніи вещей абсолютно, а такъ какъ мысли этого главы сосредоточены на интересахъ семьи, которую онъ считаетъ лишь частью самого себя, то всѣ страсти сосредоточиваются на исключительности владѣнія, всѣ заботы на охраненіи и приобрѣтеніи. Можно не безъ удовольствія смотрѣть на такое нравственное состояніе, какъ на первый шагъ отъ чисто животнаго состоянія къ человѣческому, какъ на переходъ отъ грубости инстинктовъ къ разумной предусмотрительности и самодѣятельности. Но если, какъ желательную цѣль, мы поставимъ существованіе общественныхъ интересовъ, благородныхъ чувствъ или истинной справедливости и равенства, то общность, а не обособленіе интересовъ—вотъ школа, въ которой воспитываются эти качества. Цѣлью общественнаго развитія не можетъ служить только достиженіе такого положенія, въ которомъ человѣкъ можетъ обходиться безъ другихъ, но такое, чтобы они могли трудиться другъ съ другомъ или другъ для друга въ отношеніяхъ, не обуславливающихъ зависимости. До сихъ поръ для людей, живущихъ трудомъ, не было другой альтернативы, какъ работать или для себя, или для предпринимателя. Но цивилизующее и развивающее вліяніе общенія, производительность и экономность производства въ крупныхъ размѣрахъ можетъ быть получена безъ раздѣленія производителей на двѣ стороны

съ враждебными интересами и чувствами, какъ теперь, когда многіе работаютъ въ качествѣ простыхъ наемниковъ подъ управленіемъ лица, доставляющаго орудія и средства производства, и которые сами не имѣютъ другого интереса въ предпріятіи кромѣ того, который заключается въ желаніи получить заработную плату съ наименьшимъ количествомъ труда. Разсужденія и споры послѣднихъ 50-ти лѣтъ, а также событія послѣднихъ 20-ти даютъ обильное количество подтвержденій по этому предмету. Если развитіе, которое торжествующій военный деспотизмъ только задержалъ, но не остановилъ, будетъ продолжаться, то мало основаній сомнѣваться, что положеніе наемныхъ работниковъ, будетъ постепенно прилагаться лишь къ тому роду рабочаго народа, низкія нравственныя качества котораго дѣлаютъ его неспособнымъ къ чему-нибудь болѣе независимому. Отношеніе между рабочимъ и предпринимателемъ постепенно замѣнится отношеніями участія въ предпріятіи и въ двухъ формахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это будутъ союзы рабочихъ съ капиталистами, въ другихъ, и это быть можетъ будетъ конечной стадіею развитія, это будутъ союзы рабочихъ между собою.

Соперничество не вредно, но полезно и необходимо.

... Я совершенно несогласенъ съ наиболее ясной и сильной стороною ученія социалистовъ, а именно съ ихъ декламациями противъ соперничества. Имѣя нравственное представленіе въ многихъ отношеніяхъ, стоящее выше существующихъ обще-

ственных учреждений, они по общему правилу имѣютъ весьма смутныя и ошибочныя понятія относительно ихъ дѣйствія на практикѣ. Одна изъ ихъ главнѣйшихъ ошибокъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что они сваливаютъ на соперничество всѣ экономическія бѣдствія, которыя теперь существуютъ. Они забываютъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ соперничества, господствуетъ монополія. А послѣдняя во всѣхъ ея формахъ ничто иное, какъ обложеніе трудящихся въ пользу лѣности, если даже не грабежа. Они забываютъ также, что за исключеніемъ соперничества между рабочими, всѣ другіе виды соперничества служатъ ко благу рабочихъ, удешевляя продукты, которые они потребляютъ; соперничество даже на рабочемъ рынкѣ служитъ причиной не низкихъ, но высокихъ платъ тамъ, гдѣ соперничество за трудъ превышаетъ, какъ въ Америкѣ, въ колоніяхъ и въ специальныхъ отрасляхъ—предложеніе труда. Соперничество никогда не можетъ быть причиной низкихъ платъ, если рабочій рынокъ не переполненъ большимъ количествомъ рабочихъ семействъ. Если число рабочихъ избыточно, то даже социализмъ не въ состояніи предупредить того, чтобы заработныя платы не были низки, кромѣ того, если бы ассоціаціи были дѣломъ всеобщимъ, не было бы соперничества между работниками. Соперничество же между ассоціаціями шло бы къ выгодѣ потребителей, т. е. ассоціаціи или общей массы трудящихся классовъ.

Я не настаиваю на томъ, что въ соперничествѣ нѣтъ неудобствъ и что нравственныя возраженія, высказываемыя противъ него социалистическими писателями, какъ объ источникѣ зависти и враждеб-

ности среди людей одного промысла, совершенно лишены основанія. Но если соперничество имѣть свои худыя стороны, то оно предохраняетъ насъ отъ еще большаго зла. Фегере справедливо говорить: „глубочайшій корень зла и несправедливости, которыя имѣются въ промышленномъ мѣрѣ, заключается не въ соперничествѣ, но въ подчиненіи труда капиталу и въ чрезмѣрности доли, получаемой владѣльцами орудій производства изъ продукта... Если соперничество, какъ крупная сила, порождаетъ зло, то приноситъ оно и не менѣе добра, особенно въ дѣлѣ развитія личныхъ способностей и въ успѣшности нововведеній“. Обычная ошибка социалистовъ забывать о естественной лѣности человѣчества, о стремленіи людей быть пассивными, рабами привычки и оставаться безъ конца на разѣ избранномъ пути. Люди достигнуть извѣстнаго состоянія, которое считаютъ сноснымъ, и сейчасъ же является опасность, что они предадутся застою, не стануть заботиться объ улучшеніи своего положенія, дадутъ заглухнуть своимъ способностямъ и потеряютъ даже энергію, которая необходима для предохраненія ихъ положенія отъ ухудшенія. Соперничество можетъ быть и не является лучшимъ стимуломъ, но необходимымъ для настоящаго времени, и никто не можетъ предвидѣть того времени, когда оно станетъ ненужнымъ для развитія. Даже ограничиваясь одною промышленною стороною, гдѣ болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой, можно предположить, что большинство является хорошимъ судьей всякихъ улучшеній, можно замѣтить, какъ трудно склонить общее собраніе ассоціаціи подвергнуться хлопотамъ и неудобствамъ измѣненія привычной дѣятель-

ности введеніемъ новаго и общающаго изобрѣтенія, если не побудитъ ихъ къ тому знаніе, что, существуютъ соперничающія ассоціаціи и что, если они не согласятся на нововведеніе, другіе это сдѣлаютъ и они останутся позади въ состязаніи.

Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на соперничество, какъ на подлежащій изгнанію и противобщественный принципъ, а это дѣлаютъ почти все социалисты, я полагаю, что даже при современномъ положеніи общества и промышленности всякое ограниченіе его является зломъ, напротивъ всякое расширеніе его, даже въ томъ случаѣ, если временно отражается вредно на нѣкоторыхъ классахъ работниковъ, въ конечномъ результатѣ всегда приноситъ добро. Охранять отъ соперничества—это значитъ охранять лѣность, умственную тупость, избавлять отъ необходимости быть столь же дѣятельнымъ и разумнымъ, какъ другіе; если такая охрана избавляетъ работниковъ отъ опасности потерять работу, вслѣдствіе соперничества хуже оплачиваемаго класса рабочихъ, то это бываетъ только тамъ, гдѣ старинный обычай, или мѣстная и особая монополія поставила какой нибудь классъ работниковъ въ привилегированное положеніе сравнительно со всеми другими. Настало нынѣ время, когда въ интересахъ общаго усовершенствованія не требуется продленія привилегій немногихъ. Если торговцы готовыятъ платьемъ и другіе люди того-же класса понизили заработныя платы портныхъ и нѣкоторыхъ другихъ работниковъ, поставивъ соперничество на мѣсто установившагося обычая, тѣмъ лучше въ конечномъ результатѣ. Теперь вовсе не

нужно заботиться объ укрѣпленіи старыхъ обычаевъ, благодаря которымъ немногочисленные классы рабочихъ получаютъ особыя выгоды, которыя заставляютъ ихъ интересоваться сохраненіемъ существующей организаціи, но слѣдуетъ ввести новое общее устройство, благодѣтельное для всѣхъ. Слѣдуетъ радоваться всему, что даетъ почувствовать привилегированнымъ классамъ образованныхъ рабочихъ объ общности ихъ интересовъ съ интересами всего рабочаго сословія. Пусть они знаютъ, что вознагражденіе за ихъ трудъ зависитъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ и что они должны для улучшенія своего положенія прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, какъ и вся масса ихъ менѣе счастливо обставленныхъ и сравнительно безпомощныхъ товарищей.

КНИГА V

О ВЛІЯНІИ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О функціяхъ правительства вообще.

Въ нашу эпоху однимъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ государственной науки и практики является вопросъ объ опредѣленіи соотвѣтственныхъ границъ функціямъ и дѣятельности правительствъ. Въ былое время спорили относительно того, какъ должны быть организованы правительства и по какимъ правиламъ и началамъ они должны пользоваться своей властью, но въ настоящее время почти столько-же говорятъ о томъ, на какія области человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. При настойчивомъ стремленіи къ измѣненіямъ въ правительствѣ и законодательствѣ, при помощи которыхъ надѣются улучшить человечество, слѣдуетъ ожидать, что этотъ споръ не только не потеряетъ интереса, но станетъ обращать на себя еще большее вниманіе. Съ одной

стороны нетерпеливые реформаторы, думающие, что легче и проще завладеть правительствомъ, чѣмъ умами и расположеніемъ публики, находятся подъ постояннымъ искушеніемъ расширять сферу правительственнаго вліянія далѣе надлежащихъ границъ. Съ другой стороны, человечество на столько приучено правителями къ вмѣшательству, не имѣющему цѣлью общее благо или совершаемому при ошибочномъ представленіи о требованіяхъ этого блага, кромѣ того дѣлается столь много поспѣшныхъ предложеній со стороны искреннихъ сторонниковъ улучшеній, стремящихся принудительнымъ регулированіемъ достигнуть такихъ цѣлей, которыя могутъ быть съ пользой и дѣйствительнымъ успѣхомъ выполнены лишь при помощи общественаго мнѣнія и споровъ, что возникъ духъ сопротивленія самому существу правительственнаго вмѣшательства и предложеніе ограничить сферу правительственнаго вліянія самыми узкими предѣлами. Въ зависимости отъ различій въ историческомъ развитіи отдѣльныхъ націй, о которомъ здѣсь намъ нѣтъ надобности говорить, первая крайность т. е. чрезмѣрное расширеніе правительственнаго вліянія, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ господствуетъ у континентальныхъ народовъ, вторая крайность — противоположная — до сихъ поръ преобладала въ Англии.

Слѣдуетъ прежде всего сказать о функціяхъ нераздѣльныхъ отъ самой идеи правительства и обыкновенно выполняемыхъ безъ возраженій всѣми правительствами и провести различіе между ними и тѣми, относительно которыхъ существуетъ споръ —

должны-ли правительства выполнить ихъ или нѣтъ. Первыя можно назвать *необходимыми*, а вторыя— *возможными* функциями правительства. Употребляя терминъ возможный, я не хочу сказать, что правительство должно относиться къ нимъ безразлично или что оно должно рѣшать по произволу, принимать или нѣтъ на себя эти функции. Я хочу этимъ только сказать, что потребность выполненія ихъ не простирается до необходимости и составляетъ предметъ, по которому можетъ или не можетъ существовать различіе во мнѣніяхъ.

Характеръ необходимыхъ функций правительства весь на разнообразіи.

Стараясь перечислить необходимыя функции правительства, мы найдемъ, что онѣ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это съ перваго взгляда представляется многимъ. Эти функции нельзя подвести подъ тѣ весьма опредѣленныя границы, которыя часто пытаются установить для нихъ на почвѣ популярныхъ разсужденій и споровъ. Мы слышимъ иногда напримѣръ, что правительство должно ограничиваться охраненіемъ противъ насилія и обмана.... Но почему народы должны охраняться правительствомъ, т. е. своею коллективною силою, противъ насилія и обмана, если не потому, что цѣлесообразность охраненія здѣсь болѣе очевидна? Если правительство ничего не должно дѣлать для людей такого, что они могутъ дѣлать сами, то отъ людей можно было-бы потребовать и того, чтобы они охраняли себя отъ насилія собственнымъ искусствомъ и храбростью или даже выпрашивая и по-

купаю охраненіе, какъ они это дѣлается тамъ, гдѣ правительство не можетъ охранить ихъ, а противъ обмана каждый имѣетъ охрану въ собственномъ умѣ. Существованіе законовъ о наследствѣ, о характерѣ имущественныхъ правъ, о договорахъ, забота о малолѣтнихъ и о неспособныхъ относиться къ своимъ дѣйствіямъ сознательно, выполнение многихъ функций, которыя могутъ быть выполнены правительствомъ гораздо удобнѣе, напримѣръ, чеканъ монеты, установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ, устройство пристаней, маяковъ и проч.— все эти функции выполняются правительствомъ и это показываетъ, что установленная выше формула не рѣшаетъ вопроса.... Безспорныя функции правительства обнимаютъ такое широкое поле, что ихъ нелегко включить въ кольцо какого-нибудь ограничивающаго опредѣленія. Едва-ли можно найти для всѣхъ этихъ функций общее оправданіе кромѣ того, которое заключается въ многозначительной формулѣ всеобщей пользы. Нельзя положить границъ правительственному вмѣшательству какимъ-нибудь всеобщимъ правиломъ. Можно установить лишь простое и неопредѣленное начало: правительственное вмѣшательство должно быть допускаемо лишь тогда, когда полезность его очевидна*).

Раздѣленіе предмета.

Можно сдѣлать однако нѣсколько полезныхъ замѣчаній относительно характера соображеній,

*) Несомѣнно принципъ, установленный Д. С. Миллемъ, столь-же неопредѣленъ. Въ главѣ XI онъ ближе подходитъ къ рѣшенію вопроса. Прим. пер. А. М.

при помощи которыхъ чаще всего разсматривается вопросъ о правительственномъ вмѣшателствѣ и о способѣ сравнительной оцѣнки той или иной важности этихъ соображеній... Вотъ на какія части мы раздѣлимъ разсмотрѣніе этого предмета.

Прежде всего мы рассмотримъ экономическія послѣдствія того способа, при помощи котораго правительство выполняетъ свои необходимыя и безспорныя функціи.

Затѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію правительственнаго вмѣшательства, которое я называю *возможнымъ* (т. е. такимъ, которое переступаетъ границы всѣми признанныхъ функцій) и которое совершалось прежде, а въ некоторыхъ случаяхъ совершается и теперь подъ вліяніемъ ложныхъ общихъ теорій.

Въ концѣ концовъ намъ останется изслѣдовать независимо отъ ложныхъ теорій и въ соответствии съ правильнымъ взглядомъ на законы, управляющіе человѣческими дѣлами, существуютъ ли случаи *возможнаго* вмѣшательства, въ которыхъ это вмѣшательство дѣйствительно слѣдуетъ рекомендовать и каковы эти случаи.....

Первый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ въ высшей степени разнообразное содержаніе: необходимыя функціи правительства и тѣ, полезность которыхъ такъ очевидна, что никогда или почти никогда не спорили противъ нихъ, какъ мы уже сказали, слишкомъ разнообразны, чтобы подойти подъ какую нибудь простую классификацію. Тѣмъ не менѣе важнѣйшія изъ нихъ, которыя слѣдуетъ разсмотрѣть въ настоящей книгѣ, можно подвести подъ слѣдующія общія рубрики.

Во первыхъ, средства, употребляемыя правительствами для собиранія дохода, который составляетъ необходимое условіе ихъ существованія.

Во вторыхъ, характеръ законовъ, устанавливаемыхъ по двумъ великимъ предметамъ: о собственности и о договорахъ.

Въ третьихъ, достоинство или недостатки тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ правительства по общему правилу обезпечиваютъ исполненіе своихъ законовъ, а именно: при помощи суда и полиціи.

Мы начнемъ съ перваго отдѣла, т. е. съ теоріи налоговъ *).

*) Въ настоящемъ изданіи мы опускаемъ теорію налоговъ, какъ она изложена у Д. С. Милля. Отсылаемъ читателей, интересующихся четырьмя основными началами налогового обложенія къ книгѣ Ад. Смита въ изданіи той-же экономической библиотеки въ переводѣ М. И. Щенкина. Напомнимъ, что вкратцѣ онъ формулированъ Ад. Смитомъ такъ: 1) Каждый подданный долженъ платить на содержаніе правительства соразрѣвно своимъ средствамъ; въ этомъ состоитъ равноправность налоговъ. 2) Величина налога и всѣ относящіяся къ его уплатѣ обстоятельства должны быть съ точностью опредѣлены и известны платящему. 3) Налогъ долженъ вноситься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ удобнѣе всего уплачивать его. 4) Способъ взысканія налога долженъ быть такой, чтобы онъ бралъ у народа какъ можно меньше сверхъ той суммы, какую доставляетъ казна и чтобы слишкомъ значительная часть собираемой суммы не поглощалась расходами на самое взысканіе ея. Налогъ не долженъ также прятать экономическія силы страны направлять съ выгоднѣйшихъ занятій, не долженъ развѣивать контрабанды и всѣхъ другихъ способовъ обманывать государство.

Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны экономического ихъ вліянія *).

Послѣдствія недостаточной обезпеченности собственности и личности.

Прежде чѣмъ разсматривать предѣлы разграниченія между предметами, въ которые правительство должно или не должно вмѣшиваться, слѣдуетъ изслѣдовать тѣ дурныя или хорошія экономическія послѣдствія, которыя происходятъ отъ образа дѣйствій правительства, выполняющаго обязанности, возложенныя на него во всѣхъ обществахъ и не оспариваемыя никѣмъ.

Первой изъ такихъ обязанностей заключается въ охранѣ личности и собственности. Нѣтъ надобности распространяться относительно вліянія на

---

*) Въ этихъ двухъ главахъ Милль подвергаетъ обсужденію послѣдствія чрезмѣрности налоговъ, несовершенство законовъ и судовъ, законы о наследствѣ и проч. См. полное оглавленіе его трактата. Прия. переводчика А. М.

экономическіе интересы общества, которое оказываетъ на нихъ та или иная степень совершенства въ выполненіи этой обязанности. Необезпеченность личности и собственности это значить неопредѣленность связи между человѣческими усиліями и пожертвованіями и достиженіемъ цѣли, для которыхъ они предпринимаются. При такомъ положеніи вещей неизвѣстно, пожнетъ-ли плоды сѣющихъ, будутъ-ли потребителямъ производитель и будутъ-ли сберегающіе сегодня пользоваться плодами своихъ сбереженій завтра. Это значить, что не трудъ и бережливость ведутъ къ приобрѣтенію, а одно насиліе. Когда личность и собственность не обезпечены въ извѣстной степени, все, чѣмъ обладаетъ слабый, находится во власти сильнаго. Никто не можетъ сохранить то, что произвелъ, если не обладаетъ бѣльшей силой для защиты своего имущества сравнительно съ тою, которою обладаютъ люди, не отдающіе своего времени и труда полезной дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда необезпеченность превышаетъ извѣстные предѣлы, производящіе классы, не имѣя возможности защищаться отъ населенія разбойниковъ, принуждены бывають подчиниться какому-нибудь классу этихъ разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ интересъ защищать ихъ отъ всякаго другого грабежа кромѣ собственнаго. При помощи такого именно процесса въ средніе вѣка аллодіальная собственность обратилась въ феодальную и бѣдные, но свободные люди сами и со всѣмъ своимъ потомствомъ сдѣлались крѣпостными какого нибудь военнаго дворянина....

Притѣсеніе правительствъ, могуществу которыхъ никакая личность не можетъ противостоять,

должно вниматься; но полезное или вредное внимание, по самому своему существу, может принести дурные результаты, если правительство, не понимая предмета, въ который оно внимается, хочет своим вниманием достигнуть того, что окажется вредным... Здѣсь намъ можно удовольствоваться немногими и короткими замѣчаніями *).

---

*) Въ этой главѣ Милль подвергаетъ обсужденію вопросы: о протекціонизмѣ, ростовщичествѣ, монополіяхъ, стачкахъ рабочихъ и проч., а также является ревностнымъ защитникомъ открытаго печатнаго или другого изложенія мнѣній по политическимъ, нравственнымъ, юридическимъ и др. вопросамъ. Всѣ эти вопросы подвергаются столь частому обсужденію, что мы считаемъ возможнымъ опустить за недостаткомъ мѣста и эту главу. Прим. пер. А. М.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Основанія и границы принципа *laisser faire* или невмѣшательства

Правительственное вмѣшательство можно раздѣлить на два вида: повелительное и неповелительное *).

Такимъ образомъ мы пришли къ концу нашего трактата. Теперь мы должны рассмотреть на какія области можетъ или должно простирается правительственное вмѣшательство кромѣ тѣхъ, гдѣ это вмѣшательство необходимо. Школа такъ называемаго принципа *laisser faire* пыталась дать точное опредѣленіе области правительственнаго вмѣшательства, ограничивая его охраной отъ насилія и обмана. Какъ мнѣ кажется, теорія предмета не допускаетъ одного общаго рѣшенія. Но я попытаюсь представить нѣкоторые матеріалы для рѣшенія этого вопроса.

*) Глава эта сильно сокращена и потому переводъ не отличается буквальностью. Прим. пер. А. М.

Мы должны начать съ установленія различія, существующаго между двумя видами правительственнаго вмѣшательства. Это вмѣшательство можетъ простирается до контролированія свободы дѣятельности частныхъ лицъ. Правительство можетъ запрещать всѣмъ совершать извѣстныя дѣйствія, или не совершать ихъ безъ его разрѣшенія; оно можетъ предписать дѣлать людямъ то или другое, или дѣлать или не дѣлать извѣстнымъ образомъ то, выполненіе чего оно предоставляетъ ихъ свободному желанію. Это *повелительное* вмѣшательство правительства. Но есть и другое. Оно бываетъ *неповелительнымъ*, если правительство вмѣсто изданія распоряженій, прихвняемыхъ подъ страхомъ наказанія, рѣшится на образъ дѣйствій, столь рѣдко употребляемый правительствами, но которымъ можно было-бы пользоваться съ значительной выгодой, а именно, если правительство станетъ давать совѣты и обнародывать свѣдѣнія, или, предоставляя частнымъ лицамъ возможность свободно пользоваться ихъ средствами для достиженія общественныхъ цѣлей, правительство, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣятельность, но не оставляя дѣла исключительно ихъ заботѣ, на ряду съ ихъ учреждениями, устанавливаетъ собственныя для подобныхъ-же цѣлей.

Главнѣйшіе случаи, гдѣ правительственное вмѣшательство не можетъ быть допущено.

Случай 1-й. Какую-бы теорію мы не приняли относительно основаній общественнаго союза и при какихъ политическихъ учрежденіяхъ мы не жили бы, для всякаго человѣческаго существа имѣется об-

ласть, куда любое правительство не должно проникать. Въ этой области должна царствовать личность человѣка, не подвергаясь ни частному, ни общественному контролю. Эта область должна обнимать внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка, которая или касается его лично, не затрагивая интересовъ другихъ, или касается этихъ послѣднихъ только чрезъ нравственное вліяніе примѣра. Всякій человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть и распространять собственное мнѣніе и убѣжденіе. Если послѣднее даже касается интересовъ другихъ, то запрещеніе выражать его должно обусловливаться полнѣйшей необходимостью и даже одной полезности запрещенія здѣсь не достаточно.

Случай 2-й. Другое возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства основывается на необходимости сохранить потребное раздѣленіе труда. Всякая новая обязанность, взятая на себя правительствомъ, составляетъ новое бремя на учрежденіе, которое, какъ правительство, уже и такъ обременено дѣломъ. Въ результатѣ все выполняется плохо, а многое и совсѣмъ не выполняется и это еще болѣе усиливается при дурной организаціи правительства. Улучшеніе правительственной организаціи, предоставленіе подчиненнымъ органамъ большей свободы дѣйствія подъ условіемъ ответственности ихъ предъ судомъ за результаты ихъ дѣятельности, привлеченіе къ правительственной службѣ людей наиболѣе честныхъ и способныхъ, установленіе соревнованія между ними—все это ослабляетъ это возраженіе, но не устраняетъ его. Увеличеніе занятій и ответственности правительства всегда дѣло опасное и это ведетъ къ необходимости указать еще третье соображеніе.

Случай 3-й. Огромное большинство дѣлъ выполняется правительствомъ хуже, чѣмъ частными лицами, которые прямо заинтересованы въ дѣлѣ. Правительство, исключая или уменьшая частную дѣятельность, замѣняя однимъ способомъ все разнообразіе въ веденіи дѣлъ, которое было-бы испробовано значительнымъ числомъ равно опытныхъ частныхъ лицъ, тѣмъ самымъ вводитъ однообразнѣйшую систему на мѣсто соперничества, которое, во многихъ отношеніяхъ, гораздо болѣе способствуетъ прогрессу улучшеній.

Случай 4-й. Крайне важно также, чтобы въ народѣ обнаруживалась способность къ свободной и дружной совмѣстной работѣ. Этотъ аргументъ имѣетъ особенно сильное значеніе. Свободная промысловая жизнь—существенный элементъ воспитанія народа. У народа, среди котораго не обнаруживается привычки къ свободной дѣятельности въ общихъ интересахъ, который привыкъ ждать почина или приказанія во всѣхъ случаяхъ общаго дѣйствія, который ждетъ, что все будетъ сдѣлано для него кромѣ того, что выполняется по привычкѣ или рутинѣ, способности развиваются только на половину. Если у правительства сосредоточивается вся инициатива и управленіе, а частныя лица думаютъ и привыкаютъ дѣйствовать подъ его постоянной опекой, то въ такомъ народѣ даже демократическія учрежденія развиваютъ не любовь къ свободѣ, а безграничную погоню за мѣстами и властью. Такимъ образомъ мысли и дѣятельность страны отвлекаются отъ главныхъ ея цѣлей и сосредоточиваются на гнусномъ соперничествѣ за своекорыстными отличіями и суетными стремленіями для пріобрѣтенія оффиціальнаго положенія.

Всѣ эти доводы достаточно показываютъ, что необходимы сильныя доводы въ пользу правительственнаго вмѣшательства. *Laisser faire**)), т.-е. невмѣшательство должно быть общимъ правиломъ и всякое отступленіе отъ него, если оно не оправдывается какой-нибудь великою пользою, всегда является зломъ.

Общее правило подлежитъ однако широкимъ ограниченіямъ и не должно прилѣпяться въ слѣдующихъ главнѣйшихъ случаяхъ.

Случай 1-й. Утвержденіе, что потребитель хорошей судья о достоинствахъ товара, подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ. Необразованные люди не могутъ судить о качествѣ образованія, которое для нихъ потребно. Вѣроятно предположеніе, что разумное и заботящееся о судьбѣ своего народа правительство является здѣсь болѣе подходящимъ судьей. Особенное значеніе это соображеніе имѣетъ въ народномъ образованіи и правительство хорошо дѣлаетъ, возлагая на родителей юридическую обязанность давать воспитаніе дѣтямъ. Все общество сильно страдаетъ отъ невѣжества и необразованности своихъ согражданъ. Такъ какъ родители изъ бѣдныхъ классовъ не включаютъ въ число необходимыхъ своихъ тратъ издержки на воспитаніе дѣтей, такъ какъ рабочая плата, поэтому, не достаетъ на этотъ расходъ, то я считаю обязанностью правительства пополнять этотъ недостатокъ изъ

---

*) Или по англійски: letting alone, по русски: предоставляете дѣла свободному ихъ теченію.

другого источника и давать народнымъ школамъ такія денежныя субсидіи, которыя достаточны, чтобы сдѣлать обученіе доступнымъ для дѣтей бѣднаго класса или дѣлая обученіе бесплатнымъ, или съ платою, которая по своей незначительности совершенно необременительна. Хотя такимъ образомъ во многихъ случаяхъ правительство должно устраивать школы и гимназіи, но оно не должно требовать обязательнаго ихъ посѣщенія, запрещать открывать школы частнымъ лицамъ, давать особыя преимущества частнымъ школамъ. Правительство не должно присвоивать себѣ монополіи обученія ни въ высшихъ, ни въ низшихъ школахъ. Тоже соображеніе, что всякій является лучшимъ судьей своихъ интересовъ, равно непримѣнимо къ больнымъ волею и разумомъ, дѣтямъ, несовершеннолѣтнимъ, къ животнымъ, этимъ несчастнымъ рабамъ и жертвамъ наиболѣе грубой части человѣческаго общества. Правительство должно имѣть по этому предмету разумныя и справедливыя законы.

Случай 2-й. Вмѣшательство правительства допустимо и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ рѣшается своимъ сужденіемъ опредѣлить въ отдаленномъ будущемъ то, что по его мнѣнію полезно. Практическое требованіе охранить свободу договоровъ непримѣнимо безъ большихъ ограниченій въ обязательствахъ, имѣющихъ характеръ вѣчныхъ. Законъ долженъ относиться къ нимъ въ высшей степени недовѣрчиво и долженъ отказывать имъ въ утвержденіи, если договаривающаяся сторона не можетъ быть основательнымъ судьей принимаемыхъ на себя обязательствъ. Правительство должно всячески заботиться о томъ, чтобы они со-

вершались разсудительно и съ предусмотрительностью. Не разрѣшая сторонамъ нарушать самостоятельно заключенныхъ обязательствъ, правительство должно въ вознагражденіе за подобную охрану договора, предоставить сторонамъ право отступать отъ обязательства по приговору безпристрастной власти. Эти соображенія имѣютъ особое приложение къ самому важному договору на всю жизнь, а именно къ браку.

Случай 3-й. Если человекъ можетъ вести дѣло только чрезъ повѣренныхъ, какъ это бываетъ во всѣхъ случаяхъ акціонерныхъ и другихъ компаній, которыя къ тому же почти всегда имѣютъ монополюсный характеръ, то правительство можетъ вмѣшаться и установить для этого дѣла условіе, соотвѣтствующее общей выгодѣ и сохранить за собою такое право распоряженія надъ предпріятіемъ, чтобы общество не теряло по крайней мѣрѣ тѣхъ выгодъ, которыя даетъ монополія. Это соображеніе особенно касается каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Слѣдуетъ замѣтить кромѣ того, что государство можетъ быть собственникомъ каналовъ и дорогъ, не управляя ихъ дѣйствіемъ самостоятельно. Почти всегда управленіе будетъ лучше, находясь въ рукахъ компаніи, арендующей дорогу или каналъ на опредѣленный срокъ времени.

Случай 4-й. Правительственное вмѣшательство часто бываетъ необходимо для того, чтобы дать силу желаніямъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Часто эти лица могутъ привести свои желанія въ исполненіе только общимъ соглашеніемъ, каковое можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если получить утвержденіе и защиту со стороны

закона. Возьмемъ для примѣра вопросъ объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ съ 12 до 10. Предположимъ, что каждому рабочему было бы выгодно работать вмѣсто 12—10 часовъ, если бы онъ зналъ, что всѣ другіе будутъ работать такое же количество часовъ и за прежнюю плату. Я не высказываюсь здѣсь въ пользу такого мнѣнія, но беру его лишь какъ подходящий примѣръ того, на сколько отдѣльные классы личностей нуждаются въ помощи закона для того, чтобы привести въ исполненіе общее рѣшеніе, принимаемое въ личныхъ выгодахъ. Только получивъ гарантію, что его соперники будутъ держаться однообразнаго правила, рабочий можетъ рассчитывать, что ему придется работать не больше 10 часовъ *).

Случай 5-й. Если частное лицо совершаетъ дѣйствіе не въ свою пользу, а въ пользу другихъ, то правительственное вмѣшательство также необходимо. Сюда относятся, въ числѣ прочихъ примѣровъ, важный и много разъ подвергавшійся обсужденію вопросъ объ общественномъ призрѣніи. Хотя по общему правилу слѣдуетъ предоставить частнымъ лицамъ свободу дѣйствія во всемъ, къ чему, какъ предполагается, они способны, но если они должны получать помощь отъ другихъ, то является вопросъ, будетъ ли целесообразно, если они исключительно будутъ получать эту помощь отъ частныхъ лицъ, которая всегда невѣрна и случайна, или отъ организованныхъ учреждений,

*) Все современное фабричное законодательство не было бы возможно, если бы правительство своими законами не ставило, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ въ одинаковыя условія относительно соперничества. Прим. переводчика А. М.

при помощи которыхъ общество дѣйствуетъ чрезъ свой органъ—государство.

Можно было бы указать еще много другихъ случаевъ, на примѣръ: на организацію переселеній, постройку каналовъ, маяковъ, покровительство ученымъ и друг. изысканіямъ и проч., гдѣ правительственное вмѣшательство слѣдуетъ одобрить. Можно вообще сказать, что все, выполненіе чего желательно въ общихъ интересахъ человѣчества или будущихъ поколѣній, все, что въ настоящихъ интересахъ членовъ общества требуетъ помощи, но не можетъ по самой своей природѣ быть выполнено съ достаточнымъ вознагражденіемъ частными лицами или ассоціями ихъ, должно быть совершено правительствомъ. Но прежде чѣмъ принимать на себя это дѣло, правительство должно всегда разсмотрѣть, есть ли разумная вѣроятность въ томъ, что дѣло это можетъ быть выполнено на такъ называемыхъ добровольныхъ началахъ и, если можетъ, то слѣдуетъ ли ожидать, что оно будетъ выполнено лучше и успѣшнѣе правительственной дѣятельностью, чѣмъ щедростью и ревностью частныхъ лицъ.

Правительственное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности, гдѣ эта послѣдняя могла-бы быть болѣе полезною.

Предшествовавшіе параграфы обнимаютъ собой, на сколько я могу судить, всю совокупность исключеній изъ того практическаго правила, что всѣ общественныя дѣла могутъ выполняться лучше

частной и добровольной дѣятельностью. Необходимо однако добавить, что вмѣшательство правительства не можетъ всегда останавливаться въ дѣйствительности на тѣхъ предѣлахъ, которыя опредѣляются самою внутренней необходимостью этого вмѣшательства. Въ зависимости отъ особыхъ условий, въ которыхъ находится страна въ данное время, едва ли можно указать какое нибудь важное для общественныхъ интересовъ дѣло, относительно котораго не слѣдовало-бы желать или считать необходимымъ, чтобы правительство взяло его на себя и не потому, что частныя лица не могутъ съ успѣхомъ выполнить его, а потому что не хотятъ. Бываютъ такія времена и мѣста, гдѣ не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни гаваней, ни каналовъ, ни оросительныхъ работъ, ни больницъ, ни народныхъ и высшихъ школъ, ни типографій, если правительство не устроитъ ихъ: общество или такъ бѣдно, чтобы найти къ тому средства, или такъ неразвито, чтобы оцѣнить ихъ назначеніе, или не достаточно привыкло къ соединенной дѣятельности для достиженія этихъ цѣлей. Это болѣе или менѣе справедливо для всѣхъ странъ, привыкшихъ къ деспотизму и въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ существуетъ крупное различіе по образованію между народомъ и правительствомъ. Такое положеніе дѣлъ обыкновенно замѣчается въ странахъ покоренныхъ, гдѣ населеніе находится въ подчиненіи болѣе энергичнаго и образованнаго народа. Во многихъ странахъ міра народъ не въ состояніи дѣлать для себя ничего, что требуетъ крупныхъ средствъ и соединенной дѣятельности. Всѣ предпріятія, подобныя вышеуказаннымъ, оста-

нута невыполненными, если не совершить их государство. Въ этихъ случаяхъ, правительство можетъ вѣрнѣе всего обнаружить искренность, съ которой стремится къ наибольшему благу своихъ подданныхъ, только выполняя дѣла, возлагаемыя на него безпомощностью общества и дѣйствуя при этомъ такимъ образомъ, чтобы всѣ стремленія его сводились не къ увеличенію или увѣковѣченію этой безпомощности, а къ ея ослабленію. Хорошее правительство станетъ оказывать здѣсь свою помощь такимъ образомъ, чтобы возбудить и воспитать всякій зародышъ, который обнаружится въ проявленіяхъ частной самодѣятельности. Оно будетъ ревностно заботиться объ устраненіи препятствій и разочарованій въ частной предпримчивости, давая въ случаѣ нужды помощь, указанія и руководство. Оно станетъ употреблять свои денежные средства, если это возможно, на помощь частнымъ усиліямъ, но отнюдь не на подавленіе ихъ. Въ ходъ оно пуститъ для возбужденія такихъ усилій и систему вознагражденій и отличій. Правительственную помощь, даваемую въ случаѣ недостатка частной предпримчивости, надо оказывать такъ, чтобы она служила своего рода воспитательнымъ средствомъ для народа въ искусствѣ выполненія великихъ дѣлъ при помощи индивидуальной эвергии и добровольныхъ союзовъ.

Я не считалъ нужнымъ настаивать въ этой части моего сочиненія на той сторонѣ правительственной дѣятельности, которая всѣми считается необходимой и которая заключается въ воспрещеніи и наказаніи такого образа дѣйствій личностей, пользующихся своей свободою, которая очевидно

вредна для другихъ лицъ, по какимъ-бы причинамъ не происходили эти послѣдствія—въ силу-ли наси- лія, обмана или небрежности. Даже въ томъ лучшемъ состояніи, котораго теперь достигло общество, при- скорбно думать, какъ много усилій и талантовъ въ мѣрѣ затрачивается на нейтрализованіе вредной дѣятельности другихъ. Истинная цѣль правительства заключается въ уменьшеніи этой пагубной раstra- ты до наименьшаго размѣра; оно должно прини- мать мѣры, чтобы энергія, расходуемая нынѣ че- ловѣчествомъ на нанесеніе вреда другъ другу или на предохраненіе себя отъ обидъ, пошла для цѣлей надлежащаго употребленія человѣческихъ способ- ностей, а именно на то, чтобы вся энергія была направлена на подчиненіе силъ природы, на то, чтобы послѣднія все болѣе и болѣе служили цѣ- лямъ физическаго и нравственнаго блага.

ПОЛНОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

„ОСНОВАНІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ“

Д. С. МИЛЛЯ.

Предисловіе автора.—Возгнеліе.

КНИГА I.

—ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I. Элементы производства. 1. Изъ какихъ элементовъ состоитъ производство.— 2. Значеніе труда въ производствѣ.— 3. Во всѣхъ-ли отрасляхъ промышленности природа въ одинаковой степени помогаетъ труду, или въ однихъ больше, чѣмъ въ другихъ.— 4. Количество однихъ силъ природы ограничено, а другихъ практически неограничено.

ГЛАВА II. Трудъ, какъ дѣятель производства. 1. Трудъ бываетъ обращенъ или прямо на производство изготавливаемой вещи, или на приготовительные процессы.— 2. Трудъ, употребляемый на производство пищи, нужной для содержанія работниковъ.— 3. Трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ.— 4. Трудъ, употребляемый на выдѣлку инструментовъ, нужныхъ для производства.— 5. Трудъ, употребляемый на охраненіе производства.— 6. Трудъ, употребляемый на перевозку и на доставленіе продукта потребителямъ.— 7. Трудъ воспитанія и обученія человѣческихъ существъ.— 8. Трудъ открывателей и изобрѣтателей.— 9. Трудъ земледѣльческій, фабричный и торговый.

ГЛАВА III. Непроизводительный трудъ. 1. Трудъ не производитъ продуктовъ, но только полезности.— 2. Эти полезности бываютъ трехъ

видов. — 3. Производительнымъ трудомъ называется также дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ материальныхъ предметахъ. — 4. Великій другой трудъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ, считается непроизводительнымъ. — 5. Производительное и непроизводительное потребление. — 6. Трудъ для производительнаго потребления и трудъ для непроизводительнаго потребления.

ГЛАВА IV. Капиталь. 1. Капиталь — богатство, обращаемое на воспроизводство. — 2. На производство обращается больше капитала, чѣмъ сколько нужно на самомъ дѣлѣ. — 3. Нѣсколько прихитровъ для разъясненія понятія капитала.

ГЛАВА V. Основныя теоремы относительно капитала. 1. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. — 2. — не промышленность не всегда достигаетъ и этой границы. — 3. Возрастающій капиталъ даетъ увеличеніе занятій для труда, не изживающее границы. — 4. Капиталь — результатъ сбереженія. — 5. Великій капиталъ потребляется. — 6. Капиталь поддерживается не чрезъ сохраненіе, а чрезъ постоянное воспроизводство. — 7. Отчего страны быстро поправляются послѣ опустошеній. — 8. Последствія государственнымъ займамъ, идущимъ на правительственные расходы. — 9. Спросъ на товары — не спросъ на трудъ. — 10. Предразсудокъ относительно налога на доходы.

ГЛАВА VI. Оборотный и основной капиталъ. 1. Что такое оборотный и основной капиталъ. — 2. Увеличеніе основного капитала за счетъ оборотнаго можетъ средно отражаться на интересахъ работникоу. — 3. — не это бываетъ рѣдко, если только бываетъ когда-нибудь.

ГЛАВА VII. Условія производительности элементовъ производства. 1. Земли, трудъ и капиталъ имѣютъ различную производительность въ разное время и въ разныхъ странахъ. — 2. Причины высшей производительности: естественныя преимущества; — 3. большая энергія труда; — 4. Высшее искусство и знаніе. — 5. высшее умственное и нравственное развитіе и честность во всемъ обществѣ; — 6. большая безопасность.

ГЛАВА VIII. Сотрудничество или сочетаніе труда. 1. Сочетаніе труда — главная причина высшей производительности. — 2. Вліяніе раздѣленія занятій на производство. — 3. Сочетаніе труда земледѣльческаго населенія съ трудомъ населенія городского. — 4. Высшія степени раздѣленія труда. — 5. Разъясненіе выгоды, происходящихъ отъ большаго раздѣленія занятій. — 6. Ограниченія въ возможности раздѣленія труда.

ГЛАВА IX. Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ. 1. Выгоды большихъ размѣровъ производства въ мануфактурной промышленности. — 2. Выгоды и невыгоды акціонерныхъ компаній. — 3. Условія, необходимыя для веденія производства въ большихъ размѣрахъ. — 4. Сравненіе большихъ и малыхъ земледѣльческихъ фермъ.

ГЛАВА X. Законъ возрастанія труда. 1. Законъ возрастанія производства зависитъ отъ законовъ возрастанія трехъ элементовъ: труда, капитала и производительности земли. — 2. Законъ возраста-

ния населения. 3. Какими задержками практически ограничивается возрастание населения.

ГЛАВА XI. Законъ возрастания капитала. 1. Средства и побуждения къ сбереженію.—2. Причины, производящія различіе въ дѣятельной силѣ стремленія къ сбереженію.—3. Примеры недостатка силы въ этомъ стремленіи.—4. Примеры излишка этой силы.

ГЛАВА XII. Законъ возрастания продукта отъ земли. 1. Ограниченность пространства земли и ограниченность ея производительности полагають дѣйствительный предѣлъ возрастанию производства.—2. Законъ производительности земли; увеличение труда и капитала, прилагаемыхъ къ землѣ, сопровождается не пропорціональнымъ, а меньшимъ увеличеніемъ продуктовъ, получаемыхъ съ этой земли.—3. Принципъ, противодействующій указанному закону уменьшения выручки отъ земли; прогрессъ улучшеній въ производствѣ.

ГЛАВА XIII. Послѣдствія предыдущихъ законовъ. 1. Средства, помогающія въ тѣхъ случаяхъ, когда расширение производства останавливается отъ недостаточнаго стремленія къ накопленію.—2. Необходимость сдерживать возрастание населения существовать всегда, а не есть слѣдствіе неравномернаго распредѣленія собственности.—3. Эта необходимость не устраняется ни свободнымъ привозомъ пищи изъ-за границъ.—4. — ни колонизаціей.

КНИГА II

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Собственность. 1. Предварительныя замѣчанія.—2. Положеніе вопроса о собственности.—3. Критика коммунизма.—4. Критика Сень-симонизма и Фурьеризма.

ГЛАВА II. Продолженіе. 1. Принципъ собственности заключаетъ въ себѣ право приобрѣтенія во договору.—2. право приобрѣтенія собственности по давности владѣнія.—3. право завѣщанія; но право наследства не заключается въ принципѣ собственности. Рассмотрѣніе вопроса о наследствѣ.—4. Можетъ-ли быть ограничено право завѣщанія и какъ?—5. Основанія правъ собственности на землю отличны отъ правъ собственности на движимое имущество.—6. Эти основанія дѣйствительны только при извѣстныхъ условіяхъ, которыми не всегда соблюдаются, ограниченія къ праву собственности на землю.—7. Право собственности на злоупотребленія.

ГЛАВА III. Классы, между которыми раздѣляется продуктъ.—1. Продуктъ иногда раздѣляется между тремя классами.—2. Иногда онъ достается нераздѣльно одному классу.—3. Иногда же раздѣляется между двумя классами.

ГЛАВА IV. Соперничество и обычай.—1. Соперничество не является единственнымъ регуляторомъ раздѣла продукта.—2. Вліяніе обычая на ренты и на наемъ земли.—3. Вліяніе обычая на цѣны.

ГЛАВА V. Рабство.—1. Рабство и его вліяніе на рабовъ.—2. Вліяніе его на производство.—3. Дѣйствіе эманципаціи на интересы рабовладѣльцевъ.

- ГЛАВА VI.**—Крестьяне-собственники.—1. Разница между английскими и континентальными жителями о крестьянах-собственниках.—2. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников в Швейцарии.—3. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников в Норвегии.—4. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников в Германии.—5. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников в Бельгии.—6. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников на островах Британского канала.—7. Прогрессивное земледелие и благосостояние у крестьян-собственников во Франции.
- ГЛАВА VII.** Продолжение.—1. Влияние принадлежности земли крестьянам на энергию промышленности;—2. на народное воспитание;—3. на развитие предпримчивости и самообладания;—4. Значение ее в деле размножения населения.—5. Значение ее в деле раздробления полевых участков.
- ГЛАВА VIII.** Половинки.—1. Сущность и различные виды систем половичества.—2. Выгоды и невыгоды ее.—3. Разъяснение действия ее в различных странах.—4. Желательно ли ее уничтожение?
- ГЛАВА IX.** Коттеры.—1. Сущность системы коттерства.—2. В странах с чрезмерно размножающимся населением необходимым последствием коттерства бывают только номинальные ренты с земли.—3. Последнее обстоятельство не дает возможности равняться ни трудолюбие, ни бережливость, ни задержки в размножении населения.—4. Способ пользования землею работами в Индии.
- ГЛАВА X.** Средства к уничтожению коттерства.—1. Ирландские коттеры следовало бы обратить в земледельцев-собственников.—2. Неприхитивность этой мѣры при настоящих обстоятельствах.
- ГЛАВА XI.** Заработная плата.—1. Заработная плата зависит от предложения труда и спроса на него или отношения между населением и капиталом.—2. Разбор некоторых распространенных мѣръ о заработной платѣ.—3. За исключением рѣдких случаев, высокая заработная плата бывает только там, где есть задержка размножению населения;—4. в некоторых странах эти задержки установлены положительным законом;—5. в других такой задержкой бывают обычаи.—6. Надлежащая задержка в размножении населения является единственным средством упрочить благосостояние рабочих классов.
- ГЛАВА XII.** Популярными средствами против понижения заработной платы.—1. Определенный законом или обычаем минимум заработной платы с гарантией работы.—2. Необходимым условием этой мѣры должны были бы быть определенными законом задержки размножению.—3. Влаготворительная прибавка к заработной платѣ.—4. Участковая система.
- ГЛАВА XIII.** Продолжение.—1. Вредное направление общественного мнения относительно принципа населения.—2. Есть основания надеяться, что рабочие классы исправят свои понятия о размножении и поймут зависимость заработной платы от количества населения.—

3. Есть два средства для улучшения привычек рабочего населения: воспитание;—4. и обширныя мѣры для непосредственнаго возвышенія благосостоянія рабочихъ, состоящія въ колонизаціи: заграничной и внутренней.

ГЛАВА XIV. Различіе заработной платы въ разныхъ занятіяхъ. —1. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ различныхъ степеней пріятности или привлекательности труда въ разныхъ занятіяхъ.—2. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ такъ называемыхъ естественныхъ монополій.—3. Вліяніе на заработную плату класса людей, получившихъ даровое воспитаніе.—4. Вліяніе на заработную плату соперничества лицъ, имѣющихъ независимое состояніе.—5. Причины, почему заработная плата женщинамъ бываетъ обыкновенно ниже платы мужчинамъ.—6. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ ограничивающихъ законовъ и союзовъ между работниками.—7. Отрасли труда, въ которыхъ плата опредѣляется обычаемъ.

ГЛАВА XV. Прибыль.—1. Прибыль распадается на три части: процентъ, страховую премію и плату за управленіе.—2. Минимумъ прибыли и возможныя въ немъ колебанія.—3. Разница прибыли на капиталъ, происходящая отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя онъ обращается.—4. Прибыль стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ.—5. Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не составляетъ результата покупокъ или продажъ.—6. Затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣй заработной платы.—7. Норма прибыли зависитъ отъ стоимости труда.

ГЛАВА XVI. Рента.—1. Рента — результатъ естественной монополіи.—2. Никакая земля не можетъ давать ренты, если не принадлежит по плодородію или по положенію къ сортамъ ея, существующимъ въ меньшемъ количествѣ, сравнительно со спросомъ на нихъ.—3 и 4. Рента съ какою-нибудь землей есть тотъ излишекъ, который доходъ съ нея превышаетъ доходъ, получаемый съ самой худшей обрабатываемой земли или получаемый съ капитала, употребленнаго въ самыхъ худшихъ обстоятельствахъ.—5. Плата за капиталъ, употребленный на землю, есть ли рента или прибыль?—6. Рента не входитъ въ стоимость производства земледѣльческаго продукта.

КНИГА III.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА I. Цѣнность. 1. Предварительныя замѣчанія.—2. Опредѣленіе внутренней цѣнности, мѣровой цѣнности и цѣны.—3. Что разумѣется подъ общою покупательною силой?—4. Цѣнность — понятіе относительное. Общее повышеніе или паденіе цѣнности есть логическая несообразность.—5. Законы цѣнности сильно видоизмѣняются въ приложеніи ихъ къ розничной торговлѣ.

ГЛАВА II. Отношеніе спроса и предложенія къ цѣнности.—1. Чтобы вещь имѣла цѣнность, необходимы два условія: полезность вещи и трудность ея полученія.—2. Трудность полученія вещи

бываетъ трехъ родовъ. — 3. Вещи, количество которыхъ безусловно ограничено. — 4. Законъ цѣности этихъ вещей, равенство спроса съ предложеньемъ. — 5. Различные случаи, подходящие подъ этотъ законъ.

ГЛАВА III. Стоимость производства и ея отношеніе къ цѣности. — 1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться безгранично безъ возрастанія ихъ стоимости. Законъ цѣности такихъ товаровъ — стоимость ихъ производства. — 2. Ихъ цѣности опредѣляются не дѣйствительнымъ, но только возможнымъ наименьшимъ размѣромъ предложенья.

ГЛАВА IV. Окончательный анализъ стоимости производства. — 1. Главнымъ элементомъ въ стоимости производства — количество труда, затраченнаго на производство. — 2 и 3. Стоимость производства не можетъ опредѣляться величиною заработной платы, — исключая тѣ случаи, когда въ однихъ занятіяхъ плата бываетъ выше или ниже, чѣмъ въ другихъ. — 4 и 5. Стоимость производства опредѣляется величиною прибыли только въ тѣхъ случаяхъ, когда разными занятіями даютъ различную прибыль, — или когда прибыль въ разныхъ занятіяхъ требуется за неодинаковые сроки времени. — 6. Случайные элементы въ стоимости производства: налоги и цѣнность недостатка разныхъ материаловъ.

ГЛАВА V. Отношеніе ренты къ цѣности. — 1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиться безгранично, но съ возрастаніемъ ихъ стоимости. Законъ ихъ цѣности — стоимость ихъ производства при самыхъ худшихъ обстоятельствахъ. — 2. Такие товары, если они производятся въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, даютъ ренту равную разницѣ стоимости ихъ производства. — 3. Рента съ рудниковъ, рыбныхъ ловель и земель, находящихся подъ строеніями. — 4. Разные случаи, когда получается излишекъ прибыли, подобный рентѣ.

ГЛАВА VI. Краткій обзоръ теоріи цѣности. — 1. Найденные принципы цѣности, перечисленные въ видѣ ряда краткихъ положеній. — 2 и 3. Какъ измѣняется теорія цѣности, когда работники занимаются производствомъ лишь для собственного существованія или когда производство ведется невольническимъ трудомъ.

ГЛАВА VII. Деньги. — 1. Качества, которыя требуютъ отъ вещи, могущей служить орудіемъ обмѣна. — 2. Золото и серебро имѣютъ въ себѣ эти качества. — 3. Деньги служатъ лишь средствомъ для обмѣна обмѣна и не измѣняютъ законовъ цѣности.

ГЛАВА VIII. Цѣность денегъ въ зависимости отъ уравненія спроса и снабженія. — 1. «Цѣность денегъ» — есть выраженіе двусмысленное. — 2. Цѣность денегъ, при неизмѣнности остальныхъ обстоятельствъ, зависитъ отъ ихъ количества. — 3. и вмѣстѣ отъ быстроты ихъ обращенія. — 4. Разясненіе и ограниченіе этого закона.

ГЛАВА IX. Зависимость цѣности денегъ отъ стоимости производства. — 1. Цѣность денегъ, при свободномъ чеканѣ, соотносится съ цѣною металлическаго слитка, изъ котораго онъ сдѣланъ. —

2. Цѣна металлическихъ слитковъ опредѣляется стоимостью ихъ производства.—3. Какъ относится этотъ законъ къ тому, который изложенъ въ предыдущей главѣ.

ГЛАВА X. Двойная норма и вспомогательная система.—1. Возраженіе противъ двойной нормы.—2. Какъ можно употреблять два металла для монеты, не дѣлая ихъ обонхъ законнымъ платежнымъ средствомъ (legal tender).

ГЛАВА XI. Кредитъ, какъ заѣмка денегъ.—1. Кредитъ не создаетъ, а лишь переноситъ средства.—2. Какими образомъ кредитъ поощряетъ производство.—3. Кредитъ уменьшаетъ употребленіе денегъ.—4. Коммерческіе векселя.—5. Долговые росписки.—6. Депозиты и чеки.

ГЛАВА XII. Вліяніе кредита на цѣны.—1. Банковые билеты, векселя и чеки имѣютъ вліяніе на цѣны не сами по себѣ, а какъ кредитъ вообще.—2. Кредитъ есть покупательная сила, подобная деньгамъ.—3. Слѣдствія сильнаго расширенія и уменьшенія кредита. Анализъ явленій коммерческаго кризиса.—4. Векселя сильнѣе дѣйствуютъ на возвышеніе цѣнъ, чѣмъ кредиты по книгѣ, а банковые билеты еще сильнѣе векселей.—5. Но эта разница между ними не имѣетъ большой практической важности.—6. Чеки или записки на банкировъ представляютъ столь же сильное орудіе для возвышенія цѣнъ, какъ и банковые билеты.—7. Банковые билеты должны ли считаться деньгами?—8. Между банковыми билетами и другими формами кредита нѣтъ существенной разницы.

ГЛАВА XIII. Неразмѣнныя бумажныя деньги.—1. Цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, зависящая отъ ихъ количества, можетъ быть опредѣлена произвольно.—2. Если неразмѣнныя бумажныя деньги регулируются цѣною золота и серебра, то онѣ безвредны, но и не даютъ никакихъ выгодъ.—3. Опроверженіе мнѣнія, будто неразмѣнныя бумажныя деньги безвредны, если онѣ представляютъ собою дѣйствительное искусство.—4. Опроверженіе мнѣнія, будто бы увеличеніе количества денегъ оживляетъ промышленность.—5. Упадокъ цѣнности денегъ есть налогъ на товары и грабежъ кредиторомъ.—6. Опроверженіе доводовъ, высказываемыхъ въ пользу этого грабежа.

ГЛАВА XIV. Излишекъ снабженія.—1. Возможенъ ли вообще излишекъ снабженія товарами.—2. Снабженіе товарами вообще никогда не можетъ превысить покупательной силы.—3. Также не можетъ превысить и желанія потребить ихъ.—4. Источники мнѣнія объ излишкѣ снабженія и опроверженіе его.

ГЛАВА XV. Мѣра цѣнности.—1. Въ какомъ смыслѣ возможна мѣра мѣновой цѣнности.—2. Мѣра стоимости производства.

ГЛАВА XVI. Частные случаи, относящіеся къ нѣкоторымъ предметамъ.—1. Цѣнность товаровъ, которые имѣютъ общую стоимость производства.—2. Цѣнность разныхъ сортовъ земледѣльческихъ продуктовъ.

ГЛАВА XVII. Международная торговля.—1. Стоимость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнностей.—2. Международный обмѣнъ товаровъ между различными странами опредѣляется не абсолютною стоимостью ихъ производства, но сравнительною.—

4. Прямая выгода международной торговли состоит в томъ, что она даетъ успешнѣйшее занятіе производительнымъ силамъ всѣхъ странъ.—4. а не въ тожъ, что она представляетъ путь для вывоза или для барыши купцамъ.—5. Непрямая выгоды международной торговли, экономическія и моральныя, еще больше, чѣмъ прямыя.

ГЛАВА XVIII. Международная цѣнности.—1. Цѣнность иностранныхъ товаровъ зависитъ отъ условий международного обмена.—2. А эти условия зависятъ отъ уровня международного запроса.—3. Вліяніе стоимости провоза на международную цѣнности.—4. Законъ цѣнности, имѣющій силу между двумя странами и относительно двухъ товаровъ, вполне прилагается и къ большому числу странъ и товаровъ.—5. Вліяніе улучшеній въ производствѣ на международную цѣнности.—6. Изложенная теорія неполна.—7. Международная цѣнности зависитъ не только отъ количества требуемыхъ въ каждой странѣ иностранныхъ товаровъ, но и отъ средствъ производства, какими она имѣетъ для снабженія иностранныхъ рынковъ.—8. Практическіе результаты жале измѣняются отъ вліянія этого дополнительнаго элемента.—9. Отчего зависитъ стоимость, по какой извѣстная страна получаетъ свои товары.

ГЛАВА XIX. Деньги какъ ввозимый товаръ.—1. Деньги ввозятся двумя способами: какъ товаръ и какъ орудіе обмена.—2. Какъ товаръ, они подчиняются тѣмъ же законамъ цѣнности, какъ и прочіе ввозимые товары.—Цѣнность ихъ не зависитъ исключительно отъ стоимости ихъ производства въ рудникахъ.

ГЛАВА XX. Заграничные обменъ.—1. Цѣли, для которыхъ деньги пересылаются изъ одной страны въ другую какъ орудіе обмена.—2. Способъ производства международныхъ платежей посредствомъ векселей.—3. Различіе между теми колебаниями въ несельномъ курсѣ, которыя уравниваются сами собою, и тѣми, которыя уравниваются только измѣненіемъ цѣны.

ГЛАВА XXI. Распределеніе золота и серебра по торговому кругу.— Употребленіе денегъ при обменѣ не производитъ измѣненій въ ввозѣ и вывозѣ, ни въ законѣ международныхъ цѣнностей.—2. Дальнѣйшее разъясненіе предшествующей теоремы.—3. Драгоценные металлы въ видѣ денегъ имѣютъ ту же цѣнность и распределяются по тому же закону, какъ и благородные металлы въ видѣ товара.—4. Международная уплата, происходящая не изъ торговли.

ГЛАВА XXII. Вліяніе денежной системы на обменъ и на извѣстную торговлю.—1. Колебанія въ обменѣ, происходящія отъ денегъ.—2. Послѣдствія внезапнаго умноженія звонкой монеты или внезапнаго выпуска въ большомъ количествѣ банковыхъ билетовъ, или другихъ бумагъ, замѣняющихъ деньги.—Послѣдствія увеличенія количества неразменныхъ бумажныхъ денегъ. Реальный и номинальный вексельный курсъ.

ГЛАВА XXIII. О величинѣ процента.—1. Величина процента зависитъ отъ спроса и предложенія на ссуды.—2. Обстоятельства, опредѣляющія постоянный спросъ и предложеніе на ссуды.—3. Обстоятельства, опредѣляющія колебанія въ этомъ спросѣ и предложеніи.—4. Величина процента не связана съ цѣнностью денегъ, но часто

смишивается съ нею.—5. Отъ величины процента зависать цѣны на землю и на процентныя бумаги.

ГЛАВА XXIV. Регулирование развѣнчиваемыхъ бумажныхъ денегъ.—1. Двѣ противоположныя теории о вліяніи банковыхъ билетовъ.—2. Разборъ каждой изъ нихъ.—3. Актъ 1844 г. о регулировании бумажныхъ денегъ дѣйствительно производить часть благодѣтельнымъ послѣдствій, какія онѣ имѣютъ въ виду.—4. Не сомнѣно отъ него гораздо больше.—5. Нужно ли предоставлять выпускъ банковыхъ билетовъ только одному учрежденію.—6. Нужно ли охранять владѣльцевъ банковыхъ билетовъ какими либо особыми способами отъ послѣдствій прекращенія банками платежей.

ГЛАВА XXV. Соперничество разныхъ странъ на одномъ рынкѣ.—1. Причины, почему одна сторона можетъ продавать свои товары дешевле, чѣмъ другая.—3. Низшая заработная плата—одна изъ этихъ причинъ.—4. не только тогда, когда она бываетъ низка въ некоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности.—4. а не тогда, когда она бываетъ низка вообще во всѣхъ отрасляхъ.—5. 0 нѣкоторыхъ ненормальныхъ случаяхъ веденія торговли обществами.

ГЛАВА XXVI. Распределение подъ вліяніемъ обмѣна.—1. Отъ обмѣна и денегъ не измѣняется законъ заработной платы.—2. не измѣняется и законъ ренты.—3. и законъ прибыли.

КНИГА IV.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Характерныя черты общества, которое обогащается.—1. Предварительныя замѣчанія.—2. Прогрессивное движеніе общества увеличиваетъ власть человека надъ силами природы, его безопасность и способность къ созидательному дѣйствованію.

ГЛАВА II. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на цѣнности и цѣны.—1. Тенденція къ уменьшенію цѣнности и стоимости производства всѣхъ товаровъ,—2. исключая земледѣльческихъ продуктовъ и матеріаловъ, добываемыхъ изъ рудниковъ; эти товары напротивъ возрастаютъ въ цѣнности отъ увеличенія стоимости ихъ производства.—3. Но это возрастаніе по временамъ задерживается улучшеніями въ производствѣ.—4. Прогрессъ общества умѣряетъ колебанія цѣнностей.—5. Вліяніе на цѣнности и цѣны спекулянтовъ и въ частности хлѣбныхъ торговцевъ.

ГЛАВА III. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на ренту, прибыль и рабочую плату.—1. Первый случай: населеніе возрастаетъ, а капиталъ неподвиженъ.—2. Второй случай: капиталъ возрастаетъ, а населеніе неподвижно.—3. Третій случай: населеніе и капиталъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи, а производительное искусство неподвижно.—4. Четвертый случай: производительное искусство идетъ прогрессивно, а капиталъ и населеніе неподвижны.—5. Пятый случай: все три элемента идутъ прогрессивно.

ГЛАВА IV. Тенденция прибыли к минимуму. — 1. Доктрина Адама Смита о соперничестве капитала. — 2. Доктрина Уэзфилда о пользе заплата. — 3. Отчего зависят минимумы прибыли. — 4. В богатых странах прибыль обыкновенно близка к минимуму. — Дальнейшему же падению прибыли мешают коммерческие кризисы. — 6. улучшение в производствах. — 7. ввоз дешевых предметов необходимости и инструментов. — 8. эмиграция капитала.

ГЛАВА V. Результаты тенденции прибыли к минимуму. — 1. Вычет из капитала не всегда бывает национальной потерей. — 2. В богатых странах умножение машин не убыточно, а выгодно для рабочих классов.

ГЛАВА VI. Неподвижное состояние. — 1. Политико-экономы боятся неподвижного состояния богатства и населения и не желают его наступления. — 2. Но само по себе оно было бы желательно.

ГЛАВА VII. Вероятная будущность рабочих классов. — 1. Теория зависимости и покровительства неприменима к современному состоянию общества. — 2. Будущее благосостояние рабочих классов главным образом зависит от их умственного развития. — 3. Вероятными последствиями умственного развития будут: больше разсчетливости, размножения населения, — чему будет содействовать и общественная независимость женщин. — 4. В современных обществах обнаруживается стремление к устранению отношений, которые заключаются в найме с одной стороны и в выполнении работы в качестве наемника с другой. — 5. Примеры ассоциаций работников с капиталистами. — 6. Примеры ассоциаций одних работников между собой. — 7. Соперничество неизбежно, но полезно и необходимо.

КНИГА V.

ВЛИЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. О функциях правительства вообще. — 1. Различие между необходимыми и возможными функциями правительства. — 2. Многообразный характер необходимых функций правительства. — 3. Разделение предмета.

ГЛАВА II. Общие принципы систем налогов. — 1. Четыре основных правила налогового обложения. — 2. Принцип равенства налогов и его основания. — 3. Нужно ли брать в качестве налога одинаковый процент со всякого количества доходов. — 4. Нужно ли брать одинаковый процент с вѣчных и переменных доходов. — 5. Увеличение поземельной ренты, происходящее от естественных причин, должно подлежать особому налогу. — 6. Поземельный налог в некоторых случаях не — налог, а плата аренды в пользу публики. — 7. Налог на капитал не всегда вреден.

ГЛАВА III. Прямые налоги. — 1. Прямые налоги берутся или с дохода или с расхода. — 2. Налог на ренту. — 3. Налог на прибыль. — 4. Налог на заработную плату. — 5. Налог на доходы. — 6. Налог на дома.

ГЛАВА IV. Налоги на товары. — 1. Налог на все товары падает бы на прибыль. — 2. Но налог только на некоторые товары падает на потребителей. — 3. Особенные последствия налогов на пред-

жеты необходимости. — 4. Какъ измѣняются эти послѣдствія тенден-
цію прибыли къ минимуму. — 5. Вліяніе пошлинъ, налагаемыхъ
не на товаръ, а на какойнибудь способъ его полученія. — 6. Вліяніе
на международный обменъ пошлинъ съ вывоза и съ ввоза.

ГЛАВА V. Вѣкторные другіе налоги. — 1. Пошлина съ договоровъ
или контрактовъ. — 2. Налоги на средства сообщенія. — 3. Судебныя
пошлины. — 4. Налоги на покрытие хѣстныхъ издержекъ.

ГЛАВА VI. Сравненіе между прямыми и косвенными нало-
гами. — 1. Доказательства за и противъ прямыхъ налоговъ. —
2. Какія формы косвенныхъ налоговъ лучше. — 3. Практическія
правила для косвенныхъ налоговъ.

ГЛАВА VII. Национальный долгъ. — 1. Полезно ли прибѣгать къ
займамъ для покрытия чрезвычайныхъ государственныхъ издер-
жекъ? — 2. Невыгодно погашать национальный долгъ посредствомъ
общей контрибуціи. — 3. Въ какихъ случаяхъ выгодно удерживать
излишекъ доходовъ для погашенія долга.

ГЛАВА VIII. Объясненіями правительственными функциями со
стороны своего экономического вліянія. — 1. Послѣдствія
несовершенной обезпеченности личности и собственности. — 2. По-
слѣдствія чрезвычайныхъ налоговъ. — 3. Послѣдствія несовершенства за-
коновъ и судовъ.

ГЛАВА IX. Продолженіе. — 1. Законы о наследствѣ. — 2. Законы и
обычай переродства. — 3. Субституціи. — 4. Законъ обязательнаго
раздѣленія наследства поровну. — 5. Законы о товариществѣ. —
6. Товарищества съ ограниченою отвѣтственностью. — 7. Товари-
щества командитныя. — 8. Законы о несостоятельности.

ГЛАВА X. Случаи правительственнаго вмѣшательства, про-
исходящаго отъ ложныхъ теорій. — 1. Доктрина покровитель-
ства естественной промышленности. — 2. Законы о процентахъ. — 3.
Попытка регулировать цѣны товаровъ. — 4. Монополія. — 5. Закономъ
противъ соглашеній между работниками. — 6. Отъясненіе обществен-
наго мнѣнія и права его выраженія.

ГЛАВА XI. Основанія и границы системы *laissez-faire* или
принципа невмѣшательства. — 1. Раздѣленіе правительственнаго
вмѣшательства на повелительное и непопелительное. — 2. Воз-
раженія противъ правительственнаго вмѣшательства: принудитель-
ный характеръ самаго вмѣшательства, или принудительное взысканіе
денегъ на содержаніе его. — 3. Другія возраженія: увеличеніе за-
нятій и отвѣтственности правительства. — 4 и 5. Большая успеш-
ность частной дѣятельности, происходящая отъ большей заинтересо-
ванности въ дѣлѣ; важность развитія въ народѣ способностей къ
соединенной дѣятельности. — 6. *Laissez-faire* должно быть общимъ
правиломъ. — 7. Но оно подлежитъ широкимъ ограниченіямъ; и
подъ него не подходятъ слѣдующіе случаи. Случаи, въ которыхъ
потребитель не можетъ быть лучшимъ судьей потребляемыхъ това-
ровъ. Воспитаніе. — 8. Случаи, гдѣ одно лицо имѣетъ власть надъ
другими. Покровительство дѣтямъ и несовершеннолѣтнимъ; законы
объ обращеніи съ животными. Женщины не подходятъ подъ эти
случаи. — 9. Договоры на вѣчность. — 10. Управление черезъ повѣ-
ренныхъ. — 11. Случаи, въ которыхъ общественное вмѣшательство

необходимо для того, чтобы дать силу желаниям заинтересованных лиц. Примеры: условия о числѣ рабочих часовъ; заселеніе колоній.—12. Случаи, гдѣ известное лицо совершаетъ дѣйствія не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Законы о бѣдныхъ.—13. Колонизація.—14. Другіе различные примеры.—15. Правительственное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы эта частная дѣятельность вообще могла быть болѣе успѣшной.

Приложеніе.

Извлеченіе изъ трехъ статей *Morning Chronicle* (1847), служившихъ возраженіемъ Мунье и Робинсону, а также и журналу *Quarterly Review*, во вопросу о раздробленности поземельной собственности во Франціи. Въ послѣдующихъ изданіяхъ это приложеніе опущено.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

стр.	стр. св.	напечатано	слѣдуетъ читать
1	13	по временамъ,	по временамъ
50	5	мануфактурный	фабричный
69	2	вняющее	вняющее
71	19	предложикъ	предположикъ
77	27	оно	капиталь
84	18	управляютел	управляетея
99	30	исключенія	исключение
122	12	другихъ	другихъ
294	14	будеть	будить
